

СМЕРЬ

Иван Зюсюкин Отчаяние любви

Николай Леонов **Стервятники**

ТОРНЫЕ ЛЫЖИ

ФРАНЦИЯ: Валь Торанс,
Мерибель, Ле Меникур,
Валь д'Изер, Шамони.

ИТАЛИЯ: Пассе де Тонале,
Мадонна де Кампильо.

**ЧЕРНОГОРИЯ,
ЧЕХИЯ, ТУРЦИЯ,
СЛОВАКИЯ.**

АССОЦИАЦИЯ

ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

ЭКСКУРСИИ.

ФРАНЦИЯ

(Париж и Диснейленд)

АНГЛИЯ

(Лондон и обучение языку)

ШВЕЙЦАРИЯ, ИТАЛИЯ,

ГЕРМАНИЯ, ИСПАНИЯ,

ЧЕХИЯ, ИЗРАИЛЬ.

Тел.: (095) 928-48-10 (5 линий)

Факс: (095) 956-35-49, 921-01-92

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛлюстрированный журнал
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИН ДАВЫДОВ
худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 25.09.97.
Подписано и печати 05.11.97.
Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. нр. отт. 17,64.

Уизд. л. 23,10.
Тираж 62500 экз.
Занав. № 2525

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832

**Учредитель — коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса».

125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

12 (1598) ДЕКАБРЬ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 12 **НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ**
проза **СТЕРВАТНИКИ**
Криминальная повесть
- 90 **БОРИС ЕВСЕЕВ**
САДИСЬ,
ПИШИ, УМРИ...
Рассказ
- 172 **ЧАРЛЬЗ БАНСТЕР**
ГРИФОН
Рассказ
- 214 **НИКОЛАЙ КОНЯЕВ**
ДОМ
НА КЛАДБИЩЕ
Рассказ
- 242 **БРЕТТ ХОЛЛИДЕЙ**
ТАЙНА
СТАРОГО БОНСА
Детектив
- 4 **НИКОЛАЙ ШМЕЛЕВ:**
время и мы **«В ЭТОЙ**
ОБРЕЧЕННОСТИ
Я УСМАТРИВАЮ
ОТБЛЕСК
НАДЕЖДЫ»
- 78 **ЛЮДМИЛА ВИДУНОВА**
С АВОСЬКОЙ
ПО МИРУ
- 101 **ИГОРЬ ГАМАЮНОВ**
РАДИ КАРЬЕРЫ
- 158 **МАЙЯ ОРЛОВА**
ПАУК-
СТРАДАЛЕЦ
- 234 **ИРИНА САВЕЛЬЕВА**
ОН + ОН
- 110 **ОКСАНА ШАПАРОВА**
история и культура **ДОН ЖУАН**
РЕЖИССУРЫ
- 118 **ИВАН ЗЮЗИОНИН**
ОТЧАЯНИЕ
ЛЮБВИ

134 ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ
ТРОН И КРОВЬ

190 ВИНТОР ПЕТРОВ
**ВЕРТИНСКИЙ
В ШАНХАЕ**

196 ЛЕВ КАНЕВСКИЙ
**ВЕНОК
ЛАВРОВЫЙ -
ЗНАК
СТРАДАНИЯ**

На 1-м обложке:
фотохудожник АНДРЕЙ НАДИЛОВА.

А Н О Л И Н С

СЕРГЕЙ УСТИНОВ
**СТЕКЛЯННЫЙ
ДОМ, ИЛИ КЛЮЧИ
ОТ СМЕРТИ**

Герой нового романа известного писателя частный сыщик Стас Северин волею судьбы оказывается втянутым в дело о наследстве, составляющем огромную сумму — около тридцати миллионов долларов. Родственники наследодателя Дрефьева могли быть заинтересованы в его смерти и присвоении такого огромного капитала. Но Стас никогда бы не занялся расследованием этих перипетий, если бы не гибель его близких друзей — супругов Шурплиных. По версии милиции, Женя Шурплина оказалась жертвой маньяка, а писатель Нотин Шурплин покончил жизнь самоубийством, отравившись газом. Что же произошло на самом деле, и в какой неожиданной развязке подводит автор своего героя, вы узнаете, прочитав роман.

ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ
ВИНА И ЖЕРТВА

Рассказывая о своих встречах с Андреем Тарновским, автор предлагает новый взгляд на жизнь и творчество одного из самых талантливых миноритиссеров XX века.

Позднее

НИКОЛАЙ ШМЕЛЕВ:

"В ЭТОЙ ОБРЕЧЕН Я УСМАТРИВАЮ ОТБЛЕСК НАДЕЖ

НОСТИ

ДЫ"

"Что делать?" и "Кто виноват?" – два извечных вопроса на Руси. Ответ на них испокон веков с разной степенью успеха пытается найти русская интеллигенция. Но вместе со сменой поколений и экономических формаций вопросы эти вновь и вновь встают перед нами.

В числе тех, кто смог дать наиболее точный и, что не менее важно, доходчивый ответ на эти вопросы, **доктор экономики, член-корреспондент Академии наук, писатель и публицист НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ШМЕЛЕВ**. Газеты и журналы с его блистательными статьями переходили из рук в руки, выступления по радио и телевидению обсуждались едва ли не в каждом доме – наконец стало ясно, почему мы дошли до жизни такой, и появилась надежда – теперь-то уж мы знаем, как изменить ситуацию к лучшему. А когда Шмелев со товарищи вошли в состав Президентского совета, надежда сменилась уверенностью: с такими советниками власти предрекание просто не смогут свернуть с избранного пути.

Смогли. Свернули. И с советниками разошлись. А перед нами вновь встали те самые два вопроса. С них и началась наша беседа с Николаем Шмелевым. Уточню лишь, что по взаимному согласию мы поменяли их местами: сначала – "Кто виноват?" – а уж потом – "Что делать?" Назвалось, так удобнее: всегда ведь чуть-чуть проще анализировать ошибки, тем более чужие, чем предлагать рецепты их исправления. Однако в процессе разговора выяснилось, что перемена эта чисто внешняя – настолько взаимосвязаны, переплетены меж собой не только вопросы, но и – еще больше – ответы на них.

– Если пытаться по-настоящему донапываться до истоков, то цепь "виноватых" выстроится такая длинная, что начало ее скроется во тьме веков. В этом ряду придется поста-

вить и Петра I, на 150 лет задержавшего отмену крепостного права и первым, по сути, опробовавшего механизм административного хозяйствования. Я ни в коем случае не хочу зачеркивать его исторического значения, но, если вдуматься, сталинские стиль управления и методы экономического развития – лишь слепок с петровских.

Виноваты и "слиени общества" – аристократия, столетиями служившая опорой абсолютного самодержавия и пользовавшаяся его благами, в то же время почти безучастно и безропотно наблюдавшая за тем, как у нее из-под ног эту опору вытаскивают.

Виновата российская интеллигенция, долгие годы провозглашавшая необходимость перемен и единения (в борьбе за эти перемены), но так никогда и не сумевшая не только сплотиться, но и договориться между собой.

Виноваты Романовы, вязавшие Россию в губительную для нее (и, в конечном счете, для себя) мировую войну и спровоцировавшие приход к власти большевиков.

Виноваты большевики – Ленин, Троцкий, Бухарин, Сталин и, как объявляют в элентричне, "далее везде"...

Все это сформировало в народе то мироощущение (теперь его называют модным словечком "менталитет"), которое характеризуется долготерпением и почти безразличным неверием в возможность перемен и лучшему.

Виноваты и те, кто последние пять лет находится у власти, хотя я не стал бы красить в черный цвет абсолютно все, что они сделали...

– Пожалуй, тут больше подходит слово "натворили"...

– У этого слова один корень с "творчеством", а назвать творчеством деятельность гайдаровской команды и тех, кто ее сменил, у меня язык не поворачивается. Посмотрите, что они

сделали с частником – загнали в "чужонии" и в Луниничи. В результате не стоящему частнику – производителю, кооператору, а не торговцу-перевозчику – нынче живется хуже, чем при Рынкеве. А так называемый бюджетный кризис? Я совершенно убежден, что он создан, причем уже третий раз подряд, искусственно и сознательно: государство намеренно и последовательно не хочет платить по своим обязательствам, прикрываясь красивыми словами о необходимости борьбы с инфляцией. Но ведь нельзя же бороться с ней уголовными методами.

– Тем не менее, по их ли воле или вопреки ей, впервые за восемь десятилетий в стране ликвидирован дефицит всего и вся; впервые в 1917 году наконец-то создана обстановка, которая является непременным условием для оздоровления экономики – деньги заработали; вновь, пусть не во всех, пусть со скрипом, но зарождается конкуренция, без которой невозможен ни технический, ни экономический, ни социальный прогресс.

– И в то же время совершенно столько стратегических и тактических ошибок, что напрочь подорвано чуть зародившееся в народе доверие к словам и делам стоящих у власти. Причем работали порой так грубо, что иногда мне хотелось крикнуть: "Ребята, опомнитесь, ведь мы живые! Что же вы, черт побери, делаете?!"

– Кажется, именно эти слова я и слышал в одном из ваших публичных выступлений?

– Правильно, еще в 1992 году, когда начался необходимый, я бы даже сказал – неизбежный по сути, но чудовищный по методам исполнения процесс либерализации цен. К сожалению, ошарашенный мерой жестокости и цинизма, кричал я, очевидно, недостаточно громко для того, чтобы ко мне прислушались.

– Говоря о цинизме и жестокости, вы имеете в виду прежде все-

и, наверное, несостоявшуюся кампанию денежных вкладов населения?

— Конечно. Если вы помните, в юле 1991 года был принят закон, в котором в случае отпуща цен за сбережения, накопленные людьми за долгую трудовую жизнь, должны были быть соответствующим образом инденсированы. Но не дошло до дела, об этом никто мне не упомянул: забыли — будто и не было.

— Бытует мнение, что этот закон был сродни тем, что и ныне не принимают наши парламентарии по идее хорош, по жизни неисполним. Или все-таки была возможность его реализовать?

— Была, конечно. Ну, пусть не в полном объеме или не сразу — но была. Надо было только обраться к гражданам и честно объяснить, что сегодня, сейчас у государства таких денег нет. Тем не менее отбирать их никто не собирается — они, инденсированные, будут по-прежнему храниться на тех же счетах, но до поры до времени (пока государство не наберется сил) будут "заморожены". На сверхнеотложные нужды — свадьбу, похороны, да же понутку анций, если начнется анционирование предприятий, — снять, конечно, можно, а остальными — подождите, потерпите, пожалуйста.

В тот момент, я думаю, большинство государству поверило бы, могло поверить. И тогда это самое большинство не превратилось бы в одно из сторонников реформ в ярых противников, к тому же нищих и обманутых. Люди, что вполне естественно, терпеть не могут ни грабежа, ни обмана — поэтому демонстративно проиграли выборы и в 1993, и в 1995 годах, а если бы не Александр Лебедь, Президент проиграл бы и выборы 1996 года. Это все была плата за беспринципность и аморальность.

Но была еще и, так сказать, техническая сторона дела. Я имею в ви-

ду аферу с ваучерами и приватизацию, когда огромную часть государственного имущества отдали (практически задаром) в собственность тем, кто этой собственностью прежде управлял.

— Помните, все это проходило под лозунгом скорейшего возрождения частника, который, как показал мировой опыт, значительно эффективнее управляет собственностью и потому — единственный, кто может возродить нашу экономику...

— Да в том-то и дело, что частник управляет собственностью, которую сам создал или приобрел на заработанные им самим деньги. Мы же отдали ее по преимуществу халугам или неумехам. Естественно, вместо так называемых эффективных собственников — то есть, собственников, которые бы занимались своим заводом, фабрикой, вкладывали бы деньги в их развитие, — мы получили несколько кланов расхитителей, озабоченных лишь тем, чтобы побыстрее набить карман и перевести капиталы за границу.

— Но в Германии, я читал, десятки заводов были проданы и во все за символическую сумму в 1 марку...

— Германия в данном случае нам не уяз. Там речь шла о приватизации предприятий на бывших восточных землях, и цель ставилась одна — продать их хоть за гроши любому, кто возьмется на собственные средства стереть их (ввиду полной ненужности и нерентабельности) с лица земли и как можно скорее возвести новые рентабельные производства. Если бы мы пошли по этому пути, в России остались бы разве что нефтяные скважины (и то не все) да заводы, выпускающие автоматы Навалникова.

Но ведь мы не намереваемся уничтожить "Уралмаш" только потому, что он стал нерентабелен (что, кстати, тоже не бесспорно). Поэто-

му я согласен с Лунновым, который говорит: "Приватизировать будем, но не бесплатно, а за те (а, может, дане и большие) деньги, что предприятие сегодня стоит. Потому что той оценке стоимости основных фондов, что была проведена под руководством Чубайса, доверять нельзя — ребенку ясно, что она была намеренно занижена".

А что до приватизации, то, если ее вести по уму, дело это действительно недешевое, и тому же, как почти всякое серьезное предприятие, не терпящее поспешности. Богатой, преуспевающей Англии, к примеру, понадобилось на это почти два десятка лет и... несколько миллиардов фунтов стерлингов. Зато в итоге правительство за десять приватизированных компаний получило в казну около 100 миллиардов долларов, мы же — за пол-Россию! — едва ли насреблели миллиардов 10-15.

А если бы те деньги, что нанесли наши гранданы, не были бы нефисованы, а оставались бы на счетах в банке, их вполне могло бы хватить на обстоятельную приватизацию, без суеты и обмана, с упором на мелкую и среднюю собственность ("Уралмаш" и ему подобные еще двадцать лет спокойно могли бы ходить не в приватизированных, а просто в экономически самостоятельных), собственно говоря, так и идет приватизация во всем мире. У нас же сама схема приватизации получилась от начала до конца перевернутая, причем ориентирована она была таким образом, чтобы полученные в результате ее состояния можно было бы через несколько лет выдавать за законно приобретенные.

— *Недавно Чубайс, комментируя суммы, занесенные им и некоторыми его сподвижниками в налоговые декларации, объяснил: "Ничего удивительного, просто к руководству страной у нас, как и везде, стали приходить богатые*

люди. Это — естественный и позитивный процесс".

— Его, может быть, и можно было бы считать позитивным, если, повторяю, не принимать во внимание способы обретения богатства. Давайте посмотрим, на чем за последние пять лет создавались крупные состояния.

Первое — лицензия на экспорт нефти: покупаешь здесь за 10 процентов мировой цены, продаешь за границей за 80-90 процентов (именно так, чтоб побыстрее продать — недаром нас обвиняют в попытках демпингового проникновения на мировой рынок) и выручку делишь между собой, контрагентом и тем чиновником, который подписал лицензию. Достаточно было одной лицензией, чтобы за одну ночь человек мог превратиться в Рокфеллера.

Второе — льготы по импорту, которые получили Национальный фонд спорта, всевозможные объединения афганских ветеранов, Православная Церковь и т.д. Они оцениваются в 5-6 миллиардов долларов в год. Для сравнения скажу, что вся российская наука обходится казне в 150 миллионов долларов. Так что господин Тарпищев получил гораздо больше, чем все наши Эйнштейны вместе взятые.

Третье — уполномоченные банки. Все очень просто: даешь нужную банку бюджетные деньги под 5 процентов годовых, они на следующее утро скупают их клиентам, но уже под 200 процентов.

Четвертое — приватизация по Чубайсу, о ней мы уже говорили.

Наконец, пятое — разнообразнейшее воровство, от стихийного и примитивного — тащи, что плохо лежит, до канонизированного, взведенного, можно сказать, в ранг государственной политики. Ну да, к примеру, делась вся водка, на которой исполком веков деринался бюджет Российской империи? Все доходы от нее ушли подпольным производителям

или контрабандистам. Расхищение военного имущества достигло таких масштабов и степеней бесстыдства, что глаза на лоб лезут. А все эти "МММ", "Тибеты", "Холпы" и прочая всякая уголовщина, творившаяся на глазах власти, которая делала вид, что ничего не замечает?..

Короче говоря, очень трудно найти в России легальное состояние, происхождение которого не вызвало бы, мягко говоря, сомнений. А вот что касается естественности, тут Чубайс, пожалуй, прав: в том, извините за грубое выражение, бардане, который они организовали, вполне естественным выглядит их приход к вершине власти.

Меня поражают лишь три обстоятельства: их наивная вера в постулаты, вычитанные когда-то в учебниках (жизнь, как известно, не укладывается в прокрустово ложе экономических теорий); невероятная степень нестыдности (все же странно видеть столь яркое ее проявление в людях, кляцающих себя демонстрациями); и, наконец, уверенность в том, что народ — быдло, которое все стерпит и мнение которого поэтому можно не принимать в расчет. Вот почему я и другие мои коллегги, такие, как, например, покойный ныне Станислав Шаталин, поначалу от всей души поддерживавшие молодых реформаторов, столь резко разошлись с ними.

— Николай Петрович, сегодня определенная часть наших думцев требует включить печатный станок, утверждая, что лишние 300–400 триллионов рублей никакого отрицательного влияния на экономику страны не окажут. В какой-то степени им вторит г-н Абалкин, который недавно по радио убеждал нас, что эмиссия — чуть ли не естественное состояние нормально развивающейся финансовой системы. А председатель Центробанка Дубинин и уже с ним чуть ли не каждый день пугают нас страшными последствиями да-

же одноразового, краткосрочного включения печатного станка. Кто же тут прав?

— Немного эмиссии — не 300–400 триллионов, конечно, а 30–40 действительно финансовую систему не разрушат (напечатали ведь перед президентскими выборами 11 триллионов, и никто этого даже не заметил), но с первоочередными долгами расплатиться помогут. Что до Дубинина, то не следует обращать особого внимания на его публичные выступления — он, на мой взгляд, просто вынужден, подчиняясь правилам командной политической игры, иногда, что называется, Ваньку валять. На самом деле Центробанк эмиссию давно уже проводит и правильно делает: только так можно исправить последствия слепленной по учебнику монетаристской политики гайдаровской команды — тогда, если помните, эмиссии не было, а цены росли как на дрожжах. Повторяю: точечная, под строгим контролем, целенаправленная эмиссия монет оказать самое благоприятное воздействие и на экономину, и на социальный климат страны. Как только государство начнет расплачиваться по своим долгам, вновь оживут и начнут выпускать продукцию и выплачивать зарплату предприятия, а в казну станут поступать налоги. Это — как цепная реакция, как снежный ком, надо только сдвинуть его с мертвой точки. Один задействованный в экономине государственный рубль тут же рождает и вовлекает в оборот 6–7 рублей "отдачи".

Не страшно, если немного и взять в долг — но не так, как это делается сейчас: почти безоглядно, под нелепыми процентами и под диктовку Мирового банка. На этих условиях мы действительно детей и внуков своих можем загнать в такую кабалу, что и их потомки из нее не выберутся. Конечно, Россия сейчас в тяжелейшем положении, конечно, с нами обращаются иногда, как с колонией. Но ведь не настолько мы по-

тенциально бедны и беспомощны – монем и должны иногда и характер проявлять, это, как известно, лишь уважение вызывает и на пользу идет.

И, наконец, налоги – необходимо научиться их собирать. Ну разве это порядок, когда бизнесмены чуть ли не в открытую бахвалятся умением не платить налоги, когда, по некоторым оценкам, 70–80 процентов потенциальных таможенных сборов проходят мимо казны, когда нувориши строят кругом средневековые замки, не платя ни копейки налога на недвижимость?

– *Заранее прошу прощения, если следующий вопрос покажется излишне эмоциональным и, может быть, даже резким. Вы и ваши единомышленники – прекрасные специалисты, замечательные собеседники, умные, обаятельные люди. Десять лет назад – и это было как свет в окошке – вы очень доходчиво объяснили, почему мы так плохо жили раньше и как можно эту жизнь преобразовать. И мы – я говорю “мы”, потому что полно, с каким воодушевлением и готовностью следовать вашим советам читала и слушала ваши выступления практически вся страна, – так вот, мы вам и в вас поверили. К сожалению, того же не произошло с властями предрержащими. И вы, естественно, обиделись. “Ребята, – сказали вы, – так делать нельзя. Это же чистой воды бандитизм, уголовщина! Мы в такие игры не играем”. И ушли, оставив нас наедине с ними. Не кажется ли вам, что это – как бы намгиче выразиться? – не совсем интеллигентно, что ли? Иными словами – выны за собой не чувствуете?*

– Давайте разделим вопрос на две части: одну, обращенную лично мне, и вторую, более общую, – и тем, ного вы столь любезно окрестили “светом в окошке”.

Так вот – лично я по натуре своей не могу быть губернатором. В луч-

шем случае – экспертом, советником, консультантом. И какое-то время эту роль играл – если помните, почти полтора года был даже членом Президентского совета. Но никакая власть мне не по силам и никакие властные решения, – неважно, диктатура это или демократия, – связанные с необходимостью людям хребты ломать, для меня неприемлемы.

Теперь о том, что я хоть в какой-то мере могу сказать за других. Поначалу многие думали, что спрос на нас будет. Однако довольно быстро выяснилось, что сформировавшаяся после августа 91-го власть – не более чем компромисс между наиболее гибкой частью старой номенклатуры и высочными, азартными политическими игроками, которые увидели в новой обстановке свой шанс и готовы были на все, чтобы его не упустить.

– *С первыми более или менее ясно. А кто вторые?..*

– Ну, хотя бы Хасбулатов, Бурбулис, Рудной – с моей точки зрения, это случайные люди. Но... именно они заняли верховенствующие позиции. А потом (где и как – это отдельный разговор) они нашли и запустили в дело уже известную нам команду молодых “реформаторов”.

– *Пришлось искать молодых, потому что “старика” на дело не годились?*

– Безусловно. И в первую очередь – для тех методов, которыми было задумано осуществлять реформы. Пришлось, об этом я уже говорил, искать людей особого склада характера и исключительной нестности. К примеру, ни Юрий Рынов, ни Святослав Федоров (оба, кстати, члены первого состава Президентского совета) такими чертами не обладали и потому, естественно, отказались от предложений возглавить правительство.

– *Замечательная позиция вы с такими методами не согласны, поэтому ушли! А что нам, простям*

водам, делать? Вы так жить не можете, а мы можем? Ведь при вашем жизненном опыте вы понимаете (должны были понимать), кто придет на ваше место и каково будет всем остальным жить "под вами". Ну, ладно еще москвичам – их хоть кое в чем Лужков от этого государственного беспредела защищает, а как жить, во что верить, на кого надеяться тульскому учителю, алтайскому библиотекаря, приморскому ученому?

– На себя, на свой ум, практически сразу сметну – что же вы всех-то такими уж слепыми котятками выставлете? Сколько раз на выборы ходили, за кого голосовали? Вот и выбрали – недаром ведь говорят: нанятый народ заслушивает то правительство, которое имеет. Грустно? Да. Цинично? Может быть. Но что поделаешь, если так повернулась наша жизнь. И я лично ответственности за этот поворот на себя взять не могу.

– Понимаю, что лично не можете. Но, может, потому у нас и нет правительства, которому можно доверять и с которого можно спросить, что вы, старая гвардия экономистов-реформаторов, оказались вдруг все как бы "по отдельности"? В начале девяностых годов, даже при довольно широкой палитре экономических концепций и воззрений, вы выступали все-таки почти единым фронтом. А сейчас, мало того, что голоса вашего почти не слышно, такое впечатление – будто разбежались все во своим углам. Перессорились, что ли?

– Да нет, до откровенной вражды дело, пожалуй, не дошло, но некоторую разобщенность, если не сказать – раскол, вы правильно подметили. Одни действительно от обиды повернулись, извините за грубое выражение, но всему и всем задом. Другие – такие тоже есть – "прикармливаются из руни". Третьи... Впрочем, что тут говорить: объек-

тивная реальность такова (и хорошие экономисты это прекрасно понимают), что кто бы ни пришел сегодня к власти – демократы, либералы или военные диктаторы, – делать они обречены практически то же самое, что делал нынешнее правительство. Это печально, но, как ни странно, именно в этой обреченности я усматриваю и некий отблеск надежды. Грустно, повторяю, под таким нестониим прессом идти по этой дороге, но обнадеживает, что все-таки идем по ней и другой теперь, слава Богу, нет.

– А попроще нельзя объяснить?

– Можно и проще. Кто бы ни пришел к власти, но, к примеру, Ворнута рано или поздно придется закрыть – из 13 заведомо убыточных шахт останется, дай Бог, одна. Кто бы ни пришел – бани и другую рыночную инфраструктуру не развалит, настолько они укоренились в нашей экономике. Кто бы ни пришел – коммунальная реформа неизбежна. Разница только, как мы уже говорили, в методах, в степени нестониимости. Чубайс с Немцовым попробуют "провернуть" ее за год-другой, Зюганов, наверное, потратил бы лет десять. Но ведь все равно пришлось бы...

– Иначе говоря, вы полагаете, что мы уже вошли в ту колею, которой так гордятся на Западе? Например, в Италии, где за 40 лет сменилось 60 правительств, а развитие экономики все равно идет в том же направлении...

– Да, нас уже настолько захватила стихия рынка, что вырваться из нее не удастся. Кто-то может чуть ускорить движение, кто-то замедлить, кто-то слегка подправить. Но уже развернуло Россию на этот путь, и трудно помешать пройти его до конца. Поэтому не исключаю даже, что и у нынешних ушлых ребят в конце концов что-нибудь путное получится...

СТЕРВЯ

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Пролог

Серебряков Кирилл Федосеевич, мужчина лет около пятидесяти, но уже пенсионер, полковник-артиллерист, уволенный из армии из-за травмы ноги, полученной на учениях, шел ненастным мартовским вечером по Якиманке, прогуливая пуделя. Серебряков любил своего не шибко красивого песика, возможно, и потому, что любить отставнику было больше некого. Супруга скончалась еще прошлым летом, сын — капитан, служил в Ростовской области. Дочь вышла замуж и отбыла в жаркие страны по месту жительства черного мужа и нелюбимого зятя.

Полковник шел, слегка опираясь на толстую сучковатую палку, полированную, с красивой накладной надписью о верной безупречной службе и заверениями в любви офицеров полка, которыми он командовал в последние годы, и размышлял о том, что завтра непременно займется устройством на работу.

Тимошка, так звали пуделя, куда-то подевался, и полковник начал его звать, поворачиваясь в разные стороны. Внезапно из подворотни выскочила группа подростков, мгновенно заполнившая промозглую темень гиканьем и свистом.

— Вам бы тачанку, так натуральные хлопцы батьки Махно, — усмехнулся полковник, и звучало в его голосе не осуждение, а обыкновенная зависть к молодости.

Пацаны, которым было лет по семнадцать-восемнадцать, восприняли оброненную реплику иначе и окружили прохожего. Один из них, ничем не выделявшийся среди товарищей, недобро сказал:

— Чего, старый пень? А ну возьми свои большевистские слова изад!

— Гуляй, сынок! Тимоха, сукин сын, куда подевался? — вновь позвал полковник.

— С тобой вроде разговаривают! — Парень, явно вожак стаи, вошел в круг, и он, словно по команде, сомкнулся.

До этого момента полковник воспринимал происходящее с юмором. Но когда увидел белые лица и пустые глаза нападавших, испугался, затем, разозлившись, ударил главаря своей сучковатой палкой. Полковник не знал закон улицы: если ударил, должен нападавшего "вырубить", тогда можно сохранить шансы на жизнь. Уличная стая всегда труслива и, получив серьезное сопротивление, отступает. Но полковник все еще считал, что имеет дело с мальчишками, почти детьми, потому ударил вполсилы, парень даже не покачнулся.

Полковник почувствовал удар в бок и не понял, что его пырнули ножом, все еще считал, что дурацкая драка закончится миром.

— Ну все, спустили пар и хватит, — сказал он и, получив удар под коленки, упал.

Подлетел пудель, тявкнул на одного из парней. Тот нагнулся, поднял пса за загривок и воткнул ему в живот нож.

А лежащего хозяина били ногами, били расчетливо. Убивали. Они даже не понимали, что уже бьют труп. Затем бросили на грудь отставного полковника безжизненное тело пуделя.

— Побежали?

Главарь спросил:

— На чем мы закончили?

— Высоцкий, — ответил один из парней и запел:
*Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.*

Глава первая

В кабинете начальника Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России генерал-лейтенанта Орлова находились полковники Гуров и Крячко. В основном беседа велась между Орловым и Крячко, Гуров стоял у окна и курил у открытой форточки.

— Петр Николаевич, извини покорно, — четко выговаривал Крячко, — но в Москве, кроме Главка, имеются райуправления отделения милиции. Забили человека насмерть — трагедия, но ребенку ясно, что преступление совершила местная шпана. Участковые и оперативники тамошнего отделения знают такую публику в сто раз лучше нас.

Генерал сидел в кресле, прикрыв глаза и сцепив пальцы рук на животе. Он явно Станислава не слушал, ждал, когда порох у того кончится.

Станислав решил передохнуть и возмущенно взглянул на Гурова. Орлов сигнал "SOS" перехватил и ухмыльнулся.

— А я нарочно велел такие дела подобрать да сюда принести. А то в последнее время вы банкирами да министрами занимаетесь, пора на грешную землю опуститься.

— Конечно, мы последние годы работаем с верхами, — согласился Станислав, — но у нас и агентура и связи там.

Орлов кивнул, перелистал пухлую папку бумаг, лежавшую перед ним.

— Я не стану перечислять, сколько за последний год совершено уличных грабежей, изнасилований, немотивированных убийств. Вчерашняя уличная шпана почувствовала нашу неорганизованность, бессилie, собрала свои команды и творит беспредел. И если мы не дадим ей по лбу, не проявим власть, то скоро можно в Москве вводить комендантский час, объявлять осадное положение.

— Петр, ты прав, но решение принимаешь неверное. — Гуров погасил сигарету и сел на стул. — Каждый должен заниматься своим делом. Следует создать армию оперативников, участковых, следователей, которые будут знать бритоголовых отморожков в лицо и по имени, вот тогда наступит порядок. А мы вдвоем, — Гуров кивнул на Станислава, — ничего сделать не сможем. И говорить об этом — людей смешить.

— Лева, ты предлагаешь утопию, — нахмурился Орлов. — По данному вопросу существует приказ первого замминистра. Если вы срочно не раскроете несколько уличных преступлений, сбьется твоя мечта — отправишься копать огород к отцу.

— Ну, пугать меня, Петр, не следует, — усмехнулся Гуров. — Рапорт я могу подать и сегодня. И ты прекрасно знаешь, работу в Москве я найду дня через три.

— А три дня чего будешь делать? — наивно поинтересовался Станислав.

— По русскому обычаю буду с тобой оплакивать и поминать убиенных, а потом мои друзья найдут мне работу. И стану я получать больше, чем министр, и работать по свободному расписанию.

— Вам, пацанам, придется прежде на этой делянке пахать, пока меня на пенсию не выпихнут. А ты, Лев Иванович Гуров, опосля в это кресло сядешь и уж тогда узнаешь, сколько кровушки ны из меня выпили. Все! Сопещание закончено.

Генерал взял со стола папку, протянул Гурову. Когда офицеры уже были в дверях, обронил:

— Начальник МУРа и руководители прочих милицейских подразделений поставлены в известность, людьми вам помогут.

— Где твой знаменитый норов, гений? — закричал Крячко, как только они вошли в свой кабинет.

— Побереги силы, Станислав, — холодно ответил Гуров. — Иначе у тебя весь пар в свисток уйдет.

— Ты понимаешь, кого нам дадут в МУРе и в других подразделениях? Людей бросовых либо пьяниц да дураков.

— Они могут выделить кого угодно, но я возьму лишь тех, кто пахнет. Ты слушал, да не понял, что нам с тобой власть дали. А за власть, дорогой мой, люди головы кладут. А нам насильно ее всучили.

— А в заклад взяли наши головы.

— Хватит дискутировать, давай читать эту макулатуру. Начнем с убийства отставника и пуделя.

Станислав с тяжелым вздохом опустилсЯ на свое место. Гуров раскрыл полученную у генерала папку, разделил лежавшие в ней материалы примерно поровну, протянул пачку другу:

— Просмотри, затем поменяемся.

В основном это были сообщения об убийствах на улицах, разбоях, грабежах, нанесениях тяжких увечий. Бумажки содержали заявление потерпевшего, если он остался жив, либо заявления родственников убитого; редко — протокол осмотра места преступления, еще реже — опрос одного-двух свидетелей, которые чего-то такое видели или слышали. Ясно, что достать такие материалы из записок оперативников было делом простым. В старые времена за одно подобное укрывательство вкальвали "строгача", вносили служебное несоответствие, а то и выгоняли со службы. После Афганистана, Чечни, выяснилось, что никто ни за что не отвечает, спрятать заявление в отделении милиции стало делом если не обыденным, то и не слишком скандальным. Уличенные оперативники, не смущаясь, отвечали, мол, вы вначале с генералами и сотнями трупов разберитесь, а уж после снимайте с меня шкуру, что не передал заявление в прокуратуру по столь "громкому" делу.

Однако, читая заявления и скудные бумаги, опытные сыщики прекрасно понимали, что начальству пришлось крепко надавить, требуя от оперативников расстаться со своими записками.

Гуров и Станислав обменялись пашками, прочитав все, долго молчали. Одно дело читать ежедневные сводки о совершенных

преступлениях, совершенно иное — ознакомиться с таким количеством убийств, разбоев, изнасилований, когда они собраны вместе.

— Да, Лев Иванович, окопались мы в высоких кабинетах, стали большими начальниками, — произнес наконец Станислав. — И беды, горе людское остались где-то вдалеке.

Гуров, задумчиво уставившись в одну точку, не ответил, и Станислав громко продолжил:

— Ты был прав, заявив Петру, что нам с тобой лавину не останавливать. Тут по каждому заявлению следует хотя бы подозреваемого определить, свидетелей найти. Сегодня свидетеля в ментовку только в наручниках доставить возможно. А после нашего душевного разговора он из Москвы умотает, и я его пойму. У каждого лишь одна жизнь, да еще семья.

Гуров скупо улыбнулся, закурил:

— Найди Валентина и Григория, завтра поутру я их жду.

Валентин Нестеренко и Григорий Котов, отставники-менты, опытные сыщики, работали с Гуровым по нескольким делам. Но то были дела миллиардеров, и услуги сыщиков оплачивались клиентами в валюте частным образом. Сегодняшнее дело не заказывалось банкирами, сулило лишь бессонные ночи, возможность схватить пулю или нож, и все за бесплатно.

Станислав взглянул на Гурова удивленно, но послушно раскрыл записную книжку.

Гуров позвонил Орлову, получил разрешение обратиться к первому заместителю министра. Генерал даже не поинтересовался, зачем сыщик лезет в верха, дал добро и положил трубку. Тогда Гуров позвонил в приемную генерал-полковника, представился и попросился на прием. После небольшой паузы, видимо, адъютант согласовывал вопрос с шефом, сыщику ответили, что в ближайшие двадцать минут высокий генерал свободен и, если полковник успеет... Гуров заверил, что успеет, кивнул Станиславу и выскочил из кабинета.

Генерал-полковник Василий Семенович Шубин встретил Гурова в центре своего большого кабинета. Пожав сыщику руку, жестом пригласил за стол для совещаний, где стояли две чашки кофе, вазочка с печеньем и пепельница. Прием демонстрировал, что Гурова знают и ценят.

— Курите, Лев Иванович, — любезно предложил генерал. — Понимаю, задание мы вам поручили паршивое, но такова жизнь. Мы обязаны уличный беспредел остановить, да и мэр наш, хотя и мужик настоящий, а нажаловался Самому, — Шубин ткнул пальцем в потолок, — что милиция совсем мышей не ловит.

— Я, уважаемый Василий Семенович, считаю, что в конкретном случае все по справедливости, — ответил Гуров. — И людей необходимо защищать, и волю Президента выполнять. Однако мне деньги нужны. Помощь столичных ментов — хорошо, но двух сыщиков я из отставников хочу привлечь, да и на оперативную разработку дензнаки необходимы. За бесплатно сегодня ничего не получишь.

— Естественно. Подайте рапорт на имя Петра Николаевича, я резолюцию наложу и прослежу, чтобы бумажка в канцелярии не

затерилась. — Шубин взглянул на часы и поднялся: — Завтра вы деньги получите.

Гуров вернулся в свой кабинет. На вопросительный взгляд Крячко жестом показал, мол, порядок, и, сев за стол, позвонил начальнику МУРа.

— Юрий Петрович, раб Божий Гуров пристаёт, как у вас там жизнь молодая?

— Здравствуй, Лев Иванович, — ответил Зимин. — Как я понимаю, содержимое наших конюшен тебе вручили? Поздравляю.

— Спасибо, я тебя тоже люблю. Ты, наверное, слышал, я когда-то пару дней на Петровке служил. Так знаешь, в дни моей молодости мы свою работу в Министерство не спихивали. Тогда из Главка можно было только по шее получить. — Гуров сделал паузу.

— Короче, тебе нужны люди, — устало произнес Зимин. — Могу по старой дружбе собрать человек десять-двенадцать. Тебе обязательно с Петровки или можно привлечь ребят из районов?

— Для повседневной работы мне нужны два-три мужика. Только не дворняжки — волки. Лучше дай одного, только мате-рого.

— Да где ж их взять? — возмутился Зимин. — Я понимаю, кто тебе нужен. Таких на весь МУР пять-шесть человек. Какой же начальник отдела мне “волка” отдаст?

— Тогда извини, дворню я сам наберу. Я тебе, дорогой, не угрожаю, лишь ставлю в известность. На мой итоговый рапорт не сердчай, лишнего не скажу, но и врать не стану, — сухо произнес Гуров и положил трубку.

Станислав, слушавший разговор по параллельному аппарату, скривившись, сказал:

— Если начальник не может, чего от оперов ждать?

— Не брюзжи, Станислав. В наше время никому в голову не могло прийти убийство укрыть, оно было событием, а сегодня убивают, словно в прифронтовой полосе. Нет у него людей, молодец, что не врет, и я зря пригрозил, трубку бросил. — Гуров вздохнул. — Ты прав, мы слишком большими начальниками стали. Однако нам как минимум еще один человек необходим. Где взять?

— Позвони Георгию, — предложил Станислав.

— Кому? — не понял Гуров.

— Тулину. Который тебя в Троицком прошлым годом чудом не порешил, — серьезно пояснил Станислав.

— А удобно? — Гуров почесал седой висок.

— Он тебя ликвидировать нанялся, а ты его от тюрьмы спас. Обратиться за помощью, конечно, неудобно...

— Рискнем. Пошлет — пойду. — Гуров снял трубку, позвонил Георгию Тулину, пригласил заглянуть вечером на рюмку чая.

— Слушай, командир, — ответил Тулин, — я тебе, безусловно, должен, но подписываться в твои дела втемную не собираюсь.

— Какая темная, Георгий? — удивился Гуров. — Абсолютно светлая, прямая дорога, к тому же простреливается со всех сторон. Мне по той дороге необходимо пройти. Желаешь — шагай рядом, не желаешь — гуляй по грибы.

— И когда тебя убьют? — Тулин вздохнул, постучал пальцем по мембране, пояснил: — По дереву стучу, такая шуточка у нас в Афгане бывала. Значит, к тебе домой часам к восьми?

— Договорились. — Гуров положил трубку.

Станислав оттопырил большой палец, кивнул:

— Таких бойцов сейчас днем с огнем не найти. Я молодец, напомнил.

— Спасибо.

Станислав ухмыльнулся, приподнял лежавшую на столе папку с бумагами.

— А ведь материал мы получили страшенький: немотивированность многих преступлений, их разбросанность по городу. Я сделал пометки на карте города, они дают возможность предполагать, что это не единая группировка, а некая нечеловеческая общность. Так что их не подагентурить, не разработать и на горячем не взять. И доказательства по каждому фигуранту дохлые, — он схватился за голову. — В случае удачи мы возьмем троих-четверых, но в принципе картина в городе не изменится.

Гуров согласно кивнул.

— Здесь требуется иное решение. И не спрашивай меня — какое, так как я сейчас не знаю. Попытаюсь встретиться с людьми, которые, возможно, смогут помочь.

Митька-Хромой при всех властях в свободное от зоны время обитал в подвале вблизи рынка, слыл мастером на все руки. Он мог починить модельные туфли, “взглянуть” на старинные часы, изготовить ключи для сейфа. И являлся крупным авторитетом среди блатных разных мастей, хотя сам участия ни в каких делах не принимал, знал, что еще одной “ходки” ему не одолеть. К нему приходили за советом, приглашали третейским судьей.

Гуров вышел на Хромого, когда работал по убийству Игоря Турова. Уж очень профессионально были изготовлены оставленные в сейфе ключи. Оказалось, что их изготовил помощник Митьки, бывший мент, Сергей Бестаев. Но Гуров Бестаева не тронул, решив, что когда-нибудь грамотный опер и свой среди преступников человек может понадобиться.

Сыщик оставил машину в квартале от рынка, зашел в чебуречную, сел так, чтобы была видна дверь в подвал. Съев чебурек и выпив банку баварского пива, Гуров закурил. Через некоторое время в дверном проеме подвала показался Бестаев и направился к чебуречной.

Увидев Сергея, хозяйка наложила в тарелку горячих чебурек, выставила две банки пива. Бестаев забрал тарелку и пиво, двинулся на выход, и в это время Гуров тихо сказал:

— Привет, Сережа.

Бестаев беззвучно выругался:

— С утра день не заладился. Чебуреки Хромому отнесу и вернусь, а то отравка остынет.

Гуров проводил Бестаева взглядом, подумал, вот живой пример милицейского руководства. Из хорошего оперативника

благодаря самодурству изготовили квалифицированного преступника. То, что за Бестаевым имеются не только ключи от сейфа, сыщик не сомневался, иначе Хромой его рядом бы не держал.

Через пару минут Сергей вернулся. Обжигаясь, съел два чебурака, вытер об засаленные штаны пальцы, открыл банку пива.

— Ну, слушаю. — Радости в его голосе не прозвучало.

— Я без дела. Просто решил узнать, как живешь, не женился ли случаем.

Сергей хмыкнул:

— Давайте без прелюдий.

— Не веришь ты в искренность людей... — Гуров поднял на собеседника ясные голубые глаза. — У тебя трехкомнатная квартира на Тверской, парень ты видный, от девушек наверняка отбой шт. Вот я подумал, может, женился.

— Я холостой, Лев Иванович. Здоровье в порядке, девушки имеются, так что эту часть разговора считаем закрытой. Не стесняйтесь, переходите к существу.

Гурову очень хотелось поговорить с парнем, но чувствовал, Бестаев напряжен, взвинчен, потому сказал:

— Ты отойди из мастерской на часок, мне необходимо с Дмитрием потолковать. Лады?

Сергей выпил пиво, кивнул.

— Это можно. Вы собираетесь Хромого вербовать?

— Я в жизни и падал, и по голове били, однако мозги целы, Сережа, — улыбнулся Гуров. — Ты же сам был опером, знаешь, силой в нашем деле ничего, кроме неприятностей, получить нельзя.

— О чем же вы с Хромым толковать собираетесь? — В голосе Сергея звучал неподдельный интерес.

— Потом у Хромого сможешь узнать. — Гуров вновь закурил и задал неожиданный вопрос: — Вечером по улице ходишь спокойно, тебя молодые "отморозки" не достают? Они же стаей налетают... Как я понимаю, город у них поделен. Мигрируют и творят беспредел...

— Господин полковник, бьете по больному. Сам Капитан от этих подонков в голос кричит. А что с ними сделаешь? Ни организации, ни цели — только ограбить, разбить, замочить. И хоть тупые, но памятьливые. Мы одного их парня, когда он пытался с нашего клиента мзду получить, помяли, так они в наш кабак завалялись и трех наших парней замочили. Так что, им войну объявлять? "Стрелку" назначали, хотели миром договориться, не приходят. Мы их и не знаем толком. Известен Толик Агеев, спортсмен, интеллигент, вроде у них в авторитете. Разведка у нас, господин полковник, хорошо работает.

— Чего же в свои руки не возьмешь? — осуждающе спросил Гуров.

Бестаев наконец понял, что наговорил лишнего, и подал назад:

— Я к группировке не принадлежу, слухи пересказываю, через наш подвал сотни людей проходят.

— Ясное дело, — доверчиво согласился Гуров. — Ну ты предупреди Хромого, что я к нему наведуось.

Когда Гуров спустился в подвал, хозяин сидел на своем месте и под сильной лампой разглядывал только что собранный бильярдный кий, любовно поглаживая его широкой ладонью.

— Ну, здравствуйте, Лев Иванович, давненько не заглядывали. — Хромой поставил кий в угол.

— Здравствуйтесь, Дмитрий, как здоровье?

Хозяин оперся сильными ладонями о колени, нагнулся к сычку:

— Никогда не жаловался, но сейчас похвастаться не могу, — вздохнул он. — Прошлым годом полтинник отметил, так словно сглазили меня. Падла, вроде и жить не начинал, а уже под горку поехал. Несправедливо.

— Я тебе, признаться, удивляюсь. Ты мужик сильный, цельный, а встал раком и так прожить хочешь. Потому у тебя после полтинника и не заладилось. Ты своей жизнью недоволен, а признаться в этом не желаешь. Полагаешь, я не знаю, сколько ты на нарах прожил и в каком ты авторитете? Знаю, Капитан, который во главе местной группировки стоит, плевать твоего не стоит.

— Лъстишь, господин полковник. — Хозяин смахнул со лба капельку пота. — И ошибаешься, Николай далеко не дурак.

— Я с ним из одного котелка не ел. Но если он умный, то как допустил, что пацаны бритоголовые в его владениях беспредел творят? Он с людей деньги берет за покой и безопасность. А что получается? В главном кабаке господина Фролова Семена Васильевича спокойно отдохнуть невозможно. Приходят добры молодцы лет осмнадцати, громят, убивают, троих мужиков из группировки твоего Капитана жизни лишили. Если бы моих ребят убили, я бы тех убийц под землей нашел и на столбах развесил без суда и следствия. Это говорю тебе я, человек служивый, а Капитан, или, по паспорту, Русин Николай Семенович, "стрелки" назначает. Молодые на его предложение кладут с прибором. Да какой после этого у твоего умного Николая авторитет?

— Откуда ты все знаешь, Лев Иванович? Словно живешь с нами? — удивился Митрий.

— Мне казна платит: потому все знать обязан, — скромно потупился Гуров. К только что полученной информации от Бестава он присоединил сведения, добытые райуправлением по борьбе с оргпреступностью и, добавив чуть фантазии, с блеском ошеломил Митрия.

— Авторитет у Николая имеется, но ты прав, Лев Иванович, кровь своих товарищей прощать негоже.

— Я вас на расправу и войну не толкаю, — быстро перебил Гуров. — Как тебе жить, без подсказки решишь, а у меня к тебе просьба.

— Чем могу в рамках закона. Ты в своих рамках, я в своих. Говори, — склонил седую голову Митрий.

— Устрой мне встречу с Капитаном, поговорить требуется. Передай, что я о нем все знаю, разговор ничем не повредит.

— Можно. Как ты мыслишь встречу устроить?

— Просто. Оговори день и час, встретимся у Семена Васильевича в "Фиалке". Секретного в разговоре нет. Пусть его люди зна-

ит, противники могут встретиться и по рюмке выпить, может, меньше крови прольется.

Георгий Тулин, в прошлом офицер ВДВ, прошел Афганистан, на гражданке помыкался недолго и попал в руки московской мафии, где из него решили изготовить киллера. Первый и, как выяснилось, последний заказ он получил на устранение полковника Гурова. Произошло все больше года назад. Гуров никогда не держал зла на людей с "другой стороны", особенно если они были изувечены Афганистаном. Считал, личные счеты сводить с таким человеком безнравственно, да и непрофессионально. Классные специалисты всегда ценились. Главное, что на человеке крови, пролитой на гражданке, нет, а что он пытался убить Гурова, так это личное дело сыщика и афганца, и прокуратуры не касается, тем более покушение не доказывалось, судебной перспективы не имело. В тот год Георгия Тулина арестовали сгоряча за хранение огнестрельного оружия, подержали за решеткой и выгнали на все четыре стороны. Гуров его встретил, ни слова о возможном сотрудничестве не сказал, но афганец, опытом жизни убежденный, что просто так человеку свободу не дарят, понял, рано или поздно полковник объявится и второе отделение состоится.

Когда Гуров позвонил, несостоявшийся киллер не удивился, а вздохнул облегченно. Так человек, ожидающий приема у зубного врача, мужественно переступает порог кабинета, зная, что откуда от зубодера не денется, и чем раньше он тобой займется, тем быстрее с чертова кресла поднимешься.

Крячко на кухне варил картошку, Гуров и Тулин курили в гостиной.

— Работаю инструктором рукопашного боя с курсантами высшей школы милиции, платят копейки, — рассказывал Тулин. — Но два раза в неделю я тренирую охранников финансовой корпорации, на жизнь хватает.

— Не женился? Детей нет?

— Успею еще.

— Дай Бог. — Гуров кивнул. — Ты с блатной молодежью знаком?

— Да как сказать... Приходят на тренировки, но у меня они тихие. Пару раз урою на голову, руку или ногу прихвачу покрепче, так весь гонор в форточку вылетает. Физически они, даже качки, бойцы хреновые. У них один закон: кто сильнее, тот и прав. — ответил Тулин.

— Я хочу, чтобы ты в одну молодежную группировку залез и подстраховал меня изнутри. Ты как?

— Без восторга, но если надо, сделаем. Ножи, цепочки, пистолетики?

— Видимо, не без этого. Но в момент твоего сближения, пока я операцию готовить буду, важно, чтобы ты не испачкался. А это очень сложно, они чистеньких не любят и с такими людьми стараются не контактировать.

— Ясное дело, — согласился Тулин. — Если я с ними на преступление не пошел, необходимо железное объяснение.

— Я тебе справочку выдам, что за нанесение тяжких телесных повреждений ты осужден на три года условно. Потому легенда у тебя простая: над тобой срок висит, и рисковать ты готов лишь из-за больших денег. А палатка, прохожий тебе не годятся, согласен?

— Господа офицеры, стол накрыт, извольте отужинать, — весело заявил появившийся на пороге гостинной Станислав.

— Соизволим, — откликнулся Гуров.

Расправившись со скромным ужином, Тулин вытер губы салфеткой и сказал:

— Я вас понял, Лев Иванович, задание выполню. В какой район двигать, за что зацепиться?

Гуров назвал рынок и мастерскую Хромого, дал приметы Бестаева и адрес ресторана "Фиалка".

— Хорошо, буду звонить. — Попрощавшись, Тулин ушел.

Станислав убрал со стола и принялся мыть посуду.

— Марии где, снова сцепились? — поинтересовался он.

— Они мирно и в хорошем настроении отбыли на съемки. Обещали к апрелю вернуться. Станислав, ты нырять, здесь неглубоко. — Гуров тихо рассмеялся.

— Не могу я тебя понять, Лев Иванович. — Станислав взял полотенце, а Гуров налил себе стопку водки и довольным тоном сказал:

— Естественно, дорогой, ты ведь меня мало знаешь. Вот познакомимся поближе, тогда и начнешь понимать. Всею свое время.

— Молодец, Агеев, садитесь, отлично, — сказала пожилая, старомодно причесанная преподавательница литературы, делая отметку в журнале. — Не знаю, как у вас по другим предметам, а у меня вы номер один. Тянете на золотую медаль.

— Толк других медалей и не берет, — сказал кто-то из класса.

— Важно, что вы имеете собственную точку зрения, а не пересказываете старый учебник. Я во многом с вами не согласна, но это и замечательно. Вы яркая индивидуальность, не становитесь в шеренгу, не подделываетесь. Понимать писателя-современника сложно, отлитых в бронзе форм не существует.

Анатолий Агеев, атлетического сложения юноша, смотрел на пожилую учительницу серыми в желтизну глазами и терпеливо ждал, когда ему разрешат сесть за парту. Этот хорошо одетый, внешне интеллигентный парень и дал команду своей стае забить ногами отставного полковника, а сам Агеев распорол ножом верного, но беззащитного пуделя.

Он рос в абсолютно благополучной семье. Мама — кандидат математических наук, преподаватель в институте; отец при большевиках был партийным функционером среднего уровня, сегодня трудился на ниве приватизации, внедрял новые методы хозяйствования.

Семья всегда жила в достатке, ни в чем себе не отказывая. Толик учился отлично, занимался спортом, являлся врожденным лидером. Деньги у отца никогда не просил, так как имел свой пе-

точник дохода, как и свою, совершенно иную жизнь, не известную в школе и дома. Он возглавлял крупную преступную группировку, состоявшую из его ровесников.

В детстве он, как и многие, зачитывался Джеком Лондоном, но воспринимал его по-своему. Толика восхищали не мужество, бескорыстие и честность героев, а лишь их сила. Сила! Она, и только она определяет все. Родись Толик в другой стране и в иное время, из него получился бы идеальный гестаповец.

Однажды он услышал по телевизору рассказ о семинаристском прошлом товарища Сталина. Журналист поведал о многих душевных и духовных недостатках бывшего вождя народов и рассказал легенду: в юности Сосо любил сдирать с живых кошек шкуру. Делал он это для того, чтобы воспитать волю и закалить характер.

Толик был потрясен: Сталин! Которого боялся весь мир! И такое? И вдруг понял, что в основе мирового страха как раз и была несчастная, ободранная заживо киска. Только почему "несчастливая"? Разве считали несчастными древние народы тех животных, которых приносили в жертву?

Первую кошку Толик убил, содрогаясь от ужаса и отвращения. Всех последующих — легко и свободно. Когда появлялся претендент на поступление в "отряд" — его посвящали, поливая кровью трепещущего животного. Однажды Толик приказал изловить сразу десять кошек. Их убили, а отрезанные головы надели на палки и поставили в урны, на Тверской, у театра Юного зрителя, театра Ермоловой, у магазинов. Юнцы с восторгом наблюдали, как бледнеют прохожие, отворачиваясь в ужасе. Одна дамочка даже грохнулась в обморок.

"Вот так, геноссен, — сказал тогда Толик. — Сегодня мы преподнесли себе и другим урок: каждый, кто пойдет против нас, — будет сначала дергаться, а потом его голову наденут на палку и вставят в урну, в назидание слабакам". Затем зашел разговор о том, что сегодня по всей Москве действуют группировки вполне взрослые, вооруженные автоматами и пистолетами, и с ними, мол, не тягаться. Толик обвел соратников усмешливым взглядом и сказал: "Первое поручение, вам всем. Найти и проследить любого крутого, из числа шестерок, чтобы без охраны".

Такого нашли через несколько дней — качок по кличке Гнилой состоял в группе Кольчатого, те "обслуживали" Серпуховской рынок. Гнилого выследили и однажды под вечер проводили до дома. На лестнице уже ждали человек десять. Гнилой даже не успел выдернуть из кобуры свой тетешник. Его повалили, стали бить ногами, от души. Потом Толик лично вынул из кармана бритву, морщась, отрезал голову. Ее надели на палку и вставили в урну, у входа. Соседи могли заметить их и, видя беспокойство сотоварищей, Толик процедил сквозь зубы: "Они теперь моют жопы в ванной, потому как обкакались и в милицию не позвонят. Людишки — трусы и сволочи, и всякий, кто готов им вставить, — победит всех. Вы одолели свой страх. Теперь победа за нами, потому что не «калашников» ее дает, а тихое умение без слов завалить любого". Братва согласно закивала и с пением любимой песенки вожака: "Нам нет преград на море и на суше", удалась.

Милиция дела, естественно, не раскрыла. Толик посмеивался: "Менты имеют вместо голов — яйца, вместо мозга — приказ начальника. Кто со мною — не пропадет!"

Ребята смотрели на Толика Агеева, как на вождя, и слушались беспрекословно. Большинство "солдат" были несравненно ниже его как интеллектуально, так и физически. Он много тренировался, стал неплохим боксером, но собственную силу, ловкость и мастерство демонстрировал редко. Вождю не пристало опускаться до рукоприкладства. Он и командиром отряда назначил одного из приятелей. Агеева не прельщали регалии, он довольствовался реальной безграничной властью. В группировке состояло несколько ребят умственно отсталых, Толик к ним относился ровно, не разрешал товарищам неполноценных обижать, за что последние его боготворили. Шевельни Толик пальцем, дебилы не руками, так зубами готовы были разорвать любого.

Деньги для отряда добывали рядовые и ребята посообразительнее. Они грабили прохожих, стоявшие на отшибе магазина и с гордостью вручали добычу Агееву, который делил доходы среди личного состава "по справедливости".

Употреблять спиртное Агеев разрешал, но наркотики запрещал напрочь. Провинившихся избивали, порой и вождь опускал свой железный кулак на челюсть неразумного. Замеченный повторно в употреблении наркотиков из отряда изгонялся, а так как жил он в том же районе, то через месяц-другой парень приползал на брюхе, просил пощады, и его брали с испытательным сроком. В общем, дисциплине, которую установил в отряде Агеев, могли бы позавидовать военачальники.

Вечером несколько избранных, "командир" Саня и Агеев ужинали в "Финалке". Толик общих застолий не любил, потому они занимали четыре отдельных столика. Узнав о прибытии "дорогих" гостей, в зал вышел хозяин Семен Васильевич Фролов. В смокинге, галстук-бабочке под жилистым подбородком, он обошел зал, раскланиваясь со знакомыми, интересуясь, как понравилось то или иное блюдо, хороша ли водка "Довгань" или следует поискать иную, и какую именно.

Хозяин знал, кто в действительности руководит бандой, но если Толик Агеев пожелал держаться в тени — его воля. Фролов остановился у столика "командира":

— Жалобы, пожелания, молодые люди? Саня, как сегодня настроение, мебель, посуда, зеркала не раздражают? Мне не придется завтра заказывать новые?

— Уважаемый Семен Васильевич, вы нас с кем-то путаете. — Саня выпил рюмку водки. — Мы мирные деликатные люди.

— Приятно слышать. — Хозяин натянуто улыбнулся, отправился в свой кабинет и позвонил Капитану.

— Николай, у меня десяток пацанов-беспредельщиков расселись, пришли своих, требуется взять ситуацию под контроль.

— У меня все ребята на выездах, — ответил Капитан, — но один экипаж я пришлю, пусть пацаны знают, что хоть один "калашников" на них имеется.

Фролов положил трубку и подумал, что только "калашника" в ресторане и не хватает. Спрашивается, за что он Капитану платит деньги, если ему, чтобы утихомирить группу пацанов, необходимо стрелять в зале, портить интерьер, бить посуду, отпугивать клиентов? Что, с сопляками нельзя выяснить отношения в другом месте?

Капитан выслал экипаж, а в это время в ресторан вошел Георгий Тулин. Лайковая куртка плотно обтягивала его широкие плечи, черные отутюженные брюки, сверкающие ботинки придавали ему вид крутого мафиози. Обветренное, посеченное двумя небольшими шрамами лицо и отсутствующий, равнодушный взгляд завершали портрет мужчины, с которым лучше жить в мире.

Тулин сел у бара, заказал виски со льдом. Осмотрев зал, отметил присутствие отморозков, самого Толика Агеева, описание которого получил утром от Вестаева. Толик сидел за столом с двумя приятелями, один стул был свободен. Предстояло решить вопрос, каким образом на тот стул сесть.

В зал вошли трое мужчин в плащах. По тому, как шарахнулся в сторону швейцар, и по тишине, нависшей над залом, Тулин определил, что мужики из группировки Капитана.

Толик Агеев резко отодвинул стул, поднялся и направился к вновь прибывшим. Улыбнувшись и отчетливо выговаривая слова, он спросил:

— Что-нибудь не так, господа?

— Не выпендривайся, Толик, — ответил посланец Капитана. — У нас все в норме, а у вас — не известно...

— Мы молодые и законопослушные, — ответил Толик. — А вы рассказываете с автоматами.

Тулин решил вмешаться в разговор.

— Ты взрослый мужик, не доставай парня, — сказал он. — Тебя ведь не трогают.

— А ты не лезь. — Бандит расстегнул плащ, показывая автомат. — Твоего имени никто не называл.

— Так его никто и не знает, я только прохожий.

— Ну так иди к... матери, — рявкнул бандит.

Тулин нанес два рубящих удара, правой — одному, левой — другому. Два тела грохнулись на пол. Тулин снял с них автоматы, положил на стойку.

— Железо передай хозяину, — обратился он к бармену. — Вернет по принадлежности. — Затем помог третьему бандиту поднять товарищей на ноги и проводил их до машины. Вернулся в зал, где его встретил Толик.

— Спасибо, но мы бы справились с хамами и сами, мы не такие беспомощные, как выглядим. Не откажетесь сесть к нам, выпить рюмку?

— Можно, — согласился Тулин, — я сегодня только откинулся из крытой, в Москве порядком не был, мне все чудно.

Они сели за столик Агеева, перезнакомились, выпили. Через некоторое время Толик спросил:

— Извините за любопытство: за что вы сидели?

— Вежливый, — ухмыльнулся Тулин. — Небось, предки богатенькие, сам в институте?

— Отец с матерью зарабатывают нормально. А я только весной школу заканчиваю. Потом поступлю в институт с военной кафедрой, в армии неохота служить.

— Все не рвутся, но кому-то приходится. Я вот Афган прошел, от Чечни увернулся. Заскочил в столицу на старый Новый год, так надо такому случиться, вышел от друга в ларек за пузырьком, меня чуть на тротуаре иномарка не сбила. Я кулаком по стеклу. Выползают из машины два квадрата, хотят прибить. Я с похмелья был, злой, ну и вложил им от души. А после оказалось, что иномарка какого-то депутата. И началось. Два месяца в Бутырке под следствием продержали. Суд — цирк, да и только. Я в клетке сижу, “буфеты” показания дают. Судья красотка попала, острая такая, спрашивает у них, как это получается, вы в охране работаете, а сами себя защитить не в силах. Затем красотка принялась за меня, мол, боевой офицер, должно быть стыдно калечить мирных граждан, и заявила — чтобы обезопасить окружающих, получите два года условно.

— Тяжелая у вас рука, — сказал Толик, раздумывая, как бы такого бойца в отряд привлечь. Схватка с Капитаном и его парнями неминуема. Боевой офицер — находка, но с папанами связываться не захочет.

Тулин понял, о чем размышляет сосед, и помог ему:

— Чую, сегодня в Москве в одиночку да без работы, денег и жилья трудно придется. Я к корешу приехал, а он с женой на Север умотал. Подамся в Подольск, там у меня друзья по Афгану живут, помогут.

— Можно и в Подольск, но лучше остаться. Мы, хоть и молодые, но на первых порах квартиру устроим, рублем и девочкой обеспечим, а там видно будет, — сказал Толик.

— Спасибо, конечно, только что именно будет видно? — Тулин плеснул себе водки. — На дело я не пойду, мне тюрьма не понравилась. В ней сыро, холодно, голодно, решетки кругом. Вы, молодые, наверняка куски рвете, мне такое не годится.

— А вы человек взрослый, вас никто никуда не тянет, — ответил Толик. — Переночуете, переспите ночь с отличной девочкой, утром на ясную голову и решите.

Тулин изобразил задумчивость, затем произнес:

— Уговорил. Только не держи меня за придурка. Раз такую жизнь предлагаешь, значит, имеешь корысть.

— Имею. — Агеев улыбнулся, подозвал своего парня, приказал: — Отвези его к Анне, пусть примет по высшему разряду, а завтра утром ждет меня в гости.

Гуров поднялся в семь. Около часа мучил себя силовой гимнастикой и шептал нехорошие слова в адрес людей, которые якобы без утренней зарядки жить не могут. Затем принял контрастный душ, побрился, опрыскал физиономию французским одеколоном, который ему подарила Мария. Ненормальный я человек, рассуждал он, болтаясь по пустой квартире. Мария рядом — и раздражаюсь, чувствую себя стесненно, нет ее, — словно папан без мамы. Он допивал вторую чашку кофе, когда зазвонил телефон.

— Привет, командир, — послышался ленивый голос Тулина. — Поздравь, классную девчонку подцепил, ночевал у нее. Познакомился с душевными ребятами. Современные дружные мальчишки, а Толик Агеев еще и умен. Пригрели, обласкали, спрашивается, зачем ты мне нужен?

— Только головная боль, — поддержал Гуров. — Девчонку поцелуй за меня в попку. Я ушел на службу, звони, — он положил трубку. Силен Георгий, людям нравится, себя умеет подать, цены такому помощнику нет, рассуждал сыщик, направляясь к машине.

Как ни рано Гуров пришел на работу, в кабинете уже находились Станислав и старые сыщики Нестеренко и Котов.

Гуров поздоровался, занял свое место за столом и спросил:

— Ребята, вы в курсе задания?

— В общих чертах, — ответил Нестеренко. — Я считаю решение подобной проблемы нашими силами нереальным. Нужна кропотливая работа в отделениях, райуправлениях...

— Ты опытный, трезво мыслящий опер, Валентин. — Гуров взглянул на Котова. — Гриша, что молчишь?

— Сказать нечего. — Котов достал платок, высморкался. — Вы, Лев Иванович, уже все решили, командуйте. Наше дело — выполнять, да под нож и пули не подставляться.

— Кое-какие соображения у меня действительно имеются. Они не в ладах с нравственностью и моей совестью, но об этом позже, — сказал Гуров. — Под одну группу отморожков я человека подвел, но таких групп в Москве много. Ваша задача определить их дислокацию, получить установочные данные на главарей. Уверен, будете работать не ногами, а головой. Все необходимые данные имеются в компьютерах райуправлений, возможно, и в одном месте — в Управлении по борьбе с организованной преступностью. Гонористым ментам объясните, что выполняете приказ первого зама министра Шубина.

— Извини, Лев Иванович, — заговорил молчавший до этого Станислав. — Тебе, безусловно, известно, что ни потерпевшие, ни свидетели показаний на данную публику не дают. И как бы ты с нравственностью и своей совестью ни обращался, положение не изменится.

— Мне известно. — Гуров кивнул оперативникам. — Выполняйте.

— К вечеру доложим, — ответил Нестеренко и вышел из кабинета следом за Котовым.

Гуров разложил на столе документы.

— Станислав, давай попытаемся не трепаться и немного поработаем.

Толик Агеев, хорошо одетый, с выправкой гвардейца и лукавой усмешкой на лице, вышел из подъезда своего дома, закурил и мгновенно преобразился. Фигура его обмякла, движения стали расхлябанными, улыбка исчезла. Он сплюнул сквозь зубы на стену дома и потащился по улице, загребая вихляющими ногами по лужам. Вскоре к нему присоединилась его армия. Когда группа вышла на парковую аллею, их было уже человек двадцать. Не

разговаривали, не смеялись, двигались молча, неся перед собой волчью злобу и опасность. Они еще никого не тронули, а парк мгновенно опустел. Замаячил милицейский патруль и тут же растворился в сумерках.

— Присядем, — обронил Толик.

— Скамью разверните! — приказал командир.

Тут же массивную скамью перенесли с одной стороны аллея, поставили напротив другой, образовав "купе". Расселись. Два парня вынули из сумок бутылки. Толику и командиру вручили стаканчики, сами пили из горлышек. Выпив виски, Толик сказал:

— Нам необходимо решить, либо мы самораспускаемся, либо готовимся к схватке с мужиками Капитана. Какие будут мнения?

— Драться! Драться! Поубиваем мужиков, они оборзели! — раздались выкрики.

— Что смелые, рад. — Толик закурил. — Но силы не равны. В рукопашной, на ножах и цепях мы против них не годимся. Если дойдет до стрельбы, то совсем дохляк. Сколько у нас стволов, командир?

— Пять боевых и три газовых.

— А у мужиков только "калашниковых" штук семь, о пистолетах не говорю. Мы без серьезной подготовки и руководства профессионала никуда не годимся. Вчера вечером, кто в "Фиалке" был, видел одного профи, он двумя ударами уложил двух козлов Капитана. Я с ним познакомился, человек с условным сроком, без денег и друзей. Афганец. Сейчас у Анны прилег, я конкретно разговора с ним не имел.

— Извини, Толик, но бойцу-афганцу мы даром не нужны, — сказал парень по кличке Змей. — Какой бы он ни был супер, против группировки Капитана ему не выступить.

Одной из сильных сторон характера Толика было умение признать свою неправоту. Он вздохнул, смачно выругался.

— Ну, прав ты, Змей, прав. Не пойдет боевой офицер на чужую войну, да и пацаны мы для него. И нас ему не обучить, на то годы требуются, а мы желаем все получить сегодня.

— Лучше вчера! — вставил кто-то.

— Мой совет. Жить как живем. В "Фиалке" не появляться, дорогу Капитану и его парням уступать. Я с афганцем разберусь, его Анна придержит, а там будет видно.

Капитан лишь в глазах пацанов-отморозков был мужиком, а по жизни просто молодой бандит двадцати семи лет от роду. Кроме рэкета, он вел торговлю водкой, имел солидный доход, которым делился с окружением. Люди его уважали и побаивались. С соседними группировками Капитан жил мирно, мелкие недоразумения разрешал не на "стрелке", а за ресторанным столом. Но как заноза, которая не давала спать спокойно и начинала парывать, были пацаны-беспредельщики, или так называемые "отморозки". Капитан уже разговаривал с знакомыми ментами, давал деньги и указывал адреса главарей. Но и купленный мент все же ходит под прокуратурой и законом. Доказательств нет, свидетели

и потерпевшие показаний не дают. Даже отловить пацанов и просто отлупить их в отделении некому. Рядовые да и сержантский состав прекрасно знают, как малолетки злы и мстительны, отлупишь, так в вечернее время стаяй навалятся, костей не соберешь. У многих ментов жены и дети, спать переставешь. Вроде пустячная проблема, но решить ее Капитан не мог. А пацаны грабили и увечили припозднившихся прохожих, гостей курируемого ресторана, подрывали его, Капитана, авторитет.

Капитан спустился в подвал к Митьке, стал просить совета.

— Переловить и поубивать? — спросил он в конце разговора. — Как первого заловишь, завяжется война. Кроме того, они начнут мстить моей клиентуре. Присоветуй, Дмитрий, ты вор в законе, человек многоопытный.

Хозяин отложил инструмент, вытер руки полотенцем, недовольно хмыкнул:

— Я, Коля, в законе, когда с равными беседую да за колючкой. А тут я лишь мастеровой, хромой мужик, не более того. Было время, была другая жизнь, сейчас все иное. Совет могу дать. Крепко на стуле сидишь, не свалишься?

— Не пугай, я не мальчик.

— Ну смотри, ты юноша, крепко никогда не битый... А совет такой: переговори с полковником Гуровым. Есть такой опер-важчик из Главка. Он в жизни рубля не взял, мужчина серьезный, с нашим братом справедливый. Ты таких не встречал. — Он подумал и добавил: — Я тоже не встречал.

— Так о чем же я с таким волком калякать стану? — удивился Капитан. — Он меня знает?

— Не сомневайся. Гуров всех знает, и сложности твои ему хорошо известны.

— Он что, с тобой советовался?

— Ты, молокосос, лишних вопросов не задавай! — рассердился Митька. — Ты спросил, я ответил. Тебе нужен в районе порядок? Гуров о людях печется, хочет, чтобы они ходили по улицам спокойно.

— Так ведь опасно, с меня же первого шкуру и снимет, — задумчиво произнес Николай.

— Снимет. Если будет за что, так обязательно снимет, — усмехнулся Митька. — Но важняка твоя водочная торговля да мелкий рэкет не интересуют, он себя на пятаки не разменивает. Сегодня за тобой ничего нет, встречайся, расскажи все, как мне. Если он захочет помочь, все сделает, не захочет — крутить не станет, скажет прямо.

— Как же я его найду?

Дмитрий поднялся, прошел в глубь мастерской, принес пухлое портмоне, достал пачку визиток, найдя нужную, протянул гостю:

— Позвони, там и рабочий и домашний, можешь сослаться на меня. Карточку вернешь, она дорогого стоит, я тоже живой и по земле хожу.

Капитан разглядывал визитку, качал головой:

— Ну и длинный ты мужик, Митя. Навешал мне на уши, а я рот разинул, тюльку проглотил.

— Ты когда на встречу пойдешь, оденься в лучшее, Гурон дорогие костюмы уважает.

Как Толик и ожидал, окрутить афганца Анне не удалось, однако он заметно помягчел. Девчонка вилась вокруг него, словно кошка. Георгий и оглаживал ее, как зверька, ласково и слегка небрежно.

Толик зашел в гости днем. Тулин встретил его радушно. Когда Анна при виде высокого гостя засуетилась, афганец ее оставил:

— Девочка, тебе в парикмахерскую сходить не требуется?

Анна, смеясь, ответила:

— Я могу ванну принять и дверь плотно закрыть.

— Умница, действуй. — Тулин взглянул на часы, сказал: — Толик, мы даем зарок для того, чтобы было что нарушать. — Он достал из шкафа бутылку коньяка, рюмки, нарезал лимон. Подняв свою рюмку, кивнул: — И вам не болеть. — Закусив лимоном, продолжил: — Теперь рассказывай, зачем тебе понадобился старый гладиатор?

— Вы не женщина, не набивайтесь на комплименты, — ответил Толик. — Расцвет сил и мастерства... Завидую.

— Совершенно напрасно. Все непомерной ценой оплачено, жизнью товарищей. А что сам живой, заслуга не моя, так карта выпала. — Тулин вновь наполнил рюмки. — Не размазывай по тарелке, говори о деле.

Толик рассказал о сложившейся в районе обстановке, закончил с пафосом:

— Хотим мы этого или нет, но будущее принадлежит молодежи.

— Свежая мысль. Но никто и никогда власть не отдавал добровольно, ее можно только отобрать силой. Моя фамилия не Матросов, я на амбразуру не лягу.

Толику не понравился сложившийся разговор. Афганец держался вежливо, но в его тоне звучало неприкрытое пренебрежение. Агеев к такому отношению не привык, потому разозлился.

— Вы прожили кровавые, но красивые годы... Мы тоже хотим и ждать не намерены, — резко заявил он.

— Не желаете — не ждите. Хватит силы и ума, отнимешь власть у Капитана. А не сможешь, не ной и помощи не проси. Я на паперти не подаю, — с улыбкой ответил Тулин. — Попробуй переговорить с ментами, но не думаю, чтобы они с вами объединились. Им Капитан ни к чему, но и вы тоже, как прыщ на жопе.

— Хамите?

— Лишь констатирую факт, — спокойно заметил Тулин.

— Оставим, — очень по-взрослому сказал Толик. — Имеете планы на вечер?

Тулин пожал плечами.

— Погода не балует, но если вечер выдаться приличный, приглашу хозяйку на ужин. Позже, возможно, погуляем. У вас рядом роскошный парк.

— Один и без оружия? — усмехнулся Толик. — Вы, случайно, не больной? Скажите, где будете ужинать, я за вами зайду. Обой-

детесь без приключений. У нас одинокую пару могут и менты грабануть.

— Не пугай. Я, кроме вашей “Фиалки”, ничего не знаю. Хотя частных кафе навалом, но, думаю, девушке захочется и потанцевать. Так? — Тулин посмотрел вопросительно.

— “Фиалка” не наша, а Капитана, потому мы решили туда не ходить. Но зайти за вами я, конечно, могу. Часиков в десять?

Действительно, ровно в десять в “Фиалке” появился Толик. Настороженно осмотрел зал и подошел к столу, за которым пили кофе Анна и Тулин.

— Добрый вечер, вас подождать? — спросил он.

— Присядь, я только расплачусь, — ответил Тулин.

Через несколько минут они вышли на улицу, вскоре оказались на центральной, тускло освещенной аллее парка. Тулин сразу заметил, что их сопровождает группа человек из пяти, минут через десять впереди замаячили силуэты.

— Все твои? — поинтересовался Тулин.

— Местные парни, скажем так. Я пользуюсь у них некоторым авторитетом.

— В дни моей юности они назывались бандой, нынче обзывают благородно — группировкой. Ментов настоящих на вас нет, в былые годы таким шустрякам быстро бы вправили мозги.

Толик понимал, что афганец умышленно злит его, проверяет характер, потому отмалчивался, изредка поддакивал, мол, все верно, менты перевелись, приструнить молодых бандитов некому. Анна, не понимая, что происходит, молчала, прижималась к Тулину.

По обеим сторонам аллеи черной стеной стояли деревья, походившие на декорации. Неожиданно в стороне раздались крики, сначала женский, затем мужской, топот, свист, затем все стихло.

— Какой нормальный человек полезет в такую темень? — рассуждал Тулин.

— От остановки троллейбуса к метро ближайший путь лежит через парк. Людям лень давать здоровенный крюк, потому рискуют, иногда им везет, чаще нет, — равнодушно заметил Толик.

Из чащобы на аллею выбрались два парня, отряхнувшись, словно собаки, двинулись к Тулину.

Через минуту на аллею высыпало человек двадцать. Толик смотрел на афганца с интересом. Парни группировались метрах в тридцати от них. Готовились к нападению. На таком расстоянии вожака разглядеть они не могли.

— Девку оставьте, мужики подходите по одному! — выкрикнули из стаи. — Сдать часы, бумажники, вывернуть карманы.

— Ты их уймешь, или это мне сделать? — спросил Тулин, застегивая “молнию” куртки под горло.

— Раз вы такой сильный и смелый, попробуйте, — предложил Толик.

Тулин внезапно схватил Толика за рукав, резко дернул на себя и крутанул, оказавшись у него за спиной. Обхватив могучей рукой горло парня, он повел его к отморозкам, бросив через плечо:

— Анна, держись рядом.

Толик дернулся, но ослабить захват не смог. Афганец его поднял, и Толик шел на цыпочках, дыша с присвистом.

Банда не понимала, что происходит. Тулин подошел к ним почти вплотную и с силой швырнул полузадушенного Толика в толпу. Тут же выхватил из нее высокого и крепкого парня, мгновенно развернул, намертво зажав тому горло. Наконец пацаны очухались:

— Толик? — завопили они. — Прости за ради Бога!

— Заткнитесь! — гаркнул Тулин. — На счет "раз" я сломаю вашему парню позвоночник, "два" возьму другого заложника. Убирайтесь, чтобы духа вашего не было. Зайдете сзади или обважите стволы — пеняйте на себя.

— Все, парни, идите, — сказал пришедший в себя Толик. — Мы вас проверяли. Подумайте, можем мы с кем воевать или обждем.

Когда они остались втроем, Тулин хлопнул Толика по плечу.

— Молодец, ты настоящий вожак. Надеюсь, не затаил на меня злобу?

Толик молча пожал афганцу руку.

Гуров и Капитан сидели в одном из кабинетов ресторана "Филалка". Обслуживал их сам хозяин, который гостя не знал, но по поведению Николая понял: эlegantный мужик с холодным красивым лицом и внимательными голубыми глазами — фигура козырная. Да и тот факт, что Капитан сменил свою джинсу на добротный костюм, даже надел галстук, лишь подтверждал предположение хозяина. Опытный ресторатор смотрел на незнакомца с уважением, понимая, если этот мужик пойдет Капитану навстречу, то жизнь заведения значительно улучшится.

— Лев Иванович, я слышал столько комплиментов в ваш адрес, что, признаюсь, считал вас фигурой вымышленной, — сказал Николай.

Гуров не ответил, сдержанно улыбулся, решил, что не станет помогать собеседнику вопросами. Сам на встречу пригласил, пусть сам и выкручивается.

— Совсем достала меня сопливая молодежь. — Николай, наконец, понял, хватит ходить вокруг да около, пора сказать о главном. — Признаюсь, в недалеком прошлом я вопрос решил бы самостоятельно. Дал бы команду, пацанов перестреляли, словно куропаток. Но я не хочу подставлять своих людей. Я ведь сам стрелять не пойду и в любом случае останусь в стороне.

— Значит, подобное решение в принципе вы не исключаете. — Гуров отодвинулся от стола, вытянул длинные ноги.

— Исключаю, иначе вам не позвонил бы. Сами подумайте, зачем мне засвечиваться, если я готовлюсь совершить преступление?

— Вы полагаете, что сегодня недостаточно засвечены? — усмехнулся Гуров. — Я вас знаю, как облупленного... Просто доказательств нет. А наша беседа ничего не прибавит и не убавит. Добуду доказательства — посажу, моргнуть не успеете. Что конкретно вы от меня хотите?

— Как каждый честный налогоплательщик, хочу защиты от беспредела, хочу мирной жизни и покоя. Я могу вам подсказать, кто руководит пацанами.

— Спасибо. Мне люди известны, но, к сожалению, доказательств нет. Вы же знаете, потерпевшие либо в милицию не обращаются, либо показаний на насильников не дают. Замкнутый круг. — Гуров закурил. Капитан чувствовал себя дискомфортно и думал о том, что такой матерый зверь, если упрется, то доказательства добудет и посадит, чихнуть не успеешь.

— Если вам пацаны известны, повстречайтесь с первой пятеркой, предостерегите. Лев Иванович, вы человек известный, с репутацией, может, они вас испугаются. — Николай разговаривал с ментом, чувствуя свою неполноценность. Полковник иалучал некий энергетический импульс силы и уверенности, внашал страх.

— Возможно, я и сумею на беспредельщиков воздействовать, но, боюсь, они на встречу не согласятся. А если и придут, начнут сразу стрелять, а я этого не люблю, да и, признаться, боюсь. Жизнь одна, другой не выдают. Однако попытаться можно. Мы не заинтересованы в арестах и посадках, нам необходимо остановить уличную преступность.

— А киллеры вас не волнуют? — съязвил Николай.

— Волнуют. Только они составляют меньший процент от вала преступности. Хорошо, я по своим каналам наведу мосты с Агеевым, а там видно будет.

— Вы о Толике знаете? — удивился Николай. — Он же великий конспиратор.

— Он маленький засранный фюрер. А я знаю действительно много. К примеру, мне известно, какой вы предпочитаете завтрак, каких женщины, какой марки автомобили. Знаете, когда алкоголик завязал, самое главное, чтобы он не сорвался и не запил. Так что держитесь. Если мне сообщат о вашем срыве, разговоры окончатся, и тогда пощады не ждите.

Нестеренко и Котов за двое суток добыли имена, фамилии и клички лидеров уличных группировок. Данные на Толика Агеева и его ближайшее окружение оперативники занесли на отдельную страницу. Сложив все бумажки в папочку, положили ее на стол Гурова. Сыщик изучал материалы долго, словно фамилии, клички и адреса могли ему чем-то помочь. Котов и Нестеренко дремали, сидя за ничейным столом, который стоял слева у стены. Наконец Гуров закрыл папку, положил на нее сцепленные в замок руки и сказал:

— Хвалить вас, коллеги, не за что. Работа нормальная и не более того. Картина вырисовывается удручающая. Количество фигурантов пугает. Сомневаюсь, что даже в случае успеха мы сумеем повлиять на такую массу отморожков и беспредельщиков. Группировки обособлены, связи между ними едва проглядываются. Но иного пути у нас нет, будем работать, надеяться, что жизнь нам подскажет интересное решение. Попытаемся разложить группировку Агеева, иного пути не вижу.

Котов и Нестеренко переглянулись, никаких связей между группировками они не видели, хотя и были опытными операми.

— Занимайтесь Агеевым и его ближайшим окружением, — продолжал Гуров. — Нужных свидетелей вы не добудете, но, возможно, какую-то слабину найдете. Наркоман, игрок, запутавшийся в долгах, серьезная любовь — меня интересует буквально все. В группировке Агеева работает Георгий Тулин, к нему не приближаться, но вопросы о нем нужно задавать, иначе ваше поведение его расшифрует.

— Лев Иванович, он наемный профессиональный убийца, иужели вы ему верите? — спросил Нестеренко.

— Валентин, жизнь течет, все меняется, — ответил Гуров. Неожиданно добавил: — Отправляйтесь-ка вы по домам. Отобедайте, примите душ, поспите. На полудохлых лошадях не ездят. — Гуров поднялся. — А к вечеру начинайте. Пацаны меня не знают, однако оброните, что деятельностью "мальчиков" заинтересовался полковник Гуров. Возможно, они обеспокоятся, и кто-нибудь из старших их просветит, что заинтересованность Гурова грозит тюрьмой.

Глава третья

Георгий Тулин продолжал жить у Анны. И надо сказать, девочка расцветала прямо на глазах. Георгий оказался первым в ее жизни настоящим мужчиной: сильный, спокойный, опытный, иногда даже ласковый. Толик, перед которым она буквально благоговела, мгновенно превратился в щенка-двортерьера и словно бы растаял, скрылся за горизонтом.

Утром Георгий встал рано, когда Анна проснулась, принес ей поднос с кофе, стаканом сока и бутербродом с копченой севрюгой. Сев в кресло рядом, смотрел, как девочка поглощает завтрак.

— Ты, Анна, ко мне не привыкай, — заявил он. — Я холостой, свободный, но не твоего романа. Я скоро уйду. У меня другая жизнь, и я совсем не такой хороший, как тебе кажется. Конечно, после слюнявых щенков и торопливого траханья на мокрой скамейке я показался тебе невесть кем, но... я обыкновенный взрослый мужик и не более... Положение у меня для семейной жизни не годящееся, могут посадить либо убить.

— Георгий! — Анна влюбленно смотрела на него.

— Да знаю я, знаю! — Он снисходительно улыбнулся. — Гамлет я, принц Датский. Проходили... На то она и жизнь, чтобы проходить и меняться.

— Я никогда, никогда, — произнесла девушка. Но тут раздался звонок в дверь, и появился Толик.

Хмурый и собранный, казалось, он явился не в гости, а сориться. Уведя Георгия на кухню, закрыл дверь и спросил:

— Вы знаете, кто такой полковник Гуров?

— Возможно.

— Вчера у нас объявились два сыскаря. Ходят, вынюхивают, вопросы задают. Мы узнали, что они люди этого полковника. Интересно, что ему нужно? Скажите, вы с ним встречались?

— Не доводилось, однако слышан. — Тулин пожал плечами. — Он служит в Главке угро, занимается особо опасными. Как мне кажется, пацанами интересоваться не должен. Но если ты поймал не пустой слух, то ваши дела хреновые.

— А где мне о нем узнать поточнее?

— В зоне или в крытой, — усмехнулся Тулин. — Хотя... Ты Хромого, что в подвале у рынка, знаешь?

— Свой человек, — похвастался Толик.

— Господи, ну что мне с вами, пацанами, делать? Запомни, Хромой никому не свой человек, а уж тем более пацану. Он точно знает полковника Гурова, если захочет с тобой разговаривать, то попросит.

— Да куда ж он денется? — самоуверенно заявил Толик.

— Огреет палкой по хребту да выгонит. И ты никуда не денешься. Знаешь, какие люди за ним стоят? Не тебе чета, малозетка. Капитан со своей артиллерией против Хромого не пикнет.

Толик устроился в углу подвала Хромого. Пил кока-колу, ждал, пока мастер освободится. Тот точил зажатую в тиски какую-то хитрую железку. Наконец закончил, вытер руки о фартук и повернулся к гостю.

— Что тебе Гуров, какое к нему дело? — усмешливо спросил Митрий.

— Да он мне сто лет не нужен. Вчера у нас появились два старых сыскаря, вынюхивают. Так мне шепнули, что это люди Гурова.

— Плюнь и забудь. Полковник-важняк Главка ерундой не занимается. До меня слухок дошел, он два года назад Президента спас. Вот такой у Гурова уровень. — Хромой махнул рукой. — Иди, спи спокойно.

— Ну а если сыскари действительно этого важняка?

— Все равно, иди и спи спокойно. Когда гроза надвинется, не мечись, как мышь перед родами. Гроза от тебя не зависит, ты ее отвести не можешь.

— Получается, я для серьезных ментов никто? — Толик зло прищурился.

— И слава Богу, сынок. Живи и радуйся, но если станешь для них фигурой, считай, жизнь кончилась, началось ожидание. А когда придут, возьмут и в камере запрут... О! Вдохнешь свободу, когда суд приговор вынесет. Вот тогда все и закончится. Ты мне верь, я знаю.

Слов Хромого Толик не слышал. В мозгу, как дятел, долбила мысль: "Ты для серьезного мента никто".

Внимательно посмотрев на парня, Митрий криво улыбнулся:

— Жизнь твоя, ты ей хозяин. Желаеть мою дорожку пройти, топай, мало не покажется.

— Спасибо, что вразумили. — Толик дрожащей рукой сунул пустую бутылку из-под кока-колы в карман. — Так я пойду.

— Иди, — равнодушно ответил Хромой, вновь повернулся к тискам и взял напильник.

Поднявшись по узкой лестнице, Толик вышел на улицу. Звучит, я лишь сопляк, и мне противника выше участкового не положено, думал он, шагая между цветочницами. Ну что ж, жизнь покажет, кто есть кто.

Григорий Котов пришел домой рано, около девяти. Жена, палогрудая и румяная, всплеснула руками и метнулась на кухню. Пока она хлопотала у плиты, Гриша постоял у детской кроватки, любуясь крохотным существом, которое всем, всем, всем, а главное формой носа, пошло в папу. От существа изумительно пахло. Никакая "Шанель" не могла сравниться с чистым, сладковатым запахом новой, недавно родившейся жизни.

Потом они ужинали, потом любили друг друга, а потом заснули одновременно, как и положено влюбленным.

Многоопытный опер не знал, что привел за собой "хвост". Два худосочных парня с нездоровой кожей лица, блеклыми глазами, выдававшими в них наркоманов, были с утра без дозы. Пошатываясь у дома, взглянули на два окна на третьем этаже. Вычислили квартиру, поднялись на площадку...

Утром, как обычно, оперативники положили рапорта на стол Гурова. Сыщик изучал их, словно археолог, которому привесли нечто удивительно интересное с раскопок гробницы Тутанхамона. Перечитав донесения дважды, Гуров уставился в окно, затем тяжело вздохнул:

— За сутки в районе вновь произошло пять грабежей и одно изнасилование. Сколько потерпевших в отделение не обратилось? Сколько заявлений опера спрятали? — он сделал небольшую паузу и продолжил: — Двоих взять. Этого и этого. — Сыщик подчеркнул фамилии и клички двух парней из группировки Агеева. — Станислав берет и крутит вот этого парня на вербовку, на короткую связь. Парень наркоман, свою болезнь от Толика скрывает, стало быть, серьезного давления не выдержит. Станислав, из парня не получится приличный агент, потому используем его, словно разовый шприц. Валентин и Григорий, берете второго, привозите его сюда завтра поутру. Хочу с парнем потолковать. Все понятно? С Богом!

Оперативники вышли. Станислав лениво пристегнул кобуру, собрал и разобрал пистолет. Молчал, но чувствовалось, был явно недоволен заданием.

— Ничего, господин полковник, потопашешь ножками, а заодно понюхашешь запахи отделения милиции, — весело произнес Гуров.

— Не дождетесь. Ключи подайте, пожалуйста, от конспиративной квартиры. — Станислав присел на край стола.

— Ты понимаешь, что на такой вербовке нельзя засвечивать квартиру. — Но все-таки Гуров протянул ключи.

Станислав положил их в карман, достал из шкафа ветровку. Открыв дверь, через плечо обронил:

— Куда же нам с суконным рылом да в калашный ряд?

Только за ним захлопнулась дверь, ожил телефон, звонил Тулин.

— Георгий, ты там любовью занимаешься или работаешь? — спросил Гуров.

— Совмещаю, Лев Иванович. Я с отморозками не хожу, у меня на тюрьму аллергия. О грабежах знаю, свидетелей не имею. Живу тихо, не дергаюсь, мой час придет.

— Надеюсь, — сухо ответил Гуров.

Положив трубку, Тулин усмехнулся. Он давно решил, что убьет Гурова. Еще в прошлом году. И чем больше благородства проявлял Гуров, тем тверже становилось решение афганца. Дважды ему представлялась возможность покончить с ненавистным сыщиком, но опытный боец выжидал. Понимал, какие силы стоят за полковником-важняком. Он постоянно думал о Гурове. И, не склонный к самокопанию, отчетливо понял причину своей ненависти. Полковник был таким, каким он, Тулин, мечтал стать. Но не стал.

Когда Гуров позвонил ему и пригласил к участию в операции, Тулин понял — ситуация складывается в его пользу. Столкновение отморозков с полковником неминуемо. Произойдет огневой контакт, а уж чью пулю схватит знаменитый и благородный сыщик, никто никогда не определит. Следует только аккуратно выполнять полученное задание. Вести себя последовательно, чтобы у Гурова не появились опасные мысли. Он умен и осторожен. Чертовски умен и чертовски осторожен. Ничего, маленький глупый фюрер Толк Агеев доведет сыщика до белого каления, и тот сделает опрометчивый шаг. Последний шаг. Дальнейшее зависит от самообладания, а уж его Тулину не занимать.

Станислав выловил своего парня у рынка. Полковник двинул мальчика по тонкой шее и на глазах изумленной публики швырнул его в свой "мерседес". Приехав в центр города, Станислав припарковал машину и завязал задержанному глаза. Уложив его на заднее сиденье, шепнул:

— Будешь дергаться, сделаю больно.

— Не буду, — обреченно проскулил парень.

В конспиративной квартире Станислав снял с задержанного повязку и сказал:

— Присядь, Гена, я приготовлю кофе, — и ушел на кухню.

Гена по кличке Блондин, долговязый и белобрысый, казалось, мухи не обидит (Станислав располагал о нем иными сведениями), оглядел огромную комнату, обставленную шикарнейшей мебелью. В прежние времена, которые хорошо помнил полковник Крячко, о подобной квартире оперативники и мечтать не могли. Она принадлежала не бедной пенсионерке, как в былые времена, а крупному коммерсанту, который предпочитал жить в краях более теплых и спокойных. Сдавать квартиру и получать за нее деньги хозяйину и в голову не приходило. Но в сохранности ее коммерсант был заинтересован, поэтому предоставил в распоряжение МВД.

Станислав принес кофе, поставил на мраморный столик, открыл коробку шоколадных конфет. Опустившись в атласное кресло, сказал:

— Начнем не торопясь. Расскажи, Гена, где родился, с кем живешь, чем занимаешься. Старайся меньше врать...

— Как мне вас называть? — спросил Блондин.

— Господин полковник. — Станислав откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, невольно стараясь походить на Гурова. Предыстория и жизнь парня Станислава абсолютно не интересовали, но он знал, подобный вопрос Гуров обязательно задал бы.

— Господин полковник, чего зря время терять? — Парень пытался держаться независимо.

— Станислав приоткрыл глаза, включил магнитофон и не ответил. Геннадий облизнул пересохшие губы, скрывая дрожь, сжевал пальцы, откашлялся и поведал о своей короткой девятнадцатилетней жизни. Он не врал, но о криминале умалчивал.

— Почему не в армии?

— Белый билет, здоровье подорвал.

— Когда ты с Толиком Агеевым познакомился и бандитом стал?

— Наговаривают, такое доказать требуется.

— Станислав хохотнул.

— Да если бы я доказать смог, мы с тобой в другом месте беседовали. И ты бы не кофеик попивал, а сидел бы у параша, опегушенный... Так что не взбрыкивай, а радуйся жизни.

— Значит, задержали меня без санкции прокурора? Беззаконие, — не унимался Гена.

— Парень, моей власти достаточно, чтобы задержать тебя на семьдесят два часа. — Голос Станислава стал жестким. — Еще одно коленце выкинешь, я тебя в камеру водворю, а через сутки продолжим. Поверь, хоть в сутках лишь двадцать четыре часа, они тебе очень длинными покажутся.

— Не надо, я отвечу. — Гена взял чашку уже остывшего кофе, но руки так дрожали, что он чашку до рта не донес, поставил на место. — С Толиком я подружился два года назад, лично преступлений не совершал. Господин полковник, разрешите закурить?

— Попробуй.

— Спасибо. — Парень достал из кармана пачку "Мальборо", но вынул из нее не фирменную сигарету, а самокрутку. Станислав приподнялся, отобрал самокрутку, понюхал и отложил в сторону.

— Не понимаю, — удивился он. — В группе дисциплина, наркотики запрещены, виновных жестоко наказывают. Неужели Толик слепой, не видит ни твоих рук, ни глаз?

— Господин полковник, мне требуется... Вам же лучше, я стану разговорчивее.

— А ты знаешь, что мне требуется? стакан хорошего виски да ласковая душистая девчонка. А я с тобой, поганцем, разговоры разговариваю. Терпи и рассказывай, складно получится — отдам твою дозу. А нет, так не взыщи.

— Господин полковник, курну разок, все как есть выложу, — заскулил Гена.

— Не торгуйся, не на базаре, да и ломки у тебя еще нет. Думаю, только часа через четыре начнется. Что за Толиком конкретно? Кого, где, при ком он своими руками порешил?

— Толик — фигура, рук не пачкает. Ему достаточно сказать, сразу десяток добровольцев объявится. А за сказать у нас не са-

жают. Правда... — В глазах Блондина мелькнул страх. Станислав шестым чувством понял: что-то чертова наркомана гнетет, скорее, воспоминания страшные... — Правда, байку травят... В свое время, чтобы братву приучить, Толик велел забить кошек, что ли. Им головы поотрезали, значит, и в урны повтыкали...

— Это все? — сузил глаза полковник.

— Кабы... — вздохнул Блондин. — Я позже у них оказался... Так рассказывают, ответработника они завалили, из исполкома. Или артиста, ну, неважно — кого... Может, крутого...

— Подожди-подожди... — Станислав вспомнил про давний мертвый всяк: труп, голова отрезана, торчит на палке в урне. Кошались-ковырялись, так ни на кого и не вышли, и отправилось дельце в архив. — А ты знаешь подробности? Можешь расспросить?

— Нет, нет и нет! — Блондин заволновался. — У Толика, знаете, как? Один вопрос — одна дырка в голове и оркестр — у кого, правда, бабки есть. Нет. Я жить хочу, как сказал Пушкин.

— Начитанный, — протянул Станислав. — Черт с тобой. Пиши расписку.

— Какую?

— Не придуривайся. О сотрудничестве. Тебе же лучше будет. Пересажаем Толиных онанистов, может, еще и поживешь. Знаешь, я тебе смогу — как секретному нашему сотруднику — оказать медицинскую помощь. — Станислав подмигнул ему и улыбнулся.

— Ладно, — кивнул Блондин. — Я как бы рассчитываю... Диктуйте...

И на листке специальной бумаги он написал, что обязуется сотрудничать, помогать, выполнять и хранить тайну. Полковник прочитал и снова подмигнул:

— У нас говорят: разложить изнутри. Ты — внутри. Советы — наши, а дело — общее. Все понял?

— Нет, — занервничал Блондин. — Это все ваша наука. А я — человек простой.

— Привожу пример. Ты осторожно говоришь подельникам, что Толик любит это дело и вообще — тухлятина.

— Гы-ы... — заулыбался Блондин. — Да кто поверит?

— А ты укажешь братве место и время. Не всем. Самым молчаливым, которых потом никто не заподозрит.

— Ну? — заинтересовался Блондин. Глаза у него загорелись.

— И все увидят, как Толик стонет в объятиях от восторга. Ну? И что будет?

— Разбежится братва... — Блондин смотрел на Станислава с восторгом.

— Что и требуется доказать, — подытожил Станислав. — Но ты не горюй, мы такое незаконное хоть и можем организовать, но не станем. Мы с тобой что-то другое придумаем и победим. Теперь можешь удовлетворить свою похоть. — Увидев по глазам, что парень не понимает, разъяснил: — Давай зажигай напоследок эту гадость..

Схватив самокрутку, Блондин прикурил, затянулся. В квартире потянуло сладковатым дурманом.

— Ну, я думал, анаша, — удивился Станислав. — А ты уже до опия дошел. — Он забрал у парня расписку и доверительно сказал: — Я не полковник, ты не бандит, мы обыкновенные люди. Скажи, Гена, на что ты рассчитываешь? Здоровье у тебя слабое, от опия и сильные быстро погибают... Впереди у тебя дорога в казенный дом. Я не гадаю, я знаю. Ты же разумный парень. Как свою жизнь планируешь?

Глаза Блондина подернулись пленкой, затем стали ясными. Станислав заглянул в них и передернул плечами. Такой зарежет при первой возможности. Страшное дело.

— Я до старости, как вы, господин полковник, жить не собираюсь. “Капитанскую дочку” читали? Помните, какую байку самозванец Гриневу сказывал? Об орле и вороне?

— Значит, ты орел! Ну-ну. Теперь, орел, у меня к тебе конкретная просьба...

Станислав высказал свою “просьбу”. Затем довез новоиспеченного агента до его района, развязал глаза, высадил у метро и отправился в Министерство.

Кабинет оказался занят. Гуров беседовал с парнем, которого привезли Котов и Нестеренко. Они толклись в коридоре, не зная, чем заняться. Увидев Станислава, обрадовались.

— Я Льва Ивановича уважаю, но, — Нестеренко тяжело вдохнул, — черт знает, о чем с пацаном второй час разговаривает.

— Терпи, у гениев свои привычки, — ответил Станислав.

— Господин полковник, мне необходимо домой подскочить, — сказал Котов. — Сестренка жены приезжает, надобно разместить. Такое возможно?

— Валяй, только позвони и сообщи, где находишься, — ответил Станислав.

Вскоре Гуров закончил беседу с парнем из группировки Агеева. Тот, обрадованный, ускакал. Станислав занял свое место, протянул Гурову полученную от Блондина подписку о сотрудничестве:

— Советую бумажку выбросить. Парень больной, наркоман. Удивляюсь, как его Агеев терпит.

— В жизни всякое случается, — философски заметил Гуров. — Судя по всему, Толик мужчина умный, раз терпит, значит, имеет резон.

Тренькнул телефон, трубку снял Станислав.

— Слушаю.

— Котов. Я дома, срочно приезжайте. Я уже вызвал бригаду МУРа, хочу, чтобы вы взглянули. — Голос у Гриши был безжизненный.

У подъезда дома, где жил Котов, стояла оперативная машина, две кареты “скорой помощи”, толкались напуганные люди.

Гуров остановил “пежо” в переулке. Сыщики вошли во двор, встали в сторонке. Работала выездная бригада. Из подъезда вышел пожилой доктор с чемоданчиком в руках. Доктор работал в МУРе третий десяток лет, прекрасно знал и Гурова, и Крячко, сразу подошел к ним, закурил. После паузы сказал:

— В проклятое время живем или в проклятой стране. Калеку в инвалидной коляске зарезали, видно, свидетелем оказался. И

женщину с ребенком, крохой. Документальные ленты о фашистах — наша повседневная жизнь.

— Мать твою! — Станислав длинно выругался. — Гришка, его семья. Он свихнется. Его необходимо увозить, устраивать в госпиталь.

Из подъезда выносили носилки, простыня на одних пузырялась. Оказалось, что труп парализованного вынули из коляски, а ноги у него не разгибались.

Гуров и Станислав приблизились к толпе, Гуров срывающим-ся голосом произнес:

— Люди, разойдитесь по домам... У нас тоже нервы, и мы вооружены.

Любопытные шустро убралась. Из подъезда вышел Григорий Котов. Гуров впервые увидел, как оперативник курит. Глядя в сторону, Котов сказал:

— Не моих. Сестренку Насти с ее дитем. Но виноват я. Меня выследили. Вы, Лев Иванович, у меня оружие отберите...

— Обязательно. Станислав, займись, твоя мысль о госпитале совсем не дурна. — Гуров взял доктора под руку, отвел в сторону. — Знаю, необходимо вскрытие, но ты мужик опытный, скажи, что думаешь.

— Всех зарезал один человек, опытный. Возможно, опасная бритва, либо отличной заточки финка. Убийца среднего роста, сильный. Полагаю, их было трое, возможно, одна женщина. Но тут я лезу на чужую грядку. Спрашивай эксперта и оперов, они уже всю работу делают.

Совершенно неожиданно из подъезда вышла Мария. Подойдя к сыщику, она ловко отогнала его в сторону.

— В съемках перерыв, я прилетела два часа назад. Гриша почему-то сначала позвонил нам домой, вот я и приехала.

— Спасибо, Маша.

— Настя с сынишкой у соседей, у Гриши в комнате кроватки, словно на бойне. Я пойду квартиру убирать, полы мыть.

Гуров взял актрису за руку, довел до машины и запихнул вовнутрь. Сев рядом, достал из бардачка фляжку коньяка:

— Хлебин, поможет.

Мария не хлебнула, а выпила добрую половину. Отерла рот ладонью, размазав помаду, Гуров повернул зеркало заднего обзора так, чтобы она могла себя видеть. Мария быстро и ловко привела себя в порядок, спросила:

— Знаешь, кто?

— Знаю, кто дал команду, — ответил Гуров и неизвестно кому сказал: — Значит, сила смеется над всем? Ну-ну, мальчики. Я вам не прокурор и не присяжные.

Мария, увидев побледневшее лицо Гурова, почувствовала озноб и вновь приложила к фляжке. Остатки протянула сыщику.

— Спасибо, Маша, но мне сейчас пить нельзя. Пойдем. Узнай у ребят, можно ли приступить к уборке.

Естественно, у Толика Агеева на время убийства было железное алиби. Да Гуров и не сомневался, что главарь лично в страшном преступлении участия не принимал. В голове сыщика крути-

лась лишь одна мысль — зачем отморозки пошли на кровавое дело, какую получили выгоду?

Он осмотрел место преступления, познакомился с молодым следователем прокуратуры. Тот ничего нового не сообщил, кроме многозначительного замечания, что следствие будет курировать сам помощник прокурора Драч. Сыщик предчувствовал, что ничего они по убийству не схватят. Преступление, несмотря на его кажущуюся спонтанность и необоснованность, тщательно продумано, и выявить в группировке двух-трех конкретных исполнителей практически нереально, а уж собрать доказательства тем более.

С разрешения следователя женщины занялись уборкой. Однако сколько не три, скреби и прибирай, а как тут Настя почевать станет, неизвестно.

Гуров сидел в машине, ждал Марию и думал: зачем? кому выгодно? с какой целью? Станислав увез Гришу Котова и на связь не выходил. Если Гришу хотя бы на пару дней госпитализируют, то к лучшему. Но он наверняка не согласится, вернется к Насте и сыну. Гришу, безусловно, выследили, и произошла утечка информации, что опера работают на Главугро. Где и в чем он ошибся, что Котов так страшно заплатил? Все источники утверждают, что вожак группировки Анатолий Агеев, — парень цивилизованный. И на тебе: море крови. Почему? Съездить к Хромому, потолковать? Может, Серега Бестаев подбросит какую мыслешку? Ясно одно: ошибка совершена, и пока он, сыщик-важняк, не разберется в мотивах убийства, двигаться дальше невозможно. И не потому, что опасно, а потому, что он изначально ошибся в оценке Агеева и его отморозков.

Вернулась Мария.

— С Настей соседки остались. Я там лишняя, — заявила она. — Уверена, ты не держишь на меня зла, я человек эмоциональный.

— Пустое. — Гуров тронул машину. — Заскочим домой, ты будешь распаковываться, а я приму душ и вернусь в контору.

Мария закурила, после долгой паузы спросила:

— Встречаются немотивированные убийства?

— Сколько угодно, но сегодняшнее не из их числа. Совершенно точно.

— Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Просто знаю. Как ты преображаешься в Марию Стюарт? Становишься другим человеком и все, объяснений нет. Тут и опыт, и техника, и талант, вдохновение, злость... Нет, это очень даже мотивированное убийство. Нам повезло, убийцы ошиблись, зарезали не тех, кого им заказали.

— Повезло? — Мария чуть не задохнулась от возмущения. — Ты совсем с ума сбрендил.

— Обязательно. Если работаешь ассенизатором, сколько ни мойся, все равно дерьмом пахнет.

Гуров припарковался у дома, вспомнил, что дорогой не проверялся, переложил "вальтер" в карман пиджака и вышел из машины. Пригляделся к прохожим, к потоку машин и впервые в жизни понял, что хочет кого-нибудь убить.

Когда он вышел из душа, было уже начало десятого. Сыщик позвонил Петру.

— Я сейчас подъеду.

— Где ты был столько времени, черт тебя подери! — взорвался Орлов. — Шубин не уходит, ждет...

— Так мне сначала к тебе или к нему?

— У Шубина на погонах больше звезд... Я подожду тебя. Лева, только не забывай, что разговариваешь с первым заместителем министра.

Гуров положил трубку, коснулся сухими губами волос Марии.

— Запри дверь на засовы и никому не открывай.

Гуров вошел в кабинет генерал-полковника, официально доложил о прибытии, обращаясь к хозяину по полному званию. У стола для совещаний примостился Орлов, судя по всему, Петр явился, приготовившись к роли громоотвода.

— Присядьте, Лев Иванович. — Шубин кивнул на место рядом с Орловым. — Я не спрашиваю, где вас столько времени носило, догадываюсь, не цветочки собирали, однако о начальстве забывать не следует.

— Я о вас думаю круглосуточно, но у меня на место преступления жена приехала. Я ждал, пока она квартиру вымоет, затем домой отвез, — ответил Гуров, не обращая внимания на недовольное лицо Орлова.

Шубин сухо произнес:

— Поймите, мне неприятно выслушивать доклад начальника МУРа в то время, когда инициатором разработки являетесь вы, полковник Главка.

— Если вам все доложили, то мне добавить нечего. Я завтра напишу рапорт, генерал-лейтенант Орлов наложит резолюцию, а вы, генерал-полковник, примете решение.

— Лев Иванович, что вы собираетесь предпринять? — Шубин сел напротив Гурова, подтолкнул ему пепельницу.

— Я ошибся в оценке этих ублюдков. Мой план операции следует менять. Сейчас я к ответу не готов. — Гуров вздохнул.

— Выпить хотите? — неожиданно спросил Шубин.

— Хочу, но не буду. Спасибо.

— Не за что. — Шубин встал. — Удачи. Рапорта подадите, когда освободитесь.

— Ты что высидиваешь? А ну марш домой! — напустился Орлов на своего секретаря. — Полуночица, тебе замуж давно пора и рожать! Приготовь нам по чашке кофе и выметайся! Я тебе дам свою машину.

Когда они получили кофе, Орлов вынул из шкафа бутылку виски:

— Лева, ты держался неплохо, но все время на грани фола. Выпьем и выкладывай.

Свои сомнения Гуров уложил буквально в несколько коротких фраз.

— Тебе не двадцать лет, ты человек со здоровой психикой. Так какого черта ставишь себя на место отмороzków, пытаешься их

понять, предугадать их действия? Тебе этого не дано. Я могу высказать лишь предположения: твои действия оскорбили пацана Агеева, унизили. Он самоутверждается, доказывает себе и окружающим, что не пешка, не шестерка, а карта козырная.

— Генерал не знал, что, выстрелив вслепую, попал в десятку.

— Не играй с ним, не разгадывай, прими его правила. Покажи ему силу, размажь по асфальту. Глупости, что они живут по законам джунглей. Там правила существуют и очень жесткие правила.

— Не пойму, ты призываешь меня ответить беспределом? Прокуратуру я обману, а себя, тебя? Они же мальчишки!

— Российские мальчишки в тяжелые времена ложились под танки, а не резали женщин, детей и калек.

— Я тебя не совсем понимаю... Ты мне заранее выдаешь индульгенцию? — удивился Гуров.

— Не передергивай, — раздраженно ответил Орлов. — Они совершеннолетние бандиты и убийцы. А ты опер угро, так действуй согласно закону. Останови беспредел, а не думай о том, сколько лет преступнику.

Утром Толик Агеев вышел на улицу, и по тому, как шедший навстречу участковый быстро перешел на другую сторону, понял, о случившемся уже известно. Его сторонились уже давно, но сегодня это чувствовалось особенно отчетливо. По нормальной человеческой логике Толик должен был насторожиться, что убийство, совершенное в другом конце Москвы, мгновенно связали с ним, Анатолием Агеевым. Он же самодовольно улыбался. А ведь два дня назад говорили, мол, сопляк и мелко плаваешь, серьезные люди и внимания на тебя не обращают. Обратили? И что? Не старые времена, когда можно было на основании стука схватить человека, затащить в подвал и ломать ему ребра. Вы так хотели демократии, господа, что извольте соответствовать.

Он зашел в квартиру к Анне. Георгий предложил гостю кофе, наполняя чашки ароматным напитком, сказал:

— Спасибо, что пригрел. Анка девчонка отличная, но я скоро съеду, здесь становится слишком горячо. Может, ты еще не слышал, — он взглянул насмешливо, — здесь два дня сыскари полковника Гурова суетились...

— Да я сам вам о том и говорил, — перебил Толик.

— Сыскари что-то нищут... Но вчера в квартире одного из сыских женщину и ребенка зарезали и калеку в коляске тоже порезали. Видно, видел лишнее.

— А где это, у нас? — спросил Толик.

— Нет, далеко, на краю Ойкумены. Так ведь сыщик не дурак, последние дни он вынюхивал здесь. В квартире ничего не взято, грабеж отпадает. Значит, месть. Либо твои парни, или мужики Капитана. Но он, я слышал, от криминала отходит, лезет в бизнес, ему лишняя кровь не нужна. Да он и мужик головастый, сообразил бы убийство грабежом прикрыть.

— А вы, Георгий, откуда все знаете? — как бы между прочим поинтересовался Толик.

— Сюда в восемь утра два гонца от Капитана заявили, спрашивали, где я вчера около шести вечера находился. Я допросы не люблю, нервный, одного пришиб, второй все и рассказал, — пояснил Тулин.

— Они по совместительству в ментовку стукачами устроились?

— Агенты так грубо себя не ведут. Капитан о своем бизнесе беспокоится. Ему убийства ни к чему. Мне присоветовали место жительства сменить.

— Если вы соскочите, то станете первым подозреваемым, — рассудил Толик.

— В смысле не одни придурки да пьяницы служат, — ухмыльнулся афганец. — Прежде чем мой след брать, они моим вчерашним днем поинтересуются. А я вчера с Анной в "Фиалке" целый день обретался. Ты сам-то чист?

— Я не дебил — кровь не люблю. Об убийствах от вас первого слышу! — возмутился Толик.

— В прокуратуре расскажешь подробнее, тебя точно не обойдут.

— А девка где? — спросил Толик, думая о том, что совершил крупную ошибку, приказав ничего из квартиры не брать. Он стремился только нагнать страху.

— Я велел Анне вещички собрать, она со мной уезжает, — сказал Георгий и удивленно добавил: — Вот не думал, что присохну к общаковой девке.

— Чужое брать без разрешения грешно, — назидательно произнес Толик. — Люди не поймут. Вы, конечно, сильны, слов нет, но против лома нет приема, могут подстрелить.

— Угрожаешь? — Тулин напряг тяжелые руки.

— Не дай Бог! — воскликнул Толик. — Я хотел помощь от вас получить, да не выходит. Сейчас по-дружески предупреждаю. Что Толик Агеев группу контролирует, бабская болтовня. Все выдумали, накрутили, конечно, я авторитетом пользуюсь, не спорю! Но этим дебилам я не начальник. Они людей порезали, меня никто не спрашивал. И в вас могут выстрелить от скуки, от страха, ради забавы. Я вам настоятельно советую сразу не уезжать.

На самом деле уезжать Тулин и не собирался, у него были другие планы. Сделав вид, что задумался, он, словно очнувшись, быстро спросил:

— Значит, все-таки убили твой?

— Не знаю! — Толик ударил себя в грудь. — Не знаю! Но как вы описываете, действовали отморозки. Может, и местные, может, из другого района.

— Я бы на твоём месте встретился с полковником Гуровым. Он, конечно, твоим байкам не поверит, однако разговор должное впечатление произведет, и он в тебя особо упираться не станет, — как бы рассуждая, произнес Тулин.

— А как я его найду? И пойдет ли он на встречу?

— Найти его просто. Звонишь ноль-два, говоришь, что необходимо переговорить с дежурным по Министерству. У дежурного просишь номер полковника Гурова, мол, имеешь сообщение.

— Он меня вербовать начнет.

— У тебя звездная болезнь. Пока конкретного материала не дашь, ты не интересен.

— За совет спасибо. — Толик замаялся. — Вы с отъездом обождете?

— Раз просишь, обожду, — неохотно согласился Тулин.

У подъезда Толика поджидал один из парней Капитана. Он распахнул перед ним дверцу "шестерки".

— Привет, Толик, тебя просят заглянуть в "Фиалку", разговор имеется.

— Тебе, Лец, скоро четвертак, а все на посылках, — сказал презрительно Толик, усаживаясь на заднее сиденье "Жигулей".

В "Фиалке" его сразу провели в кабинет, где в одиночестве шла водку Капитан.

— Присаживайся. — Он промокнул потное лицо салфеткой. — Загудел я... Совсем не вовремя. Хотя запой к месту не случается.

— Здорово, командир. — Толик сел напротив, налил себе минералки. — Чем могу?

— Хоть видом ты и культурный, а сука безмозглая! — Капитан снова выпил. — Зачем на Солянке людей порешил?

— Ты выражения подбирай! Не секретарь райкома, сам обыкновенный бандит. Водкой-самопалом прикрылся, налоги платишь, полагаешь, в Думу изберут и все забудут? Я к твоей Солянке никаким краем! Сыскарь засветился, адрес выяснили, семью и порешили, меня не спрашивали.

— Лапшу варить следует, а не на уши всем развешивать. Ты один умный, остальные из деревни приехали? Хорошо хоть, что твои дебилы бабу с дитем перенутали, не семью сыскаря вырезали, а родственников порешили. — Капитан задыхался от злости. — Так все одно, к нам понаедут, жизни не станет. Тебя на подвиги потянуло, желаешь авторитетом стать? Тебя не то что ментовка, любой солидный вор, как клопа, по стенке размажет, только вонь останется. Полагаешь, бессмысленная мокрятина кому нужна? Ментов злобить, принимать огонь на себя?

— Пьяный ты, Капитан, потому сижу и слушаю. — Толик уже понял, что совершил ошибку, но доказательств нет ни у кого. — Я твоих людей не трогал, за беспредел в Москве не в ответе. Мне ваши нравоучения поперек горла! — Он провел пальцем под подбородком.

— Все нормальные люди уходят в легальный бизнес, отмывают деньги. А вы, как шакалы, рыскаете стаяй, убиваете слабых. Я тебя, Толик, добром прошу, мотай из Москвы месяца на два, отморозки без тебя поутихнут, некоторых посадят. Вернешься, я тебя к делу пристрою, смелые толковые парни всегда нужны. Ну, как? — Николай взглянул с надеждой.

— Щас! Спешу и падаю! К тебе в подручные. Никогда!

— Власти желаешь? Так бери. — Капитан покачнулся. — Поглядим, куда ты ее дотащишь, свою власть.

Убийцы из группировки Толика Агеева уехали в деревню, что неподалеку от Москвы. Звали падаюв просто — Лешка и Витька.

клички у них тоже были незатейливые — Шестерка и Червь. Деревенька, с десяток домов, стояла в стороне от шоссе, осенью и весной до вросших по слепые оконца хат можно было добраться только на тракторе. Но имевшийся в деревеньке трактор ржавел в межсезонье под дырявым навесом, а тракторист пьяно спал у толстозадой Нюрки, единственной молодой бабы, не уехавшей в столицу. Нюрка тракториста любила, мечтала выйти за него замуж, мыла в баньке, сама стригла, когда он мог сидеть за столом, кормила щами, жареной картошкой. Поев горячего, тракторист ненадолго приходил в сознание и дня три, случалось и неделю, возился с трактором. Оживив железного друга, начинал искать свои сапоги, чтобы бежать на волю. В этот критический момент Нюрка подсовывала ему стакан, говорила, мол, на дорожку необходимо, иначе не быть удаче. Мужик выпивал стакан, второй, третий, дальше уже не считал.

Витька и Лешка поселились рядом, у бабки Червя, полуслепой старухи, которая гостям была неизмеримо рада. Живя одна, она часто голодала. От голодной смерти старуху спасала соседка, приносящая еду.

Убийц доставили в деревню на "додже" с цепями на колесах. Затарили избу жратвой и водкой, сказали, как дорога подсохнет, заберут парней в Москву. Через пару дней беспробудного пьянства они очухались и сообразили, что отрезаны от Москвы намертво, пешком двадцать верст до шоссе по глинистому киселю им не одолеть. Увидев Нюрку, с трудом преодолели тридцать метров, ввалились в хату. Попытались оживить тракториста, когда установили, что эта затея безнадежна, то остаканились, трахнули Нюрку и начали ждать апреля.

Так и жили. Пили, трахались и ждали. О женщине, ребенке и калеке в коляске они не вспоминали, словно тех никогда и не существовало.

Глава четвертая

В восемь утра Министерство внутренних дел пустовало. Лишь в дежурной части усталые и небритые офицеры нетерпеливо поглядывали на часы, готовились сдавать дела заступившей смене.

А в кабинете Гурова уже собирались оперативники. Время начала нового дня назначал полковник, час отбоя на сон определял каждый из оперов самостоятельно. Если обстановка складывалась так, что поспать удавалось лишь час или два, никто не роптал. Их не силой вынудили заниматься грязной, неблагодарной работой, каждый выбрал дорогу самостоятельно.

После убийства в квартире Григория Котова Гуров не объявлял войны. Она уже началась. Оперативники знали, теперь не будет победителей и побежденных, останутся лишь живые и мертвые.

В начале девятого полковник Гуров взглянул на свое немногочисленное войско и сказал:

— Значит так, коллеги, пленных не брать. Либо обоснованный арест, либо убийство в порядке самообороны. Но помните, ваш

выстрел только второй. Отморозки для нас противник непривычный, необходимо перестроиться. Никакой преступник не нападет на квартиру мента дважды, но от этих подонков можно ожидать все что угодно. Григорий, твою Настю и малыша необходимо спрятать.

— Уже сделано, Лев Иванович. — Котов поднял голову, по его лицу нельзя было догадаться, что он недавно перенес психологическую травму.

— Мы временно меняем направление удара. Необходимо разыскать убийц, собрать доказательства. Дело не только в возмездии. Возможно, они станут первой ступенькой лестницы, которая нас приведет к цели: аресту руководителей, развалу группировки. — Гуров посмотрел на Крячко. — Слушаю, Станислав.

— Лев Иванович, полагаю, исполнителей уже ликвидировали, — сказал Станислав, — мы теряем время.

Гуров взглянул на Котова и Нестеренко. Оперативники молчали, но по их лицам легко можно было понять, что они согласны с полковником Крячко.

— Мы с Петром так не считаем. Отморозки не жестокая, хорошо организованная структура, а лишь преступная группировка. Агеев не крестный отец, просто мальчишка, желающий стать фюрером. Самовлюблен, внутренне недостаточно уверен в себе, да и не располагает чистильщиками. Они все друг друга знают, здесь принцип "домино" не проходит. Это не хладнокровные убийцы. Провозглашенный им принцип "сила смеется над всем" доказывает, что настоящей силой они не обладают. Запугать обывателя, лишиться нас свидетелей они могут, убить своего кореша вряд ли способны. Не в драке, стгоряча, а обдуманно, по приказу.

— Все равно я не согласен, — упрямо повторил Крячко.

— Имеешь полное право. Дискуссия закончена. Каждый остается при своем мнении и выполняет мои приказы. Григорий, ты возвращаешься в свой дом, находишь свидетелей, которые видели убийц. Убежден, была машина, далеко оставлять ее парни поленились. Свидетелей обнаружить несложно, трудно убедить их дать официальные показания.

— Лев Иванович, там трое суток копали ребята из МУРа. Я их знаю, стоящие оперативники. Результата нет.

— А у тебя будет, — уверенно произнес Гуров. — И не только потому, что ты способный. Ты местный, твоих родственников зарезали. Выявишь свидетелей, аккуратно доставишь в прокуратуру. Затем решим, что с людьми делать. Если кто работает, возьмет отпуск и путевку в дом отдыха, пенсионеров сразу в санаторий либо к родственникам. Деньги я достану. Ни один свидетель не должен из прокуратуры вернуться домой.

— Понял. — Котов поднялся. — Разрешите выполнять?

— Действуй. — Гуров подождал, когда за Котовым прикроеся дверь, и продолжил: — Станислав, ты встречаешься со своим Блондином, выясняешь, кто из группировки пропал. Валентин, ты страхуешь полковника, учить вас не стану. Когда исчезающих выявите, проведете на них установку, ищите дальних родственников, приятелей, любовниц, проживающих недалеко от Мо-

ски. Серьезных денег у парней нет, вылет за рубеж или в район Камчатки считаю нереальным.

— Мне такая постановка вопроса правится, — прокомментировал Станислав.

— Я рад за тебя, выполняй.

Станислав снял трубку зазвонившего телефона.

— Слушаю вас внимательно, — передразнил он начальника. — Спасибо, Олег, я понял. — Он разъединился и пояснил: — Помощник дежурного сообщает, только что звонили, интересовалась телефоном полковника Гурова. Голос молодой, уверенный, себя назвать отказался.

— Видно, Агеев, с подачи Георгия, — предположил Гуров. — Я с ним разговаривать не хочу. Скажи, полковника послали в командировку, вернется на следующей неделе. Поинтересуйся, кто спрашивает, нужна ли помощь...

Вновь зазвонил телефон. Станислав снял трубку, вежливо, но достаточно сухо произнес:

— Здравствуйте, вас слушают. — Он поднял взгляд на Гурова, кивнул. — Полковник по приказу руководства улетел в дальние края, вернется на следующей неделе. Что-нибудь передать? Я могу вам помочь? Раз сугубо личное, то звоните. — Станислав положил трубку. — С тобой тяжело работать, Лев Иванович, постоянно ощущаешь комплекс неполноценности.

— Не пытайся меня разжалобить, я по вторникам не подаю.

— Сегодня среда, господин полковник. — Станислав взял из шкафа куртку и направился к двери.

— Среда? — переспросил Гуров. — Тем более, мой друг, тем бо-

Котов сидел на кухне у соседки по лестничной площадке Нюры, которую в доме почтительно величали Матвеевной. Пил обязательный чай и выслушивал обязательные соболезнования. Матвеевна, старуха набожная, но злая и лживая, держала в страхе весь дом, и Григорий явился к ней к первой не оттого, что рассчитывал на ее помощь. Возможные свидетели, скорее всего, окажутся людьми пожилыми, вероятно, с ними придется беседовать не один раз. И Котов не хотел иметь в лице своей злобной соседки мощного противника. Ведь Матвеевна любила оказывать давление на других.

Опер невнимательно слушал причитания, перемешанные с шипением, и прикидывал, кто в доме мог видеть машину, а кто и убийц. Из-за мартовского ненастья скамейка во дворе, наверное, дустовала, а если на ней и распивали, так посторонние, которых не найдешь.

— Вижу, не слушаешь ты меня, милок, — прорвалась Матвеевна сквозь заслон оперативных размышлений. — Вижу, твой еврейский Бог душу мутит. А наш Христос велел не мстить, а прощать.

Терпение опера имело границы, он спросил:

— А ваш Христос какой национальности был?

— Православной, значит, исконно русской, — уверенно ответила Матвеевна.

— А как же он в Иерусалим забрался, вроде далековато?

— Истину нес, вот и забрел. Батюшка говорил, Христа из зависти евреи и распяли. Хитрое ваше племя. Своих-то ты упрятал, а сам ходишь, ищешь, какой русский дурак горло подставит.

— Значит, не знаете? — Котов начинал злиться. — А за укрывательство убийц срок большой полагается. В прокуратуре год рождения не смотрят, прокурору важно, чтобы совершеннолетний был.

— Ты, никак, угрожаешь, посадить собрался? Я закон знаю, да и не пугливая.

— Ну, Матвеевна, если вы законы знаете, как Библию, то можете и на нары устроиться. — Котов поднялся.

— Зайди в восьмую и двенадцатую, может, чего и подскажут. — Матвеевна проводила опера до двери, отодвинула тяжелый засов.

В квартирах, названных старой ведьмой, жили интеллигенты, злейшие враги Матвеевны. Котов не сомневался, что они уже опрошены ребятами с Петровки, и если бы что-то видели, сказали бы непременно. Тогда он решил подойти к вопросу с иной стороны и направиться в двенадцатую квартиру, где жила интеллигентнейшая пенсионерка, некогда преподавательница русского языка и литературы, Нина Владимировна.

Он вышел на улицу. Заскочил в магазин, купил коробку шоколадных конфет и поднялся на второй этаж. Позвонил. Двери почти сразу открыли.

— Здравствуйте, дорогая училка, — улыбнулся Котов. — Что же вы дверь распахиваете?

— Здравствуйте, Гриша. — Седая, аккуратно одетая женщина пропустила его в квартиру.

Опер мельком взглянул на дверной замок, вздохнул, замок открывался копейкой.

— Что поделаешь, Гришенька, наше племя уже не переделаешь. Тихо вымираем. А красть у нас сроду нечего.

Котов, стесняясь, положил на стол коробку конфет.

— Я рада вашему приходу, только сообщить, Гриша, совершенно нечего. — Учительница поставила чашки, налила жиденькой заварки. — Два дня назад ваш молодой коллега с Петровки больше часа меня убеждал, что бояться мне совершенно нечего. И только когда я ему заявила, что я и Берии не боялась, он поверил и ушел.

— Дорогая Нина Владимировна, я к вам по тому же вопросу, но несколько с другой стороны. Был сейчас у своей соседки, Матвеевны... — Котов зашугался, подыскивая мягкие слова.

— Знаю, несчастная женщина. — Старая учительница горестно вздохнула. — Я, когда ее вижу, мучаюсь.

— Она несчастная? — Гриша тряхнул головой. — Не будем отвлекаться. Кто у Матвеевны, если не в друзьях и не в доверии, то хотя бы общается с ней?

Нина Владимировна сняла очки, указательным пальцем потерла переносицу:

— Вы, голубчик, на верном пути, эта несчастная, конечно, в курсе. Кто? — Она прикрыла глаза, назвала несколько квартир и

семейный. — Полагаю, я права. Однако, голубчик, эти люди вам правду не скажут. А вы, извините покорно, совсем не сыщик.

Котов тихо рассмеялся:

— Позвольте не согласиться. Я вполне приличный оперативник, хотя бы потому, что служу у самого лучшего сыщика, какого знаю. И если этим людям что-либо известно, поверьте, они мне все скажут.

Полковник Крячко отловил Блондина и мгновенно узнал, что в группировке пропали Шестерка и Червь. Якобы скрылись из Москвы, отказавшись выполнять какое-то задание руководства.

За обедом в кафешке Нестеренко сказал:

— Станислав, ты прекрасно знаешь, если начало очень хорошее, жди кирпича на голову.

— Согласен, но выбора у нас нет, вперед, — ответил Крячко.

Установочные данные на фигурантов они получили так же быстро, а дальше зашли в тупик. По месту жительства и среди некриминального окружения о парнях говорила разное. Наиболее распространенный ответ — "понятия не имею". Высказывались и различные взаимоисключающие версии. Станислав, не мудрствуя лукаво, делал пометки в блокноте и злорадствовал, рассуждая, мое дело — сбор информации. Для ее анализа и конкретных выводов другая голова имеется.

Он вышел из очередного подъезда, когда его обогнал Нестеренко, обронив:

— Прошу в машину.

Усевшись в "мерседес", Нестеренко категорически заявил:

— Уже восемь часов, темень, а у тебя на хвосте несколько парней болтаются. Двигай, полковник, пока живой.

Крячко и сам чувствовал опасность. Включив передачу, он нажал на газ. Мощная машина стремительно сорвалась с места, и в этот момент оперативники услышали выстрел. Станислав, не включая габаритов, пролетел несколько кварталов, вырулил на магистраль.

— "Жигули" хорошая машина, — глядя в зеркало бокового обзора, тихо произнес Нестеренко. — Хорошая, но не лучшая в мире.

Помощник прокурора Федул Иванович Драч, закончив допрос третьего, последнего свидетеля, сказал Котову:

— Я редко хвалю ментов, но вы сработали хорошо. Приметы преступников получены, остался пустяк, — найти самих преступников. Машина, стоявшая в переулке за домом, тоже обнаружена. Установите владельца...

Котов не сдержался, взглянул насмешливо:

— Владельца установим по телефону и к вам пригласим. А он заявит: "Я здесь ни при чем". Предложить вам варианты его заявления, или сами знаете? После чего вы скажете, что ментам лишь бы человека схватить.

— Ладно, ладно, — миролюбиво пробурчал Драч. — Я же не говорю, что ваша работа сладкая? Мы значительно продвину-

лись, будем пахать дальше. Звонил ваш Гуров, заявил, свидетелей домой не отпускать. Десятый час, люди здесь ночевать будут?

— Я лишь исполнитель, прикажут в темный лес их отвезти, отвезу, — ответил Котов.

Первый заместитель министра Шубин говорил, с трудом сдерживая раздражение:

— Большевики много чего натворили, но при их правлении существовала строгая дисциплина. Я распорядился, чтобы в хозу выделили путевки в дома отдыха... Никаких путевок нет, чиновники давно разъехались по домам.

Орлов молчал, надувая щеки, выпускал воздух и гнев. Накладка произошла по вине самого генерал-полковника. Он распорядился, а выполнение не проверил.

— Я домой людей не отпущу. Мы обещали им защиту, обязаны выполнять, — сказал Гуров. — Их трое и нас трое, возьмем на ночь по одному человеку. А лучше, господин генерал-полковник, позвонить начальнику хозу, предупредить, что на его дачу сейчас привезут троих свидетелей. Пусть обеспечит размещение, ужин и охрану.

Шубин взглянул на часы.

— Мать его так! Этот жирный мошенник считает, раз он распределяет материальные ценности, он фигура неприкасаемая!

На Руси издревле повелось, казначей богаче барина, дрожит, но ворует, хотел сказать Гуров, но, взглянув на Орлова, промолчал.

— Хорошо, Лев Иванович, везите своих свидетелей сюда, я позвоню Александру Матвеевичу, пусть решает.

Оперативники знали, начальник хозу подчиняется напрямую министру. Дачи, квартиры, машины, все материальные блага Министерства находились в его непосредственном ведении. Он стоял по стойке "смирно" на многих коврах, даже вилял хвостом, но волна начальственного гнева проходила, а материальные блага и постоянные нехватки то одного, то другого оставались. Потому и власть "распределителя" оставалась безмерной.

Шубин рисковал, нарывался на неприятности. Гуров посмотрел на начальника с симпатией.

— Может, не будем связываться, Василий Семенович? — предложил сыщик. — Мы чего-нибудь до завтра придумаем.

— Спасибо за заботу. — Шубин снял трубку "вертушки": — Лев Иванович, везите сюда свидетелей, я решу "гигантский" вопрос самостоятельно.

Гуров вернулся в свой кабинет, где его ждали Крячко и Нестеренко, позвонил в прокуратуру и приказал Котову привезти свидетелей.

— Валентин, смотайся на площадь, купи бутылку и чего-нибудь пожевать. — Гуров достал из сейфа деньги, так называемую "девятку" — средства, выделяемые оперативникам на агентурную работу. Деньги всегда были грошовые, с индекса-

идей постоянно опаздывали, и рубли часто превращались в копейки. Но опера молча платили из своего кармана. В России все время удивляются, откуда берутся воровство и мошенничество. Действительно, немец или какой-то швед казенную крону не возьмет, но ему и в голову не придет вынуть эту крону из своего кармана.

Нестеренко принес бутылку водки, горячие чебуреки и шоколад. Котов доставил троих свидетелей-пенсионеров, двух женщин и хитроватого мужичка. Они махнули по стопке водки, съели еще теплые чебуреки, затем их пригласили в дежурную часть и увезли. Гуров проводил свидетелей, вернулся в кабинет. Отпустил Нестеренко и Котова, остался со Станиславом.

Гуров вновь перечитал рапорты Крячко и Нестеренко.

— Имеете свои предложения или ждете, что решат без вас? — заинтересовался он.

— Извини, Лев Иванович, все работали, все устали, — обиделся Станислав. — Мы не волшебники, предложения наши простые. Часиков с семи пройдемся по московским адресам. Если завод окажется пустым, то послезавтра, в пять утра, выедем в деревню. Нужен “додж” или “джип” с цепями. В это время года для обычной машины полная непроходимость.

— Вы в районе засветились. Если убийцы в городе, то мы завтра...

— Сегодня, — поправил Станислав.

— Сегодня, — согласился Гуров, — сегодня мы еще успеем. Если они в деревне, то можем опоздать.

— Ты же сам утверждал, молодежная группировка не жесткая структура, — сказал Крячко. — Ликвидация приятелей маловероятна.

— Станислав, я обычный живой человек... — ответил Гуров. — Вчера я утверждал одно, сегодня опасаясь другого. Понимаешь, если мы захватим убийц, имея свидетелей, мы развалим группировку Агеева, приструним Капитана. Но одного района мало, ведь телеграф у них работает. Когда мы появимся в соседнем районе, люди заговорят иными голосами. Если мы промахнемся, то обнаглеют и одни, и другие. Сейчас важно угадать: начать с городских адресов, а завтра с деревни, или наоборот?

— Человек ищет на столе, затем уже под столом, — заметил Станислав. — Почему бы тебе не поручить городские адреса Петровке? Мы бы отправились в деревню.

— Теоретически ты абсолютно прав.

— А практически?

— Оперативка, как ты знаешь, начинается около десяти. Пока нам выделяют людей, инструктаж, то да се, мы в деревню выедем лишь во второй половине дня, приедем затемно. Ты в заброшенной деревне давно был? Представляешь, как в темноте в нежилых домах кого-то искать? Нам услышат за час-два до того, как мы выйдем на след. Можно схватить пулю. На ночь глядя ехать нельзя, нужно появиться на рассвете, значит, по времени ничего не выиграем. Все необходимое нам придется делать самим. Для

начала следует отгадать последовательность. Ведь ничего не просчитывается, мало информации.

— Тогда разумнее начинать с города. Мы поутру втроем идем по адресам, ты достаешь нужную для бездорожья машину, цепи и прочее. А сейчас по домам, идет? — Станислав посмотрел вопросительно.

— Идет, — согласился Гуров, хотя интуиция ему подсказывала — следует начинать с деревни.

В семь утра Крячко, Нестеренко и Котов были уже воле дома, где проживала постоянная "любовь" одного из убийц.

Нестеренко остался у подъезда, Котов страховал на площадке. Станислав нажал на звонок. Вскоре за дверью послышались шаги, женский голос спросил:

— Вам кого?

— Анюту Серову, — ответил Станислав.

— Ну? Чего надо? Кто такой?

— Полковник милиции, чего надо, через дверь не скажу, открывай.

— А генерала не нашлось? — нахально спросила девчонка, и Станислав понял, поймал пустышку.

— Черный ход перекрыт, твой Лешка никуда не денется. Я все равно войду, а ты имеешь шанс схлопотать по заднице. — Станислав жестом подозвал Котова.

— Хорошо перекрыли? — ехидничала девчонка. — А то у нас черного хода сроду не было. Лешка вас не дождался, еще третьего дня слинял неизвестно куда.

— Открой дверь, пацанка! — Станислав рассмеялся, что подействовало лучше всяких разговоров.

Дверь приоткрылась. Крячко на дешевый номер не попался, стоял не двигаясь:

— Хочешь в личность посмотреть или ксиву предъявить?

Звякнула цепочка, дверь распахнулась.

— Опытный дядечка, — одобрительно сказала девчонка лет шестнадцати. — Толкнула бы дверь, хер бы вошел. Дверь железная, цепь пудовая.

— Да что ж ты так выражаешься, дочка? — проходя в хорошо обставленную, но захлавленную квартиру, возмутился Станислав. — Таким словам тебя в школе обучили?

Анюта оказалась девчонкой полногрудой, русой, с фиолетовым в желтизну фингалом под голубым глазом. Опытный Станислав определил, что фингалу дня четыре. Он достал удостоверение, но девчонка фыркнула:

— Не требуется. Я полковника с участковым с бандитом не спутаю, проходите. Поправить здоровье не желаете?

— Спасибо, мы не жалуемся. — Станислав переложил женское белье со стула на тахту, присел к столу.

— Вы как хотите, а мне необходимо. — Анюта открыла холодильник, достала бутылку водки, глотнула из горлышка, выловила из банки огурец, смачно хрустнула.

Котов заглянул в туалет и ванную, проверил чуланчик.

— Опоздали, уважаемый, — сказала девица. — Алексей вас не дождался, соскочил в неизвестном направлении.

Станислав снова взглянул на лицо хозяйки и уверенно произнес:

— Судя по прощальному поцелую, он исчез дня четыре назад.

— Полковник, будьте мужиком, не выказывайте на мне свою профессиональную подготовку. — Девица снова фыркнула. — А Лешку, когда заловите, посадите за ради Бога!

— Да он что, редиска? Чтоб посадить человека, необходимо основания иметь, — обронил Станислав.

— Если вам надо, вы причину сами найдете.

Станислав не стал говорить пустых слов, мол, если хахаль полвится, так позвоните. Хозяйка явно была опытна и умна, оперативники попрощались и вышли на улицу.

— Нас уже "пасут", — сообщил Нестеренко. — Пацаны они только по возрасту, а замашки у них очень даже квалифицированные.

— Плохо, но мы сейчас оторвемся, — сказал Крячко, усаживаясь за руль "мерседеса". — Я считал этот адрес наиболее перспективным. Ошибся. Поехали к тетке Виктора.

Они действительно от "хвоста" оторвались, но ни тетка Виктора, ни отчим Алексея, ни одноклассники убийц не видели. Судя по всему, они говорили правду.

Воистину Россия — страна чудес. Старший оперуполномоченный по особо важным делам МВД России, полковник милиции не мог на одни сутки раздобыть нужный автомобиль. В хозу Министерства машина, конечно, имелась, но начальник хозу, генерал, так как был ночью разбужен и оскорблен в своих лучших чувствах, заявил, что имеется лишь две машины, но обе не на ходу. Гуров держался из последнего, генерал оставался непоколебим, оперативные нужды его не касаются. Гуров забесился:

— Вы совершаете ошибку, генерал, и скоро раскаетесь. Я сообщу прокурору, и тапки, которые вы прячете, возьмут на контроль. Если они будут проданы, то я лично займусь покупателем, а мои коллеги из УВХСС внимательно проверят, на каком основании.

— Вы мне угрожаете, полковник? — Генерал попытался выбраться из кресла, но с первой попытки у него ничего не получилось.

— Обязательно, господин генерал. Угрожаю. Вы поинтересуйтесь, вам скажут, что полковник Гуров слов на ветер не бросает. — Гуров увидел, что генерал вновь пытается выбраться из-за стола, махнув рукой, обронил: — Можете не вставать, — и вышел из кабинета.

Сыщик получил моральное удовлетворение, но ему попрежнему нужен был автомобиль. Целый день сыщик сражался с хозу Министерства, желая получить машину официальным путем, но когда последним разговором с генералом сжег за собой все мосты, вернулся в кабинет, подвинул телефон и по памяти набрал номер. Миллионеру Горсткову сыщик мог позвонить в любое время суток и решить свои проблемы мгновенно. Гуров работал на финансиста примерно год назад, выпол-

нял задание министра. Все закончилось благополучно, магнат и сыщик расстались дружески, но весь год Гуров не звонил ему, текучка заела. Теперь беспокоить ерундовой просьбой вроде как неловко. Однако машина необходима, а Юрий Карлович — самый простой и короткий путь.

— Слушаю, — ответил женский голос, сыщик узнал хозяйку.

— Добрый день, Нина Дмитриевна. Гуров беспокоит.

— Лев Иванович, здравствуйте. Надеюсь, ничего не случилось? — обеспокоенно спросила супруга магната.

Гуров представил ее крепкую моложавую фигуру в простом домашнем костюме и обругал себя, что не выбрал минуту и не позвонил просто так. Кажется, и с Новым годом не поздравил. Так они меня тоже не поздравляли, оправдал себя сыщик и, смеясь, ответил:

— Нина Дмитриевна, дорогая, вы газеты пролистываете, а телевизор заглядываете? У меня случается ежедневно.

— Знаю, знаю, ужас какой-то. — Женщина вздохнула. — Просто Юрочка порой брюзжит, что звонят ему только в случае пожара. Вы давно не звонили, я и забеспокоилась.

— Да у меня огонь постоянно, но звоню я, корыстный, действительно по делу, — ответил Гуров. — Мне стыдно, но ничего не поделаешь.

— Бросьте, Лев Иванович, мы вам обязаны. А что не видимся, так в этом и наша вина. Как здоровье вашей красавицы?

— Цветет, снимается в кино, в свободные минуты грызет меня, — улыбнулся Гуров.

— Вас, дорогой, погрызешь, все зубы сломаешь.

— В семье все здоровы? Юлия замуж не вышла?

— Не надо о больном, — вздохнула Нина Дмитриевна. — Здоровы, внука желаем до ужаса. Вот Юрочка трубку снял, можете переговорить. Надеюсь, скоро заглянете? Всего наилучшего.

— Лев Иванович, здравствуйте, — прозвучал густой бас Гореткова. — Ты что перед хозяйкой расшаркиваешься?

— Здравствуй, Юрий Карлович, — ответил Гуров. — Слаб я до женского пола, сам знаешь.

— Знаю, что ты ловкий сыщик. Выкладывай.

Гуров коротко изложил свою просьбу, магнат недовольно хмыкнул.

— Россия. Умом ее не понять, зла не хватает. Я недавно большие деньги в швейцарский банк положил, поверишь, плакал, когда документы оформлял. Ведь из дому уношу, где братья голодают, а что прикажешь делать? Я тут инвестировал два предприятия, завод лежачий пытался поднять. Два миллиона долларов ушли, как вода в песок. Вот в Швейцарию закинул, пусть там мертво полежат, чем дома без пользы растворятся.

— Тяжело тебе, понимаю, — хмыкнул Гуров.

— Не ерничай, мент, шею намьлю!

— Ха, разбежался. Ты сколько вешишь? — Гуров восхищался богатырским здоровьем Гореткова, но знал, что у магната лишний вес. — Сто сорок?

— Весы стало зашкаливать, и я их выбросил, — расхохотался Горетков.

— Так чего болтать, что шею намылишь? Я минут пять себя скватить не дам, ты и задохнешься.

— Ладно, отхвастались. Значит, в МВД России нужной машины нет?

— Все у них есть, только я ведь не заплачу, а тачку могу и дырявой вернуть. Не по грибы еду, им профиту никакого. К тому же Гуров человек грубый, непочтительный, короче, не дают, а мне необходимо.

— Хочешь, позволю, взвиг представит?

— А тебе удовольствие сунуть палец в рану и ковырять? Дашь машину или нет? — Гуров повысил голос.

— Куда я денусь? Сейчас позволю в гараж, тебе пригонят "лендровер". И цепи на колеса?

— Годится. За сохранность не отвечаю. Мальчики могут стрелять, краску попортят.

— Переживу. Машину пригнать на стоянку к министерству? Через час встречай, получишь ключи и техпаспорт. Ты гаишников не боишься, без доверенности не пропадешь?

— У ребят оружие имеется, пробьюсь. Спасибо, в этом году увидимся.

— Главное, не болей. — Горстков хохотнул и положил трубку.

К семи вечера вернулись Крячко и оперативники, доложили о нулевом результате. Затем спустились взглянуть на серебристого красавца, стоявшего среди машин и с высоты своей посадки словно презрительно поглядывавшего на окружающих.

— Красив, чертяка, на инопланетянина похож. — Станислав простудился, шмыгал носом. — Ставлю виски против колы, что с одной попытки отгадаю хозяина.

— Молодец, Станислав, догадливый парень, — заметил Гуров. — Ты бы свои способности в работе применял. Задержал бы парней, а бы не унижался, не просил.

— Младшего обидеть каждый может. — Станислав любовно погладил лакированный капот "лендровера". — Только ты, Лев Иванович, не прибедняйся. Юрий Карлович тебе красавца отдал и слова не сказал. А мы его завтра по уши изгадим, а то и продырявим.

— Заткнись, а то сглазишь. Выезд в шесть утра, — сказал Гуров.

— Кто сядет за руль? — поинтересовался Крячко.

— Кто цепи надевать умеет, тот и сядет, — ответил Гуров.

Оперативники переглянулись, но промолчали. К ним подошел капитан в форме:

— Лев Иванович, ваша тачка?

— Допустим.

— Здесь и ночевать оставите? Могут угнать, — капитан смутился и пояснил: — Подъедут группой с "калашниковым", никто и не пикнет...

— Поставь, где хочешь. Мы к шести подъедем, чтобы машина была на ходу и с колесами. Не погонями, головой отвечаешь. — Гуров передал капитану ключи. — Смотри, чтобы у тебя из дежурной части компьютер не умыкнули.

В шесть двадцать утра машину задержали на посту ГАИ при выезде из города.

— Гаишники подошли втроем, высокий худой инспектор грозно сказал:

— Документы, поднимите капот, будем проверить номера.

Гуров не шелохнулся, Станислав выпрыгнул из машины, но инспектор на него не обратил внимания, сверлил взглядом водителя.

— Водитель, выйдите из машины. Хотите оказаться без прав и номеров? — рявкнул инспектор.

— Вы на службе, старший лейтенант. — Крячко достал из кармана удостоверение. — Но и я на службе. Не задерживай, мы торопимся.

Инспектор взглянул на удостоверение:

— А кто мне подтвердит, что ксива подлинная? Вы полагаете, мало полковников раскатывает на угнанных машинах? Документы на машину!

Из-за его спины выдвинулся капитан, хотел взять удостоверение Крячко, но полковник его руку решительно отстранил.

— Торопитесь уволиться, уже подыскивали подходящее местечко?

Капитан молча развернулся, зашагал на пост, старлей и старшина двинулись следом.

— Капитан, “жигуль” без номеров прошел! — крикнул Крячко. — Или тебя интересуют лишь дорогие иномарки? — Тихо матерясь, он забрался в машину и сказал сидевшему за рулем профессиональному водителю: — Ты почему из машины не вышел?

— Так документы на машину не в порядке, — ответил водитель и рванул с места.

Через час они свернули с шоссе на проселок, водитель встал на краю асфальта, принялся надевать цепи. Работал он ловко, умело. Оперативники открыли сумки, достали термосы и бутерброды. Гуров отошел в сторону, подозревал к себе Котова. Левою рукою обнял его за плечи, правой вынул из-под мышки оперативника пистолет, положил в карман своего плаща.

— Извини, Гриша, служба.

— Зачем вы меня с собой взяли?

— По справедливости ты должен своими руками их захватить. А если завяжется перестрелка, я тебе “макарова” верну, и ты меня прикроешь.

Двадцать верст по глине, ухабам и лужам они прошли быстро и без остановок. Рассвело, и вскоре дома брошенной деревеньки появились из-за поворота.

— Встань у ближайшей хаты, — приказал Гуров. — Всем переобуться, проверить оружие. Вперед меня никому не лезть. Станислав, страхуешь. Григорий пока остается в машине. Валентин, возьми бинокль, огляди хаты, если обнаружишь движение, доложи.

Гуров и Крячко надели резиновые сапоги и, чавкая по тяжелому осклизлому грунту, направились к хате, окна которой были крест-накрест забиты досками.

Чуть в стороне залаяла собака, ей ответили две шавки похлеще. Ближайшая хата темнела сорванной с петель дверью.

— Почему не взяли собаку? — спросил Гуров. Станислав счел вопрос риторическим и промолчал. Он держался позади своего друга и начальника и сдерживал себя, чтобы не выскочить вперед.

До хаты было метров двадцать, оптимальное расстояние для pistolетного выстрела. До черного дверного проема оставалось шагов десять, когда висевшая на одной петле дверь качнулась. Гуров прыгнул в сторону, упал в грязь. Станислав выстрелил навскидку. В хате, словно ребенок, закричала кошка.

Они вошли в хату, включили фонари, убедились, людей здесь давно нет, только кошка сидела на верхней полке, сверкая зеленой глазу.

— Стреляешь, Станислав, ты здорово, теперь все живые на этом кладбище знают, что мы приехали. — Гуров вымыл руки в бочке с водой, кое-как отряхнулся от грязи.

— К следующей хате я иду вперед, а ты страхуешь, палишь по кошке, — заявил решительно Крячко.

— Хорошо, — мягко ответил Гуров.

Они двинулись вдоль забора на соседский огород, вернее, плохо огороженный участок давно не обрабатываемой земли.

— Заметил женщину в четвертой хате справа, — сказал запыхавшийся от тяжелой ходьбы Нестеренко. — Я иду с вами. Здесь вам не Арбат и Тверская. Городские! — он презрительно сплюнул.

— Хорошо, — вновь согласился Гуров. Станислав взглянул на него подозрительно.

Гуров сошел с огорода, двинулся по единственной улице. У забора, за которым лаял и рвал цепь пес, он остановился, кивнул Станиславу на калитку.

— Зайди, переговори. — Он повернулся к Нестеренко, вздохнул: — Лопухнулись мы, Валентин. Я хоть в деревне и не жил, но глаза видят не только Арбат. Следовало вчера приезжать. Своему чутью не доверяю, видно, стар становлюсь, ленив.

Пес наковец умолк. Крячко и коренастый рыжебородый мужик быстро шли через двор.

— Зацепи я, — сказал рыжебородый, обращаясь к Гурову. — В пятницу прибыли двое парней, я сразу понял, деловые и прячутся. Нынче тут делать нечего, а водку трескать можно и в Москве. Парни остановились у Егоровны, вроде как сродственники. Два дня не выходили, потом заглянули к соседке-молодухе. Она у нас одна, а муж ейный, тракторист, не просыхает. Ну, чего у них там было, я не ведаю, мне не наливали. А вчера, еще засветло, подкатила машина, похожая на вашу, вот я номер записал. — Мужичок протянул обрывок бумаги. — Приехало трое или четверо. Из хаты доносился шум, видно, пили сильно, темень сгустилась, машина уехала, гостей увезла.

— Всех? — с надеждой спросил Гуров.

— Нет, только тех, что приехали. Двое остались.

— Так уже темно было, как же вы разглядели?

Мужичок кривился, теребил бороду.

— Не обижайтесь, говорите, я слушаю. — Гуров достал сигареты, угостил мужичка, услужливо дал прикурить, чем снискал уважение.

— Я, начальник, сам по молодости не без греха был, почувал неладное. Ну, отвязал своего Мишутку, двинул к Егоровне. В хате топор вешай, надымлено, водярой воняет, дух не перевести. Два парня и Егоровна, еще теплые, но уже... — он перекрестился. — То ли водка дурная, то ли что еще. Пойдемте, покажу.

Смотреть на трупы было неинтересно. Гуров приказал собрать со стола посуду, забрать трупы молодых, дал двести тысяч рыжебородому, попросив схоронить Егоровну.

Глава пятая

Толик Агеев не замечал перемен, которые происходили с ним в последнее время. Всегда подтянутый и хорошо одетый, с гордо поднятой головой, он стал еще спокойнее, приобрел в движениях солидную медлительность, говорил лишь по делу, делая длинные паузы. Он чувствовал, отношение к нему окружающих изменилось. Это его и радовало, и злило одновременно. Его, как и многих, пригласили на опознание трупов Алексея и Виктора, привезенных ментами из деревни. Менты утверждали, что парни отравились водкой-самопалом, такая версия Толика вполне устраивала. Но если произошло обычное отравление, то почему в морге присутствовал пожилой майор, начальник розыска отделения милиции? Почему он подчеркнуто не смотрел на Толика, вопросы задавал многим, только не Агееву? А в глазах рядовых из группировки появился страх, отношение парней к Толику неувлимо изменилось. Если раньше они хотя и разговаривали с ним почтительно, но как с равным, то теперь явно его боялись и сторонились.

Толик гордился своим мастерством, неугодных и опасных ему удалось ликвидировать руками троих отморожков, которые в группировке не состояли, но очень хотели встать в ее ряды. И он устроил им нечто вроде приемного "экзамена". Все прошло без сучка и задоринки. И он, Толик Агеев, опередил людей знаменитого полковника. Толик победил, и сознание своей победы, значимости согревало.

Толик с усмешкой вспоминал, как всего лишь неделю назад оскорбился пренебрежительным отношением к своей персоне со стороны афганца и Хромого. Он решил потешить самолюбие, купил бутылку виски, корзиночку клубники и спустился в подвал мастерового. Встретил его Сергей Бестаев:

— Чего отмечаешь, или плохая погода на нервы действует?

— Сергей, не издевайся над молодым, — миролюбиво ответил Толик. — Тоска. Пить один не умею, а с корешами слова скалать не о чем. Разговоры — лишь сколько вчера выпил да кого трахнул.

В глубине подвала Хромой скрежетал железом.

— Дмитрий! — крикнул Сергей. — К нам гость пожаловал, выйди на свет, прими рюмашку.

— Сами? Лично? Большая честь! — Хромой вышел к верстаку, и хотя приветствовал Толика вроде бы и серьезно, но слышались в его голосе нотки то ли насмешки, то ли жалости. — От хо-

ропей выпивки отказываться грех. — Он пригладил седой чуб, взял предложенный стакан. — Твое здоровье, парень. Чую, оно тебе вскоре очень даже понадобится. — Хромой выпил, присел на табурет. Оглядев Толика, словно давно не видел, ухмыльнулся: — С виду обыкновенный парнишка, ну, чистенький, глаза смышленные. Так этого недостаточно, чтобы с самим Гуровым бодаться.

— Не пойму вас, Дмитрий. Днями вы тут говорили, что сыскарь Главка в мою сторону и плюнуть поленится. Сегодня же чуть не на одну доску нас ставите.

— Я не знал, что ты такой шустрый. — Хромой указал Бестаеву на свой стакан. — Когда ты освободишься, меня, может, уже и не будет, тогда и вспомнишь, что старый хрыч говорил. Тебя упреждать поздно, сыщик в тебя уперся, значит, непременно посадит.

— Чего вы каркаете? Откуда вам известно? За мной и нет ничего!

— Я не каркаю, упреждаю. — Хромой поблагодарил кивком Сергея, который наполнил его пустой стакан. — Известно от людей. Раз знаю я, то Гуров знает больше. А что за тобой есть, а чего нет, так разговор не ко мне. Прокурору и суду, может, интересно, мне не очень. Способный ты парень, однако сожрет тебя Лев Иванович, даже костей не выплюнет.

— Сегодня невинных не трогают, так что палите вы не по тем окнам. — Толик поднялся. — Желаю здравствовать! — Он толкнул тяжелую дверь, поднялся по крутой лестнице.

На рынке Толик купил три белых розы и отправился на квартиру к Анне. Хотелось увидеть афганца, его сила и уверенность всегда поднимали Толику настроение.

Открыла дверь Анна, дней десять назад она не смела и мечтать, что сам Толик Агеев подарит ей розы. Она спокойно поздоровалась, взяла у гостя цветы, помогла снять куртку. Толик тщательно вытер ноги:

— Ты, случаем, замуж не вышла? Вечерами тебя не видно. Ребята скучают, хотели зайти, проведать.

— Интересно взглянуть? — Анна зло прищурилась.

— Сегодня тебе интересно, а завтра афганец уйдет, так ты просто обхохочешься.

Девушка неожиданно схватила Толика за лацканы пиджака, зашептала в лицо:

— Запомни, никогда твои парни больше не тронут меня. Теперь я человек свободный. Убью, пойду в тюрьму, но вы меня не получите.

Толик удивился и миролюбиво ответил:

— Хорошо, хорошо, сумасшедшая. Тебя вроде никогда не насиловали, сама хотела. Понимаю, сегодня расхотела. Я сам человек настроения.

Увидев Толика, Георгий выключил телевизор, шутливо воскликнул:

— Какие люди! И без конвоя!

— Здравствуйте, Георгий. Извините, что без звонка. — Толик опустился в кресло, закинул ногу на ногу. — Посетил салон Хромого, он мне тюрьму обещает.

— Ясное дело, — улыбнулся Тулин. — Самые святые люди — это вышедшие замуж проститутки и завязавшие алкоголики. Дмитрий тюремной баланды наглотался, тебя желает уберечь. Ты ему симпатичен.

— Что-то я его симпатии не почувствовал.

— Ты же не баба, тебя гладить необязательно. — Тулин почесал затылок. — Чувствую, ты моим советам не внял и с полковником Гуровым не встречался.

— Не сложилось, он в командировке.

Подталкивая молодого бандита на встречу с сыщиком, Тулин выполнял просьбу последнего. Но, главное, такая встреча была необходима самому афганцу, ликвидировать Гурова безопаснее и легче в завязавшейся перестрелке. Если бы не навязчивая идея убить знаменитого сыщика, афганец бы здесь не жил и никаких разговоров не вел. Дело ментов — ловить, бандитов — скрываться, дело Тулина теперь — отойти в сторону. Он свою войну закончил и не желал выходить из последней схватки битым, завербованным. Необходимо парня подтолкнуть, но мягко, чтобы Толик толчка не почувствовал.

— Командировка? — он презрительно хмыкнул. — Даже сосрать не захотели правдоподобно. Сказали бы, в госпитале на обследовании, на такого бойца врачу всегда нелишне посмотреть. Когда старший опер-важняк ведет разработку убийства, человека не посылают в командировку.

— Значит, он не желает со мной встречаться, — сказал Толик.

— Ты разговаривал с дежурным, назвался?

— Вы не говорили, чтобы я называл свое имя! — вспыхнул Толик.

— Знаешь, сколько анонимных звонков в сутки у опера-важняка? — насмешливо спросил Тулин. — Если он на каждый станет отвечать, ему работать некогда будет. Я считал тебя парнем сообразительным. Такая щука пустой тройник не хватает. Можно дежурному свое имя не называть, но заманчивая наживка необходима.

— Например?

— Ты можешь располагать информацией, кто ликвидировал парней в деревне, — спокойно ответил афганец.

— А, может, лжиться с повинной? — Толик скривился. — Откуда мне известно, что парни не отравились дурной водкой, а их отравили? Менты об убийстве даже не обмолвились.

— Необходимо, чтобы сыщик заинтересовался и на встречу пришел. Слушай, авторитет, ты мне за консультации платишь собираешься? — то ли в шутку, то ли всерьез спросил Тулин. Но желанное обращение "авторитет" прозвучало как само собой разумеющееся. Сверкнуло звездное мгновение Толика Агеева. В его возрасте еще никого не называли авторитетом.

— Могу подбросить идею из хорошего к тебе отношения, — продолжал афганец. — Ты меня принял, как человека, а я твоих надежд не оправдал. Я расплачиваюсь. Вот тебе предлог для встречи и отмазка: ты располагаешь данными, что ребят в деревне убрали парни Капитана. Он хочет потопить тебя, ты отвечаешь ударом на удар.

— А каков мой источник? — Толик нахмурился, хотя внутри у него все ликовало.

— Такой вопрос ни один опер не задаст. Тебе, может, и не поверит, но версия настолько правдоподобная, что отбросить ее он права не имеет. Ты ослабишь его давление. Гуров поведет работу в двух направлениях, а людей у него негусто.

— А почему, действительно, убийство в деревне совершено не по приказу Капитана? — задумчиво произнес Толик. — Я гонцов туда не посылал, мои парни все в городе, да и машины подходящей у меня не имеется.

— Возможно, все возможно, — фальшиво согласился афганец. — Капитан ведет борьбу за жизненное пространство.

Тулин замолчал, подошел к балкону, чтобы Толик не видел насмешливой улыбки. "Ты неглупый парень, — думал Тулин. — Однако не авторитет. Твои парни все время на месте. Отвезти их в деревню у тебя и люди, и машина нашлись, а убрать, так ничего не оказалось. Если сообразил я, так Гуров подобную мысль прострелит влет. Но от встречи не откажется никогда".

Гуров получил заключение патологоанатома и химиков. В документе употреблялось много незнакомых слов. Но главное было написано понятно: "Сильнодействующий яд, повлекший за собой мгновенную смерть, не мог быть получен в результате недоброкачественного самогонварения".

— Что и требовалось доказать, — подвел итог Станислав и неожиданно спросил: — Скажи мне, друг, почему ты, когда мы шли по деревне, демонстрировал, что все происходящее тебя вовсе не интересует?

— Увидел след протектора, — ответил Гуров, — точнее, цепи, надетой на колесо прошедшей машины. Недавно дождило, мягкая глина расплзлась, но на дороге, ведущей через деревню, оказался участок твердой почвы, дождичек след не замыл. Дальше рассказывать?

— Догадаюсь. — Крячко расстроился, снова Гуров утер ему нос.

— Не бери к сердцу, просто я тот след всю дорогу искал, а ты думал лишь о задержании, — улыбнулся сыщик и снял трубку зазвонившего телефона. — Слушаю вас внимательно.

— Здравствуйте. Можно попросить полковника Гурова?

— Здравствуйте, — ответил сыщик. — А кто его спрашивает?

— Человек, который располагает информацией об убийстве в деревне.

— Каком убийстве? — удивился Гуров. — У нас имеется три трупа в брошенной деревушке по Дмитровскому направлению. Но там произошло не убийство, а банальное отравление недоброкачественным алкоголем.

— Убийство, господин полковник, — ответил молодой мужской голос. — Вы это отлично знаете...

— Это официальное заявление? — спросил Гуров.

— Агентурная информация. Я прошу вас о встрече, но не в кабинете, а на нейтральной территории.

— Агеев, я согласен встретиться с вами на любой территории, в любой день и час, — сказал Гуров. — Но при одном условии.

— Говорите.

— Вы назначаете время и место, но приходите не один, а с друзьями. Минимум пять-шесть человек.

— А сколько человек придет с вами?

— Я буду один.

— Странно. — Толик замялся. — Давайте встретимся один на один.

— Не пойдет, — отрезал Гуров. — Я не хочу получить пулю в затылок.

— Чем вы застрахованы, если я прибуду с компанией своих парней? — удивился Толик.

— Количеством свидетелей. И не торгуйтесь. Они ваши люди, пока вы не поднимете руку на известного сотрудника милиции. В противном случае ваши люди мгновенно превратятся в свидетелей прокуратуры. Хотите встретиться? Согласен. Но только на моих условиях.

В кабинет проскользнула секретарь Орлова Верочка, положила перед Гуровым телефонограмму и исчезла. Сыщик прочитал: "Сегодня в пять утра на территории рынка обнаружен труп сержанта милиции Вересаева. Смерть наступила в результате проникающего ранения, нанесенного в сердце. Удар колющим предметом под левую лопатку. Время предположительно между часом и тремя ночи. Задержанных нет. Преступниками похищен пистолет "макаров".

Гуров почувствовал, что упала последняя капля. Он передал телефонограмму Крячко и сухо спросил:

— Вы что, Агеев, молчите?

— Я думаю, — ответил Толик. — Не могу понять, в чем ловушка?

— Вы переоцениваете значение собственной персоны. Мне нет необходимости ставить вам ловушки. Я могу поместить вас в изолятор на семьдесят два часа и разговаривать, ничем не рискуя.

— У вас нет никаких доказательств.

— Согласен. Но доказательств при любом раскладе не прибавится. Мне надо остановить беспредел. Я надеюсь при встрече с вами и вашими людьми объяснить некоторые прописные истины.

Гуров отлично понимал, время объяснений прошло, началась война на уничтожение.

— Клянусь, господин полковник, вы нас, обыкновенных пашенов, путаете с группировкой Капитана, — произнес Толик дрогнувшим голосом.

— Возможно, — ответил Гуров. — Из высокого кабинета плохо видно. Встретимся и объяснимся.

— Хорошо, — легко согласился Толик. — Подъезжайте к восьми в ресторан "Фиалка", вас встретят.

В кабинет тихо вошли Котов и Нестеренко. Крячко молча передал им заключение экспертизы и телефонограмму об убийстве сержанта. После небольшой паузы Нестеренко сказал:

— Маньяки, хлебнувшие крови, уже не могут остановиться.

Гуров, отвернувшись, смотрел в окно, продумывал детали предстоящей операции. А Станислав объяснял операм, что старшой сбрендил, собирается с молодой кошкой встречаться.

— Лев Иванович, — сказал Нестеренко. — Если бы вы шли на встречу с крупным авторитетом или воров в законе, то приглашение свидетелей было бы тонким выигрышным ходом. Но вы собираетесь встретиться с отморозками. Они и так ни черта не думают, а в стае опасны десятикратно.

— Повлиять на подонков словом невозможно, — тихо добавил Котов. — Ваше имя для них — пустой звук. Или дополнительный источник раздражения. Они остановились в своем умственном развитии, обросли мышцами и оружием, сохранив максимализм и жестокость подростка.

Гуров рассмеялся:

— Я не Макаренко, никого перевоспитывать не собираюсь.

Котов смутился, Станислав махнул рукой.

— Лев Иванович, порой мне кажется, что ты клиент института Сербского. Собираешься совершить смертельный, совершенно бессмысленный трюк. А страховать тебя будет герой-афганец? Ты знаешь, о чем он мечтает? Я пойду к Петру и поломаю все к чертовой матери!

— Ты никуда не пойдешь! — Гуров опустил ладонь на стол.

— Нет, пойду! — Крячко поднялся из-за стола.

— Не пойдешь! — Гуров понизил голос. — Петр не только генерал, но наш друг, мы не имеем права его подставлять.

Казалось, из Станислава вышибли дух, оперативник съезжился, осел в кресле. Зазвонил телефон, Гуров снял трубку:

— Слушаю вас внимательно.

— Здравствуйте, говорит Тулин.

— Здравствуй, Георгий, есть новости?

— Ночью парни Агеева зарезали сержанта милиции.

— Знаю.

— Я ухожу, мне все надоело. Толку от моего сидения никакого.

— Я тебя понимаю, уезжай, — равнодушно сказал Гуров. — Я разговаривал с Агеевым. Он катит бочку на Капитана.

— И правильно делает, только меня это не касается. Это ваша война, и мне она неинтересна.

Станислав, слушавший разговор по параллельному телефону, довольно улыбнулся.

— Я вечером с ним и его окружением встречаюсь, — сказал Гуров. — Встреча назначена в "Фиалке". Уверен, они меня куда-нибудь отвезут. Но это моя забота, тебе желаю удачи.

Гуров положил трубку. Станислав посмотрел на друга подозрительно:

— Здесь что-то не так. Ты крутишь, командир. Неужели с нами, твоими ближайшими помощниками, не хочешь говорить откровенно? Зачем сказал афганцу о разговоре с Агеевым, о Капитане?

Гуров пожал плечами:

— Я, Станислав, ведь не машина, могу сказать и лишнее.

— Никогда! Ну-ка колись, важняк! Я не могу подставлять Орлова, ты прав. Но я и тебя не отпущу одного, и здесь моя правда.

— Обязательно. У каждого человека своя правда. Но пока ты выполняешь мои приказы. Найди Блондина, мы должны знать, где состоится заключительный разговор. Наружка за мной не пройдет. В районе сегодня вечером будет слишком много глаз.

Гуров смотрел на Станислава, и от его задумчивого взгляда Крячко стало неуютно. Так смотрит смертельно больной, не желающий обсуждать с близкими неминуемость скорой кончины.

— Я бы просил тебя быть откровенным, — сказал наконец Крячко и облизнул пересохшие губы.

— Главное ты знаешь, а лишнее в нашей работе никому знать не следует, — ответил Гуров.

— Ты жестокий человек, Лева.

Гуров усмехнулся:

— Не знал, что ты подобные слова употребляешь. Давай к делу. Нужна непрерывная связь. Будем ее дублировать, чтобы исключить возможность разрыва. Если связь прервется, меня убьют, что крайне нежелательно. Потому ты берешь ноги в руки и отправляешься на поиски своего Блондина. Сегодня он должен отслужить тебе честно, от звонка до звонка.

Тулин подошел к запыленному “мерседесу”, открыл заднюю дверцу, сел рядом с Капитаном.

— Привет, Капитан.

— Здравствуй, вольный стрелок. Я рад, что ты не забыл меня.

Сидевший за рулем водитель вышел из машины, к нему приблизились еще двое молчаливых парней.

— Давай не будем раскланиваться, — ответил афганец. — Я на стороне Толика. Так сложилось, а во время боя не перебегают на сторону победителя.

— Сегодня и победителя не определишь. Благодаря твоему парню мы все попали в дерьмо. Кому нужна война с Главком? Может, я и постарел, но меня не тянет к оружию.

— Мне до ваших разборок дела нет, у меня свой интерес, — сказал Тулин. — Возможно, со временем я наймусь к тебе консультантом, но необходимы некоторые условия.

— Какие? — быстро спросил Капитан.

— Мы оба должны остаться в живых и на свободе, — усмехнулся афганец. — Это не так просто, уважаемый, очень не просто.

— Малец что-то задумал? — Капитан неодобрительно покачал головой. — Я возьму десяток лучших парней и уеду из города.

— И отдашь район? На что ты будешь жить и зачем тебе тогда консультант?

— Подначиваешь?

— Я? — Тулин насмешливо улыбнулся. — На кой черт? Хватит переливать из пустого в порожнее. Я выдаю тебе информацию, а ты даешь мне слово, что не тронешь Толика и меня.

Георгий Тулин лукавил и сам удивлялся, насколько легко и складно у него получается.

— Договорились. — Капитан хлопнул его по плечу.

— Сегодня в восемь у ресторана “Фиалка” встретятся Агеев и полковник Гуров. Я убежден, в кабаке они не осядут, куда-то двинутся. Куда именно, не знаю. Они встретятся для того, чтобы один мог продать, другой — купить твою голову.

— Толик продать способен, но полковник не станет ничего покупать, не располагая доказательствами, — твердо сказал Капитан.

— Доказательства будут. Грехов за тобой предостаточно. Следовательно, вопрос лишь в том, как доказательства добыть. Гуров классный сыщик, добудет. Теперь слушай и не перебивай. — Тулин начал раздражаться. — Толика будут сопровождать пять—шесть человек, мозговой центр группировки. Гуров придет один.

— Он больной?

— Здоровее и умнее нас обоих, не сомневайся. Конечно, у него будет связь. Он убежден, что с отморозками справится, а вот ты и я окажемся тем куском, который сыщику не проглотить. Сложности. Их нельзя брать от “Фиалки”. Необходимо определить четыре направления возможного движения. Выставить четыре экипажа автоматчиков, в каждой машине должно быть минимум двое, всем иметь между собой связь. У Гурова “нежо”, вслед за ним не угнаться, но он не будет давить на газ и не поедет за город. Я Гурова знаю, он дьявольски осторожен, у него верхнее чутье на любую подлянку.

Афганец, увлекшись, чуть не проговорился, что сам, лично, имел “заказ” на полковника.

— Когда Гуров уйдет из района, твой первый экипаж сообщит направление его движения. Четырьмя машинами, меняясь, доведете его до места назначения. Капитан, заклинаю, объясни своим, ни единого раза одна и та же машина не должна появиться у него на “хвосте”. Такое сыщик сечет влет, все может сорваться. Когда они соберутся в намеченном месте, уверен, это будет небольшое кафе, которое они снимут на вечер, вы и войдете. Всех приближенных ликвидировать. Меня и Толика оставить в живых. Впрочем, последнее необязательно. Хотя я убежден, второй раз Толику не подняться, но он парень смелый, может оказать серьезное сопротивление. От первого до последнего выстрела у тебя минута.

— За минуту можно уничтожить роту, а не группу пацанов, — заметил Капитан. — Я не понимаю, почему ты собираешься там присутствовать?

— Иначе Гуров от вас уйдет. А сыщик мой. У меня с ним личные счеты.

Капитан долго думал, затем улыбнулся.

— Я понял, почему ты мне отдаешь отморозков и Толика Агеева. В перестрелке никто и никогда не определит, чью пулю схватил полковник.

— Верно. Мне нужен “грязный” пистолет. Отбери у своих, — афганец кивнул на охрану, — отдай мне.

Капитан так и сделал. Тулин положил оружие в карман и вышел из машины.

Толик и афганец приехали к "Фиалке" без пятнадцати восемь, выпили по стаканчику хорошего виски.

— Не пойму, — задумчиво произнес Толик, — то вы не хотите гулять с ребятами, говорите, что у вас срок условный и неприятности вам ни к чему. Сегодня же лезете в историю, которая неизвестно чем закончится.

— Мне, лично, известно. Я знаю, что будешь говорить ты, знаю, как ответит Гуров. Ты своих обещаний не выполнишь, а сыщик ни одному твоему слову не поверит.

— Если он заранее не верит, зачем придет? — удивился Толик.

— Ты полагаешь, встреча и разговор с полковником произведут на тебя и твоих парней благоприятное впечатление? Одно дело о тигре слышать, совсем другое — ощутить его рядом, почувствовать его дыхание. Мальчик, я ничего не преувеличиваю и не романтизирую, увидеть свою кончину всегда неприятно. Я это знаю по себе.

— Вы никогда не говорили, что лично знакомы с полковником.

— Я многое тебе не говорил. Потому как в церковь не хожу и никогда не исповедуюсь. — Тулин взглянул на часы, поднялся. — Я еду с тобой лишь по одной причине: не желаю, чтобы кто-нибудь из твоих пацанов сгоряча выстрелил.

Гуров подъехал минута в минуту, вышел из машины, увидел Тулина, улыбнулся.

— Георгий, ты работаешь в школе преподавателем? — Он повернулся к Толику: — Молодой человек, к черному костюму белые носочки надевают лишь на эстраде. Георгий, познакомь. Как я понимаю, это легендарный Анатолий Агеев?

— А вы, надо понимать, легендарный полковник Гуров? — дерзко ответил Толик.

Гуров холодно и жестко посмотрел на него.

— Будем стоять или зайдем? — спросил он.

— Поедем. Я приказал накрыть в другом месте, — ответил Толик.

Гуров передал ключи Тулину, сам сел на заднее сиденье. Толик обошел машину и только стал садиться, как из-за ресторана с гиканьем и свистом вывалилась группа пацанов в возрасте десяти—двенадцати лет. Они облепили машину, называя различные иномарки, но название французской машины они не знали.

— А ну, кыш! Головы поотрываю!

— Атаа! Рвем отсюда! — орали пацаны. "Пежо" осел на задние колеса.

Гуров вышел, осмотрел колеса. Они не были проколоты, с ипеля просто свинтили колпачки и спустили воздух.

— Шпана! — Толик поморщился.

— У меня ощущение, что меня посадили за парту, дабы объяснить таблицу умножения. — Гуров курил, смотрел под ноги.

— Вы что же, считаете меня мелочевкой...

— Я ничего не считаю, — перебил Толика сыщик. — Если вы хотите ехать на моей машине, так бы и сказали.

— Неправда, произошла нелепая случайность, — упрямо сказал Толик.

— Оставь, — афганец сплюнул, — ты же не хочешь, чтобы тебя окунули мордой в дерьмо. Лев Иванович, у нас тут "случайно" в кустах рояль. Ехать на спецмашине действительно нежелательно.

— Так поедем на вашей, большое дело. — Гуров миролюбиво улыбнулся. Из "пежо" соединился с дежурным, сказал, где машина находится, и попросил перегнать ее к министерству.

Они обогнули ресторан, Толик открыл дверь новенькой "девятки". Когда Толик и афганец рассаживались, сыщик нагнулся и прилепил к дну багажника "маяк". Между прочим, точно такой же, как и на "пежо".

Станислав и оперативники следили за маячком.

— Один остался, второй пошел, — сказал Гриша.

— Никто и не сомневался, что они на "пежо" не поедут. — Станислав, сидевший за рулем своего "мерседеса", взглянул на Котова. — Удалось определить место встречи?

— Все участковые прошли по своим точкам, восемнадцать частных кафе арендованы на весь вечер. Я прикинул расположение кафе, заказчиков, количество ожидаемых гостей, у меня получился "Алмаз" в районе Курского.

— А я ничего не прикидывал, участковых не гонял. Мне просто сообщил агент, что ужин заказан в двух кафе, одно из них "Алмаз".

— Будем следить за направлением движения и ждать, — предложил Нестеренко. — Потом определимся.

— Мы не будем ждать! — Станислав выжал сцепление, включил передачу. Мощная машина скользнула на Садовое, легко завяла левый ряд и понеслась.

Гуров чувствовал себя неуверенно. И не потому, что его везли в чужой машине, к этому он был изначально готов. Трястило какое-то неясное предчувствие, не приходили привычные собранность и злость. Во время операции необходимо ощущать противника, думать на несколько ходов вперед и одновременно смотреть, куда ставишь ногу, куда приведет тебя следующий шаг. Уже много лет Гуров в решающий момент не думал, как себя вести, внутри срабатывал автомат. Сегодня все происходило не так, и, видимо, оттого, что он не руководил операцией и зависел от многих неизвестных, ситуация походила на игру в карты, когда их еще сдают и неизвестно, какие козыри окажутся у тебя на руках.

Сыщик предполагал, что на встрече может объявиться Тулин, и все же его появление явилось неожиданностью. Почему он не предупредил по телефону? Агеев мог взять его с собой в последнюю минуту. Возможно. Однако афганец — натура активная, он не станет занимать нейтральную позицию. Но он и не способен принять сторону отморожков, значит, он на моей стороне. Гуров успокоился.

Сыщик не знал о ненависти Тулина. Действительно, афганец не поддерживал Агеева, как, впрочем, и Капитана. Он был

сам по себе и представлял смертельную опасность. Взрослый опытный боец — это не импульсивный мальчишка, играющий в войну. Гуров ошибся в нем изначально и продолжал ошибаться.

Они остановились в тихом пустом переулочке у скромной деревянной двери с вылинявшей вывеской "Кафе".

Где-то рядом Курский вокзал, определил Гуров, выходя из машины.

— В фарватере абсолютно чисто, — сказал Тулин. — Лея Иванович, ваши орлы потерялись.

Сыщик внимательно посмотрел на афганца, но промолчал. Тот не унимался:

— Не держите за мальчика, господин полковник. На подобную встречу человек вашего ранга без прикрытия не ездит.

— Но и с пацанами не встречается, — вставил Агеев и открыл дверь. Гуров вошел первым, чего никогда в таких обстоятельствах не делал, могли встретить выстрелом.

За тремя сдвинутыми столами резвились шесть человек. У буфетной стойки стояла официантка. Нет, в такой обстановке не убивают, решил Гуров, улыбнулся и молча прошел в дальний конец стола, где стояли три пустых стула. Присутствующие поднялись, смотрели на элегантного, с седыми висками мужика с интересом. Сыщик махнул на парней рукой, мол, сидите, занял место во главе стола. Тулину и Агееву, которые собрались сесть по бокам, сказал:

— Нет, уважаемые, устраивайтесь на той стороне. Не люблю, когда меня держат плотно. Я один, так хотя бы должен иметь свободу маневра.

Голос Гурова исключал возможность ослушаться. Тулин и Агеев молча подчинились. Сыщик налил себе в бокал минеральной воды и сказал:

— Вы желали встретиться, я пришел. Выкладывайте. А поужинаю я дома.

Все смотрели на Толика. Тот неловко дернул плечом:

— Разрешите выпить, господин полковник? У каждого свои привычки.

Услышав уверенный голос водителя, парни расслабились, начали наполнять рюмки. Тулину не понравилось, что Гуров смотрит на него, а не на Агеева. А сыщику не нравилось, что афганец снял тяжелую кожаную куртку, свой плащ сыщик бросил на соседний стул.

Толик выпил, аккуратно промокнув губы салфеткой, и начал говорить:

— Нас нервирует и удивляет ваш прессинг, господин полковник. Вся Москва знает, что нашим районом занимается группировка Капитана. Мы, пацаны, не в ответе за их преступления. Вы фигура крупного масштаба, спасибо, что сообразовали прийти. Чего дурака валять, мы тоже не без греха. Кто палатку ограбит либо прохожего, случается. Нас участковые, опера знают. Одного посадили.

— И выпустили, — вставил Гуров. — Потерпевшие забрали свои заявления. Я вашу позицию понял, однако не разделяю.

Мой ультиматум прост, обсуждению не подлежит. Завтра вы явитесь в свое отделение милиции, добровольно сдадите стволы, ножи, цепи, кастеты. Вы все на карандаше. Кто оружие не сдаст, пусть пеняет на себя. Шутки кончились. С группировкой Капитана будет иной разговор.

Дальнейшие события спрессовались максимум в минуту. Автоматные очереди снесли витрину и нескольких человек. Сыщик и афганец упали на пол одновременно. Свинец хлестал, словно ливень. Положение Гурова было выгоднее, он лежал у стены, в "мертвой" зоне, куда пули не попадали. Два стола опрокинулись, тела мертвых, раненых и живых лежали вперемешку. Сыщик сжимал "вальтер", искал Тулина, увидев направленный на себя пистолет, покатился по полу, битому стеклу и выстрелил, целясь афганцу в плечо. Тот выстрелил в ответ. Гурову показалось, что его резко ударили ногой в правый бок, рука подогнулась, пистолет выпал. Несшийся с улицы свинцовый ураган прекратился так же внезапно, как и начался. На улице что-то говорили в мегафон, сыщик слов не разбирал, медленно поднял пистолет. Увидел, как Тулин встал на колени, прицелился, держа пистолет двумя руками. С расстояния в несколько шагов промахнуться было невозможно. Гурову казалось, что афганец улыбается, мелькнула мысль: "Вот так это и бывает".

Неожиданно руки Тулина упали. Выстрел прозвучал не с улицы, а из глубины кафе. Афганец с простреленной головой завалился на бок. По залу бежали Станислав, Котов и Нестеренко. Гуров снова выронил пистолет, встал на колени, попытался подняться на ноги. Станислав уже сидел рядом, держал его за подбородок и внимательно смотрел в глаза.

— Куда? — спросил он.

— В бок, помоги встать.

— Еще чего! — Станислав уложил Гурова на пол, ловко стянул с него пиджак, разорвал рубашку. — Навылет, по касательной! Тогда поднимайся и не прикидывайся! — Он обнял друга с левого бока, поставил на ноги.

— Надо остановить кровь, — сказал Котов.

— Наложите тампон и повязку, да вези в Склиф, веди починить немедленно. Я только гляну, чего творится на улице, и приеду, еще швы не наложат.

— Сукин сын... сукин сын, — повторял Станислав, выходя на улицу. Четыре машины и бандиты были в плотном кольце группы захвата МУРа.

— Спокойно, граждане. Спокойно! — вещал полковник в форме. — Не занимайтесь членовредительством.

Бойцы из группы захвата быстро и ловко разряжали автоматы, пристегивали их к кистям задержанных, сажали в машины и увозили. Подкатили две "скорые". Одна приняла Гурова и умчалась.

Врачи, оперативники и Станислав вошли в кафе. Из девяти сидевших за столом были ранены лишь Гуров и еще один парень, остальные мертвы. Толик Агеев схватил три пули, хотя достаточно было одной, вошедшей в затылок. Станислав пере-

вернул тело Тулина. Одна пуля пробила висок, другая — грудь.

— Это твоя? — спросил Котова Станислав. Поднял “вальтер” Гурова и убежденно заявил: — Мой начальник и друг — настоящий сукин сын.

Эпилог

После того, как врачи наложили швы и перебинтовали его, Гуров устроил скандал. Дежурный врач сдался и отпустил сыщика домой.

Гуров полулежал на эдшем сиденье “мерседеса”, командовал: — Двигай в прокуратуру. Все равно они меня дернут для объяснений. А так, боевой офицер прибыл с поля боя. Впечатляет.

— Как же, Федул такой впечатлительный... Обхохочешься. — Крячко взглянул на часы. — Поздно, но старый дятел, может, еще не спит.

Федул Иванович Драч встретил сыщиков неласково.

— Я получил телефонограмму. Считаете, молодые люди, раз вы гвардейцы, так можно убивать десятками. Ответите. Мы проведем расследование. И никакая дружба вам не поможет.

— Отвечу, Федул Иванович. Обязательно. — Гуров, поддерживаемый Станиславом, опустился на стул. — Прямо сейчас. Сколько я вас знаю, господин помощник прокурора, слышу одно и то же: не хватает доказательств. Рецидивиста арестовать, нужны доказательства, а заслуженного офицера привлечь можно и не просто так?

— Утверждаешь, что к этой бойне отношения не имеешь?

— Имею, мне бок прострелили. — Гуров достал свой “вальтер”. — Если вы хотя бы в одном трупе обнаружите пулю, выпущенную из данного оружия, тогда поговорим о необходимости самообороны. А так и говорить не о чем.

— Одни бандиты бросились на других бандитов, а вы тут как тут, и группа захвата в кустах. Все само собой. — Драч раздраженно оттолкнул пистолет. — Отправляйся лечиться, у меня на тебя аллергия.

Гуров снова прилег на заднее сиденье “мерседеса” и приказал:

— Остановка у палатки, купи лучший виски.

— Сам дурак. — Станислав, не оборачиваясь, протянул бутылку и банан. — Вам стакан или обойдетесь?

Гуров выпил из горлышка, откашлялся:

— Меня отвезешь, а сам заезжай в театр, найди Марию. Объясни, у мужика насморк, нужна сиделка. Знаешь, Станислав, скажу честно, умирать неприятно.

— Я всегда знал, что ты умный.

Когда они подошли к двери, та неожиданно открылась, на пороге стоял Орлов. Голос Марии доносился из гостиной:

— Сам ляжет или имеет возможность посидеть?

— Он имеет возможность. — Гуров хлопнул генерала по плечу и переступил порог своего дома.

 Читая второй номер "Смены", заинтересовалась статьей Майи Орловой о брачном агентстве "Маркиза". Набралась я смелости, позвонила в агентство, и милая барышня объяснила, что "заказать" я могу таких мужчин, которых хотелось бы встретить, а они мне их подберут.

Растерялась, конечно, но заказ сделала, а на следующий же день из любопытства поехала в агентство. Дали кучу телефонов и сказали, что в течение года и мне будут мужчины звонить.

Сама над собой подсмеиваюсь, но одному позвонила, а он сразу моим весом, ростом стал интересоваться, как будто лошадь выбирает, потом и вовсе домой пригласил: времени на встречу у него, видите ли, нет. Пообещала я еще раз позвонить, но сразу же номер его телефона от обиды згчеркнула.

Дней через десять — под настроение — еще одному позвонила. Голос бархатный, о себе рассказывает, о родителях, друзей вспоминает. Договорилась встретиться у памятника Пушкину. Подхожу. Смотрю — ожидающих много, но с цветами только трое: одному под шестьдесят, ну очень импозантный мужчина, второму лет восемнадцать-двадцать и такой он стройненький и смущенный — с ноги на ногу переминается, не знает, как букет держать, а еще один — мне навстречу идет, улыбается.

Ничего не могу сказать, он мне сразу понравился, но, думаю, улыбается, пока я ему про дочку не сказала. А про себя решила с этого и начать, чтобы сразу все на место встало. Он мне цветы подает, а я в комок сжалась. Он мне говорит, что я очаровательна, а я, как тупица,

малчу и думаю, что вот сейчас все скажу и, если он от меня уйдет, никому никогда больше звонить не буду.

А тем временем мы с ним потихоньку в сторону "Макдональдса" направляемся. Присели за столик, только я ни есть, ни пить не могу. Страшно стало: вдруг я ему не приглянусь? Собралась с духом, распустила колечки и говорю: "А у меня дочка есть". А он в ответ: "Погода прекрасная, надо было и ее взять с собой, в зоопарк бы сходили".

...Проводил он меня до дома, но не спросил, можно ли зайти. А я не предложила — время уже Катеньку спать укладывать, она без меня засыпает плохо. Пока в лифте поднималась, носом в букет зарывшись, разревелась захотелось. Телефон свой дала, а в голове уверенность — не позвонит. Вдруг на следующий же день — звонок, честно говоря — дыхание перехватило, слово из себя выдавить не могу. Договорились, что в выходной он за нами заедет и — в зоопарк.

Давно я не видела дочь такой счастливой. С воздушными шариками в руках мой ребенок на плечах совсем чужого человека хохочет во весь голос над обезьянкой, которая сидит на загравке мамаша, да еще и рожицы строит. День промелькнул, как мгновенье, мы опять у своего подъезда, у Катюшки в глазах слезы. А он вдруг наклонился, в щечку ее чмокнул и пообещал, что на неделе хоть на часок, но придет. А я и не знаю, что на это сказать...

Дома места себе на нахожу. Не могу поверить — разве так бывает? Вдруг я, сразу доверившись в общем-то незнакомому человеку, сама обманусь и Катюшку обману? Ему не звоню, боюсь, подумает — навязываюсь, но из рук все

валится, себя ругаю на чем свет стоит: зачем голову морочу?

Но он позвонил, попросил разрешения к нам прийти. Пришел: цветы, торт, большой пакет. Хотелось прямо-таки на шею броситься, да гордость не позволила. Зато Катюша мимо меня скользнула и повисла на нем. А я глаза поднять не могу — слезы навернулись. Руку подала, он, поцеловав, задержал ее дольше обычного. Счастливая, смущенная, я вдруг нечаянно прислонилась к его плечу.

Когда мы вошли в комнату, Катюша уже разобралась с пакетом. На стуле восседал новый плюшевый медведь, дочка деловито расставляла посуду к чаю, на середине стола стояли чудесные, очень дорогие для меня розы.

...Пути Господни неисповедимы. В доме поселилось счастье.

А тем женщинам и мужчинам, кто своего счастья еще не обрел, я советую срочно обратиться в московское брачное агентство "Маркиза".

ИРИНА, ОЛЕГ и КАТЮША,
Москва

Я два с половиной года работаю в агентстве недвижимости и, смею надеяться, слегка разбираюсь в этом вопросе. Поэтому и хочу высказаться по поводу статьи Максима Роксмана "Убийственные метры" ("Смена" № 1).

Надо сказать, что безобразия, о которых пишет автор, большей частью связаны с несовершенством соответствующих законов. Но страдают не только простые граждане, решившие купить-продать жилье (об этом подробно пишет г-н Роксман), а и те, кто профессионально работает на рынке недвижимости. Вопреки утвер-

ждениям автора статьи серьезные фирмы стараются к бандитам не обращаться, так как бандитам обычно нет дела, не окажется ли фирма в убытке, им важно самим взять "далю малую". Что же до примеров, как "кидают" фирмы, приведу два.

Я вел сделку по продаже квартиры со встречной покупкой. При заключении договора о намерениях продавец потребовал выдать ему некоторую сумму авансом, что наши правила разрешают только с письменного согласия покупателя, но оно дано не было. Тогда в фирму приехали стриженные мальчики с крутыми плечами и попытались качать права. Потом выяснилось, что продавец обманул ... тринадцать человек, пообещав за долги расплатиться квартирой (информация следователя), и хотел еще взять навар с нашей фирмы. Сейчас продавец находится в "Крестах".

Еще пример. Некая дама заложила свою квартиру в банк. Когда пришло время возвращать кредит, денег не оказалось, зато появилась справка о том, что дама состоит на учете в психоневрологическом диспансере и, следовательно, все совершенные ею сделки недействительны. Банк потерял около двадцати тысяч долларов, а даму до сих пор ищут.

И в свете подобных невеселых фактов г-н Роксман рекомендует людям самим решать квартирные вопросы, не прибегая к услугам агентств недвижимости, поскольку все они бандитские, а если и нет, то стараются ободрать и продавца, и покупателя. Это утверждение можно приписать, извините, только недостаточной информированности автора. Известно ли ему, что, например, в Санкт-Пе-

тербурге девять из десяти криминальных ситуаций с квартирами возникают из-за того, что люди пытаются решить квартирные вопросы сами или с помощью посредников, рекомендованных знакомыми? Конечно, и среди посредников есть профессионалы, но не все проблемы им по силам. Преимущество фирм, во-первых, в том, что они объединены во всевозможные ассоциации — они обмениваются информацией, в том числе и криминального характера. В Санкт-Петербурге, например, есть банк данных, куда внесены сведения обо всех "грязных" квартирах, недобросовестных (так называемых "черных") посредниках и недобросовестных нотариусах. Во-вторых, ни один посредник, будь он и профессионалом, не обеспечит безопасности взаиморасчетов. Фирма же, как правило, имеет договор с банком, а то и является его филиалом и может выдать или принять деньги в любом виде — наличными, со счета на счет, по карточке и т.п. В-третьих, не во всех городах можно приватизировать и, следовательно, купить-продать комнату в коммунальной квартире. Фирма же, благодаря своим связям в соответствующих организациях, может помочь человеку продать или купить такое жилье. Что же касается стоимости услуг агентств недвижимости, то я не знаю фирм в Санкт-Петербурге, которые брали бы за свои услуги более 10% от стоимости жилья, за исключением особо крупных расселений и неприватизированных комнат.

Словом, я считаю, что любым делом должен заниматься профессионал.

АНДРЕЙ САХАРОВ,
Санкт-Петербург

На своем горбу они тянут и тянут мешки...

По улицам Стамбула и Пенина, по московским аэропортам и метро, по солнечным вокзалам бесчисленных российских городов и городков... Продавая привезенные кофточки и трусики, они мерзнут (или обливаются потом от жары) на рынках, в палатках или прямо под открытым небом...

Они взяли на себя функции Внешторга и Министерства торговли. Они одели полстраны. Они, женщины, — в основном почему-то женщины! — выброшенные реформами из своих контор, быстрее мужчин сориентировались в новой реальности. Они выжили, прокормили себя, детей, мужей. Они открыли и освоили новую профессию — "челнок".

Года два назад их, "челноков", было в стране, говорят, около пяти миллионов (впрочем, нан подсчитаешь точно?) Сейчас — меньше. Кто-то (большинство) разоряется, кто-то находит новую поприще, иные (меньшинство) богатеют и становятся настоящими купцами...

Но явление, обогатившее русский язык новым понятием, осталось. И еще долго, пожалуй, будем встречать мы в аэропортах и на вокзалах женщин с неподъемными сумками...

Нан им живется? Сладок ли их хлеб? Снолотили ли палаты каменные?... Людмила Видюнова три года назад сменила профессию и стала "челноком"...

Я проснулась. В комнате было еще темно, рассвет только-только теплился, и откуда-то неслись странные завывания — зов муллы и утренней молитве.

Вера, моя соседка по гостиничному номеру, в первый раз в Стамбуле, я — второй. Номер — не больше десяти метров, а в него втиснули две громадные кровати, платяной шкаф, туалетный столик, две тумбы и злополучный стул, который, куда его ни поставь, занимает все остав-

ЛЮДМИЛА ВИДЮНОВА

САВОСЬКОЙ ПО МИРУ

Фото
ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

шееся пространство. Душевая кабинка примыкает анюрат к тоненькой стене, к которой придвинуты изголовья кроватей. Когда один постоялец мылся, второму казалось, что вода вот-вот хлынет ему на голову... Из окна виден кусочек неба да клочок асфальта с мусорными банами.

...Жизнь у нас не начиналась в шесть утра с грохота крышек банов, запаха протухшей еды и ругани обслуги. А заканчивалась часа в два ночи, когда украинцы в окне напротив допивали последнюю бутылку горилки.

Декабрь и на Босфоре декабрь. Спали мы в свитерах под двумя одеялами, но все равно к утру зуб на зуб не попадал. Привычного нам отопления в гостинице не было, кондиционер же по закону подлости не работал. Вчера, когда нас расселили, администратор пообещал к вечеру его отремонтировать, но слова не сдержал: "Простите, забыл. А сейчас элентричи уже ушли".

В ледяном номере, несмотря на то, что уже рассвело, было совсем не до смеха. Вчерашний забывчивый администратор сменился. Новый, выслушав мои сетования на неработающий кондиционер, не стал ссылаться на ранний час и отсутствие элентрика:

— Поднимайтесь наверх, я пришлю вам сейчас горничную. Она все сделает. По-русски она не говорит, так что, если возникнут вопросы, звоните мне.

Ремонт длился ровно пять минут. Вероятно, эти поломки случались с регулярностью смены дня и ночи. Женщина просто подломила куда-то кусочек картона — и все заработало. Я ругала себя почему зря. Вместо того, чтобы вчера настоять перед не столько забывчивым, сколько ленивым администратором, всю ночь стучала от холода зубами. Впрочем, уже через несколько минут поток теплого воздуха улучшил наше настроение.

В торговой части Стамбула, где останавливаются шоп-туристы со всего пространства бывшего Союза, каждый второй говорит по-русски. Если торговая фирма не может найти турна, знающего наш могучий и великий, она берет на работу говорящих на русском хрватов, поляков, болгар, молдаван, украинцев, да и самих русских. (Мне, кстати, в первый приезд предлагали работу продавца с окладом в пятьсот долларов...) Но Вера ухитрялась безошибочно выбрать из толпы того, кто не знает ни слова, и все пыталась выпросить у него, в каком магазине продается то-то и то-то, хотя в Стамбуле продается все и везде. Собеседник, в свою очередь, пытался, как правило, сбегать ей ниному не нужный сувенир.

Определить, кто в Стамбуле владеет русским, а кто нет — на самом деле просто. Если чист, выбрит, одет с иголкой — 99 процентов гарантии, что гладок он благодаря нашим соотечественникам. Если же, напротив, похож на бомжа, значит, безработный. Потому что не понимает по-русски.

Богатство Стамбула, в частности, и Турции вообще прирастает во многом благодаря "нупцам" из России и других стран бывшего Союза. Ежедневно сюда прилетает минимум не меньше тридцати самолетов с "челноками" плюс поезда и автобусы, проходящие через Румынию и Болгарию, да еще теплоходы из Новороссийска, Сочи и Одессы... В Стамбуле — целый "челночный" район, где магазины и отели украшены вывесками по-русски: "Дружба", "Москва", "Спутник" или просто — "Хорошая ночь"...

Не знаю официальных цифр (да и кто их может посчитать!), но говорят, наши "норобейники" вывозят из Турции товаров примерно на 10 миллиардов долларов ежегодно. Тем самым обеспечивая работой местных

продавцов, модельеров, швейников...

Из Турции везут в основном ширпотреб – маечки, трусики, носочки, рубашки, костюмы и куртки.

Примерно такой же ассортимент отправляется в Россию из Польши и Китая.

Мне несомненно раз довелось бывать по "челночным" делам в Китае, но сейчас эта страна не для такой "мелочи", как я. Лететь туда можно, имея в кармане, как минимум, четыре-пять тысяч долларов. Во-первых, дорого стоит путевка – 800–900 долларов. Во-вторых, много приходится платить за доставку груза. И, наконец, у китайцев очень сильно различается оптовая и розничная цена.

В последнюю "китайскую езду", например, я торговалась по поводу симпатичных плащинок. "Возьмем пятьсот пласей – отдам по тридцать юаней за стуну", – говорил мне продавец. – "А если десять?" – "Тогда по сто юаней за стуну."

Благодарю покорно! Примерно столько же стоят эти плащи, в переводе на рубли, на рынке в Лунниках. (Цены сбивают те, кто покупает их крупным оптом.) Что ж я-то тогда зарабатую?!

Еще из Китая везут янобы "фирменные" вещи. Не раз и не два мне доводилось видеть в московских магазинах ботинки "сделано в Италии" и с "лейблом" известной фирмы. По низкой их цене я понимала, что никакая "Италия" там не ночевала – туфли сварганены где-нибудь под Пекином...

Можно было бы, кстати, отправиться "челночить" в саму Италию – ни разу не была, а говорят, такая красивая страна! Но это тоже маршрут для богатых. Оттуда привозят качественные вещи и сдают на реализацию в недешевые магазины. Соответственно – и начального капитала надо раз в пять больше, чем было у меня.

В Арабских Эмиратах и Греции тоже полно русских. Но туда отправляются за специфическим товаром. Зплата поставляет в Россию шубы (обычно сшитые из наших, "отечественных", песцов и норок). Эмираты – телевизоры, видео, музыкальные центры, элентроничии и кофеварки... Чтобы ехать в Грецию или Эмираты – тоже надо и денег больше, чем у меня, и связи в "меховом" или "элентронном" мире... Ни того, ни другого у меня не было – и оставалась одна палочка-выручалочка: Стамбул.

...Вернемся на денабрьские улицы турецкого города, но мне и Вере. Не знаю, почему Вера в толпе приставала к какому-нибудь безработному или бомжу. Может быть (прости меня, товарищ), оттого, что сама была на них чем-то похожа.

Там же безработная в видавших лучшие времена куртке и юбке. Неукорененная, небрежно причесанная, не мечтающая кому-нибудь понравиться. То с лихорадочно блестящими глазами, то с тусклыми, в которых застыла вселенская тоска.

Я заметила ее в Шереметьево, где мы три часа ("челночный" вылет по обыновению задержали) маялись у выхода на посадку. Наверное, судьба свела нас и в одном номере не случайно. Мы были, откровенно говоря, "челночной мелочью". Она привезла с собой тысячу долларов. Я чуть больше – полторы. Суммы для настоящих бизнесменов смешные. Что-либо заработать при столь скудном капитале можно лишь, если очень повезет.

...За время "челночных" странствий мне встречались разные компаньоны.

Не знаю, кто и когда придумал первым отправиться за импортным товаром самим, не надеясь на минторги и внешторги, и самим же его продавать – но, кажется, было это

на заре реформ, в начале девяностых. Тогда все было по-простецки: съездил, накупил маек, потом продал их где-нибудь у стан ГУМа (в те времена, напомню, действовал указ о свободе торговли – торгуй где хочешь и чем хочешь) – причем цену можно было назначить хоть в десять раз выше той, которую ты заплатил в Стамбуле – других таких маек в Москве просто не было. И собирайся в новую "езду"...

Кто только не кинулся осваивать рынки сопредельных стран! Помню женщину из Бреста, в недавнем прошлом врача, которая на чем свет простерла гайдаровскую реформу. Они жили с мужем на Севере и всю жизнь копили на квартиру "на материне", на мебель и машину. Реформа съела: сбережения в одночасье. Но Оля не стала посыпать голову пеплом, а переквалифицировалась в "челноки" – одной из первых в своем городе. Благодаря удаче и природной хватке она не только восстановила потерянное, но и с лихвой приумножила его: купила квартиру в Бресте, приобрела иномарку, специально моталась в Эмираты, чтобы вывезти для новой квартиры "джентльменский набор": роскошную кожаную мебель, видео- и аудиотехнику, компьютер... О врачебной профессии своей она почти забыла.

Вспоминаю профессора, доктора технических наук, с которым я познакомилась в одной из поездок в Китай. Жалование на кафедре ему не платили, и он решил пополнить семейный бюджет экзотическим способом. Профессор покупал в Пекине только...мочалки, уверяя всех, что это самый ходовой и выгодный товар. Больше я его на "нараванных тропах" не встречала. Будем надеяться, что он разбогател на своих мочалках, а еще лучше – получил какой-нибудь грант и вернулся к любимому делу.

В той же "езде" встретился мне студент, уже женатый, с ребенком...

Стипендия 70 тысяч, родители помогать не могли, и он, чтобы прокормить молодую семью, бросился "челночить". Не знаю, как пошел его маленький бизнес, но с учебой, я думаю, были проблемы: очень уж много времени и вдохновения уделял он торговле...

Однажды встретила женщину из маленького нарельского городка, которая всю жизнь проработала директором магазина. Она и сейчас – директор, только остался у нее один продавец, а она сама ездит (в основном в Италию) и покупает недорогой красивый товар, чтобы, как она говорит, "одевать местную элиту". Среди "челноков" вообще много бывших работников торговли. Призвание, видимо, дает о себе знать – в плановой ли экономике ты существуешь, в "переходной" ли.

"Челночный" бизнес нынче, если говорить умными словами, структурировался и организовался. Уходит из него случайные люди. Практически нет таких (моя Вера – исключение), кто сам ездит – сам и торгует. Продает привезенный "челноком" товар обычно специально нанятый продавец (или компаньон) – соответственно есть своя палатка (как у меня) или место на рынке. Другие "купцы" сдают вывезенный "из-за бугра" товар на реализацию рыночным торговцам, в магазины или в оптовые фирмы.

Многие теперь путешествуют нелегко (особенно мужчины, женщина все равно повезет с собой подарки детям и близким). Они покупают товар прямо на фабрике, с которой уже установили долгосрочные связи (это намного дешевле, чем в магазине!). Там продукцию упановывают и отправляют багажом – "челнок" ее даже не насчется.

Эта категория людей любит называть себя "крутыми". Их основная черта – нахрапистость и умение оттолкнуть при необходимости лонтем

мого угодно, даю женщине или ребенку. Не дай Бог кому-то стать (в прямом или переносном смысле) у них на дороге. И еще одна их отличительная черта – они любят (и умеют!) пить...

Пока я еще не принялась "челночить" (а впрыгнула я на подножку этого поезда, когда он уже мчался на всех парах), задавалась вопросом: почему за какими-то майками, носочками, нуртками и трусиными (далеко не лучшего качества) приходится "ездить за три моря"? Неужели так сложно наладить это производство у нас? Ведь сколько фабрик простаивает! Сколько людей мается без работы! Почему же мы должны оставлять свои деньги где-нибудь в Стамбуле или Пенине, их, а не наших работников кормить?

Теперь этих вопросов не задаю. Дело тут вовсе не в качестве или "модности" товаров. Наши сейчас могли бы шить, тачать, строчить ничуть не хуже турок или китайцев.

Дело в наших безумных налогах – раз. Высокой плате за аренду – два. Зарплате – три. (В России ни одна швея, как бы ей плохо ни жилось, не согласится работать за 30 долларов в месяц – в Китае это нормальная зарплата.) Вот и получается, что привезти какое-нибудь барахло из-за трех морей – все равно выгоднее, чем сшить его где-нибудь в Балашихе.

Я даже встречала нескольких бизнесменов (начинавших, кстати, "чистыми челноками"), которые сейчас возят в Китай российскую ткань и разработанные у нас модели. Там из всего этого китайские рабочие шьют добротные костюмы или платья – и предприниматели отправляют готовую продукцию назад, в Россию. Им, нашим мелким бизнесменам (не говорю уже о крупных!), выгоднее налаживать производство там, а не здесь. Занордонной экономике помогать, а не нашу на ноги ставить!

Их ли в этом винить? Рыба, как говорится, ищет, где глубже – а если в России тебя налогами задушит, то в Китае иностранные производства, например, первые два года, насколько мне известно, вообще налогами не облагаются...

Вернусь от рассуждений об экономической пользе вообще и маленькому, но своему бизнесу.

Пару лет назад, когда я имела весьма смутное представление о торговле, мне назалось, что начать можно с любой суммы, хоть с двухсот долларов. В первую поездку превращаешь двести в четыреста, потом четыреста в восемьсот и так далее. Увы, заработать капитал в одночасье "челнок" мог лишь в начале девяностых, когда прилавки были еще пусты, зарплату не задерживали, а торговать можно было где угодно.

При сегодняшнем изобилии товаров и стоимости кошельков, жесткой конкуренции, астрономических ценах на аренду торговых площадей, высоких пошлинах и налогах мелкому "челноку" таяно. Уж не знаю, как Вера обернула свою тысячу, а с моими капиталами произошло следующее.

Заняла я тогда на поездку две тысячи долларов. Своих денег не было – что, впрочем, для меня естественное состояние. Искала путевку подешевле, но объявленные в рекламе туры за 225 долларов (или 240, или 260) по разным причинам – цены на авиабилеты подскочили, мест в дешевых гостиницах нет, от медстраховки нельзя отказаться – отсутствовали. Товар же нужно было успеть привезти к предновогодней торговле, поэтому пришлось взять путевку за 290. Плюс 10 долларов виза. Двести оставила дома на "всякий пожарный". Еще сто долларов ушли на мешки, упаковку, страховку груза и еду.

На товар осталась тысяча четыреста долларов. Все их до копейки,

вернее до цента, и потратила. Оставленных в "зачатке" двухсот на доставку моего добра и оплату таможенных пошлин не хватило. Не учла, что покупать надо не только дешевое и модное, но и обязательно при маленьком капитале легкое. Ведь фирмы, доставляющие и растаможивающие груз, рассчитывают оплату, исходя из веса. Конечно, можно было отправить груз автотарго, но Новый год был уже на носу.

Доставка, словом, обошлась в триста долларов, еще тридцать ушло на подвоз груза от склада авиакомпании до магазина. В целом же мои расходы с учетом суммы, заплаченной за сам товар, составили 2130 долларов.

И все же тогда мне повезло. Благодаря предпраздничной суматохе, удалось реализовать все за две недели и в два раза дороже, чем покупала в Стамбуле. 1400 я превратила в 2800. За вычетом расходов на поездку это принесло 670 долларов прибыли. При моих доходах это более чем хорошо. Но... Затраты на поездку — это отнюдь не все мои траты. Налоги (при моих скромных доходах совсем не смертельные, составляющие гораздо меньший процент в сравнении с арендой), сама аренда и зарплата продавца съедают в среднем 1100 долларов в месяц.

Тогда в моей палатке (четыре квадратных метра в бойком столичном месте), кроме привезенного в последний раз из Стамбула, продавались, конечно, какие-то остатки из предыдущих поездок, товар, купленный в оптовых фирмах и принесенный другими "челноками" на реализацию. В целом предновогодний месяц оказался очень удачным — 700 долларов прибыли. Наверное, тем "крутым", кому попался на глаза этот материал, мои восторги просто смешны. Но я была счастлива.

Потому что в сентябре заработала только 400 долларов, октябрь вообще принес "минус" 550.

Как это получилось?

Снять торговую площадь непосредственно у городских властей мелкому предпринимателю с дыркой в кармане практически невозможно. Их, эти площади, снимают "оптом" крупные воротилы. Затем сами сдают частями внаем "анулам" помельче. И уже те дают в аренду палатку "рыбешкам" вроде меня. Так что приходится кормить в лучшем случае одного или двух, а чаще трех-четырех посредников. И вот этот третий или четвертый, собирающий с нас "живые" деньги, может в один прекрасный день просто смыться. "Минуть" и хозяина, и всех арендаторов. С нами это в октябре и случилось. Потеря нам, мелким суб-суб-арендаторам, никто, естественно, не возместил.

В октябре, стало быть, убыток составил 550 долларов; в ноябре из-за забывших к нам дорогу покупателей — еще 80. Поэтому когда декабрь принес 700 долларов, я была на седьмом небе. Вернула, наконец, все свои долги, которые тянулись за мной уже год, с декабря 95-го, когда волею совершенно случайных обстоятельств я стала хозяйкой лавки.

Абсолютно никакого начального капитала не было. Я сразу взяла в долг тысячу долларов и весь год то отдавала ее, то снова занимала. Сначала надеялась стать пусть не богатым, но хотя бы среднеобеспеченным гражданином. Но очень скоро единственным желанием стало просто вырваться из порочного круга давящих на психику долгов. Увы, не вырвалась до сих пор.

Надо было поставить точку тогда, 31 декабря. Не рискнула... Жалею по сей день... После раздачи долгов в кармане осталось всего 200 долларов, а плацдарм для от-

ступления, то бишь место работы, я себе не подготовила. Муж в тот момент тоже был безработным, дочь – студентка. Плюс “зоопарк” – собачка и кошка, которых тоже надо кормить. Жить на мамину пенсию?

Счастлива и свободна я была лишь в новогоднюю ночь. Первого, выпившись, прослезилась и пошла с протянутой рукой к своему работодателю. Хоть в этом повезло, есть человек, который всегда дает мне в долг без процентов и под “честное слово”. Правда, по-настоящему большую сумму, чтобы развернуться, я у него занять не могу. Боюсь: вдруг что-то случится и не смогу вернуть. Впрочем, больших денег у моего “банкира” и нет...

В отличие от меня Вера сама себе и “банкир”, и продавец. Когда-то она работала в исполкоме. После перестроечных потрясений потеряла работу первой, поскольку была без высшего образования и вообще без профессии.

Своей семьи нет. Живет с отцом. На его пенсию сначала перебивалась, все надеялась, что рано или поздно найдет работу. Хоть в исполкоме была и самым маленьким клерком, но все же знакомства водились. Но, увы, робкая, малообразованная, пусть порядочная и чем-то трогательная женщина оказалась никому не нужна.

Когда стало совсем туго, преодолела “комплекс полноценности” – работница исполкома и вдруг на рынке торгует – и попросила у знакомых, давно побросавших свои низкооплачиваемые больницы и школы и вышедших на рынок, несколько кофточек “на реализацию”. Купила, уне на свои, еще несколько кофточек, снова продала.

Когда узнал о свободной торговле – продавай где хочешь, что хочешь, без арендной платы и налогов – купил в Лету, Вера вышла на рынок. Цена места в ее небольшом городе

по сравнению с московской, конечно, просто мизерна. Но в провинции свои проблемы – столько товара, как в Лунинянах, там не продать. И все же Вера добилась большего, чем я. У меня не было собственной тысячи долларов, а у нее была. Вера стала заниматься торговлей из-за безвыходности и полюбила это дело. Я же своего занятия по-прежнему стыжусь. Если не удастся найти замену продавцу в ее выходной и приходится самой стоять за прилавком, к вечеру становлюсь совершенно больной и разбитой. И ненавижу себя. Бросать любимую, пусть невысокооплачиваемую, работу и пускаться во все тяжкие мне не было абсолютно никакой необходимости. Сказать, что погналась за деньгами – тоже, в общем-то, нельзя. Хоть от комфорта не откажусь, но “чувство зависти и “новым русским” меня не мучает.

Случай, его величество случай... Знакомые, сменившие вид деятельности, предложили свою лавку. И мне захотелось попробовать себя в роли хозяйки, а не наемного работника. Думала, идиотна, благодаря “челночеству” погляжу на мир, заработаю немного денег и брошу. Увы...

Что же касается шестисот процентов прибыли, на которые рассчитывала Вера, то, может быть, в Оренбургской области это и возможно. В Москве – нет. И любовь к торговому делу, умение продавать тут абсолютно ни при чем. На турецком товаре и сто процентов прибыли – удача, учитывая, что, имея тысячу или полторы, вы покупаете в Стамбуле не столько оптом, сколько, в общем-то, в розницу. Конечно, если накупить на всю тысячу банок трюсини, это будет опт. Но в своей лавке я буду продавать эти трюсини всю оставшуюся жизнь.

По большому счету мелкому продавцу сегодня вообще не надо никуда ездить, в Москве у крупных поставщиков есть все. И с небольшим капиталом порой выгоднее купить у

них, чем платить за путевку, доставку и прочее.

Почему же еще ездим?

Наверное, потому, что наденда, как известно, умирает последней. Кроме того, ходить по рынкам других стран несравнимо приятнее, чем по московским. Иногда и везет. Удастся привезти то, чего нет в Москве ни у кого больше ни по какой цене. И тогда товар улетает "со свистом"...

В отличие от меня Вера – человек оседлый. До своего "челночества" единственным местом, куда она иногда ездила, был Оренбург. Даже в качестве "челнока" она до последних пор бывала в основном там – скупала товар на рынке, продавала в своем городе... Москва, куда Вера попала благодаря поездке в Стамбул, произвела на нее ужасающее впечатление:

– Зашла в кафе. Нусон нурицы пятнадцать тысяч. Это без гарнира. Если же в тарелку положат чуть-чуть картошки, ложку салата и польют все это наплев майонеза – пожалуйста, все тридцать... Нет уж, спасибо!.. На эти деньги я могу неделю прожить. Картошка у нас своя, салат тонне, а целый килограмм нурицы стоит всего восемь тысяч.

В Москве действительно непросто. Чаще приходится облизываться, глядя на чужой праздничной жизни. В том же Стамбуле за тридцать тысяч можно наесться до отвала...

Оптовиками мы были хилыми: там брали десять нофточен, тут – двадцать свитеров, рядом сто маек, пятьдесят тапочек и так далее. Настоящие оптовики по десять штук ничего не покупают, поэтому товар им благодарные продавцы бесплатно доставляют прямо на склады при отелях. Там же мы таскают свое добро чаще всего сами. Благо, можно без опаски оставить покупки в любом магазине, туда же принести то, что купишь рядом, а потом все сразу, наняв грузчика, отправить в отель.

Деньги и паспорта из нарманов в Турции воруют, случаи надвувательст-

ва с товаром – предоплату взяли и исчезли – тонне изредка случаются, но в целом там все же гораздо спокойнее, чем на наших рынках. Турецкие гиды, встречающие туристов, сразу предупреждают о возможных неприятных приключениях и дают нехитрые, но полезные советы: если в нармане круглая сумма, не надо ехать с человеком, с которым познакомился на улице, на какую-то неизвестную фабрику в другом конце города. Не следует верить и обещаниям, что где-нибудь в грязном подвале вам продадут что-то за половину средней цены – в подвалах и на чердаках хороших магазинов, как правило, нет, а вот жулики могут быть. И действительно, неприятности бывали, как правило, лишь у тех, кто, понадеявшись, не учел советов.

Вера никому не верила и ничего нигде не оставляла. Мой маленький опыт предыдущей поездки в Турцию игнорировала, а вот сама кое-чему научила. Умению торговаться, например. Раньше я все покупала по той цене, которую мне изначально предлагали. Иной раз продавцы даже сбрасывали ее сами:

– Откуда вы? Недавно, наверное, бизнесом занимаетесь? – И уже утвердительно. – И наверняка не из Киева!

Сначала я не понимала, при чем тут Киев. Потом, когда несколько раз столкнулась с украинцами в магазинах, поняла – торгуются они "до смерти". Никогда ничего не купят не только по первоначально объявленной цене, но даже и за пятьдесят процентов. Будут торговаться до тех пор, когда поймут – больше не "ужать"...

Я не вмешивалась в Верин торг. Сидела в стороне, потягивала кофе. Что мне больше всего нравится в турках – это их традиция подавать в лавочках покупателям кофе или чай – даже когда они не знают, купят ли те что-нибудь. И вообще меня восхищает их отношение к покупате-

лям. Тебе везде рады, и это, оназызается, так приятно. У нас пона, не смотря на конкуренцию, покупателей, увы, не любят.

Вот так я пила в магазинах мой любимый кофе, а Вера работала. Чаще всего продавец уступал, но когда мы называли требуемое нам на самом деле количество, у него просто руки опускались. Я краснела, а Вера вновь брала инициативу в свои руки:

- Ничего, вы еще продадите. Доброму, как вы, человеку Бог, ах, нет, прости, Аллах всегда помогает - и так далее. Еще полчаса беседовали с продавцом на обиде темы и расставались, как правило, друзьями.

Магазины были единственным местом, где Вера нигуда не спешила. Меня же, хоть я и купила благодаря ей многое гораздо дешевле, чем смогла бы самостоятельно, этот бесконечный торг в каждом закулке и вечеру совершенно измучил. Н тому же приходилось искать периодически теряющуюся Веру. А времени, к стати, было в обрез. По сути дела, оставалось меньше суток. Уезжали мы на следующий день утром. Сегодня надо было еще успеть сдать весь груз, и я мечтала хоть что-нибудь посмотреть: Айя-Софию, например, или Голубую мечеть...

В прошлый раз в Стамбуле компании у меня не было, соседка по номеру была крайне необщительной, а одна бродить по незнакомому городу я не решилась. Надеюсь в этот раз уговорить Веру пойти со мной. Но груз мы сдали лишь в восемь вечера... Вышли в город, свободные наконец от денег и необходимости попутать.

...Стамбул я все-таки увидела - в следующую поездку. Но лишь из окна такси. Взяла с собой дочь, думая, что с ней-то просто вынуждена буду побыть не только "челноком", но и чуть-чуть туристом. Но вылет задержали на пять часов, и первый день пропал. Следующий ушел на беготню

по магазинам. В оставшиеся два часа взяли такси, пронатились по городу да прогулялись немного у красивейшего здания университета. Мой вялотекущий бизнес поглотит тани, и, похоже, навсегда, мои надежды увидеть мир...

Дочь же после той поездки окончательно потеряла веру в мое предпринимательское будущее. Пытаюсь использовать опыт, приобретенный с Верой, я искала товар подешевле и дане торговалась. Мне охотно уступали. Почему, я поняла уже в Москве. Чуть ли не треть товара оназалась браном. Половину этого брана удалось продать в Москве по стамбульским ценам, еще часть - за полцены. Остальное будем носить сами, если удастся, конечно, влезть в водолазку 44 размера, но с воротом, в который вряд ли пройдет и голова грудного ребенка. А симпатичные пушистые свитерочки, когда их надеваешь, почему-то подскакивают и превращаются в теплые топики, отрывающие живот...

В "челночных" поездках я почти не встречала людей, гордящихся своим теперешним занятием. Чаще всего в "челноки" идут от безысходности (причем в большинстве - женщины...), чтобы выжить, выжить и не опуститься на дно моря "рыночных отношений". Здесь нельзя загадывать не то что на год - на месяц вперед. Живем одним днем, одной поездкой. Больно, стыдно порой - но без этого уже попросту нельзя. Это затягивает, как наркотик. Хотя понимаю, время наше кончается: крупные оптовики "раздавят" нас, "челночников", будто каток. Те, кто еще пока рискует со своими мизерными для оптовой торговли суммами пересекать границы, скоро, я думаю, оседет в своих городах. (Хорошо, если найдут работу по душе и с достойной оплатой...)

Впрочем, Пизанская башня, хоть и валится уже столетия, а все еще стоит...

Те девушки с которыми мы были
 которых мы конечно не забыли
 им прямо скажем очень повезло...
 поскольку мы их юными запомнили
 нетленными – пока в чести стихи
 и все страницы памяти заполнили
 их волосы улыбки и духи

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

Осенний дождь идет
 шурша едва-едва
 отмокнет отпадет
 последняя листва

который день подряд
 дождь не теряет сил
 река несет наряд
 черемух и осин

у печки дровяной
 тепло вбирая впрок
 я грел как шар земной
 то тот то этот бок

...спадает лимный гнет
 и всех с ума сводя
 вдруг тополем пахнет
 от майского дождя

но летний всех милей
 о гул твоих шагов
 полей цветы полей
 полей цветы лугов

улов с реки несущ
 свободен одиночек
 а девочке к лицу
 ромашковый веночек

день пышет горячо
 пред всполохами гроз
 так хочется еще
 и свежести и грел

ЗАРЯ ВЕЧЕРНЯЯ

Михаилу Ильину

Мчит электричка вдоль заката
 меж лип цветущих и полей
 что миновало без возврата
 то стало ярче и милей

полно надежд и ожиданий
казалось жизни нет конца
и отылались там сердца
среди соцветий дружб недавних

давил ли резво на педали
дремал ли под турбинный рев
душа пронитывалась далью
перепалываясь до краев

не уходи заря повисни
над прудом спящих карасей
я здесь в пустой породе жизни
владею россыпью друзей

как свет из глубины кристалла
далекий образ вдруг нагнал
и та мне всех дороже стала
любви которой не познал

я вас люблю как вдохновенье
мои подруги и друзья
вы вновь явились в отдаленье
сквозь силуэты бытия

≡

В судный день и в судный час
что останется от нас
то ли истине служенье
то ль бахвальство напоказ

Судный день и судный миг
навсегда разглядят лик
не жалей о том что было
и к чему привык

К нам приходят чередом
ветродуй и скотидом
спесь смятенье и покой
цвет с бесплодьем иль плодом

Поздний возраст – вид с вершин
что задумано – сверши
жизнь – игра воображенья
и движение души

За границей бытия
верно должен быть и я
что ж и это я приемлю
ведь и там мои друзья

САДИСЬ, ПРИДИМ УМРИ...

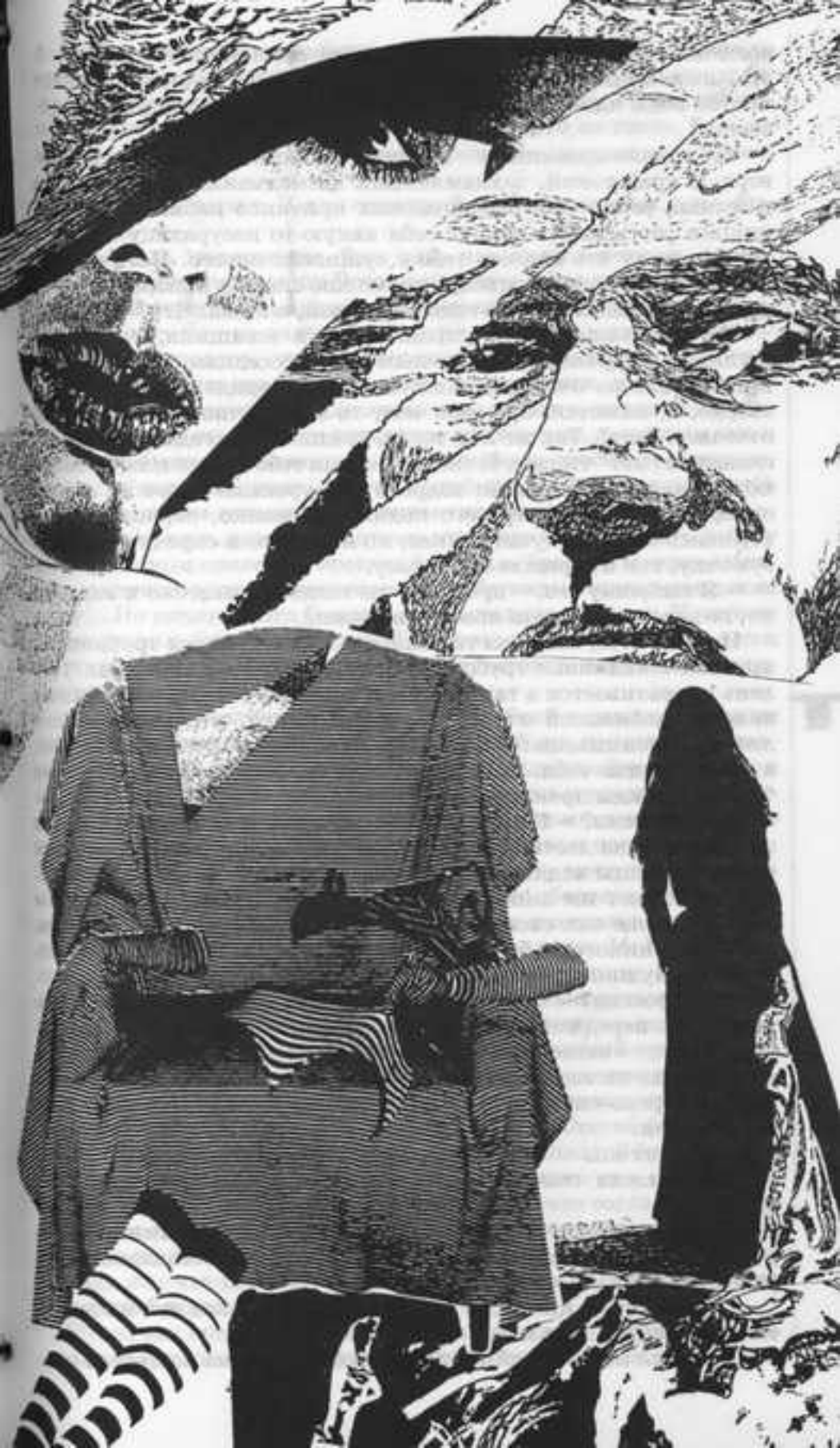
Тихо и трепетно мерцает сад, широко и легко спадает с неба вода, многое хочется помнить, и многое забывается, многое хочется забыть, а оно припоминается вновь. Да и не знаешь никогда точно: что же по-настоящему забывать надо, что помнить? Начинаешь строку, и, кажется, необходимей ее нет ничего на земле, а к концу этой строки уже мелькают перед глазами рваные пятна, и зажигается красный фонарь: не надо, не то, стоп! И лучше всего, наверное, когда у рассказа нет ни конца, ни начала, а есть только ощущение: что-то когда-то действительно шло, какая-то жизнь вертелась на кончике пера и языка, билась, трепетала, пела. И вот ты вдруг уцепил, схватил и увидел ее по-настоящему, а не сквозь слезы, а не боковым, косвенным и равнодушным зрением, и уже стоит перед тобой на лестнице полутемной беженка, стоит, как сама жизнь, не рассыпается, не уходит. И ты словно со сна, не умея враз выпутаться из внутренних своих мыслешевелений и длиннот, ошалело спрашиваешь:

— Стася? Ты?

Ты еще надеешься, что она скажет: “нет”, скажет, что это ошибка, скажет, спрячется в растерзанный гурт, в жалкую толпешку таких же, как и сама она, беженцев, подбирающих дряхлыми овечьими губами с грубокрашенных редакционных столов черные, черствые крохи.

Но она отвечает: “да”. И уводит глаза в сторону. И тогда ты вспоминаешь, что уже видел ее два часа назад, пробегая из секретариата в столовую, видел когда-то золотканье, а теперь желтовато-серые волосы, видел чуть удлиненное лицо с прозрачным, словно точившимся из слоновой кости носом, видел пылающие черным огнем глаза, уставленные на тебя. Видел, но не признал, не вспомнил...

Дни нашей жизни бегут, как эта вода с неба. Пробежали разодранные напополам семидесятые, пролились, как из ведра гремучего, восьмидесятые, бегут, убегают в бездну обезумевшие девяностые... И ты, ежась оттого, что по тебе сбегает сразу два десятилетия, на минуту “выпадаешь из момента” и забываешь, что же сейчас такое за окнами: весна, осень? Да, наверное, этого знать и не надо. Потому что сейчас со щек и с губ твоей, со щек и с губ стоящей перед тобой и невыносимо постаревшей за двадцать лет женщины льется другая вода и другое небо, сбегает другая жизнь, которая кажется тебе единственно

возможной и нужной и кажется, без сомнения, истинной. А это, нынешнее твое существование, наоборот, представляется чистой водой идиотством, глупостью высшей марки представляется...

Ты хрипло просишь ее — не жизнь, женщину! — подняться наверх, в твой узкий, захламленный несколькими поколениями газетных репортеров и заштатных критиков кабинетик, говоришь и рассыпаешь вокруг себя какую-то несусазицу и дребедень, потому что сказать тебе в сущности нечего. Потому как, что можно сказать мертвецу, что можно сказать призраку, пусть даже и произносящему в голос: я живой, я жива. Что?

Ты продолжаешь ее упрашивать, и женщина, скользнув взглядом по драным и травленным своим соседкам, робко глядящим на вас из очереди, движущейся к коридорному столу, — твердо, и, кажется, про себя чему-то мимолетно улыбнувшись, отвечает: "нет". Так же как тогда, двадцать два года тому назад, сказал ей "нет" ты сам. И она, сованная тебе в руки ключ с нелепо вывернутой головкой, вздрогнула, уронила ключ на землю сквера, сама же быстро его подняла и жалко, нерешительно, страхась снова получить отказ, но и страхась спрятать ключ в сумочку, так и держала его навесу.

— Я выброшу его, — просипел ты тогда напыщенно и надменно, не давая ей сделать нового движения.

И после этих слов вся та вопящая из кустов, вся трубящая в хрупкие стеклянные трубочки майская (или уже июньская?) зелень проваливается в тартарары, и ты снова оказываешься близ нелепо изломанной очереди, под лестницей, у редакционного лифта. И понимаешь: тогда жизнь истинная кончилась для нее, а теперь — для тебя. Всею своя чередой, всею! Будь оно — это "все" — трижды проклято!..

— Профессия? — Подозрительно щурится женщина, сидящая за столом близ лестницы. Она не может дождаться конца этой муки, беженцы ходят сюда уже год, никто им ничем не помогает, разрешают им лишь порыться в куче тряпья на четвертом этаже, да еще они своим присутствием дают право газете заглянуть: "мы никого не бросаем в беде". И выставлять это, где требуется, в нужном свете.

— Профессия? — Требуется расстегнуться и раздеться, требуется вывернуть перед ней душу рыжеволосая, толстомытая фурия.

— Ввгач, — отвечает лохмач в серой замазученной куртке, в рядюшных, из какой-то цирковой портьеры выкроенных штанах, с багрово-синим, то ли испитым, то ли напрочь отдаленным, лицом.

— Доктогт я...

Толстомытая смеется. Хоть один весельчак попался. Хоть одив!

— Ввгач, ввгач, — торопится успеть, торопится поймать что-то ускользающее лохмач, и голова его вдруг резко и безнадежно обрывается вниз, на грудь...

— Врач? Врача никакого не надо! — говорила она мне и отодвигалась в испуге подальше.

Врач был постоянной темой наших тогдашних разговоров.

Она как чумы боялась беременности, все время пила какие-то травы, таблетки, пачками уничтожала аскорбиновую кислоту, жаловалась на скотину-режиссера, не дававшего ей никаких ролей, и уверяла, что любит меня больше всего на свете, больше жизни, больше даже — владевшей ею теперь полностью — хореографин.

Я этому не верил. И для сомнений моих основания, увы, были...

Да, тогда, конечно же, был май, мы жили в южном, теперь уже не входящем в состав России городе и были охвачены сухой и нервной страстью к одному ныне умирающему, или даже совсем умершему, — не знаю этого точно — жанру, жанру музыкальной комедии. Нам казалось, что эта испанизированная, или, в других случаях, сработанная для венских потаскушек дрянь сможет как-то раскрепостить ту классическую музыку, которой я занимался, как-то оживить то актерское мастерство, о котором она и думать забыла. А заниматься нам надо было совсем другими вещами, во всяком случае, мне: на носу были дипломные экзамены в музыкальном училище, за экзаменами маячила консерватория, или армия, или... И поэтому мне надо было бросать работу в театральном оркестре, бросать безделье, бросать шатанья ночные по душновато цветущему городу, бросать в конце концов ее саму... Но ничего этого бросить я не хотел, да и не мог. И потому давно решил: будь, что будет. И от этого жизнь моя сразу — как тронутый ногой камень — полетела с турецких, окружающих город валов вниз...

Она жила в узкой, как башмак, служебной комнате, на самом дне огромного, наплывающего скалой на пустоватую площадь театра. Из подвала низкосводчатый длинный переход вел в оркестровую яму. Там в переходе, тревожно и сладко подвизавшим гниющими декорациями, дымившим дневным, нерезким, голубовато-потусторонним сиянием, мы и познакомились. Причем познакомились при неприятных, но даже теперь на меня почему-то возбуждающе действующих обстоятельствах: рядом с переходом, прямо под вертящимся театральным кругом, пытался повеситься и, в общем, повесился актер М. Его случайно вынули из петли, полуживого свезли в больницу, и я с непонятной дрожью возделания, с не разъясненным доселе трепетом влечения и отталкивания одновременно вспоминаю зелено-красный, очень узкий полумесяц, глубоко охвативший его шею, полумесяц, который он с гадким, булькающим смехом и прибаутками демонстрировал нам всего лишь через полтора месяца после случившегося. Я помню, как тогда мы со Стасей (впрочем, и все остальные тоже) с тайной жадностью, с молодой бесчувственностью выспрашивали у бедного повешенного его ощущения. Особенно всех нас интересовало: правда ли, что согласно пущенному кем-то слуху повешенный в момент зависания, в момент разрыва шейных позвонков ощущает дикий любовный восторг? Правда ли, что сам М. из-за ожидания этих грубоэротических ощущений и полез в петлю?

Итак, мы познакомились, и нас словно едким кипучим оловом приварило в минуту друг к другу. И судьба наша, ударяясь и

цепляясь о невидимые преграды, как двуцветная, вырезанная из легкой жести, пыненькая от остроласковой весны бабочка, полетела к белым разрывам и вспышкам утренних ненужных огней... Да и вся наша жизнь тогдашняя была словно ярко-размазанная, неклассическая, и оттого слегка фальшивая и сумбурная хореография: блеск, пустота, полет... снова блеск. От жизни этой тянуло заморочкой медленных спиртовых притираний, порочным запахом пудры и острой белой пылью тянуло. Она была великолепно, но и горчила уже немного. И основная горечь жизни состояла, представьте, в том, что Стася – Станислава – была врушкой. Она врала непрерывно, врала всеми своими движениями на сцене, в буфете, в гримерной. В каждом наклоне и повороте ее шеи, ее головы я видел тонкий паутинный налет совершенно прощительной, как теперь я понимаю, женской лжи. Она врала постоянно, без умысла и беззлобно, но врала вовсе не без выгоды. Мне тогда казалось, что из нее слова, полслова правды не вытянешь. Далась мне эта правда! Любовь и взаимность в любви – вот правда бытия! Тем более что когда она целовала меня, прижимая своим хлестким, но отнюдь не легоньким телом в глухих портьерных закутках театра к стене, никакой лжи, никакого дурного, свойственного ей во всех иных случаях актерства и не чувствовал.

Чтобы пересилить и пресечь эту ложь, откинуть всякие неясности: все ее перемигиванья с главным режиссером – сердитым человеком с бетховенским вихрем пегих волос над исполосованным не только вдоль, но даже и поперек морщинами лбом, – я придумал ездить за город. Мы ездили на дачу с самого открытия на великой и мощной реке навигации, и там на несколько часов возбуждение и лихорадка города, театра, сплетен, ужимок, мелкой лжи и весны покидали нас. Она брала свои балетные новенькие тапочки (розовые и отвратительные, единственное, что я в ее одежде ненавидел), я брал свой выгоревший на солнце серый футляр с черно-вишневой скрипкой внутри, и мы на речном трамвайчике – “черепахе” спускались по реке к очередной, отданной на день кем-то из знакомых в наше распоряжение даче. Своей предполагаемой музыкой и хореографией на этих дачах мы не то чтобы маскировали любовные отношения, а просто постоянно и настойчиво убеждали себя, что для нас все-таки главное – главное, главное! – наши профессиональные занятия, а не что-то “другое”, не вполне запрещенное, не слишком дозволенное...

Ехали мы с одними намерениями, а проводили время странно и почти всегда для себя неожиданно. Вместо того чтобы содрать жаркую, полузимнюю, терзавшую тело одежду, вместо того чтобы сразу вгрызаться, вонзиться друг в друга – ее узкой комнаткой на днище театра располагать можно было далеко не всегда, – мы разбегались по углам, надувались как сычи, припоминали друг про друга нехорошее, несимпатичное, “правдивое”. Потом, конечно, это внезапное и острое отчуждение проходило, и она, выложив на стул или на кровать раздражающие меня тапочки, делала несколько классических, хорошо рассчитанных танцдвижений, о которых с училищных лет не вспоминала, но сейчас вынуждена была вспомнить, и затем сразу начинала поиски су-

хофруктов. И тогда я уходил на причал, – если он был, или просто на поросший камышом – везде одинаково высоким, рваным, иссохшим за зиму – берег, спускал ноги в ледяную еще воду и резко, но неконкретно начинал переживать что-то со мной еще не случившееся, дальше...

Возвращаясь с дачи, мы иногда на полчаса заскакивали в дешевое, но с хорошей, даже неожиданно изысканной кухней кафе-поплавок. Ресторанов и кафе я не терпел уже и тогда, да и смешно сказать: какие могли быть рестораны в мои неполные двенадцать лет да еще при постоянных до последнего времени многочасовых занятиях музыкой? Она же такие заведения обожала. И это тоже служило поводом для взаимной раздражительности и раздоров. В тот майский вечер в “поплавке” было не так пусто, как это всегда бывало потом, летом, в июне, в июле. Мы запрыгнули в качающийся поплавок и тут же напоролись на полупьяного, грузного человека, с грушевидным животом, с лоснящимися гладкими черными волосами, с таким же лоснящимся лицом и с двумя дырками на лице вместо носа. Я не могу сейчас и никогда до этого не мог вспомнить, что он такое сказал, с чего все началось, помню только, что через несколько минут я вскочил, подбежал к безносому, что-то ему крикнул, произошла драка. Драка была молниеносной. Собственно, это была не драка, а так, короткая стычка. В итоге грузный гладковолосый человек, которого я немного знал и который уже подходил ко мне с явно противоестественными намерениями в театральном скверике, в итоге грузный человек упал на крайний стол, а затем волоча за собой ухваченную в злобе скатерть и вовсе сполз на пол. Никогда никаких людей, да еще и много старше себя, я не бил, мне стало тошно, жарко, мы выскочили по шатким сходям из “поплавка” на берег и уселись на скамейку неподалеку. Отсюда наряд милиции, вызванный безносом или кем-то еще, меня и забрал. История эта вряд ли чем мне грозила, но ощущение надвигающихся неприятностей повисло на мне, как повисает, зацепившись за прядь волос курильщика, завиток табачного дыма... Отпустили меня ночью, да и то предварительно вызвав в милицию директора училища, зачем-то еще моего преподавателя, а потом и отца. Повторяю, дело было абсолютно несерьезное, безносого хорошо знали, знали, что он собой представляет, и зачем меня, сторбленно и понуро в милиции сидящего и лишь изредка лохматящего упавшие на шею волосы, показали стольким лицам, – я и по сию пору сообразить не могу.

Родители мои, всегда пытавшиеся вникнуть в мою жизнь, отстали от этой истории как-то в стороне, а вот училищные – те что-то ухватили и вмиг загудели полным роем. Их всегда раздражало, что учусь я вполне прилично, но как-то безалаберно, могу отыграть программу на пять и на два, раздражало еще и какое-то неявное, но все же вполне осязаемое пренебрежение, выказываемое мной столь любимому ими, любимому и мной, но, как уже и тогда я предчувствовал, не основному делу моей жизни.

– Поразительно! Не понимаю – ни бельмеса... – глухим певческим басом тянул на следующее утро директор училища. Он притворно морщился, артистически выкашливал мокроту. Сам

он любовные похождения обожал, был в них неоднократно замечен, и если в чем и сочувствовал мне, то, конечно, только в этом.

— Поразительно! До госэкзамена — месяц. И тут эта танцовщица... Да, да, я знаю, что она актриса! Не перебивайте меня! Вы что, скандала хотите, собрания? Еще чего-то? Вы хотите к нам сюда, в училище, перенести театр? Ваша программа вызывает у Федора Карловича — так звали моего преподавателя — не то, что тревогу, — панику! Вы хотите, чтобы он перед госэкзаменами от вас прилюдно отказался? Хотите, вижу! Ммм... Позор... Ваши родители... Ваш отец... Ну ладно. Идите, и думайте. Идите и... Нет, стойте! Это еще что за петиция? Как понимать эту филькину грамоту? — Он схватил со стола и скомкал в руке присланную из театра бумажку, где меня просили отпустить на гастроли. — Вы в своем уме? У вас на плечах голова или макитра с галушками? Какие гастроли? Поразительно!

Гастроли! Это ведь одно только слово было такое — гастроли. Просто мы колесили полубессмысленно по области, объезжали на двух небольших автобусах с декорациями и испанскими шляпами в картонных футлярах степные курганы, пастушьи курени, срезая жужжащими, как электрические машинки для стрижки волос, краями автобусов пучки сухих придорожных трав. Но именно такие гастроли я больше всего и любил: маленькие курортные городишки, вытянутые в длину екатерининские села с хитро-хмурыми молоканами, с унылыми сельхозевреями, с востроязыкой и нежной голотой русских губерний: Орловской, Курской, Тамбовской, с вечно озабоченными рыночными ценами толстоусыми украинцами...

Гастроли должны были начаться через три дня. Завороженный их медлительной никчемностью, их долговзвучающим странничеством, забыв о грозных предупреждениях директора-певца, я тут же к гастролям этим стал лихорадочно готовиться.

Все возвращалось на круги своя. На следующий день, перед репетицией в театре, в нижнем переходе бесшумно, как лунатичка, возникла Стася, с тихим воем повисла на мне... Жизнь опять завертелась и понеслась куда-то комковатым вихрем, вызывая во мне странную радость обреченностью и несвоевременностью всего происходящего.

В тот день мы оба были не заняты в спектакле, вернее, шел редкий, чуть не единственный в репертуаре театра спектакль без музыки и танцев, и вместо того, чтобы тут же спуститься в узкую комнату-башмак, она, шкодливо (если не сказать паскудно) улыбаясь, протаскала меня сначала пешком по всему городу, и затем втокнула все в то же кафе-поплавок.

Компания в "поплавке" собралась наша обычная — лейтенант-пограничник Леня, два студента без речей, девушка из торговой, но приличной семьи, длинная, узкотелая, снявшая матовой смуглотой лица арнаутка, вызывающе горбоносая, работавшая в каком-то конструкторском бюро, выкрикивавшая слова отдельно и резко, кланявшаяся при произнесении их, как цапля. Все, повторяю, возвращалось и возвратилось бы на круги своя. Но тут произошло невообразимое.

Весь день Стася вела себя странно, капризничала, впадала в краткие и неглубокие водовороты истерик, затем вдруг залившись смеялась, что-то хотела объяснить, потом просто отворачивалась, дулась; в ней происходила какая-то борьба, зрели и рассыпались, как теперь я понимаю, какие-то намерения, решения. Но я, занятый своими мыслями, занятый расположением в ряд, вытягиванием в одну ясную линию повисших надо мной трудностей, на все это внимания не обращал. Наконец, уже за столиком, в "поплавке", она, видимо, как-то собрала в пучок, суммировала свои мысли и шепнула мне в ухо:

— Хочешь, здесь, сейчас разбежимся? Навсегда?.. А? Я ведь мешаю тебе... Я вижу... Я старая танцовка — ей было ровно двадцать лет, — а у тебя все впереди... Ну, говори. Хочешь?

Я что-то возмущенно буркнул, продолжая поедать дешую и вкусную, густо посыпанную крупно хрустящей зеленью снесь, которой давно уже был заставлен весь наш стол.

— Хочешь, хочешь... — Вдруг после паузы снова возникла она. Потом, помолчав, добавила: "А хочешь — получишь." Несколько минут она сидела тихо, не принимая участия в общей безалаберной и бездумной беседе, выпила лишь глоток красного, терпкого, очень холодного, ломящего зубы вина, а затем, медленно и плавно поведя великоленной, золотистокожей, по плечу оголенной рукой, смахнула справа от себя на пол несколько тарелок и вазочку с цветами, мигом вскочила — причем я же ее, машинально и слегка опупев от неожиданности, и поддержал, чтобы она не упала, — на стол.

— Мужики, слушайте! — Зазвенела она низкосеребристым своим, вовсе не глухим, но каким-то слегка ужатым голосом. "Поплавок" мигом стух, и невиданный по тем мертвенно-спокойным временам скандал начался.

— Мужики, вы поглядите! Вы только гляньте на него! Ему мало моих рук! Мало моей задницы! Мало ног! — Она не очень высоко задрала и тут же опустила свое черное длинное платье. — Так ей еще душу из меня вынуть хочет! — Кричала она со своим еле уловимым западно-русским акцентом.

Стоя на столе и крича в голос, была она чудо как хороша: белокурая, мраморнолицая, с еще тоньше выострившимся от напряжения прозрачным носом, с темнопылающими, чуть навывкате, глазами, бледно-веселая от вина и ненависти. Но когда она вдруг заревела, по-бабьи широко и косо раззявив рот, а затем как-то сразу осовев, грузно-тяжело села (не забыв вильнуть при этом хорошо очерчивавшимися под платьем бедрами) прямо на стол и стала сбивать на пол рюмки на тонких ножках и толстопузые фужеры, — она показалась мне отвратительной. Я встал. Надо было, конечно, просто дать ей оплеуху, стащить со стола, сволоочь в узкую комнату на дне театра... Но я разобиделся, освирепел, — причем и тогда мне казалось, и сейчас, словно сквозь толщу воды, кажется, что обида была деланная, что мне действительно хотелось от нее избавиться, и она это чувствовала. Больше всего меня резануло тогда ее развязно-фамильярное: мужики! Слово это было в те времена новым, очень новым, вернее, новым был смысл, который стали в слово это вкладывать

женщины: злобно-подъябочный, скрыто-порочный... Я встал, дернулся к выходу, затем вернулся, крикнул силно и невнятно ей в лицо что-то обидное, она чем-то обидным на весь "поплавок" ответила, я круто развернулся, и она исчезла из моей жизни навсегда.

Хотя нет: был еще миг, когда я видел ее, уводимую из ресторана нашей же, притихшей и проявившей себя весьма прилично и сдержанно компанией. Она надрывно смеялась, ласкала себя ладонью по бедру, что-то старалась внушить опустившему голову от свалившегося на него срама лейтенанту-пограничнику, мило-молчаливому молодому человеку, и ставшему ее первым мужем.

— Зови меня Стана, — томно гнусила она.

Я плюнул и отвернулся. Затем, не в силах оторваться от нее, вообще от всего этого непотребства, стал смотреть на уходящих вновь. И хотя я прекрасно видел, что Стася играет, что она скрытно нервничает и бесится, зыряка и кося по кустам, ищет "своего скрипачика", дрожь негодования колотила меня. По тем временам продолжения такого скандала никто бы не потерпел, и Бог знает, чем все могло кончиться. Поэтому я наперед знал, что они выйдут тут же вслед за мной, — и они вышли, знал, куда пойдут, — и они пошли, но сам я идти за ними не мог. Я смотрел на удаляющуюся компанию, и странное, но так тогда и не дошедшее до моего сознания объяснение ее поступка тихо шевелилось во мне. Свои интуитивные шевеления я понял, кажется, только сейчас. Только сейчас показалось мне — да и то не знаю, верно ли, — что женщины, все до одной, пифии, скрытые прорицательницы и ведуньи, самой природой назначенные предчувствовать и проищать то, чего не предчувствуем мы, грешные... Они носят в себе грома и бури предстоящих времен, исторгая их из себя то истошными воплями, то запрыгиваньем на столы, то рождением несметного числа мальчиков, предназначенных для будущих костоломов и войн. И потому тогдашние ее крики значили, видимо, только одно: быть разломам, быть смертельным вихрям и смерчам. А сегодняшнее ее появление в нашей газете, у лифта, что оно означает, что? Значит, снова впереди потрясения, войны, истязания, глад, мор?

— Профессия? — снова, и уже у самого уха, звучит голос рыжей редакционной фурии. Голос звучит, и я вспоминаю, что после того вечера, конечно же, видел Стасю еще раз, что уволившись на следующее утро из театра, так манившего меня своими грубыми, осыпанными бисером насмешек и двусмысленностей сценами, так притягивавшего меня своими мало кому интересными гастролями, я сел в театральном скверике покурить. И она, зная, что я сижу здесь иногда, прибежала в сквер, стала совать мне в руки по-дурацки изогнутый ключ с большим кольцом в виде двух соединенных рыбьих хвостов, ключ от узкой своей захламленной комнатенки, бывшей раньше кладовкой. "Нет", — сказал я напыщенно и жестко, и опять все, словно в калейдоскопе, в жизни моей перевернулось, стекляшки встряхнулись, встали на какие-то — может, им, а может, вовсе не им пред-

назначенные места, я возвратился в училище, плотно "сел" на учебу, все, что нужно, сдал, получил один из абсолютно мне теперь не нужных дипломов, и тут же — буквально отодрав себя от задания театра, к которому почти каждый вечер тайком, а потом уже и не прячась продолжал ходить, — уехал в Москву. Позже до меня редко и глухо доходили слухи о ней, о том, что она вышла замуж за все того же, клонившего голову долу, застенчивого офицера-пограничника (некоторые утверждали — гзбэшника), что живет где-то в Средней Азии или в Закавказье. Но я и это почему-то считал фальшивкой, "дешевой хореографией", ложью. Да и вся та жизнь мне такой фальшивой — блеском пустоты, пьяненьким балетным беспутством — казалась. И только сейчас, при виде беженцев в редакции, черты скрытого трагизма той, пропавшей навсегда жизни, черты, прикрывавшиеся то весельем, то жалким трепетом ночных крыльев, проступили передо мной резкими темными смутами. Сразу вспомнил я и о том, что совсем недавно один из наших прежних знакомцев, полагая, что сведения о ней мне совершенно безразличны, что я напрочь "погряз в своей столичной жизни", рассказал, между прочим, о неладах ее с мужем (или с несколькими мужьями), о постоянных неприятностях и даже несчастьях с детьми: старший сын, еще совсем молодой человек, — в тюрьме, дочь — в доме для умалишенных, младший сын тоже чем-то тяжело и, кажется, неизлечимо болен. Вот тогда-то я в первый раз поверил в "настоящесть", во всамделишность всего с ней происходившего, тогда в первый раз мне и померещилось в судьбе ее что-то тайное, страшное, ею же самой, а может, и нами двоими совместно устроенное...

— Я вас, мушчина, спрашиваю! Профессия ваша?

Оказывается, так вот рядом молча мы дошли с очередью до редакционного стола, за которым сидела рыжая фурия. Рыжая работала в газете недавно, и меня в лицо, конечно, не знала.

— Я — нет... Я не стою здесь... Я на секунду, Станислава, — сказал я тихо, и в первый раз взял ее за локоть. Она отшатнулась. — Сейчас сбегаю только...

Она исчезла мгновенно. Меня не было всего минуту, но когда я прибежал, держа в руках, как дурак, ключ от своего кабинета, ее уже не было. Такого оборота я не ждал. Ждал совсем иного: упреков, жалоб, угроз, я приготовился к скандалу дома, к насмешкам на службе... Я хотел взять ее с собой, потому что понял вдруг и внезапно, что тогдашняя ее ложь и мое раздражение — это ведь не все! Было, было между нами нечто такое, о чем надо сейчас, крича и плача, сожалеть, и что, возможно, стоило всей дальнейшей ее и всей дальнейшей моей жизни. Было то, что мы убили и задушили в себе, то, что тайно терзало и мучило нас по отдельности, что сказывалось на ее детях и преследовало меня в виде житейских невзгод и профессиональных провалов...

Я мыкался среди беженцев до вечера, разузнавал, выспрашивал, от меня шарахались, никто ничего мне толком сказать не мог: приехала с сыном, где живет — непонятно, муж погиб, осталась без всего, еле из этого ада выскочила...

Вот все, что тебе удалось узнать. Она исчезла и больше ни разу в редакции не появилась. А эти люди, эти беженцы явно остерегались, или презирали, или даже ненавидели тебя, да и всех нас, и не говорили ничего. Они медленно шкутыльгали и плыли сквозь тебя, тускло мерцая сухими от черноты глазами. Они приходили из инобытия и уходили в него, они отталкивали тебя с гадливой дрожью, не хотели взять с собой в только им одним принадлежавший разор и ад. Они остерегались и вздрагивали, словно чумные, боящиеся наказания (чьего, чьего?) за то, что зарезят, а может, и уволочут с собой в могилу здорового. Они уходили, хотя в редакции и оставались, и вместе с ними уходила и уйдет осень, и вот уже на пороге зима, и ты сидишь в узком своем, захлавленном, как и ее комната, кабинетике — только он наверху, а не внизу — и пишешь. И знаешь, так и надо: сидеть, писать. Почему? Потому хотя б, что жизнь всегда одна и та же! И об этом надо сказать немедленно. Это брехня ведь, что тогда жизнь была лучше, а сейчас хуже! И это гнусный обман, что сейчас она лучше, чем тогда! Она — всегда! Слышите вы, козлы? Она всегда одна и та же, с треснувшим овалом зеркальца близ женских губ и заточенным шилом мокрушника в руке! Или не так: она, как тот вешающийся с обвинившей локоть веревкой, а мы... Мы все, стало быть, в доме повешенного?..

Она — бесчувственная! Безъязычная! Глужливо за нами надзирающая и подсматривающая! Идущая вперед без задержки! Спешащая вперед хитро, со скрытыми намерениями и тайным умыслом! И главная черта жизни — полная ее отгороженность от нас: делайте себе, что хотите, я свое из вас выну, выжму, свое из вас возьму. Тело возьму, душу возьму, дух... И поэтому, может быть, она — жизнь наша — и безбожна. Вернее, есть в ней черные глубокие и тошнотные дыры, которые Бог не пронизает. Дыры, в которые мы со сладостью и дрожью, по отдельности и целыми семьями, сообществами, временами и континентами, проваливаемся.

И посему истинность для тебя в том, что ты жил тогда, а пишешь о жизни сейчас. Истина, не ложь! Ложью было бы жить сейчас, а тогдашнее забыть, не обмыслить, не вспомнить...

А потому: садись, пиши, умри! Хоть умри, а напиши, и живи, чтобы, написав, обмирать над любовью или чушью пустой тысячекратно! Садись, пиши, умри! И сквозь настоящее, тут же под пером становящимся прошлым, вдруг да проглянет будущее, которое по временам мелко и чудовищно, а по временам блистательно и сладковато, будущее, которого мы в сущности — когда молчим — боимся. Да и кроме того: вдруг письмом своим ты вернешь ее, пылающую жарким страхом и тонущую в черном огне женщину? Вдруг за мнимым, а возможно, и не мнимым уловлением чужой и своей неправды последует новая жизнь? Вдруг?

Вот и выписываешь, торопясь:

“Тихо и трепетно мерцает сад. Снова осень перемешалась с весной. Снова, снова, снова подкрадывается к тебе тайная, невыразимая, иная, не испробованная никогда жизнь”.

Жизнь — письмо? Жизнь — женщина? Жизнь — припоминанье?

Среди заказных убийств, ставших жестокой обыденностью наших дней, определилась и такая разновидность: убийство ради карьеры. Одно из них случилось в Саратове. Жертвой киллера оказалась женщина в годах, директор громадного, по саратовским меркам, двухэтажного магазина «Антей», ставшего не так давно акционерным обществом закрытого типа.

РАДИ КАРЬЕРЫ

ИГОРЬ ГАМАЮНОВ

Кровь на ступеньках

Недели за две до ее последнего дня к ней пришли за щенками. Раиса Ильинична Жигулина любила свою собаку, и когда та ценилась, распродавала приплод по дешевке. На этот раз собака с приплодом была на даче, и пришедшего — крепко сбитого, спортивного мужчину лет сорока, позвонившего в дверь, пришлось огорчить. Хотя, кажется, он не

Судебный очерк

очень расстроился, с любопытством разглядывая ее.

А спустя неделю она, не дождавись лифта, поднималась к себе по ступенькам и услышала сзади торопливые шаги – кто-то ее догонял. Между пятым и шестым этажами оглянулась, но это был другой мужчина – невысокий и худощавый. «Хочет что-то спросить?» – подумала, замедлив шаг, но вдруг увидела в его руке длинный нож. Закричала. Убийца, не мешкая, ударил ее ножом в грудь. Она схватилась за лезвие, вырвала нож из его рук, но не удержала: он выпал на ступеньки. Раиса Ильинична снова закричала, рванувшись вверх по лестнице, но второй удар свалил ее с ног.

Убийца торопливо сорвал с ее плеча сумочку и, услышав, как хлопнула вверх дверь, нырнул вниз. Он не сразу заметил, что сам сильно порезался, когда его жертва вырвала у него из рук оружие убийства. Тан и высочил за дверь с ножом в руках, отбросил его в сторону и, пройдя дворами, быстро свернул за угол, где его ждал нанятый «Жигуль».

Сев в машину, велел водителю разворачиваться. Попетляв по саратовским улицам, они вырулили на длинный мост через Волгу, с трудом одолели его, потому что в час пик он был переполнен плотным, медленно двигавшимся автомобильным потоком. Оказавшись на другом берегу, в городе Энгельсе, худощавый щедро расплатился с водителем и вышел, пряча обмотанную носовым платком руку в кармане ноженной куртки.

Сообщение о гибели директора магазина «Антей» появилось в «Саратовских вестях» на следующий же день. Следователи и розыскники милиции опросили соседей, выяснив, что Жигулина жила одна, что единственная свидетельница с верхнего этажа, услышав крики и

выбежав на лестницу, заметила метнувшегося человека, которого она приняла за кавказца. Если это грабитель, выслеживавший богатую жертву, то ему выгоднее было ворваться в квартиру, чтобы не ограничиваться скудной суммой в дамской сумочке. Нет, решили сыщники, кровь на лестнице скорее всего пролил какой-нибудь обуренный наркоман или пьяный бомж.

Возникла и другая версия – а вдруг под разбойное нападение замаскировано заказное убийство. Из пригородного села вызвали мужа погибшей – супруги не были формально разведены, но жили отдельно. Потрясенный случившимся, Жигулин попытался вспомнить, были ли у Раисы Ильиничны смертельные враги по работе. И – не смог вспомнить. Да, была строга, энергична, напориста, но вроде со всеми ладила. Вопрос в магазине «Антей», где работали в основном женщины, тоже ничего не дал. Мелкие конфликты случались у Раисы Ильиничны почти со всеми, но они носили характер споротечных домашних неурядиц. И дело по убийству Жигулиной вскоре попало в разряд «висляков».

Знаковая совесть

Конечно, милиция выслеживала тех, кто хоть чуть-чуть напоминал «невысокого и худощавого» – из бывших судимых, из бомжей. Но допросы задержанных ничего не проясняли. Похищенную сумочку тоже обнаружить не удалось, как и ее содержимое: права на вождение автомобиля и другие документы. Правда, один из задержанных вдруг заявил, что знает убийцу – тот якобы по пьянке хвастался своей добычей. Проверили – оговор.

А тем временем мужу Раисы Ильиничны стали названивать.

Твердый голос напористо предлагал информацию о гибели жены». За деньги. Жигулин, считая это провокацией, бросал трубку. Но звонки повторялись. Наконец звонивший предложил: «Раз вы не верите, что я могу все знать, сходите в соседний подъезд, поищите за стояком мусоропровода на первом этаже водительские права вашей жены». Жигулин пошел. И обнаружил там права Раисы Ильиничны. Когда неизвестный позвонил снова, Жигулин спросил, где его можно увидеть. Тот предложил – у Сенного рынка.

В назначенное время к Жигулину подошел рослый, явно тренированный человек в надвинутой кепке и насмешливо поинтересовался: «Ну что, убедился?» Он запросил за информацию 30 миллионов рублей. Жигулин отшатнулся от собеседника, как от чумного: «Да у меня никогда таких денег не было». Человек в кепке хмыкнул – ему не верилось, чтобы муж директрисы таного магазина был настолько, по его понятиям, беден. Затем, заподозрив его в снупости, сообщил: «Между прочим, ее убийство стоило дороже!» Чем еще больше напугал Жигулина.

Если бы он после этого пошел в милицию или прокуратуру, все виновные в гибели его жены были бы арестованы немного раньше. Но Жигулин не пошел. Очевидно, потому что шоковое состояние, в которое он впал, узнав жутковатые подробности гибели Раисы Ильиничны, все еще не оставляло его.

Между тем человек в конвной куртке с замотанным платном пальцем получил за убийство Жигулиной 9 миллионов рублей. Потом Петров Сергей Аленсандрович распахнет суду, как задумывался над тем, а не явиться ли ему с повинной. У него, четырехжды судимого, оказываются, были свои представления о чести.

Жизнь его за нолочей проволокой началась в 18 лет, сразу после выпускного вечера, когда он в городе Баланово Саратовской области повздорил с милицией и был за хулиганство лишен свободы на полтора года. Заключение не погасило его вспыльчивости. Выйдя на свободу, Сергей женился, но одна из ссор с супругой закончилась для него очередной судимостью – на два года. Так же беспояно Петров вел себя и в твеежных лагерях Красноярского края – конфликтовал с охраной, пытался бежать, за что и получил там еще две судимости. Из 44 пронитых лет он провел в местах заключения немногим меньше половины. Может быть, поэтому особенности его зловского воспитания проявились в этой истории весьма своеобразно.

Убить человека в драке, даже превысив пределы необходимой обороны, дело нормальное», признавался он. А вот убийство за деньги – «не нормальное». И чем больше он про это думал после всего случившегося, тем больше злился на тех, кто, воспользовавшись его безденеьем, вовлек в «заканья».

В конце концов Петров, так и не приняв окончательного решения, уехал из Энгельса в Краснодарский край, в станицу Анапскую, где в одиночестве доживала свой век в собственном доме его бабушка. Судя по рассказу Сергея, встретила она внука радостно, накрыла стол, не понаелела и бутылку. И в затянушемся застолье, когда хмель развязал язык, вдруг стала вспоминать молодость, тридцатые годы, деда и прадеда Сергея, которые в революционном прошлом были священнослужителями. Из бабьиного рассказа следовало, что она, красноармейская комсомолка, уверенная, что религия – опиум для народа, донесла в НКВД случившему там своему любовнику на мужа и тестя,

продолжавших в глухом таинном поселке насанждать догматы веры. За что их арестовали и расстреляли, угрямцев зданых.

Впервые в 44 года, узнав о бабушкином поступке шестидесятилетней давности, внук Сергей пришел в такое неистовство, что, схватив нож, тут же оборвал и без того хрупкую старушечью жизнь. А когда соседи, узнав о происшедшем, вызвали милицию, не стал запираяться – рассказал все, как было, отнюдь не раснаиваясь, – считал, что старуха получила по заслугам. Правда, с большим опозданием.

Он мог ограничиться этим признанием. Но что-то тяготило его всерьез, и он спустя час после первого допроса застучал в дверь камеры, требуя следователя. Заявил, что хочет «дать явну с повинной» о настоящем злодействе, совершенном им в Саратове за деньги. Именно это злодейство мучает его совесть, не согласуясь с его зловещими убеждениями.

Несколько ошарашенные таким признанием местные сыщики подумали было: бредит уголовник, на нереной почве такое случается. Но с Саратовом на всякий случай связались. И – убедились: заказное убийство – не плод его фантазии. Петрова этапировали в Саратов.

Визит к гадалке

В Саратове тоже не сразу поверили сбивчивой исповеди Петрова – очень уж необычными были ее мотивы. Н тому же он не знал заказчика убийства, а тех, кто был в «передаточной цепочке», помнил только по именам. Но подъезд, где случилось убийство, и ступеньки, уже давно отмытые от крови, показал правильно. И группа захвата из милиции Кировского района Саратова поехала в Энгельс на задержание.

Первое имя, произнесенное Петровым с особой ненавистью, было – «Юрка». Это он, зная, что Петров был четырежды судим и сидит без денег, уговорил его, встретив на базаре, «пригнунуть одну нехорошую менцину». Он, обещая солидную сумму, постепенно внушил ему: «...А еще лучше – приномчить, чтоб потом тебя не нашли по ее показаниям». Деньги же ему нужны были позарез, заработать негде – где бы он ни предлагал свои услуги, работодатели всякий раз пугались, узнав его биографию.

«Юрку» подстерегли ноябрьским пасмурным утром, когда он повел в детсад младшую дочь. Группа захвата, руководимая старшим оперуполномоченным уголовного розыска Игорем Ребровым, дождалась, когда он выйдет из детского сада, свернет за угол, чтоб дети из оной не видели. Высокий, плечистый, лет сорока, уверенный шаг – такого брать трудно. Его догнали, крикнули: «Милиция!» Но он освободил заломленные было руки, опронул одного из оперативников на сырой, залепанный грязью тротуар. Наконец его одолели, а когда застегнули на запястьях наручники и обыскали, поняли, почему, сопротивляясь, он шарил у себя за пазухой: там у него был пистолет. Правда, газовый. Значит, чего-то опасался. Что-то предчувствовал.

Выяснили: Юрий Николаевич Тельнов, уроженец Энгельса, не судимый, работавший инспектором товарищества «Агнни», обладая отличной спортивной подготовкой, подрабатывал по совместительству массажистом в онрестных домах отдыха и санаториях.

С задержанием «Наташки», квартиру ноторой Петров запомнил, увидев, как туда заходил за «нрновыми деньгами» Тельнов, особых хлопот не было: двадцатилетняя темноволосая дама – Наталья Николаевна Шейно, обеспечивавшая

себе безбедную низнь гаданием на картах, не оназала сопротивлениа. Оба они – и Тельнов, и Шейно – в тот же день, будучи в состоянии ошеломления от поступка Петрова, добровольно рассказавшего о своем преступлении, выдали заказчицу убийства – сорокасемилетнюю Нину Алексеевну Агальцову, человека с высшим образованием, бывшую закладчицу подружку директрисы Жигулиной, заведывавшую в магазине «Антей» секцией хозтоваров.

Отрудицы Агальцовой и Жигулиной отнюдь не все и не сразу поверили жутковатой новости, разнесшейся по городу, как разметанный ветром пожар. Сомневались: да не очередной ли оговор? Ну как можно, глядя на подтянутую, моложавую Агальцову, всегда улыбочивую и подвижную, так тщательно следившую за собой и так радушно разговаривавшую с коллегами, заподозрить в желании чьей-либо смерти? Да и не чьей-нибудь, а своей старшей подружки, взявшей ее в престижнейший магазин три года назад, когда она, Агальцова, оназалась без работы? К тому же, говорят, дружили они не год и не два, а лет пятнадцать. Ездилы часто друг к другу в гости, отмечали праздники.

Это ж какой нужно воспылать ненавистью, чтобы перешагнуть через пятнадцать лет дружбы? Ну, допустим, бывают такими женские ссоры – страсти в клочья. Но для того, чтобы «заназать» смерть своей подружки и начальницы, мало даже самой шумной ссоры. Нужен мотив. И – особый расчет. Заназное убийство, да еще с «передаточной цепочкой», где нандому «звену» требуется немалое вознаграждение, дело дорогое, а опытный торговый работник, каким была Нина Алексеевна, не станет тратить крупную сумму без надежды на ее возвращение в двойном-тройном размере.

И чем дальше шло следствие, тем больше появлялось подробностей и штрихов, свидетельствовавших об одном: Агальцова страстно желала смерти Жигулиной. Последние полгода после нескольких, впрочем, не очень крупных ссор, мечтала «устранить» свою благодетельницу-обидчицу. Мало того: рассчитывала занять ее высокопоставленное начальственное кресло, снолотив исподволь группу своих единомышленников.

Началось же с пустыня – с визита к гадалке Шейно, о которой ей сказали, что она умеет все: снимать сглаз, насылать порчу, предугадать ход событий. Была бы только под рукой фотография человека, вставшего у тебя на пути. Фотография у Нины Алексеевны была. И она поехала в Энгельс, по подсказанному ей адресу.

Как помочь потусторонним силам...

Шейно в самом деле оназалась мастером своего дела. За годы своей практики она научилась легко угадывать настроение «клицентон», умела заставить, втянув в разговор, исповедаться в самом сокровенном, чтобы понять, какого достатка птица залетела в ее сети. А потом уже ничего не стоило раскинуть на столе карты и скороговоркой, следя за выражением лица пришедшей, сказать о вранждебно настроенной червонной даме, действующей на окружающих отрицательно заряженным биополем.

Агальцова была добычей роскошной. Эта не по годам моложавая женщина, принимавшая нандый день холодные ванны для того, чтобы хорошо выглядеть, и, судя по всему, богатая, обладала в то же время до крайности ранимым самолюбием. Слонными у нее были отношения не только с начальницей,

но и со взрослыми детьми (сыну — 25 лет, дочери — 20), и с мунем, с которым в конце концов развелась. Ей казалось, что ее способности недооценивают, что она могла бы добиться в жизни больших успехов. В порыве откровенности Агальцова призналась Шейно, что о том же самом ей говорят те сослуживцы в магазине «Антей», с которыми она сумела завязать доверительные отношения и которых директриса Жигулина тоже не устраивает.

Шейно, сосредоточенно хмурилась, нивала. Проводила с Агальцовой сеансы снятия отрицательного заряда — усадив в кресло, делала плавные пассы, словно сбрасывая с нее невидимую липкую оболочку. А расставаясь, обещала подумать, как обезвредить «черную энергию» Жигулиной, отравлявшую последнее время Агальцовой жизнь.

Фотография Жигулиной была передана Шейно, и та колдовала над ней изо всех своих сил, но однажды, снова увидев Агальцову в возбужденном состоянии, честно призналась: колдовство действует медленно, результата придется ждать минимум полгода.

На такой срок Агальцова не соглашалась. И тогда Шейно, решив помочь потусторонним силам в ускорении дела, предложила: есть хороший знакомый, верный человек, тренированный, владеет приемами, можно попросить — он в подъезде припугнет Жигулину, навесит пару синяков, дав понять, что худо ей будет, если не прекратит обинять подчиненных. Агальцова задумалась. Спросила, а не сможет ли этот человек решить вопрос кардинально — она, Агальцова, оплатила бы им обоим эту услугу («как следует»). Шейно, узнав о сумме, обещала подумать.

Тельнова гадалка Шейно знала давно — их пути не раз пересекались в домах отдыха, где оба «кравчевали» в силу своих антерских спо-

собностей. Названная ею сумма того весьма заинтересовала, но, слегка прищурившись, Юрий Николаевич сказал: «Есть один тип, он это лучше обтяпает, я его уговорю». И, встретив на базаре спянящегося без дела Петрова, зазвал в кафе за столики.

Когда-то Петров между своими отсидами жил в Энгельсе по соседству с Тельновым, и массанист-экспедитор хорошо знал особенности его вспыльчивой натуры. Тельнов подробно рассказал о некоей особе, державшей в страхе своих подчиненных, о ее вздорности и злобности, о том, что бедные женщины, которых она третирует, не знают, как от нее избавиться. Нужно защитить их, освободить от постоянных унижений, восстановить справедливость. А Петров, надо сказать, как раз и считал себя страдальцем за справедливость. Ведь во всех своих историях, кончавшихся судимостями, он начинал с того, что, по его понятиям, отстаивал правду. Петров согласился вначале только посмотреть на распоясавшуюся начальницу.

Энергичный Тельнов явился к Шейно и, сообщив, что дело на мази, потребовал часть денег вперед — на организационные расходы. У Шейно уже лежал темный пакет, весьма увесистый, переданный ей Агальцовой, но Наталья Николаевна вытащила оттуда всего ничего — один миллион. Юрия Николаевича даже передернуло от такого крохоборства, но спорить он не стал. Натянул у базара автомобиль, съездил к магазину «Антей», дождавшись, когда в служебный микроавтобус съедет Жигулина, которую он знал только по фотографии, и поехал следом, на улицу Горную. Выждав минут пятнадцать, поднялся на 6-й этаж. Позвонил в дверь квартиры, номер которой ему продиктовала Шейно. Жигулина открыла, даже впустила его в прихожую, узнав, что он интересу-

ся ценнами. Тельнов говорил с ней недолго, внимательно разглядывая «объект», и, попрощавшись, уехал.

Через несколько дней он, посадив вечером в нанятый автомобиль Петрова, повез его к «Антею» и, когда к слухебному микроавтобусу стали спускаться женщины, показал: «Вон видишь ту, справа, что по ступенькам идет? Внешне вроде ничего, смиренная, а сама зверь!.. Как только ее эти бабы терпят?» Затем они проследовали на улицу Горную, и Петров увидел, в каной подъезд вошла Жигулина.

Теперь осталось выбрать день. Тельнов торопился, но Шейко его сдерживала: «Я по картам смотрела, выпал вторник – по гороскопу ее неблагоприятный день». И проинструктировала: никакого огнестрельного, только ножом, и чтоб сумочку взял, пусть думают – ограбление. Так ей велела сама Агальцова.

Во вторник, 14 ноября, Петров все там же, у базара, нанял автомобиль, дождался, когда микроавтобус, развозивший работниц «Антея», высадит Жигулину на улице Горной, и вошел за ней следом в подъезд. Он помнил все, что Тельнов рассказал ему о Жигулиной, верил, что, устранив ее, поможет «бабам» из «Антея», но все-таки точил его червячок сомнения, отчего рука оказалась недостаточно твердой, и добывать жертву ему пришлось со второго удара.

Приехав в Энгельс, он пришел к Тельнову, отдал сумочку, пробормотал: «Все сделал, как говорили. И добавил: «Только не понял, до смерти ли заколол...» О том, что до смерти, они узнали на следующий день из газет.

Предварительные итоги

На допросы Агальцова являлась в манианке, будто только из носме-

тического салона. Твердо стояла на своем: просила только погугать Жигулину, не более. А Петров перестарался. Уголовник же, что с него взять. Никаных 20 миллионов рублей Наталье Шейко не передавала.

Молодой следователь Кировской райпрокуратуры Саратова Дмитрий Самохвалов знал: подследственная – женщина волевая и хитрая, в камере следственного изолятора, как и у себя дома, кандрое утро делает гимнастику, по часу проводит у зеркала, ожидая вызова на допрос. Но не переставал удивляться ее неисчерпаемому артистизму: то перед ним предстала «железная леди», гордая, презирающая тех, кто посмел унизить ее подозрением в организации убийства. То вдруг – слабая, сломленная несправедливостью, ищущая мужской защиты женщина, заливавшая протокол допроса потоном слез.

«Я вначале никак не мог понять, – рассказывал мне Дмитрий Самохвалов, – когда она настоящая... То гордыня невероятная, то ручьи слез... Потом решил: она такая, каной, по ее нуцему разумению, нужно быть в тех или иных обстоятельствах...»

Тельнов, на первом же допросе рассказавший все, потом избрал таную форму защиты: «...Меня били по голове... Что говорил, не помню...» Но как Наталья Шейко вытаскивала из панета деньги, запомнил хорошо. Получив от нее после убийства Жигулиной 20 миллионов, Петрову передал всего 9. (Сюлько оставила себе Шейко, ни следствие, ни суд так и не установили, но Самохвалов, успевший провести в «Антее» ревизию агальцовской сенции хозтоваров и обнаруживший там недостачу в 150 миллионов, предполагает: вероятнее всего общая сумма на «убийство ради карьеры» была не меньше 100 миллионов, и, значит, Шейко могла присвоить себе из них 90.)

Так же энергично Тельнов, пожелавший «заработать» и тем 10 миллионem еще 30, для чего звонил Жигулину, предлагал ему «информацию», на суде напрочь отрицал и сам факт телефонных переговоров, и встречу у Сенного рынка. Хотя Жигулин узнал его на первой же очной ставке.

Менял свои показания и «козодунья» Шейно, пристально буравя темным взглядом всех подряд, видимо, рассчитывая на помощь потусторонних сил. Но эти «силы» ей не помогли. Петров же своих показаний не менял. С ненавистью глядя на Тельнова, твердил: «...Я поверил тому, что Тельнов наговорил мне о Жигулиной». Из всей преступной цепочки он единственный жалел жертву и не просил и себе снисхождения. Когда следователь предупредил его, что ему грозит смертная казнь, он, махнув рукой, ответил: «...Мне все равно, главное, чтоб вот эту троицу посадили». Он и тут стоял не за себя, а за справедливость, понимаемую по-своему.

Об этом, нашумевшем в Саратове, судебном деле я говорил со многими: с секретарем областного совета безопасности Александром Косыгиным, с начальником 4-го отделения Кировского РОВД Игорем Ребровым (это он год назад, будучи старшим оперуполномоченным уголовного розыска, задерживал преступную троицу), с председателем областного суда Александром Галкиным. В этом деле, по их мнению, зеркально отразилась общая сегодня для всей России проблема: бандитские разборки, ставшие у нас обыденным явлением, заражают психологией беспредела самых обычных, не имеющих отношения к уголовному миру, людей. Все чаще с помощью наемного убийцы решают свои карьерные и финансовые проблемы предприниматели, банкиры и даже, как свидетельствует уголовная хроника, представители

шоу-бизнеса. Все чаще и аргументы силы прибегают и на кухнях, в семейных конфликтах.

Чума насилия витает в зараженном ею воздухе – им дышат все, дети и взрослые, мужчины и женщины, бизнесмены и политики. Понимает ли наше правительство всю опасность сложившейся ситуации? А если понимает, то не пора ли уже принять решительные меры для борьбы с преступниками?

В Саратове, судя по всему, это поняли. Несколько лет назад центральные газеты и телевидение регулярно сообщали о страшноватых по своей беспощадности бандитских разборках в Саратове. Последняя, когда в офисе полункриминального «авторитета» было уложено из автомата 11 человек вместе с самим «авторитетом», случилась примерно два года назад. Но с приходом нового губернатора Дмитрия Аяцнова (он победил на выборах, собрав 82 процента голосов) и сменой вертикали власти (по словам самого губернатора – на 80 процентов) разборки прекратились. Когда я спросил Дмитрия Федоровича, его ли в этом заслуга, он ответил лаконично: «Просто заработала власть».

А заработала она всерьез: только в 1-й половине 1997 года были отправлены за решетку 17 уголовных «авторитетов»; возбуждено 9 уголовных дел по фактам коррупции и 38 – по преступлениям, совершенным бандитскими кланами. Результат? Устойчивая тенденция сокращения преступлений на 7 процентов.

Похоже, в Саратове перестали только говорить о борьбе с преступностью, а стали на самом деле бороться с ней. И хотя уголовное дело, о котором я рассказывал, перестало быть «висяком» только из-за раскаяния Петрова, саратовские суды сейчас перегружены делами, раскрытыми благодаря упорству и

мастерству милицейских сыщиков и следователей прокуратуры. Этим дел так много, что возникает впечатление, будто суды подводят предварительные итоги перенитого саратовцами криминального бума.

Но как долго будет слышно его эхо в нашей обыденной жизни, зараненной чумой насилия?..

Постскриптум: Саратовский областной суд в составе председательствующего Конева В.Н. и кол-

легии присяжных заседателей приговорил: Петрова С.А. к 15 годам лишения свободы с отбыванием первых 10 лет в тюрьме; Агальцову Н.А. к 7, Шейко Н.Н. - к 6, Тельнова Ю.Н. - к 10 годам лишения свободы. Суд также решил взыскать в солидарном порядке с Агальцовым Н.А., Шейко Н.Н., Тельновым Ю.Н. и Петровым С.А. в пользу Жигулина Н.В. в возмещение нанесения морального вреда 200 (двести) миллионов рублей.

Всемирное Десятилетие Развития Культуры,
провозглашенное

ООН

ООН и ЮНЕСКО

проект:

"Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей"

PROJET "LIVRES I
LLUSTRES POUR PETITS
ENFANTS AVEUGLES"

PROJECT "ILLUSTRATED
BOOKS FOR LITTLE
BLIND CHILDREN"

программа:

"Каждому слепому ребенку книжки в подарок"

ДОН

110 В последнее время, отправляясь в Америку, Андрей Житинкин все чаще произносит свою любимую фразу: "Ренессанс всегда прав в успехе". В Бостоне Житинкин учит местных артистов тому, что уже в совершенстве освоил сам — разваливать систему Станиславского и таким образом создавать живой театр конца XX века.

Слава о его сценических подвигах давно уже не ограничивается одной Москвой. Его спектакли так хорошо принимают в Европе, Азии, Америке, что многие цинично настроенные исследователи театра не могут сообразить, как Житинкину удается обольщать не только разные возрасты, но и разные народы. И пока театрално-критическая братия нусвет перья, ломает головы и пытается понять, откуда у ренессанса театра имени Моссовета такая плодотворность — выпускать в течение одного сезона по пять спектаклей, — сам Житинкин во всех своих грехах обви-

ЖУАН

РЕЖИССУРЫ

няет артистов, которым не может отказать в маленьких любезностях — попомать все свои планы, отменить отпуск в Гвадалахаре и согласиться на самые неожиданные постановки. И есть только один момент, который пока остается загадкой для театральной общественности — Андрей Житинкин отказывается возглавить

какую-нибудь из столичных театров. А ему все на-

стойчивее советуют бросить эпатанж и задуматься о создании своего театрального дома. Но он всегда отвечает: "Я Дон Жуан режиссуры и гуляю, где хочу".

— *И все же, Андрей, почему вы не хотите как любой нормальный режиссер создать свой театр, свою собственную труппу?*

— Думаю, когда-нибудь это все-таки случится. Но сейчас мне интереснее как можно больше московских трупп заразить своим методом. На сегодняшний день я работаю с самыми разными артистами. Мои спектакли идут в театре Сатиры, в театре Вахтангова, в театре-студии Табанова, в Ермоловском, в моем театре, где я слышу уже много лет. И в общем-то я понимаю, что все эти спектакли чем-то объединены. Один мудрый человек сказал, что режиссер всю свою жизнь ставит один большой спектакль. Я рад, что мои спектакли уже узнают. Даже более того, поскольку я человек щедрый, мне приятно, когда вина куски из своих спектаклей в других постановках. Меня цитируют.

— *Вы уже стали классиком?*

— Да не в этом дело. Просто когда говорят, что тебя разворовали или использовали твою мизансцену, я почему-то начинаю испытывать наф. Значит, понравилось. Хотя, к сожалению, в нашей стране нет понятия "право интеллектуальной режиссерской собственности".

— *Вы сказали, что, переходя из одного театра в другой, хотите*

"заразить" людей. Кого именно — актеров или зрителей?

— Я люблю откровенный театр. Обожаю очень яркие актерские импровизации, естественно, в заданном рисунке. Я как в дназе оставляю актерам "квадрат". Они могут иметь право на свои 16 тангов, но в очень жесткой партитуре. В театре мне больше всего интересен симбиоз метафоры и натурализма, но не все актеры на это идут. Не все понимают, что такое атмосферный театр, атмосферный прессинг, не все готовы вскопичить, прыгнуть в этот "квадрат" и научиться в нем свободно дышать. Я создаю все условия для актеров и просто счастлив, когда они у меня хорошо играют. Я из тех режиссеров, которые никогда "не подставляют" актеров, извините, за такой глагол. Может быть, это происходит потому, что у меня была своя актерская биография и свое актерское прошлое.

— Вы играли в театре?

— Да, оноло года. Сейчас я раскнну про себя. На самом деле я "дебильный", скннем так, отличник. Я онокчил с медалью шнолу, потом актерский фанультет с красным дипломом, потом режиссерский, и тоне с красным. Все красное, красное, красное... Что с ними только делать? Я очень благодарен Рубену Николаевичу Симонову, который вовремя помог мне разобраться с самим собой. Он в то время был главным режиссером театра имени Вахтангова, а я — закоренелый "щдунинец". И вот Симонов просто не отпустил меня в актерскую профессию, хотя я играл у него в спектакле "Сенсация". Сказал: "Понимаешь, ты актер характерный, а у характерных актеров пин 40–45 лет. И ты будешь очень долго ждать, ведь в театре молодые нунны только герои и героини". Но следующая фраза Рубена Николаевича убила меня прантически насмерть: "Потом, знаешь, для актера ты слишком умный". Я перепугался и стал вспоминать, в чем же все-таки мой ум про-

являлся? И вспомнил. Дело в том, что у нас в училище еще со времен Вахтангова есть такое понятие — самостоятельные показы, когда актер монет сам себе выбрать пьесу, партнеров, стать на время художником, композитором, нем хотите... Но это очень ответственно. Ведь конкуренция в "щдуне" страшная, многих отчисляли за неуспеваемость. Конечно, ребята нереничали, просили посмотреть, подсказать что-то со стороны, а обращаться к педагогам не разрешалось. И я невольню смотрел на отрывки в исполнении своих товарищей и понял, какой это кайф, когда я могу чем-то помочь. Страшно скнзать, но я немнонню почувствовал себя творцом. Только наменул, и человек стал другим, преобразился, в нем произошло какой-то смещение. Значит, я создал нечто новое, сотворил живую тнать... А ведь достаточно скнзать: "У него должны быть очень высокие наблунки", и актер будет совершенно иначе играть. Нормальный человек подумает — ну и что, что высокие наблунки? Или вот — представь, что у тебя мороз по кнже, или — у тебя ощущение, что за тобой все время кто-то следит. Все, роль пошла! Почему так? Не знаю. Но эти вещи меня тогда ужасно потрясли. А Симонов почувствовал другое, он понял, что я раздваиваюсь. Находясь на сцене, я нечннал сам себя контролировать, а для актера это — смерть. Поверьте мне.

— Андрей, вы сказали, что были круглым отличником, а отличники в нашем понимании очень примерные, правильные люди. Откуда же взялась репутация скандалиста, самого одиозного столичного режиссера?

— Все мои однокурсники потрясены теми переменами, которые со мной произошли. Я действительно ставлю очень странные вещи, и, как правило, то, что вызывает сомнение, и то, что боятся ставить другие режиссеры. В свое время я вернул на

московскую сцену пьесу "Налигула" А.Намя. Тогда все занимались перестройкой, ставили "Диктатуру совести" и "Товори!", а я принес философскую пьесу и заставил зрителя слушать очень серьезный текст. Я не боюсь ставить пьесы, не имеющие сценической судьбы. Например, "Внезапно, прошлым летом..." Теннесси Уильямса. Просто страшная пьеса. В финале героя съели. Или пьеса Переулафа Эневиста "Ночь триблуд" или "Ночь лесбиянок", это ее второе название. Конечно, и "Игра в нмурины" Михаила Волохова. Когда вы спросили о репутации скандалиста, я думаю, вы имели в виду именно этот спектакль, потому что он идет абсолютно на ненормативной лексике.

— Многие говорили, что вы учитите зрителей ругаться матом. Спектакль стал сенсацией в театральной жизни Москвы.

— Конечно, это эксперимент, в том числе и лексический. Стараюсь выводить из зала детей, правда, встречаются партизаны, которые прячутся под маминной юбкой. И я всегда говорю зрителям, это не язык театра, не язык антеров. Это язык персонажей. Потому что Михаил Волохов доводит завет Станиславского о правде жизни до абсолюта: два героя сидят в море и по-другому разговаривать просто не могут. Иначе убьют, задавят. Мат — как бы их условие выживания в профессии и плюс в море всегда холодно, естественно, герои пьют... Ночь на двоих — такая классическая античная ситуация, когда в замкнутом пространстве выживает кто-то один.

Но история никогда бы не состоялась, если бы не потрясающие антеры-профессионалы: вначале была ленкомовская пара Андрей Соколов и Сергей Чонишвили, потом Сергей Чонишвили стал играть вместе с Олегом Фоминым. Мы старались сохранить пару: блондин — брюнет. Антеры сильные, яркие... Получился настоящий поединок, и все так увле-

кало зрителя, что на двенадцатой минуте они совершенно забывали о том, наную лексикю слышали.

Мы объездили с этим сплентанлем почти всю Европу. Играли в Париже, в Сорбонне, специально для студентов, изучающих русский язык. И вот тогда привели старшенкурсников, которые пять лет изучали русский язык, я испытал настоящий восторг — они сели и вдруг с ужасом поняли, что все пять лет изучали не тот язык, они не могли понять, о чем сплентанль. Вот этот шок в глазах славистов был для меня самым приятным воспоминанием о Франции.

— А чувствуете ли вы разницу между московскими театрами, московской публикой и провинциальными зрителями?

— Да, сплентану совершенно откровенно: разница есть, и я всегда переживаю, потому что, например, в Европе нет понятия театральная провинция. Там очень сильные труппы, и зритель не чувствует себя обделенным, что он не успел или не смог увидеть нечто выдающееся у себя дома. Более того, в европейских странах есть прантиня — создается сплентанль, его показывают по разным городам, и только финальные, прощальные сплентанли идут в Париже или в другой столице. Недавно мы возили сплентанль театра имени Моссовета "Мой бедный Марат" в Болгарию. Заняты прекрасные антеры — Лариса Нуснецова, Саша Дрогогаров, Андриуша Ильин — это среднее поколение театра. И мы встретили в Болгарии совершенно другого зрителя. Всю страну уже разворовали; жуткий энергетический кризис, ужас, холод, в театре температура плюс три, зрители сидят в пальто, но не уходят. А в финале они вскачивали, кричали, хлопали. Я даже сказал антерам: "Вы не задавайтесь, просто они очень замерзли".

Конечно, у нас зритель другой, а в провинции — тем более. Осторожен, но такой щедрый! Когда играем "Игру в нмурины", они очень много

смеются. И, знаете, все правильно. Потому что идет разрядка. Вот представьте, вам упал утrog на ногу. Какое первое слово вылетает? Вот именно.

— *Андрей, а если бы вам предложили поставить спектакль к 850-летию Москвы, вы бы его поставили с матом или без?*

— У меня много и других спонтанлей. Ставлю, как правило, то, что может спровоцировать зрителя на новое отношение к миру. Мне важно, чтобы зрители, особенно молодые, были готовы в жизни ко всему. Жизнь настолько страшна, что самое чудовищное преступление — выпустить человека неподготовленным в этот мир. А по поводу щедрости провинциального зрителя хочу довести — после спектакля "Игра в жмурики" мы с актерами стараемся быстрее унести из театра ноги. Потому что зрители несут на сцену и за кулисы не только цветы, но подарки, угощения, шампанское, виски, а однажды Саранге Чонишвили на сцене вручили бутинки от "Валентино".

— *Насколько я знаю, помимо скандальных постановок, в последние годы вы прославились как мастер бенефисов. Многие мэтры отечественного театра мечтают, чтобы вы поставили для них спектакли.*

— Мне приятно, что возращается старая замечательная традиция бенефисов, когда весь сбор от спектакля идет актеру. Правда, сейчас понятие "бенефис" скорее имиджевое и не имеет отношения к деньгам. Сегодня бенефисом считается спектакль, когда за счет средств театра делается спектакль на одного актера-звезду, часто приуроченный к какому-либо юбилею. Это не обязательно моноспектакль. Просто актер сам выбирает пьесу, сам приглашает партнеров, как правило, своих друзей. Сам ищет режиссера. В любом случае крупный актер, "заказывая" режиссера, всегда рискует, ведь нужен абсолютно гарантированный ан-

шлаг, внимание прессы, шумный успех. Иначе идея теряет смысл.

В моей биографии был один мистический момент, который я расценил как знак некоторого долга перед старейшими актерами. Пять лет назад у меня на премьере спектакля "Налигула" в театре Ермоловой умер Всеволод Янот. Это не был его бенефис, но свое восьмидесятилетие он мечтал отметить ролью Сенекты. Спектакль долго выпускался, и вот, наконец, премьера. Всеволод Семенович успел выпить бокал шампанского и умер за кулисами с цветами в руках. После этого я разрешил себе ломать любые планы, если о бенефисе или спонтанле меня просит какой-нибудь крупный актер, настоящий мастер. Надо отдать должное, "звезды" у нас смелые. Не боится, что я, к примеру, заставлю их "делать" эротическую сцену в таком возрасте, когда не то что эротика, текст бы вспомнить. Оказалось, что наши великие актеры по-прежнему молоды душой и больше всего боятся нафталина, снучи, официоза. Мы с ними быстро находим общий язык, потому что сейчас после всей чернухи и порнухи наступило время сердечного искусства. То, что сейчас работает чисто на эмоцию, мгновенно заводит зрительный зал. А эмоции мы все-таки культивируем во время репетиций. Несмотря на все звания и ранги ведущих актеров, я их обольщаю на время создания спектакля. У меня с ними романские взаимоотношения — первая любовь, узнавание, признание, первые разрывы и вершина — премьера и полное счастье.

— *В прошлом году вы поставили спектакль "Веселые парни" по Нилу Саймону, где главную роль сыграл Юрий Васильевич Яковлев. Такой большой работы у него уже не было много лет...*

— Это правда. Юрий Васильевич уже давно не играл главных ролей. В "Без вины виноватых" — маленькая роль, в "Тюковой даме" — совсем крошечный эпизод. А вот такого спен-

таня, где он абсолютный властитель душ и хозяин сценической площадки, где все построено на нем, у Яковлева не было уже много лет. Да и спектакль "Веселые парни" Нилы Саймона по своей сути бенефисный — он тоже про антера, про старого антера, впадающего в маразм. Бывшая "звезда" не нужна никому, даже рекламным агентствам, потому что прошел слух, что он забывает текст. Я прекрасно понимаю, что Яковлев знает, про что он играет. Очень многие процессы, происходящие с ним, адекватны тому, что есть в пьесе. И вообще, угасание "звезды" — это слонная и трагическая тема.

Саймон всегда писал замечательные пьесы на антеров. С точки зрения режиссуры они просто раскрываются, понятен ключ и ход. Юрий Васильевич очень откровенно работает. Не боится быть непривлекательным, не стесняется быть нелепым, смешным, обнажает даже собственные проблемы, связанные с возрастом. Когда говорят, что "звезда" может себе позволить все, — более занюханых антеров, чем антеры- "звезды", я не знаю.

Когда мы только начали репетировать с Юрием Васильевичем, все говорили, что сейчас ему уже трудно вытащить такой спектакль. Но мы им отомстили. В моей практике это первый спектакль, который я сдавал вечером 31 декабря. Надо было видеть лица членов худсовета! Вместо праздничных столов... Но сдача прошла блистательно. Очень хорошо, что у Юрия Яковлева, имеющего фантастическую популярность до сих пор, появился свой бенефис, работа, за которую не стыдно.

— Андрей, о вас можно сказать словами Тригорина, обращенными к Треплетву: "Вы таинственны, как железная маска". Про вас все говорят, что никто ничего не знает о вашей личной жизни...

— Режиссура — такая страшная вещь, что отключиться практически невозможно. У меня под подушкой

лежит блоннотик. Если вдруг что-нибудь приснится — мизансцена, например, я должен успеть все записать. Иначе утром уже не вспомню. Это я к чему? К тому, что режиссеры — сумасшедшие. С нами очень тяжело. Поэтому в моей жизни было все: даже несколько бранов. Вообще режиссеры очень одиноки. Одиночество — самое естественное состояние, даже если ты счастлив в семейной жизни. А я бывал счастлив, и, надеюсь, в дальнейшем еще буду. По-моему, я так замечательно ответил на ваш вопрос, что еще больше тумана нагнал. Антерам я все время говорю: "Братцы, если пропадает тайна, то вы уже зрителю не интересны". Пусть моя личная жизнь тоже останется тайной. Я ничего не раскрыл, но всех обнадежил.

— Тогда расскажите о своих родителях.

— Они у меня ученые-химики. Причем отец до сих пор возглавляет институт. Они всю жизнь работали на космос — внутри космических кораблей всегда есть негорючие синтетические вещи. Вот мои родители все это и придумывали.

— Андрей, вы живете и работаете в Москве. С каким образом у вас связан этот город?

— Рассказываю о своих детских ощущениях. В Москве я бывал с детства, хотя родился в другой, более ранней русской столице — в грандиозном городе Владимире. Я вырос в окружении белых храмов Суздаля, Владимира, Боголюбова. Но Москва мне всегда казалась чем-то более экзотичным. Всегда просил родителей прежде всего отвезти меня на Красную площадь к собору Василия Блаженного. Он мне казался настолько праздничным, впусым, что мне хотелось его съесть. Напоминал пирожное. Вот это детское ощущение осталось на всю жизнь — Москва как праздник. Ну а потом, когда здесь учился, этот образ стал еще сильнее. Ведь все решают не стены, а люди. А по-

снольну Москва — театральная Мена, то я еще студентом успел увидеть всех грандиозных стариков МХАТа, Малого театра, моего родного Моссовета. Я видел Фину Раневскую, Ростислава Плятта, Леонида Марнова. Разве это не счастье? Теперь все поменялось. Так грустно, что распилили театры — МХАТ мунской, МХАТ женский, две Таганки. Зрители все время путаются. Дело доходит до смешного. Всяк друг с другом, закрывают туалеты. Зритель из одной половины не может сходить в туалет другой половины. Дичность какая-то!

— *Всю страну разделили, а вы говорите про театры.*

— Я понимаю, что театр отмирает все происходящее. Но, мне кажется, люди искусства должны общаться на совершенно ином уровне. А они этого почему-то не делают.

— *И все же, у вас есть театральные пристрастия в современной Москве?*

— Конечно. Одно из самых сильных — театр-студия Олега Павловича Табанова. Бесспорно, живой театральный организм у Марна Захарова. Можно назвать театры Константина Райкина, Галины Волчек. Есть замечательные спектакли и в других театрах. Я сейчас просто говорю про театральные организмы, как про нечто целое, когда зрители штурмуют кассу. Ведь успех в театре — много значит. Но я никого не хочу обидеть. Иногда бывает так — ставит режиссер спектакль, ставит, ставит, и вдруг — бац! — прорыв! Помните, как в свое время окончил театр Станиславского, когда Васильев поставил там "Взрослую дочь молодого человека"? А ведь начинал он внеплановую работу с актерами, не занятыми в основном репертуаре.

— *Приятно слышать от режиссера, что в театре все определяет режиссер...*

— А так и есть на самом деле. Потому что если говорить об открытиях двадцатого века, то их наберется не так уж много — генетика, кос-

мос и профессия режиссера. Это Константин Сергеевич Станиславский придумал, что режиссер — не тот, кто просто разводит артистов по сцене — Вася, ты иди туда, а ты, Петя, вон там постой... Сейчас уже понятно, что режиссура — некая магия, тайна. Мы даже конкурируем с Нашпиловским...

— *Также влияете на психику людей?*

— Да. Мне даже священники иногда разрешают не соблюдать пост, потому что все время работаю на перегрузках. Они говорят: "Мы не занимаемся общим делом, влияем на души и умы людей". Кстати, и вопросу об "Игре в чмурилки". Я все время говорю актерам: "Братцы! Не надо бояться грязи внешней, нуда страшнее грязь внутренняя". Вот об этом все мое творчество, мои спектакли.

— *Люди театра всегда берут в приметы. Есть ли они у вас?*

— Конечно. Никогда не боюсь числа 13, обожаю, когда в этот день премьера. Даже в самолете люблю занять место под номером 13.

— *А профессиональные кошмары снятся?*

— Самый большой кошмар, когда на премьере сидишь один в зале, потому что никто не пришел.

— *Надеюсь, в жизни такого не случается?*

— Что вы! Иногда мне самому не нуда сесть. Приходится стоять вместе со зрителями у стеночки.

— *Вас часто можно встретить на различных светских мероприятиях. Вы тусовщик?*

— Как вам сказать. Вообще-то на тусовках я работаю.

— *Это как?*

— Любые контакты на сегодняшний день, как правило, всегда поиск спонсоров, поиск денег на постановки.

— *Разве театры не финансируют ваши проекты?*

— Не совсем. Особенно когда я выпускаю спектакли в "чужих" театрах.

— *И находите деньги?*

— Да. Теперь уже за мной идут. Рад, что наши меценаты стали понимать — лучше поместить свою фамилию на программке рядом с актером-звездой, чем купить еще один "мерседес".

— Судя по всему, вы общительный человек. Наверное, у вас много знакомых и мало друзей. Так?

— Гениальный вопрос, в нем есть уже и ответ. Конечно, друзей немного, и в основном мои настоящие друзья — актеры. Из близких людей могу назвать Серену Чоцишвили из "Ленкома". Мы познакомились еще в студенческие годы в "щучке" и общаемся лет пятнадцать. Неня Дворничий, Серена Виноградов. Все "щучинские" ребята. Сейчас появились новые друзья — Саша Домогаров, Виталин Егоров, Серена Безруков. Но я себя считаю другом, во всяком случае, надеюсь, что это так, и наших грандиозных актрис, с кем работал, — Людмилы Гурченко, Валентины Талызиной, Ларисы Нузнецовой.

— Не так давно вы вели телевизионную программу "Актерское куте", но передача неожиданно исчезла. Будет ли продолжение?

— Сейчас сливаются каналы, и мы выпали из сетки чисто технически. Хотя надеюсь, работа возобновится. Это моя старая идея — показать историю театра в небольших рассказах, актерских байках, анекдотах. Ведь передача была посвящена актерским накладкам. Такое странное, но постоянно присутствующее явление в театральной жизни, которое потом обрастает мифами, легендами.

— Кто в театре является вашими авторитетами?

— Обожаю Антонена Арто с его манифестом "Театра Жестокости". Люблю многие ранние вещи Питера Брука. Отечественных режиссеров сознательно не назову, чтобы никого не обидеть.

— Какие бывают самые страшные минуты в вашей профессии?

— Неверие или лень друзей. У нас так плотно все завязано на твор-

честве, что даже страшно. И вообще, режиссер силен верой в людей, с которыми работает, верой антеров в себя. И самое ужасное, когда понимаешь, что теряешь доверие.

— Расскажите, пожалуйста, о самой последней своей премьере в театре имени Моссовета.

— В конце июня состоялась премьера "Милый друг" по Мопассану. Мой давний замысел. Рад, что сейчас в театре сложилась такая прекрасная актерская команда, без которой выпуск спектакля был бы просто невозможен. Он идет на большой сцене с Маргаритой Тереховой и Александром Домогаровым в главных ролях. Мужа Тереховой играет Владимир Стелов, который перешел к нам из "Ленкома". Занято много прекрасных антеров — Андрей Ильин, Нелли Пшечная, Борис Иванов, Анатолий Адронин. Сценографию как всегда создал мой друг Андрей Шаров. А впереди много планов, которые пока раскрывать не хочу. Как написал мой любимый "Московский комсомолец", Житинину осталось только поставить спектакль про зоофилов, и тогда все темы будут закрыты. Так что мне есть и чему стремиться.

— Мы начали нашу беседу с разговора о театральном доме, который вы отказываетесь создавать. Долго ли еще зрителям придется ждать?

— Думаю, не очень. Когда-нибудь мне придется собрать в одну команду всех своих друзей-актеров. Закачиваются репетиции, я перебегаю в другой театр, и уже многим начинает не хватать моего внимания, моего стиля работы, деликатности и даже жестокости. И понимаю, что я в ответе за тех людей, которые мне однажды поверили, сделали все, чтобы принести успех моим спектаклям, и я не имею права о них не думать.

Беседу вел
ОКСАНА ШАПАРОВА.

Фото ИГОРЯ ПЯТИНИНА

Отчаяние

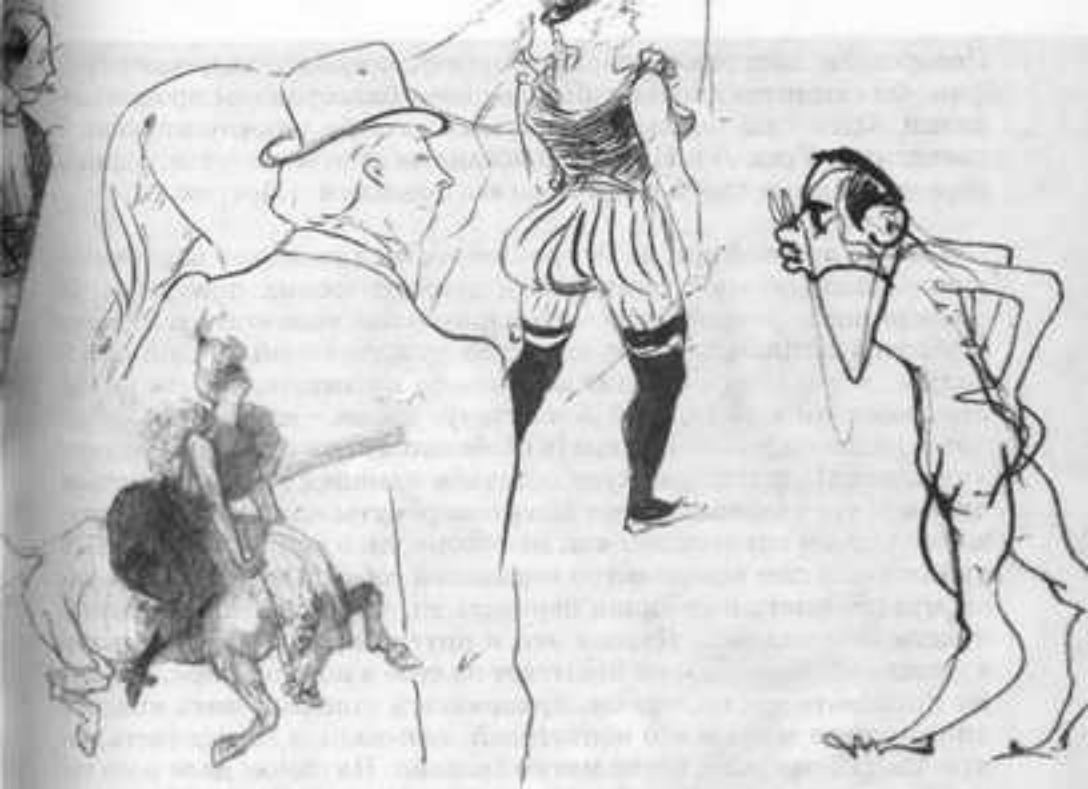
ИВАН ЗЮЗЮНИН

любовь

У героя этого очерка, как и у всех людей, были отец и мать. И родился он, что называется, в законе, был крещен, получил имя... Но, кажется, уже в момент зачатия над ним довлел какой-то рок. Начать с того, что мать нашего героя приходилась его отцу кузиной, иначе говоря, двоюродной сестрой. Сегодня (хотя об этом знали и в старину) каждый генетик скажет вам, что перед заключением подобного брака следует много раз подумать. Может все обойтись, а может...

И вот что еще важно отметить сразу: в жилах родителей нашего героя текла густая кровь одного из древнейших родов Франции. (А у него она, надо полагать, стала еще гуще.) Оба они были не просто аристократами из аристократов, но и богатыми людьми. Владели родовым замком, им принадлежали земли, фа-

мильные драгоценности огромной стоимости. Когда наш герой, начиная самостоятельную жизнь, снимает квартиру в Париже, хозяйка дома мадам Любе просит его назвать свою фамилию. "Тулуз", — представляется он ей. А мадам почему-то кажется, что новый постоялец (потом-то она будет его обожать!) посмеивается над ней, пожилой женщиной. "Месье, — говорит она смущенно, — но ведь Тулуз — это название провинции на юге Франции..." Новый постоялец соглашается с ней, но тем не менее настаивает на своем: "Мадам, это также и моя фамилия... — Помолчав, добавит: — Одна из моих фамилий".

Полное имя нашего героя такое, что за один раз его и не упомянешь: граф Анри-Мари-Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа...

Его детские годы пройдут счастливо и безмятежно. Он живет в окружении слуг, бонн, вместе с матерью (отец предпочтет жить вдали от семьи) ездит по лучшим курортам Европы, в библиотеке родового замка, вдыхая аромат давно ушедших эпох, взахлеб читает старинные книги, также взахлеб и на чем попало (например, на полях школьных тетрадей) рисует лошадей, учителей, быков, отца (когда тот вдруг появится дома) и делает это с таким прирожденным умением и вкусом, что сохранившиеся его детские рисунки сегодня висят в музеях как полноценные произведения искусства... Он прилежно учится, вместе с родителями его принимают в домах самых богатых и знатных людей Франции, его представляют герцогам, баронам, случается, и королям... Словом, его ожидает блестящая карьера, со временем он, наверное, мог бы стать пэром Франции. Но зачем ему звание пэра?!

Повзрослев, наш герой впадает в ярость, когда его называют графом. Он стыдится, хочет забыть о своем благородном происхождении. Однажды он даже придумывает себе уничижительный псевдоним: Трек-Ло. Нетрудно догадаться, что это – всего лишь переставленные слоги в одной из его фамилий – Лотрек.

Скорее всего, Анри де Тулуз-Лотрек был заведомо обречен на жизнь, полную мук, сомнений и драматических поворотов. И прежде всего потому, что был изначально талантлив, обладал глубоким острым умом и страстно чувствующей душой. Позвольте, возможно, возразит мне кто-то из читателей, какая же это драма – иметь талант? А я отвечу: драма – и еще какая. Человек, наделенный талантом (в особенности это относится к дару художника), всегда рискует остаться одиноким и не понятым людьми, его творения могут быть отвергнуты как несоответствующие вкусам современников, не говоря уж о том, что истинный художник и сам всегда остро недоволен собой и жестоко страдает, что его кисть не в силах передать то, что он видит глазами и чувствует сердцем... Да, все эти и другие противоречия жизни художник Тулуз-Лотрек испытает на себе в полной мере. Ко всему прибавьте также, что он, призванный запечатлевать красоту полуденного мира и его обитателей, сам-то был на редкость некрасив. (И, право, это еще мягко сказано. На самом деле наш герой имел отталкивающий вид). Так на извечную драму художника наложилась личная драма человека по имени Анри де Тулуз-Лотрек.

Увы, с отпрыском древнего рода на пороге отрочества происходит нечто странное и ужасное: у мальчика растет лишь верхняя часть тела, а ноги остаются как у пятилетнего малыша. Врачи утверждают, что это – последствие когда-то перенесенного им перелома шейки бедра. Но они явно лукавят. Руки у Анри тоже не растут в длину, зато кисти становятся большими как грабли. И с лицом происходит жуткая метаморфоза: аристократический нос превращается в подобие бугристой картофелины, тонкие аристократические губы становятся толстыми и вислыми. Вдобавок все тело покрывается густыми волосами. Словом, за короткое время некогда красивый обаятельный мальчик становится похожим на лешего или гнома из царства мрачных подземелий...

Верно, отталкивающая внешность – еще половина беды Анри. У него (страсть как любящего рисовать!) резко ухудшается зрение, и Тулуз-Лотрек уже до самой смерти не расстанется с очками и палочке. Короткие ноги делают его тело неустойчивым. Парижане тех лет – кто с состраданием, кто с насмешкой – видят, как кто-нибудь из сердобольных прохожих переводит через улицу волосатого карлика, опасаясь как бы он не угодил под колеса лихо пролетающих фиакров. Представьте также, что ему даже стоять у мольберта и водить кистью – проблема. Без подставок и прочих приспособлений не обойтись... Воистину этот человек не мог выбрать в его положении более трудное ремесло, чем живопись!

Но непривлекательная внешность и уродство не мешают Анри быть общительным человеком, иметь много друзей. (Правда,

Парочка. 1891 г.

он не терпит ни в коем виде бесцеремонного обращения с собой. Когда однажды какой-то журналист берет и поднимает его как ребенка, Тулуз-Лотрек своими короткими, но необычайно сильными руками избивает обидчика.) Если не весь Париж, то район Монмартра, где один дом нависает над другим, где что ни шаг, то кабаре или просто кабаки, где художники рисуют с натуры этот застроенный от подвожья до вершины холм и тут же продают свои торопливые зарисовки парижанам (теперь, как заметил автор этих строк, бродя по Монмартру, — в основном интуристам), где днем относительно тихо, а ночью до утра в увеселительно-питьейных заведениях гремит канкан, вверх и вниз сплывают фиакры с господами в котелках и ночными диванами с соседней злачной площади Пигаль — этот Монмартр прекрасно знает господина (т-с-с, графа!) де Тулуз-Лотрека. Он как никто щедр на чаевые, угощает друзей, а иногда и просто соседей по столу, всегда весел (а ночью при свете газовых рожков кто видит его глаза, полные тоски и отчаяния?), искрометно шутит, каламбурит... Однако ж, он странный человек! При его-то внешности и крохотном росточке ему бы лучше сидеть где-нибудь в стороне и, как говорят, не высываться. Нет, он, напротив, выбирает в друзья высоких, красивых, бородатых художников и поэтов, чем еще сильнее подчеркивает свое уродство и мизерность. Хотя, кто знает, может быть, такое соседство приносит ему какое-то труднообъяснимое удовольствие? Ведь в горечи (как, например, в вермуте, который он любит пить) есть своя сладость... И если к нему внимательно приглядеться, то окажется, что он, веселясь и каламбуя, одновременно наблюдает за сидящими неподалеку женщинами. Наверное, ему интересно подмечать, как ночные красотки, наглядявшись на красивых бородачей, переводят взгляд на него и... вздрагивают от ужаса и брезгливости...

Да, иногда месье карлик действительно сидит один в сторонке. Заказав себе вина (того, что покрепче) и изрядно захмелев, обуглившимся кончиком горелой спички он на клочке бумаги делает то, чего так страстно желал и ради чего продал душу дьяволу гётевский доктор Фауст — останавливает мгновения! Мгновения жизни мужчин с багровыми от вина лицами и мокрых от духоты женщин, участвующих в монмартрском карнавале возбужденной плоти, людей, поднявшихся на этот холм, чтобы за деньги купить то, чего им не достается дома, в семье — любви... И в эти дни мало кто знает (может, и сам гномик в пенсне), какая беспощадная, в тысячу раз более достоверная, чем любая фотография, правда богемной жизни Монмартра с этих беглых зарисовок на клочке бумаги переключается на живописные полотна Тулуз-Лотрека, на которых жалкое уродство порочных людей будет соседствовать с нетленной красотой вечности и любви...

Но Анри Тулуз-Лотрек не может и не хочет быть лишь сторонним наблюдателем этой жизни. Придет время, и молодой живописец (по иронии судьбы учившийся искусству рисунка у глухонемого художника) бросится очертя голову в водоворот разгульных ночей Монмартра. Слишком много в нем энергии, страсти, жажды любви, чтобы он мог себе позволить остаться без своего кусочка на этом похмельном пиру. Однако нетрудно догадаться:

любой успех на попроще любви достается ему ценой дикого унижения. Даже дешевые проститутки, отдаваясь ему, в открытую называют его уродом. Но Анри не привыкать. Еще в ранней юности сверстницы, от которых ему и нужно было лишь понимание, одна за другой отказывали ему даже в простой дружбе. Теперь Тулуз-Лотрек берет свое. Несправедливость судьбы, сделавшей его калекой, он будет исправлять (вернее, пытаться исправлять) безудержной погоней за плотскими наслаждениями... Нет, он люто ненавидит животную страсть — и об этом со всей очевидностью говорят его великолепные полотна и рисунки. И в то же время он, как никто из его друзей, предан пороку и при каждом удобном случае похвально, с какой грязной шлюхой провел очередную ночь. Кажется, что вино и женщины вытесняют из его жизни все. Все, кроме искусства. И вот чем глубже Анри опускается в омут загула, тем чаще его друзья-художники с изумлением и похвалой говорят о его картинах. Для них загадка: кто он — реалист, импрессионист? Откуда он берет для своих полотен эти несказанные цвета? Как ему удается в своем творчестве совмещать дьявольскую насмешку с глубоким состраданием к персонажам своих картин? И в чем секрет его таинственного мастерства? В его уродстве? В распутном образе жизни?..

Между тем, сколько надежд на обыкновенное человеческое счастье таится в душе Тулуз-Лотрека, видно на примере его отношений с Мари Шарле... Читателю не надо напрягать память, чтобы вспомнить, кем эта женщина была. Заурядная парижская проститутка, она пробудила что-то в Тулуз-Лотреке. Быть может, она была первой в его жизни женщиной, которую ему удалось защитить: он спасает ее от ареста и отсидки в тюрьме за несоблюдение каких-то формальностей закона о проституции. И эта молодая, насквозь порочная особа тоже прониклась какой-то (и не только профессиональной) страстью к своему спасителю, ей даже нравится, что он так некрасив... По существу Тулуз-Лотрек делает ее своей женой: она живет в его квартире-мастерской, он содержит ее, одевает... и платит за каждую проведенную с ним ночь... Впрочем, Мари довольно скоро начинает понимать, что этот странный господин (она никак не может поверить, что он граф!) нуждается в ней сильнее, чем она в нем. И начинает требовать с него все больше денег, надеясь на любви уroda сколотить небольшой капиталец и купить лицензию (предел ее мечтаний) на торговлю с тележки. Она изменяет ему со своим любовником-сутенером, то и дело пропадает на несколько дней. А меся художник или все терпит, или, как затравленный, бродит по Парижу, ищет ее во всех зланных местах и, найдя, умоляет вернуться, обещает платить еще больше. Лишь ценой душевного надрыва и продолжительной депрессии Анри удается прогнать Мари из своей жизни и из своего сердца...

Иногда к нему в Париж приезжает мать — графиня Адель де Тулуз-Лотрек. Она в ужасе от того, как живет ее сын, с кем проводит досуг. И то, что он рисует — обнаженные проститутки, певички из кабаре с их усталой, истерзанной плотью, их ухаженеры с острыми, делающими их похожими на козлов и сатиров, бород-

ками, всякие там прачки, модистки, циркачки, — все это ей не нравится. Рафинированная аристократка, она не понимает, чем это было может быть интересно ее сыну-умнице. “Анри, — мягко уговаривает она его, — прекрати эти похождения, остепенись...” Даже понимая всю тщету своих надежд, намекает сыну, что, мол, неплохо бы ему обзавестись семьей. “Но, мама! — на голубом глазу отвечает ей Анри. — У меня уже есть семья!” Мать недоуменно поднимает бровь, и сын с громким смехом ей поясняет: “Мама! Бордель — вот моя семья!” ...Тулуз-Лотрек был большим мастером не только в живописи, но и в умении издеваться над своей судьбой...

Но графиню беспокоит не только распутство сына. Анри пьет. С каждым годом все сильнее. Да, он и в этом отношении многих превзошел. Пожалуй, его можно считать одним из изобретателей коктейля. Гномик в пенсне откроет для себя, что если одно смешать с другим, а это — с третьим и т.д., получится “гремячая смесь”, действующая наподобие гашиша. Мир кружится вокруг тебя в дьявольском вальсе, ты — и только ты! — его творец и властелин, все тебе доступно, всем ты нужен, подле тебя жена-красавица и слышен смех твоих детей... Однажды невероятное происходит наяву: в него, в его изумительно талантливую натуру влюбляется юная особа из парижской благополучной семьи. Но стоит ее родителям узнать об этом, как они, обезумев от страха за судьбу дочери, запрещают ей не только видаться с ним, но и думать о нем. После этого Тулуз-Лотрек делает свои коктейли еще круче...

124 При чем он любит не только напиваться сам, но и спавать других, находя в этом особое мстительное удовольствие. Рассказывают о таком эпизоде. Художника приглашают на званый вечер в дом одного мецената. Анри является в жилете, спином из звездно-полосатого американского флага, и занимает место бармена за стойкой. В умении смешивать одно с другим он в этот вечер достигает апогея. Через некоторое время хозяева дома и все триста их гостей лежат в лежку и пьяно мычат. А звездно-полосатый Анри, трезвый как стеклышко, глядя на них, тихо посмеивается...

Но все реже он сидит в компании со своими друзьями. Друзей он теряет одного за другим. Те женятся, обзаводятся детьми, и Тулуз-Лотрек уже не может дружить с ними, как принято говорить, домами. У него-то ни семья, ни дома. Его друзьями (за исключением тех, кто остался ему верен до конца) все чаще становятся случайные люди. С ними-то он теперь и проводит досуг на Монмартре. Когда собутыльники говорят ему, что он слишком много пьет, гномик с кривой усмешкой отвечает: “А чего мне опасаться? С моим ростом мне невысоко падать”. И просит налить ему еще. Когда Анри напьется до полного бесчувствия, собутыльники погрузят его, как вещь, в фиакр и дадут кучеру адрес, куда седока доставить...

Проснувшись во второй половине дня, Анри обнаружит, что он (в который раз!) где-то потерял пенсне. И лишь достав запасные очки, увидит подле себя вновь приехавшую к нему мать. Как не подобает аристократкам, она, глядя на сына, неприкрыто плачет — от сознания своей непреходящей, смутной вины перед ним...

Негритянский танцор в баре. 1896 г.

Самые сложные и оставившие в его душе глубокие раны отношения у Анри сложатся с отцом — графом Альфонсом де Тулуз-Лотреком. Нельзя сказать, что отец был врагом своему сыну. Но он и не стал его другом.

Воплощенный эгоцентрик, чудака, а порой и просто самодур, граф Альфонс, имея семью, почти всю жизнь ведет себя как холостяк. Он не утруждает себя заботами о сыне и, даже живя с ним в одно и то же время в Париже, всячески уклоняется от встреч... Началось это с того, что однажды он увидел своего сына безобразным волосатым коротышкой. Он возмутился, обиделся на судьбу и сказал себе, что у Тулуз-Лотреков не должно быть таких детей. И в тот же день надолго покинул родовое имение...

Человек без определенных занятий (при его богатстве он мог себе позволить такое), граф, судя по всему незаурядная артистическая натура, превратил свою жизнь в спектакль продолжительностью в несколько десятилетий. Он постоянно впадает в какую-нибудь роль, одевается то под американского ковбоя, то под английского денди, то ходит в шотландской юбочке, а однажды предстает перед домашними в кольчуге — в память о своем знаменитом предке Раймоне IV графе Тулузском, предводителе крестоносцев, освободивших Иерусалим от магометанского владычества. Граф Альфонс щедр и сух, умен и беспечен, образован и тратит свои способности на пустяки. Отказав сыну в любви, он отказывает Анри и в таланте живописца. Увидев однажды какую-то его работу, он является (в кои-то веки!) к сыну в мастерскую и требует, чтобы тот больше не подписывал свои картины фамилией Тулуз-Лотреков. "Но ведь это и моя фамилия!" — резко возразит ему Анри. Он и без того многого в жизни лишен. Теперь вот хотят отобрать и фамилию. Кажется, именно после этого визита отца Анри и придумает себе псевдоним — Трек-Ло...

Нет, все же граф Альфонс иногда проявляет заботу о сыне. К примеру, услышав, что Анри сильно пьет, отец через кого-то просит передать сыну, что ему хорошо бы уехать в Англию, где, по мнению графа, на пьянство никто не обращает внимания. Что и говорить, умел граф Альфонс давать советы своему сыну...

По странной прихоти судьбы, внешне очень разные, они в остальном были сильно похожи друг на друга. Судя по всему, Анри от отца передалась богатая, если не сказать буйная, фантазия. Например, однажды Анри, гостя у своих друзей, поднимает на ноги всех обитателей дома: в комнате, отведенной ему, раздаются зловещие выстрелы. Окажется, что Тулуз-Лотрек-младший не нашел ничего лучшего, как открыть пальбу по пауку, свившему паутину над его кроватью. Тем, кто хорошо знает его отца, это напомнит, как Тулуз-Лотрек-старший однажды ночью устроил в замке стрельбу по совам... Можно приводить и другие примеры сходства между отцом и сыном, но давно уже известно: хуже всего понимают друг друга похожие люди. Однако справедливости ради стоит заметить: в драме непонимания отца и сына главную роль играет все-таки граф Альфонс. Обладая хо-

рошим воображением, он так и не смог представить, на какие муки обрек несчастного сына, отказав ему в самом важном — в отцовской любви...

Но следует отдать должное Тулуз-Лотреку-младшему: несмотря на то, что многие люди, в том числе и самые близкие, не верят в его талант, сам-то он знает, что живопись — его истинное призвание. Из прожитых Тулуз-Лотреком тридцати семи лет, он, пожалуй, треть жизни ведет себя как лихой беспечный гуляка. Но тем не менее успевает сделать много и сделать — хорошо. Впрочем, хорошо — не то слово! Тулуз-Лотрек владеет неподражаемым искусством проникать в суть явлений и людей. Вот он пишет портрет своей матери, которую, несмотря ни на что, любит больше всех на свете. И что же? Он снимает с ее лица покров безмятежного благополучия богатой аристократки и обнажает перед нами (может, даже сам того не желая) тревожный мир женщины, несчастной в браке, несчастной и в сыне. Падшие женщины на портретах Тулуз-Лотрека выглядят как живой, но неодушевленный товар. И в то же время их, веселых, бездумных, почему-то по-человечески жаль. Наверное, порочный Монмартр помог Ари выработать взгляд на жизнь, свойственный, пожалуй, больше литературе, чем живописи. (Недаром его сравнивают с Мопассаном и Золя.) Как справедливо замечает один из его биографов, Тулуз-Лотрека, в отличие от импрессионистов, мало волнует игра света и тени на его картинах. Тем не менее в них есть и свет, и тени — и именно они лучше, чем что-либо другое, помогают ему проникать в потаенные уголки человеческой души.

Это сильно сближает его как художника с Винсентом Ван-Гогом, кстати говоря, как и Тулуз-Лотрек, до слез несчастным в личной жизни человеком. Сближает не только во взглядах на долг художника — встретившись однажды на Монмартре, они становятся друзьями, как говорится, в одну секунду. О, с каким упоением и какими надеждами эти два гения (а, если разобраться, два больших ребенка) пытаются создать в Париже братство художников, чтобы быть независимыми от жирных толстосумов и высокомерных меценатов! Увы, их предприятие терпит поражение: Парижу их надежды, как выражаются сегодня, до лампочки. Оскорбленный Винсент уедет на юг Франции залечивать работой душевные раны, где вскоре и сойдет с ума. А Тулуз-Лотрек останется в Париже и, заказывая столик, будет требовать принести ему уже не одну, а сразу несколько бутылок. И горелая спичка от слишком сильного вдавливания теперь все чаще вспарывает бумагу...

Он на долгие годы останется на Монмартре. Это его маленькая планета, где он живет, работает, любит, пьет... Здешний ресторан "Мулен Руж" ("Красная мельница") — во многом дитя его прекрасной и мрачной фантазии. Это он сделает ресторан знаменитым сначала в Париже, затем во всей Франции и, наконец, во всем мире. Лишний раз подтверждая правило, что талантливый человек талантлив во всем, Тулуз-Лотрек с невероятной быстротой осваивает ремесло литографии и с помощью красочных афиш и плакатов создает любимому ресторану неслыханную по

тем временам рекламу. Из-за его афиш (презренный до Тулуз-Лотрека жанр!) среди парижан возникают ожесточенные споры. Одних возмущает изображение на них сильно оголенных почных див, тела которых источают греховно-томный жар. Другие восторгаются тем, что яркие необычные цвета афиш Тулуз-Лотрека словно бы издают музыкальные звуки веселого призывного канкана...

И его полотна все сильнее будоражат Париж. Художника упрекают в циничном, искаженном злобой взгляде на людей, в пассивности на женщин и т. д. Это вынуждает одного известного критика тех лет выступить в защиту Агри: "Не прибегая ни к фантазмагории, ни к кошмарам, отбросив ложь, Лотрек дал удручающую картину страданий и порока, предельно обнажив одну из язв нашего общества, которую прикрывает ширма цивилизации. Никогда еще никто не разоблачал так трезво, с таким полным горечи спокойствием почти детское плутовство этих женщин с наивными лицами, их тупость, животное отсутствие мысли, а также, что еще печальнее, — потерянную возможность для многих и многих из них жить счастливо, благополучно и просто..." Отводя упреки в том, что художник своими убийственно правдивыми картинами растлевает души молодежи, критик пишет: "Лотреку должны были бы выплачивать вознаграждение родители молодых людей за то, что он внушает им отвращение к порочным связям".

Но даже после смерти художника, когда его признают выдающимся мастером современной живописи, Тулуз-Лотрека будут обвинять в том, что он якобы породил "искусство калеки" и употребил свой талант на то, чтобы уродство и порок выдать за добродетель. Но если задуматься — в чем состояла его вина? Он был беспощадным судьей пороков своего времени. И в то же время, в силу особенностей своей судьбы, был их покорным рабом. Он видел не только то, что происходило в современном ему обществе — как истинный художник, великий гномик уже тогда предчувствовал, уже тогда провидел, что, кроме социальных, по многим странам прокатятся сексуальные революции, что проституция станет почти повсеместным явлением, что литературу и искусство захлестнет волна порнографии... Опираясь на свой горький опыт, художник предупреждал нас об этом, но мы, похоже, не вняли ему...

И все же художнику Агри Тулуз-Лотреку (есть же справедливость на небесах!) повезет больше, чем многим выдающимся мастерам живописи того времени. Застрелится Ван Гог, так,

Навалер М. де Пассан. 1881 г.

Мадмуазель Люси Беланер. 1896 г.

Салон Мулан Рун. 1894 г.

Женщина, надевающая корсет. 1896 г.

Женщина, надевающая чулок. 1894 г.

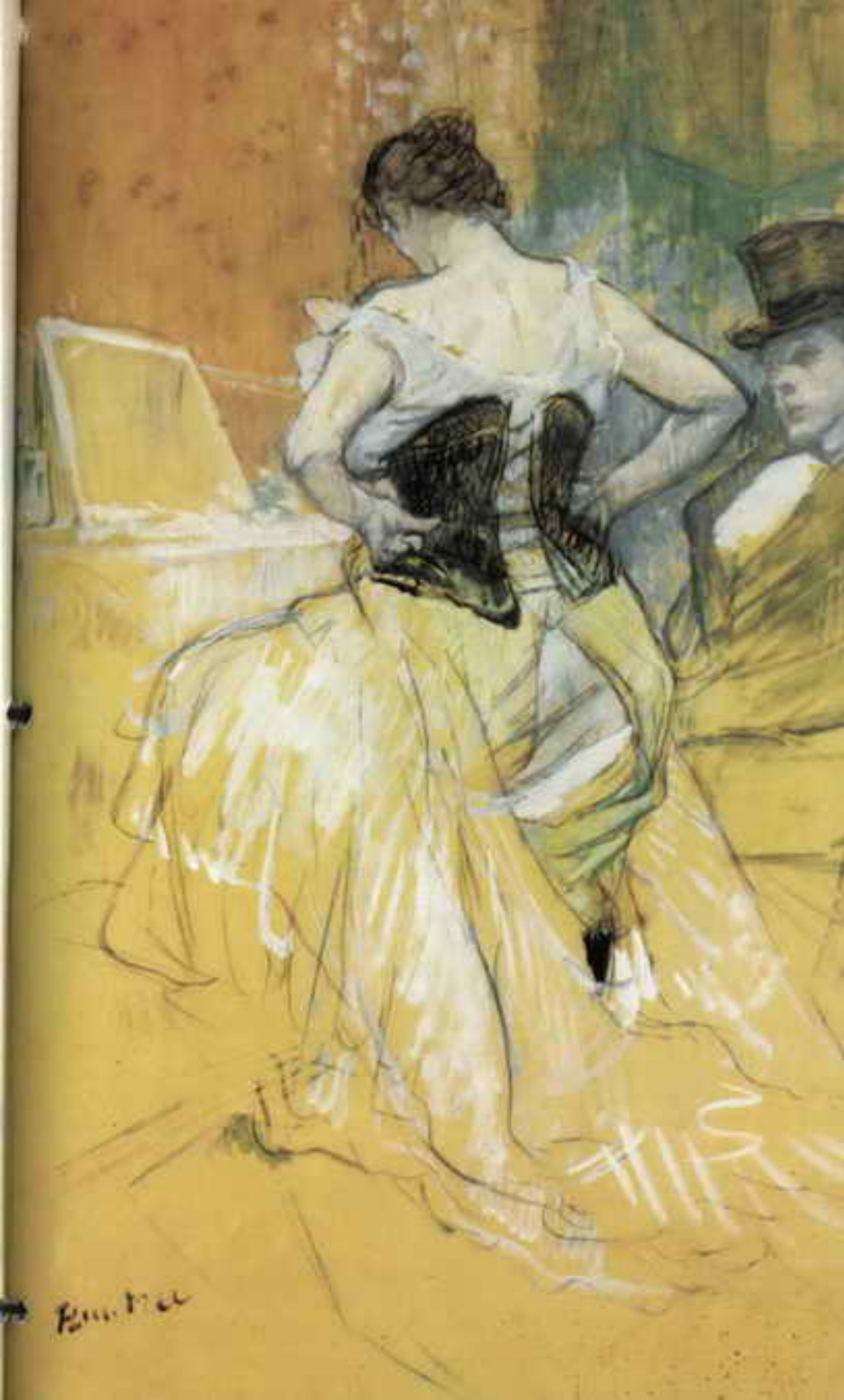
Диалог. 1899 г.

B. M. C.

кроме двух-трех похвальных отзывов, и не услышав от людей ничего хорошего о своих великих полотнах. На одном из островов Тихого океана от нищеты, безвестности и болезни умрет гениальный Поль Гоген... Картины же Тулуз-Лотрека еще при жизни художника украшают собой многие выставки в Париже и за рубежом. Их начинают покупать коллекционеры за немалые по тому времени деньги. "Я восхищен тем, как вам удалось скрыть следы усилий, потраченных на эту работу", — скажет один из самых крупных художников того времени про одно полотно Анри. И он ничуть не слукавит. В живописи, как и во всяком другом искусстве, все гениальное — просто и безыскусно. И достигается каторжным трудом...

Но испытать полное счастье Тулуз-Лотреку, видать, было заказано на роду. Едва слава и признание начинают приходить к нему, как "зеленый змий", с которым он много лет вел неравное единоборство, одерживает над ним верх. С приступом белой горячки Анри попадает в "психушку". Когда мадам Любе, та самая, что интересовалась происхождением его фамилии, узнает об этом, она будет целыми днями плакать навзрыд — словно Анри приходился ей родным сыном. Но, пожалуй, одна она на всем свете и видела всю меру страданий своего постояльца-калеки, одна она и знала, каким добрым и чистым человеком был этот гномик в пенсне. Он многим помог в жизни. А вот когда его увозили в больницу, ему из всех вещей нечего было взять, кроме пера вальдшнепа...

Кстати говоря, в больнице, когда у него наступает просветление, Анри, идя на прогулку, берет с собой это перо и безостановочно пишет им картины. Пишет почему-то чаще всего цирк. Может быть, он жизнь уже воспринимает как цирк, а всех людей — циркачами?.. Общность его натуры с Ван Гогом проявится еще и в том, что Анри, как и Винсент, находясь в больнице, создает немало прекрасных вещей и радуется докторов своим благоразумием. Но, как и Ван Гог, стоит Тулуз-Лотреку выйти из больницы и оказаться в привычном (но в чем-то, наверное, даже более сумасшедшем, чем "психушка") мире, как его вновь преследуют галлюцинации, и он вновь впадает в бредовое состояние...

Самые дестные вести настигают Анри, когда он находится в больнице. Туда однажды приходит письмо от мадам Любе. Старушка, донельзя счастливая, сообщает, что президент Франции готов представить Анри к высшей награде страны — ордену Почетного легиона и ждет от господина Тулуз-Лотрека согласия принять награду. Анри в ответ не говорит ни "да", ни "нет". Ему орден? За что?.. Когда-то он, как и все его друзья, художники-авангардисты, слышать не хотел про Лувр, называя этот дворец-музей "кладбищем искусств". Но вот ему передают, что государство купило одну из его картин для Лувра. Графиня Адель, узнав об этом, расплакалась от радости. Она знала, что ее сын — несчастный урод и пьяница. Но думать не думала, что он еще и гений...

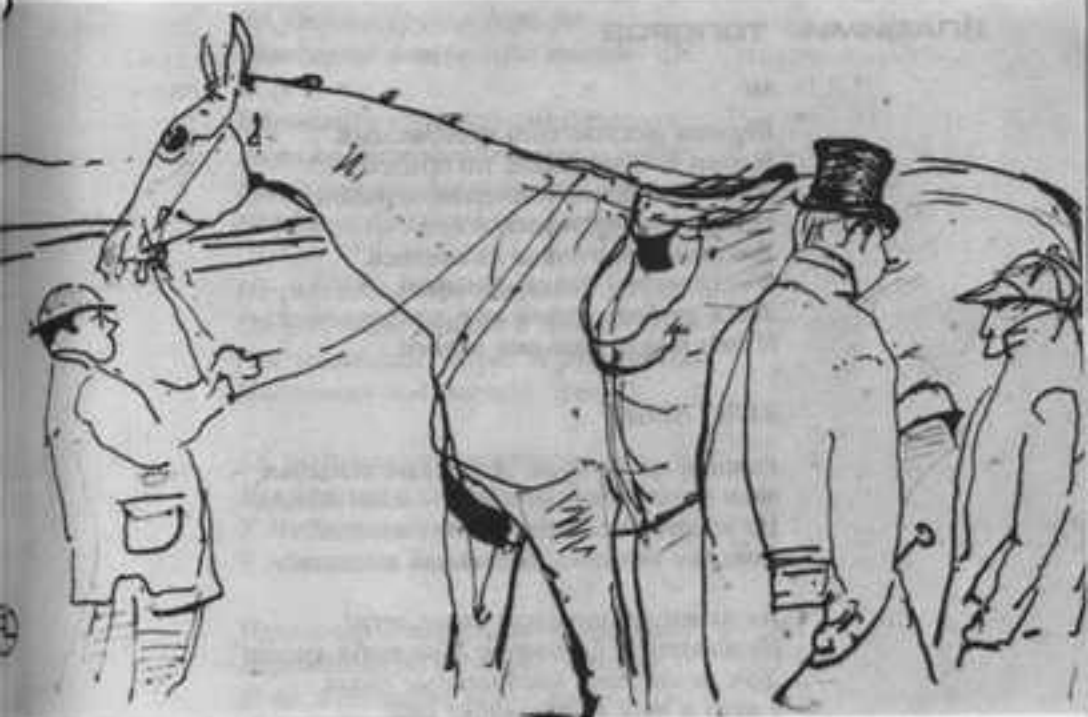
Внимая ее отчаянной просьбе бросить пить, Анри выходит из больницы, вновь поселяется у мадам Любе и живет под присмотром слуги, приставленного к нему графиней Аделью. Он больше

не поднимается на греховный Монмартр, ведет абсолютно трезвый образ жизни... Но что же? Постепенно гаснет его яркий талант! Все или почти все, что делает он теперь, мало напоминает прежнего Тулуз-Лотрека. Это видят его друзья, но самое горькое — видит и он сам. И как это страшно! Пока пил, пока поддавался низким соблазнам жизни — был талантлив. Остепенился — и стал скатываться к посредственности. (Между прочим, этот факт биографии Тулуз-Лотрека лишний раз убеждает, что иметь талант — уже само по себе драматично.) Как пишет автор одной из книг о художнике: "Добродетель сжимала его в своих объятиях и постепенно душила". Граф Анри де Тулуз-Лотрек стал подумывать, не принять ли ему почетный орден, не стать ли, как ему предлагают, председателем какой-то там отборочной комиссии?.. Но это уже не Анри, не художник Тулуз-Лотрек, а сытый самодовольный французский буржуа. И как только художник понимает, в какую западню попал, он ускользает от присмотра слуги и в смерть напивается...

Последние месяцы жизни Анри проводит вместе с матерью то на курортах, то дома. Но в Париже не забывают о нем. Особенно — журналисты. Им не дает покоя его слава и судьба. Они усматривают в недуге художника закономерный итог его неупорядоченной жизни. К примеру, вот что о трагедии Тулуз-Лотрека напишет один из них:

"Бог, словно мстя всему роду Лотреков по седьмое колено, отыгрался на этом несчастном, наградив его, неуклюжего, уродливого калеку, страстной любовью к женскому полу. Он тщетно добивается любви. Казалось, своими поражениями в амурных делах он расплачивался за распутство всех графов де Тулуз, которые считали себя неотразимыми, своим непрерывным фиаско искупал их любовные победы. Он жаждал быть любимым, пробуждать страстные чувства к себе. Он был горбатым Дон Жуаном, который в мире вульгарной действительности мечется в погоне за несбыточной мечтой. Споры нет, он тоже мог бы представить свой любовный список, но все эти тысяча и три женских имени зарегистрированы... в префектуре полиции. Разврат, рассеянный образ жизни коммивояжера, который Лотрек вел сам и в который вовлекал своих друзей, а также мизантропия, вызванная его физическими недостатками и сознанием его нравственного падения, все это, бесспорно, привело его в "желтый" дом... Теперь же, в этом своеобразном раю дегенератов, он вкушает наивысшее блаженство. Теперь ничего не мешает ему наслаждаться своей силой, красотой, талантом. Он пишет фреску за фреской, с головокружительным мастерством создает какие-то загадочные картины, он неотразим, он держит в объятиях прекрасных женщин, его окружают изящные и стройные грации и его ждут все новые, дотоле неведомые ему наслаждения. Он счастлив, он покинул этот безобразный и мрачный мир, он плывет к зачарованным островам, где он владыка..."

Вероятно, читатель согласится, что вышеприведенные строчки точно попадают в цель и написаны не без литературного блеска. Только блеск этот — блеск кинжала, которым мечанин в

Пониз пошары. 1895 г.

журналистике, ничего не понявший ни в трагедии, ни в творчестве Тулуз-Лотрека, со сладострастием морального убийцы доканывает уже смертельно больного человека...

За несколько недель до кончины у Анри отнимаются ноги. И так-то они были его позором и пожизненным мучением, а теперь вот совсем перестали слушаться. Но у него есть еще руки — и он будет ими рисовать. Потом отнимутся и руки. И тогда совсем незачем станет жить. В один из последних дней Анри, грешник и безбожник, решает примириться с Богом и просит кюре исповедать его. Вызванный телеграммой из Парижа домой срочно приезжает отец. Но не поездом, как ожидалось, а верхом на коне — в пыльной одежде, в заляпанных грязью сапогах. Граф Альфонс и в эти дни остается верным себе. Поглядев на умирающего сына, он советует ему сделать то, что делают перед смертью арабы — сбрить бороду. Когда Анри умрет, граф устроит ночью стрельбу по совам. В день похорон он собран и торжествен и не только скорбит, но и строго следит, правильно ли кучер катафалка держит вожжи — ритуалы и традиции рода Тулузов были для него превыше всего.

Он и после смерти сына не признает его как художника, будет всячески препятствовать выставкам его картин и установлению памятника. И лишь незадолго до своей смерти кому-то из тех, кто любил и верил в его сына, как бы невзначай признается: "Вы оказались более правы, чем я..."

Ах, граф Альфонс, граф Альфонс, право же, лучше поздно, чем никогда...

Ивушка московского предместия.
 Места нет ни лobre, ни вражде.
 Здесь над речкой замерли созвездия,
 Водоросли стелются в воде.
 Утки поплавочками качаются.
 Маслянисты блики фонарей.
 Здесь любовь порой еще встречается —
 И чем реже, тем она верней.

ЗАЛЕТНЫЙ

Ровный гул ночной. Луна, как палынья, —
 там покой и сон. А здесь — один обман...
 Но ударил в сквере щекот соловья!
 Что ты делаешь, залетный хулиган?

Ты зачем покинул влажные леса?
 Не вздохнут бульвары: "Бог тебя храни!",
 Дом не сделает квадратные глаза,
 у него и так квадратные они.

Приподнявшийся нетрезвый гражданин
 что-то вспомнит и забудет, ведь пока
 он отзывчив лишь на окрик "Сукин сын!"
 да на трели милицейского свистка.

Утром встанет... Голова, как не своя.
 Жизнь проходит и почти уже прошла.
 Тупо думать будет: то ли соловья,
 то ли детство он услышал... Вот дела!

Заснут народы. Что им соловей?
 Был бы каждый человек одет и сыт.
 И кому печаль, что в клеточке своей
 в зоопарке соловьяха загрустит?

Синевою плесенью из-под вех,
 И тебя я туда увезу,
 Где и бурый медведь — человек,
 Только вот заблудился в лесу.

И пойдём мы с тобою тропой,
 Уготованной мне и тебе...
 И поймешь, что любимый я твой,
 Только вот заблудился в судьбе.

ШАГУНЫ

Времена-то, ребята, глухие!
 Спать бы, словно в берлоге медведь.

*Но уходят друзья дорогие
Обживать небесную твердь.*

*Неуютно в двухспальной берлоге
Двум разбуженным – мне и тебе:
Будем странники в вечной дороге –
Шатуны на смертельной тропе.*

*Не страшны нам голодные волки
Но уже меж тобою и мной
Нас охотники ждут. И двустволки
Индееют под чистой луной.*

*Ах, родимая, прожили вместе
Мы немало и счастья и бед!..
У Медведицы в небе – созвездье,
У медведя и этого нет..*

*Принимал я как высшую милость
Первобытную темную страсть.
И на женщине платье томилось
Перед тем, как ей в ноги упасть.*

*Шелк Японии или Китая –
Дерзкой плоти случайный покров..
И ко мне ты шагнула, нагая,
Из искусственных этих цветов!*

≡

*Глагол ты однажды умело разъял
до самого корня... Оно б ничего!
Да вот на признанья в любви разменял
священную силу его.*

*И где она, память родимых могил,
где творчества ночи и дни?..
Все ветреным женщинам ты раздарил.
Любовь-то безумству сродни.*

≡

*Все в нас –
ракетный век и Чингисхана кони,
счастливая звезда и черные плащи.
И ангел твой поет, роняя лик в ладони:
"Причину личных бед ты в мире не ищи!
В словах ты и в судьбе сам ставишь ударенья,
свой крест, как ни суди, ты выбираешь сам.
И если нет в душе высокого смиренья,
бесплодно для нее стремленье к небесам".*

ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ

ТРОИ И КРОВЬ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОНИЛОВА

1747 начался для Екатерины и вовсе трагически – ей сказали, что умер ее отец. “Мне дали досыта наплакаться, – пишет она, – но по прошествии недели Чоглокова пришла мне сказать, что императрица приказала мне перестать, что мой отец не был королем. Я ответила, что это правда, что он не король, но что он мой отец; на что она возразила, что великой княгине не подобает долее оплакивать отца, который не был королем, и что потеря невелика”. Выговор этот исходил от императрицы.

Она была одинока и ниоткуда не видела помощи. Казалось бы, их брак с Петром Федоровичем должен был бы как-то их сблизить, тем более что оба они были одиноки при елизаветинском дворе. Да только был ли ее брак браком?

Вот как описывает Екатерина день свадьбы. Утром она пришла в покои императрицы, где уже лежало ее венчальное платье; ее камердинер Евреинов уже стал было завивать ее челку, но тут явилась Елизавета Петровна, и из-за челки началась целая история. Потом императрица пришла надеть на невесту великокняжескую корону, очень тяжелую, потом ее облекли в платье, расшитое серебром, оно было “страшной тяжести”. Торжественное свадебное шествие направилось в церковь Казанской Божьей матери, где молодых и обвенчали. Потом был обед. После обеда Екатерина стала просить графиню Румянцеву, могущественную статс-даму, хоть на минуту снять с нее корону, но та не посмела.

Таков был день. А вот какова была брачная ночь. Дамы раздели новобрачную и уложили в постель. Мы не знаем, каковы были ее чувства, знаем только, что она просила одну из этих дам побыть с нею, но та не согласилась. Все ушли, и Екатерина осталась одна. Так прошел час, потом еще час. Она не знала, что ей делать – вставать или оставаться в постели. Великий князь тем временем ждал ужина, а поужинав, пришел к ней, лег и заснул. Екатерина плохо спала, а наутро дневной свет показался ей очень неприятен. “И в этом положении дело оставалось в течение девяти лет, – пишет она, – без малейшего изменения”.

Тут мы должны прервать нашу героиню, чтобы несколько ее поправить. Характер великого князя засвидетельствован другими источниками, вполне подтверждающими ту характеристику, которую дает ему Екатерина, и все же полностью доверять ей тут нельзя, в особенности, когда дело прямо или косвенно касается власти (а брачные отношения этой юной пары носят характер политический). Мы располагаем краткой записочкой Петра Федоровича, он написал ее Екатерине в 1746 году (это значит примерно на второй год их брака). “Мадам. Прошу вас не беспокоиться нынешнюю ночь спать со мной, потому что хватит меня обманывать, постель стала слишком узкой – после двухнедельной разлуки с вами, сегодня полдень. Ваш несчастный муж, которого вы никогда не утомляете этого имени. Петер”. Как видно, образ кроткой, брошенной и вечно угнетаемой жены, какой нарисовала в своих воспоминаниях Екатерина, не совсем отвечает действительности. Девчонка была далеко не ангел.

Даже если бы он был добр к ней, все равно на него нельзя было положиться: по словам Екатерины, он хранил свои тайны, как

пушка – свой выстрел; в жизни двора, в условиях свар, интриг и доносов, свойство весьма опасное. К тому же он никогда жену не защищал. Впрочем, оба они несчастны: их жизнь была жизнью узников. Как и Екатерина, он ненавидит придворную жизнь, как и она, рвется к той малой свободе, которую предоставляет загородное поместье. Если в Ораниенбаум его все-таки пускали, то другую его – настоящую – просьбу отпустить его на два года за границу, отклоняли неукоснительно. Этот недавний наследник двух блистательных корон оказался в узкой (даже не очень и золоченой) клетке, той же самой, что и его жена.

Как всякий "политзаключенный", великая княгиня должна была думать прежде всего о том, как выжить в предложенных ей условиях. Сохранить себя и добиться желанной российской короны. "Вот рассуждение или, вернее, заключение, – пишет она, – которое я сделала, как только увидела, что твердо остаюсь в России, и которое я никогда не теряла из виду – ни на минуту: 1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу. Я хотела бы выполнить все три пункта, и если это мне не удалось, то либо (желанные) предметы не были расположены к тому, чтобы это было, или же Провидению не было угодно; ибо поистине я ничем не пренебрегала, чтобы этого достичь: угодливость, покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать, как следует, искренняя привязанность – все с моей стороны было к тому употреблено. Признаюсь, когда я теряла надежду на успех в первом пункте, я удваивала усилия, чтобы выполнить два последних; мне казалось, что не раз успевала я во втором, а третий удался мне во всем своем объеме, без всякого ограничения каким-либо временем, и, следовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу". Автор одной из книг о Екатерине говорит, что в перечисленных методах неприятно задело слово "угодливость", и считает это ее признание "откровенно циничным". На самом деле программа, изложенная великой княгиней, не только не цинична, она изображает то поведение, которое было приличным, надлежащим и похвальным в окружавшем ее обществе. Слово "угодливость" вовсе не звучало тогда так, как сейчас, и даже так, как оно звучало в грибоедовские времена. В XVIII веке в услужливости и угодливости видели черту добродетели. Человек в обществе должен быть по отношению к родным, сослуживцам, светским знакомым услужлив, то есть готовым оказать услугу, угодлив, то есть стремиться сделать так, чтобы другому было хорошо. А уж жена просто обязана была угождать мужу.

Ровным счетом никакого цинизма в екатерининской жизненной программе не было, напротив, было желание противопоставить поведению ее врагов, их злословию, злобе, клевете, всему тому, что было так распространено при елизаветинском дворе, образ, близкий к эталону женской нравственности. Разумеется, "искренняя привязанность" тут под большим вопросом, речь идет о тактике. Осуществление этой программы требовало огромного такта, ума и выдержки, но другого пути у великой княгини вообще не было, ум, незлобивость и обаяние были ее единственным оружием. В будущем эта жизненная позиция дала поразительные плоды – в бытность ее великой княгиней ни один из пунктов программы не мог быть выполнен.

Великая княгиня была в плену, под жестким и злобным надзором. За каждым шагом ее шпионили специально приставленные к ней женщины. Как бы ни старалась она быть услужливой и покорной, как бы усердно она ни молилась, ни постилась, ни отстаивала в угоду императрице бесконечные церковные службы, ей ничто не могло помочь, в этом мире ненависти она была беззащитна.

И все же она нашла защиту.

Когда она только что прибыла в Россию и была в упоении от богатства нарядов, блеска бриллиантов и непрерывности балов, был человек, который предупреждал ее об опасности – то был граф Гюлленбург, который знал ее еще в Германии, заметил, что она развита не по годам, и говорил окружающим, "что у нее философский склад ума". Приехав в Россию, он увидел, что она "поддается влиянию двора", думает только о нарядах. "Готов держать пари, что у вас не было и книги в руках с тех пор, как вы в России", – сказал он и посоветовал читать Плутарха "Жизнь замечательных мужей", Монтескье "Причины величия и упадка римской республики" и другие серьезные книги. Девочка достала некоторые из них, но ей стало скучно, она бросила их, чтобы вернуться к нарядам. Гюлленбург стал расспрашивать ее о ней самой, и она, чтобы он лучше ее узнал, написала ему некий автопортрет "Портрет философа в пятнадцать лет" (это сочинение попало ей на глаза тринадцать лет спустя, и она поразила точности самоанализа; до нас оно не дошло, Екатерина сожгла его вместе с другими бумагами в минуту опасности). Граф Гюлленбург отнесся к этому сочинению очень серьезно, ответил ей целым разбором и сказал, что она может разбиться о встречные камни, если душа ее не закалится настолько, чтобы противостоять опасностям.

Наставления графа Гюлленбурга очень ейгодились. Могучим союзником ее стали книги.

Елизавета, не скрывая, выражала неудовольствие тем, что Екатерина "больно умна". А умная Екатерина умнела с каждым днем. Вот ее образ жизни, каким она сама его описывает.

"Я вставала между восемью и девятью часами утра; брала книгу и садилась читать до тех пор, пока не настало время одеваться; никто, кроме моих женщин, не вступал в мою комнату... Пока меня причесывали, я продолжала читать..."

Она любила читать, сидя у окна. В то время она читала Монтескье "О духе законов" – уже тогда темы справедливости, правосудия, законодательства сильно ее волновали – и уже тогда она обнаружила понимание проблемы: "Не знаю, мне кажется, что всю мою жизнь я буду чувствовать отвращение к чрезвычайным судебным комиссиям, особенно секретным" – актуально звучит, не так ли?

В чтении она была упорна – знаменитый "Исторический и критический словарь" Бейля читала два года, отведя по полгода на каждый том. А читала особо – с жаром! Было у нее обыкновение: как бы от избытка чувств тут же на полях, а порой и прямо между строк делать свои замечания. Так, ее сильно взволновала книга Струбе де-Пирмонта, который осмелился грубо нападать на ее кумира Монтескье, упрекая его в непонимании и легкомыслии.

"Удобно называть легкомысленным то, что не легко поддается пониманию, – иронизирует она, – чтобы вам верили, вам надо бы сравниться гениальностью с Монтескье". Негодование: "Как сметь

спорить со столь великим человеком!" Время от времени она теряет терпение. "Вот так выводы! — пишет она, — все это одна болтовня". И даже грубее: "Совсем заврался!" (begueries). Но для нас наиболее интересное, разумеется, самый предмет спора. Автор книги открыто защищает общественный строй, основанный на рабстве, и с этих позиций нападает на Монтескье: "Крепостной, это это (Монтескье — О.Ч.) слова, — пишет де-Пирмонт, — не может ничего делать по добродетели; а господин приобретает с рабами своими разного рода дурные привычки и нечувствительно привыкает к пренебрежению всеми нравственными качествами". "Однако это совершенно справедливо", — замечает на полях Екатерина. "Возросло ли в Риме число знаменитых мужей, — разворачивает свою аргументацию де-Пирмонт, — с тех пор, как было уничтожено рабство, больше ли их стало, чем в то время, когда этот удивительный город кишел рабами". "Знаменитый и добродетельный не синонимы, — резонно возражает Екатерина и прибавляет: — Страх может убить преступление, но он также убивает добродетель. Кто не смеет думать, смеет лишь пресмыкаться".

Пирмонт: "Свобода или рабство черного люда сами по себе обществу безразличны, все зависит от нравов и законов, могущих сделать их полезными или вредными". "Черт возьми! И почему же автор не продаст в рабство самого себя?"

Остров в устье Невы, ветер, к вечеру он разыгрывается в шторм. Охота в разгаре, псы гонят зайца, двое охотников придержали коней и остановились — разгоряченные кони вертятся, не стоят на месте. Всадники одни, и встреча эта опасна.

Он — Сергей Салтыков, камергер великого князя Петра Федоровича, один из самых красивых кавалеров елизаветинского двора. Екатерине двадцать три, она в сапогах и в мужском костюме (Елизавета далеко), ее волосы выбились из-под треуголки и выются на ветру.

Разговор их горячий, о любви. Салтыков давно уже ходил за ней по пятам, преследовал своими пылкими признаниями — она уклонялась, отшучивалась, спрашивала, а как же быть с его женой, на которой он недавно по страстной любви женился? Он ничего не хочет слышать о молодой жене, не желает принимать никаких резонов — влюблен без памяти.

И вот теперь они вдвоем, охота далеко, разговор получается долгий — собственно, говорит он один, она не произносит ни слова. Он говорит о том, что надо сделать, чтобы их счастье осталось тайной. Она молчит. Он просит разрешить ему надеяться и признать хотя бы ту малость, что она к нему равнодушна. Тут она отвечает: она не может помешать игре его воображения. Он начинает убеждать ее, что он куда лучше остальных придворных и потому заслуживает предпочтения. Она смеется в ответ, но про себя не может не признать, что он прав.

— Я прошу вас отъехать от меня, — говорит она, — разговор наш затянулся. Это может показаться подозрительным.

Он ей нравился, и очень, но в условиях слезки и доносов, в атмосфере той ненависти, в которой она живет, одна подобная встреча может стать роковой.

"Он возразил, что не уедет, пока я не скажу, что я к нему неравнодушна, — пишет Екатерина. — Я ответила: "Да, да, но только убейтесь", а он: "Я это запомню" и прищипнул коня; я крикнула ему вслед: "Нет, нет"; а он повторил: "Да, да". Так мы и расстались".

Он уже считал себя счастливым. А ее мучили "тысячи опасений", бродивших вокруг. Думала она и о том, сможет ли управлять двумя головами, его и своей, и понимала, что это будет трудно, если не невозможно.

"Он был прекрасен, как день, — пишет она, — и, конечно, никто не мог с ним сравниться, ни при большом дворе, ни, тем более, при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и особенно двор. Ему было 26; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся". Он был темноволос и говорил о себе, что в придворном костюме — белое с серебром — выглядит, как муха в молоке.

Оказалось, что "по части интриг он настоящий бес", втерся в доверие всех тех, кто должен был сторожить великую княгиню, усыпил бдительность ее врагов, казалось бы, влюбленным ничего не мешало, но Екатерина никак не могла преодолеть своего ужаса перед тем, что может произойти, если их роман откроется.

И вдруг события развернулись самым неожиданным образом.

К тому времени вокруг Екатерины уже сложилась некая группа поклонников, кроме Салтыкова, это Лев Нарышкин ("одна из самых странных личностей, каких я когда-либо знала, — пишет о нем Екатерина, и никто не заставлял меня смеяться, как он. Это был прироченный арлекин, и если бы он не был знатного рода, к которому принадлежал, — он мог бы иметь кусок хлеба и много зарабатывать своим действительно комическим талантом"); Захар Чернышев (который в правление Екатерины займет очень высокие посты), все они находили способы встречаться в обществе великой княгини. Их увлечение ею было искренним, их вряд ли можно заподозрить тут в какой бы то ни было корысти, поскольку Екатерина была опальна и дружба с ней ничего, кроме неприятностей, принести не могла.

Между тем Елизавета Петровна была в сильном гневе по поводу того, что у великокняжеской четы до сих пор нет детей. Она вызвала к себе Чоглокову и в крайнем раздражении заявила ей, что детей у Екатерины нет потому, что та ездит в мужском седле. На это статс-дама возразила, что у великой княгини детей и быть не может, потому что нет тому причины, хотя их императорские высочества живут в браке с 1745 года. Елизавета разгневалась еще пуще и сказала, что и она, Чоглокова, и ее муж, приставленный к Петру Федоровичу, не выполняют свои обязанности, и особенно ее муж, "колпак, который позволяет водить себя за нос сопликам". Императрица велела им, Петру и Екатерине, немедленно приехать к ней в Кронштадт, на открытие канала, строительство которого было начато еще Петром. Ночь была бурной, "императрица подумала, — пишет Екатерина, — что мы во время этой бури находимся в море; она очень беспокоилась всю ночь, и ей казалось, что какое-то судно, которое ей было видно из окон и которое билось в море, могло быть той яхтой, на которой мы должны были переехать по морю". Бедная Елизавета Петровна схватила святые мощи, "кото-

рые всегда находились рядом с ее постелью. Она поднесла их к окну и делала ими движения, обратные тем, которые делало борющееся с бурей судно. Она не раз вскрикивала, что мы, наверное, погибнем, что это будет ее вина, потому что она недавно послала нам выговор и что мы, вероятно, для засвидетельствования большей готовности, поехали тотчас по прибытии яхты" (на самом деле они отправились морем на следующий день).

И вот тут Чоглокова завела с великой княгиней странный разговор. Она долго говорила о супружеских узах и обязанностях, а потом вдруг заявила, что "бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правил". Екатерина не могла понять, куда та клонит, и думала, нет ли тут какой-нибудь ловушки. Тогда статс-дама высказалась яснее: она, Чоглокова, любит свое отечество и предлагает ей, Екатерине, выбрать между двоими, Львом Нарышкиным и Сергеем Салтыковым. "Вы увидите, — прибавила она, — что помехой вам буду не я". Тут Екатерина, по ее словам, наконец поняла, но прикинулась настолько наивной, что Чоглокова долго не могла ей этого простить.

Всякие препятствия для безоблачной жизни влюбленных были устранены — кроме одного. "Мне показалось, — пишет Екатерина, — что Сергей Салтыков стал меньше за мной ухаживать, что он становится невнимательным; меня это сердило; я говорила ему об этом, он приводил неубедительные доводы и уверял, что я не понимаю всей ловкости его поведения." Однако он был обольстителем, и ему не стоило большого труда убедить влюбленную женщину в своей привязанности — и продолжал исчезать, иногда подолгу.

Впрочем, для пользы отечества и проблемы престолонаследия это уже никакого значения не имело.

Между тем расположение Елизаветы к великокняжеской чете, которое возникло той бурной ночью и было вызвано тревогой за их судьбу, исчезло бесследно, напротив — вскоре последовали жесткие репрессии: опять из окружения Екатерины были изгнаны преданные ей люди и ей было объявлено, что к ней назначают новую статс-даму М.А. Румянцеву, это было для нее так страшно, что она бурно запротестовала; ввиду ее положения Румянцеву не назначили, зато в качестве надзирателя к Екатерине был приставлен не кто иной, как Александр Иванович Шувалов, начальник Тайной канцелярии, перед которым дрожали двор, город и вся империя. "Его занятия, как говорили, вызвали у него род судороги, которая делалась у него на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка... Если правительство думало о наследнике престола, то странно, как могли к женщине, которая ждет ребенка, приставить столь уродливую фигуру. Если бы у меня родился ребенок с таким несчастным тиком, — прибавляет Екатерина, — я думаю, что императрица была бы этим очень разгневана; между тем это могло бы случиться, так как я видела его постоянно, и большею частью с чувством невольного отвращения." К Екатерине опять не допускали никого, в том числе и Салтыкова. Она была в черной тоске.

В сентябре 1754 года около полудня она родила сына. "Как только его спеленали, — пишет она, — императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павел; после чего она тотчас же велела акушерке взять ребенка и следовать за ней. Я осталась

на родильной постели: "Как только удалилась императрица, великий князь тоже пошел к себе, а также и Шуваловы, муж и жена, и я никого не видела ровно до трех часов". Она просила камеристку сменить ей белье и уложить ее в кровать, та ответила, что не смеет. Она просила пить, но получила тот же ответ. После того, как ее все же перенесли на кровать, она опять осталась одна. В городе шло бурное веселье по случаю рождения наследника, а она лежала и плакала.

На третий день пришли от императрицы – наконец-то справиться о здоровье? Нет, оказалось, что Елизавета Петровна оставила у нее в комнате мантилью из голубого атласа (в комнате, где рожала Екатерина, было очень холодно), мантилью нашли, на том все и кончилось.

На крестинах она не присутствовала из-за болезни, в этот день к ней явилась Елизавета Петровна и на золотом блюде принесла указ кабинету министров: выдать ей сто тысяч рублей (что ее очень обрадовало, так как она была вся в долгах). Но тут Петр Федорович поднял громкий скандал, возмущенный тем, что ему по случаю рождения сына ничего не дали, после чего из императорского кабинета к Екатерине пришли просить, чтобы она одолжила им только что данные ей сто тысяч – как потом оказалось, для того, чтобы отдать их разбушевавшемуся великому князю, который был убежден, что они ему причитаются по праву.

Вот какова была женская доля Екатерины в лучшую пору ее молодости. Муж (или не муж?) инфантильный едва ли не до слабоумия. Первая любовь – красавец бес, для которого роман с великой княгиней был не больше, чем развлечение. Она ждет ребенка, она в тревоге, ей, как любой женщине в подобном состоянии, нужно, чтобы рядом был кто-то из самых близких, кто успокоил бы ее и заботился о ней, а к ней приставили невзрачного палача с дергающейся физиономией.

А ребенка, лишь только он появился на свет, унесли, ей даже не показав. В первый раз ей разрешили посмотреть на него, когда прошло 40 дней – его принесли в ее комнату и унесли, как только кончилась молитва. В очень редкие посещения она с ужасом видела: в жарко натопленной комнате, запеленутый во фланель и уложенный в колыбель, подбитую чернобурками (а сверху клали еще атласные одеяла и еще одно, подбитое чернобуркой), обливаясь потом, лежал ее сын.

Елизавета овладела мальчиком всецело и со страстью. По ночам его колыбель стояла в ее спальне.

Сергея Салтыкова послали в Швецию – отвезти шведскому двору известие о рождении нового великого князя (очевидно, тут было не без злобной бабьей шутки).

Екатерина тогда много плакала. Она чувствовала себя опустошенной. Остров в устье Невы, ветер и шторм. Рождение и потеря сына. И вот она опять одна со своей собачкой, своим попугаем – и своими книгами.

Все мрачнее и мглистей становилась жизнь при дворе, здоровье Елизаветы Петровны внушало все большую тревогу, и, несмотря на то, что это тщательно скрывалось, все понимали, возможна близкая смена власти, а с тем росло и напряжение, тихая угрюмая борьба под ковром.

Лев Нарышкин, человек легкомысленный и веселый, докладывал о себе под дверью ее комнаты кошачьим мяуканьем. И вот однажды он пригласил ее в гости к своей невестке Анне Никитичне Нарышкиной. Екатерина была изумлена.

— Вас за это посадят в крепость, — сказала она, — а со мной вообще неизвестно что будет.

Но он настаивал, и ей это головокружительное предложение с каждой минутой казалось все соблазнительней.

У нее были мужские костюмы, была привычка их носить и умение так убирать волосы, чтобы они не выбивались из-под треуголки.

В назначенный час Нарышкин мяукал под дверью, они ускользнули, никем не замеченные, и, очутившись в карете, хохотали, как сумасшедшие. А в доме Нарышкиных ей представили графа Понятовского, очень красивого, влюбленного и бесстрашного. После нескольких лет заточения, в обществе собаки, попугая и злого дурака, каким был ее номинальный супруг, то был неожиданный прорыв к счастью. Целых полтора часа свободы! Эти полтора часа прошли "в самом сумасшедшем веселье, какое только можно себе вообразить". Во дворец она вернулась столь же незамеченной, но уже совсем другой — счастливой.

На следующий день утром на куртаге по случаю именин императрицы все, бывшие в секрете, не могли смотреть друг на друга, чтобы не расхохотаться при воспоминании о вчерашнем. А Лев Нарышкин и вовсе обнаглел, предложив, чтобы следующее свидание было в комнате самой Екатерины. И это было осуществлено столь же удачно.

"Мы находили необыкновенное удовольствие в этих свиданиях укрادкой. Не проходило недели, чтобы не было хоть одной, двух и до трех встреч то у одних, то у других, и когда кто-нибудь из компании бывал болен, то непременно у него-то и собирались. Однажды Петру Шувалову, генералфельдцеймейстеру, пришло в голову посоветоваться с великой княгиней относительно праздничного фейерверка, а у великой княгини в комнате в это время веселилась компания.

Когда Шувалов зашел, комната была пуста, хозяйка терла глаза спросонья, компания за занавесом затаила дыхание", — зато какое веселье поднялось, когда опасный гость ушел. Екатерина заказала ужин, велела служителям поставить его у ее постели, а самих отпустила. Голодная молодежь набросилась на еду, "веселье увеличивало аппетит. Признаюсь, этот вечер был одним из самых шальных и самых веселых, какие я провела в своей жизни. Когда проглотили ужин, я велела унести остатки так же, как мне его принесли. Я думаю, что моя прислуга была немного удивлена моим аппетитом". Компания потихоньку разошлась. "Граф Понятовский для выхода брал обыкновенно с собой белокурый парик и плащ, и когда часовой спрашивал его: "Кто идет?", он называл себя: "Музыкант великого князя". Этот парик очень нас смешил в тот вечер." Их все тогда смешило. Все они были очень молоды, Екатерине — двадцать, Понятовскому — двадцать три. В это время слуги Екатерины ее уже не выдавали и ее камер-фрау за ней не шпионили. Надо думать, отчасти потому, что с болезнью императрицы гнет стал уменьшаться, а может быть, потому, что возрастало обаяние молодой великой княгини.

Так начался для нее 1756 год.

В Европе уже шла война (которую потом назовут Семилетней) между Францией и Австрией с одной стороны и Англией и Пруссией – с другой. Каждая из сторон хотела, чтобы Россия присоединилась к ней. Екатерина живо интересовалась придворной борьбой, которая с началом войны резко обострилась. Шуваловы были на стороне франко-австрийского союза, канцлер Бестужев стремился заключить договор с Англией. Мы не станем вникать в суть этой борьбы и проверять утверждения Екатерины, будто вице-канцлер Воронцов был на стороне французов, потому что Людовик XV меблировал его новый дом, только что выстроенный им в Петербурге (старой мебелью, которая надоела маркизе Помпадур), а Шувалов мечтал получить монополию на продажу табака в России, чтобы продавать его во Франции, и т.д. Нас интересует то, что произошло в эту войну с Екатериной.

Она ненавидела эту войну и считала, что Россия не только в ней не заинтересована, но что ее туда увлекают ради чуждых ей интересов. А если говорить о борьбе "партий", то ее симпатии были на стороне английского посла, тем более что в свите именно этого посла приехал в Россию граф Понятовский.

Между тем здоровье Елизаветы становилось все хуже. У нее начались сильные конвульсии, после которых она на три-четыре дня как бы впадала в летаргию. Болезнь ее тщательно скрывали, но однажды в Царском Селе в день Рождества Богородицы императрица пошла в одну из приходских церквей. Почувствовав себя плохо, она вышла незаметно для своей свиты, спустилась с церковного крыльца, дошла до угла церкви – и упала на траву. Приблизженные "нашли ее без движения и без сознания среди народа, который смотрел на нее и не смел подойти". (Открыв глаза, она никого не узнала, плохо владела речью – нынче сказали бы: инсульт.)

144
Такое событие скрыть было невозможно.

Война, болезнь императрицы – и рядом с этим молодая жизнь, которая берет свои права. Атмосфера влюбленности и даже любви (о ней мы знаем еще только то, что в 1759 году у Екатерины родилась дочь Анна, и били пушки. Княжеская чета получила денежные подарки). Встречи за ширмами участников юного кружка, которым риск придавал особую прелесть; скаковая лошадь и серебряные шпоры (россыпь красоты и веселья, которую так любил XVIII век). Кто бы мог предположить, что под этой прелестной жизнью, в подвале ее идет совсем другая.

В 1909 году была издана редкая книга – если открыть ее посередине и читать, не обратив внимания на комментарии, то видишь: переписываются двое мужчин, один к другому обращается "ваше превосходительство", но если вчитаться внимательней, можно заметить, что один из мужчин раза два-три говорит о себе в женском роде, а единожды подписывается "Екатерина" – это к ней адресат обращается "ваше превосходительство".

Тайная – сверхтайная! – переписка великой княгини с английским послом кавалером Уильямсом. Время переписки – как раз те годы, о которых мы только что говорили (с лета 1756 по лето 1757гг.). Переписка эта совершенно переворачивает наше представление о жизни великой княгини в эти годы. Мы находим ее в

самой гуще интриг, не только придворных, но и международных. Порой кажется, что английский посол совсем завладел волей Екатерины, она ему докладывает, а он дает советы: убеждает ее, что Франция и Англия враждебны "малому двору", то есть ей с ее мужем, что их преданный друг — это Фридрих Прусский, он вообще друг России и не хочет войны. А "его превосходительство" отвечает: "Я занят формированием, обучением и привлечением разного рода пособников для события, наступления которого вы желаете. В моей голове сумбур от интриг и переговоров". Что это за желанное событие, догадаться нетрудно. "Когда начнется агония, войду в комнату сына, оставлю с ним А.Г. Разумовского или возьму его к себе." С ним (с ней) будут гвардейские офицеры. "Заметьте, что они получают приказание только от великого князя и от меня". Чуть что, возьму под стражу Шуваловых, но все это только когда начнется агония. Уильямс одобряет этот план, но предупреждает о грозящих опасностях. Потом речь заходит о деньгах и о расписке, сперва не очень ясно, о чем идет речь, а потом более чем ясно: Уильямс присылает ей на подпись текст расписки в получении от английского короля десяти тысяч фунтов стерлингов, которые она обязуется вернуть по первому требованию. Долг этот заплатит уже императрица Екатерина. Дел у нее по горло: "Я работаю с бумагами, как министр".

И в Европе уже знают: при русском дворе есть умная великая княгиня.

Речь заходит о Понятовском, Уильямс сообщает, что это — его воспитанник, его приемный сын. Вы не находите, что он хорошо удался? — шутит посол (да, конечно, она убеждена, что он удался на славу). Но его приезд в Россию задерживается, и она, уже не скрываясь, жмет на Бестужева, требуя, чтобы Понятовский приехал незамедлительно. И Понятовский приезжает.

Между тем Шуваловы побеждают, начинается война. В кипении страстей, в клубке интриг Екатерина словно бы не понимает, что с началом войны положение дел резко меняется: если до сих пор она могла объяснять себе самой, что английские деньги — это обычный заем у соседней державы, то теперь — это деньги, полученные тайно от государства, с которым Россия находится в состоянии войны. Она как ни в чем не бывало продолжает сообщать своему корреспонденту, что происходит при дворе, и вот перед нами текст, от которого — мороз по коже. "Его превосходительство" сообщает, что "шупал и перешупал Апраксина", чтобы узнать, какую инструкцию тот получил от Елизаветы Петровны. Вот какой был разговор. Екатерина: "Вы будете брать Мемель?" Апраксин: "Нет". Екатерина: "Вы пойдете через Польшу?". Апраксин: "Да". Екатерина говорит ему, что Фридрих II не хочет войны. Апраксин отвечает: "Мои полки уже продвинулись к Курляндии".

Итак: планы захвата власти в час смерти Елизаветы, получение денег от иностранной державы, с которой Россия находится в состоянии войны, передача послу этой державы сведений о предполагаемом передвижении российской армии — что она, о двух головах? Нет, у нее одна голова, и в ней единственное решение: "Я буду царствовать, — пишет она Уильямсу, — или погибну". В этом ее решении разгадка ее поступков.

Она ощущает себя государыней, отстаивающей интересы своей страны. Как государыня она делает заем у соседней, дружественной ей державы. Как государыня восстает против войны, в которой русские солдаты будут погибать ради выгоды придворных клик, российских и иностранных; делает все, чтобы войны этой не было – союз с Англией сейчас в интересах России. Она действует тайно, потому что у нее нет власти – ничего, власть будет в ее руках. Совесть ее спокойна, только вот положение ее при елизаветинском дворе более чем двусмысленно, – слишком опасна игра, которую она ведет. И она резко меняет тон писем, чем приводит Уильямса в отчаяние. "Да, я знаю, вы всей душой преданы славе России, – пишет он, – но какая ей будет польза, если Франция и Австрия уничтожат Фридриха, который никогда не вредил России". Екатерина не слушает доводов и прекращает переписку. Практических последствий она не имела – Мемель сдался русским без боя, кстати, сведения, переданные ею, были неверны, Апраксин пошел на Мемель, никаких ловушек на пути российской армии не встретила – и все же она была, эта переписка!

Письма Екатерины становятся особенно неприятны там, где она пишет о Елизавете Петровне – о состоянии здоровья той самой женщины, о которой не раз писала с симпатией. Тут ей не до симпатий. Бедная Елизавета бодрится, пытается убедить окружающих, что не так уж и плоха, – Екатерина жестко усмехается: "Она не сказала трех слов подряд, не кашляя и не задыхаясь, и, разве считая нас слепыми и глухими, могла сказать нам, что не страдает от этих недугов, а так как это рассмешило меня, я вам рассказываю это".

Можно было бы подумать, что, играя роль мужчины, она в своем письме не только говорит о себе в мужском роде, но и как бы подделывается под brutальный мужской характер. Увы, подобное объяснение не выдерживает критики: она смотрит на умирающую с явной насмешкой. Та, едва ли не в бредовом состоянии, утверждает, что сама поведет в бой свою армию, Екатерину это опять смешит, поскольку "бедная дама не только не в состоянии совершить такое безрассудное предприятие, но не могла бы взойти на свои лестницы без одышки". И наконец прямое отращение: "Императрица все в том же состоянии: вся вздутая, кашляющая и без дыхания, с болями в нижней части тела". У Екатерины, как видно, тут только одна цель – дать убедительные доказательства того, что Елизавета действительно при смерти, и что она, Екатерина, должная английскому правительству крупную сумму, скоро станет императрицей.

Тут уже перед нами другая Екатерина – ни тени той кротости, которую мы видим в ее Записках, ни малейшего желания уступить и угодить – если бы угрюмый кондор на скале, стерегущий минуту, когда умрет обессиленный путник, мог написать письмо своему соседу на дальней скале, он написал бы так же угрюмо и жестко.

Лучше бы нам не читать этих писем и не видеть этой Екатерины, но правда есть правда, и мы еще не раз с этим столкнемся: когда дело доходит до власти, в душе этой женщины мгновенно включаются сильные и грубые механизмы защиты и нападения.

И вот грянул гром.

Понятовский прислал ей записку: арестован канцлер Бестужев, сторонник Англии, а с ним Елагин, Ададуров, все люди, Екатерине близкие. Екатерина поняла: это удар по ней. Это Шуваловы, ее злейшие враги, они знают о письмах! Нужно было появиться при дворе и делать вид, будто ничего не случилось. "С ножом в сердце" она оделась, пошла к обедне, присутствовала на придворных свадьбах. И сразу почувствовала: она в мертвом кругу. Никто с ней ни о чем не говорил, и она ни с кем не говорила. Вечером на балу подошла к князю Трубецкому и фельдмаршалу Бутурлину, которые вместе с А.Шуваловым должны были вести следствие, оба ответили, что расследование идет, ищут других преступников. Во что бы то ни стало ей надо было видеть Понятовского.

И тут же она узнала, что по требованию российского правительства Польша его отзывает.

И тогда она села писать письмо. Она писала Елизавете, что не может больше жить при ее дворе, не любимая ею и ненавидимая мужем. Что она живет едва ли не в тюрьме, что любой из ее слуг, стоит ей к нему привязаться, становится жертвой жестоких преследований. Что она живет в одном доме со своими детьми, но ей не разрешено их видеть. Пусть отошлют ее домой, к родственникам, где она и проведет остаток своих дней.

Она шла ва-банк. Ей сообщили, что императрица будет с ней говорить. Свидание состоялось не сразу; первым движением Елизаветы был, по-видимому, гнев, поскольку она тотчас распорядилась уволить от великой княгини Владиславлеву, одну из самых близких к ней женщин. Тогда Екатерина сказала, тяжело больной, заявила, что доктора ей не нужны, ей нужен духовник (у них с Елизаветой был общий). Когда священник пришел и она сообщила ему свою позицию, он ее поддержал: пусть настаивает на своем возвращении в Германию, ее, конечно, не отошлют, "потому что нечем будет оправдать эту отсылку в глазах общества." Не могла же она ему сказать: "Все это так, если только в руки Шуваловых не попали кое-какие письма, а не то у Елизаветы будет возможность объяснить "обществу", почему великую княгиню с позором отсылают домой. В этом случае Екатерина теряла российскую корону, а выигрывала всего только жизнь.

Духовник сказал, что немедленно отправится к императрице, чтобы сказать, что горе и страдания могут убить великую княгиню. Елизавета в ответ прислала спросить, сможет ли великая княгиня прийти к ней ближайшей ночью.

После полуночи за ней пришел Александр Шувалов, начальник тайной полиции. Они шли пустым полутемным дворцом; проходя галереей, она увидела, что великий князь тоже идет к императрице. (Екатерина узнала позднее, что в тот самый день он обещал Елизавете Воронцовой жениться на ней, если жены его не будет в живых.)

Едва войдя, Екатерина бросилась на колени, со слезами умоляя отослать ее домой. Она успела заметить, что на одном из туалетных столиков стоит глубокий золотой поднос, а на нем сложены письма...

— Как вы хотите, чтоб я вас отослала? — Елизавета казалась более печальной, чем гневной, и у нее в глазах были слезы; может

быть, в ту минуту ей впервые пришло в голову, каково-то было жить юной княгине при ее дворе. — Не забудьте, у вас дети.

Екатерина ответила, что дети под покровительством ее, императрицы, — ничего лучшего для них и не может быть.

Тогда Елизавета задала вопрос, для нее, по-видимому, главный: — А как объяснить обществу причину этой отсылки?

Екатерина ответила, что императрица может выдвинуть любую причину. В комнате, кроме этих двух женщин, были еще великий князь и Шувалов. Против окна стояли большие ширмы, как оказалось потом, за ними скрывался И. Шувалов, фаворит. Она была в стане врагов, потому что и великий князь тотчас ее предал, явно встав на сторону Шуваловых. Самым опасным был начальник Тайной канцелярии А. Шувалов. На золотом подносе лежали письма, и каждое могло стать роковым.

Однако Елизавета была скорее печальной, чем гневной.

— Чем же вы будете жить? — спросила она. — Ваша мать в бегах, она в Париже.

Екатерина ответила, что знает об этом, знает и причину этого: Фридрих Прусский преследует герцогиню Иоганну-Елизавету из-за того, что та предана России.

Елизавета заставила ее подняться с колен и отошла от нее в задумчивости, а потом сказала:

— Вы помните, как я плакала, когда вы, только что приехав в Россию, тяжело заболели?

Екатерина стала было говорить о своей благодарности за всю ту заботу, которой по приезде окружила ее императрица, но та была уже во власти неприятных воспоминаний.

— Вы очень горды! — сказала она запальчиво. — Вы кланялись мне только наклоном головы, я еще спросила у вас тогда, не болит ли у вас шея?

Императрица все-таки оставалась сама собой.

Екатерина не преминула осторожно заметить, что история с кивком головы была четыре года назад...

— Вы воображаете, что умней вас нет никого на свете! — продолжала наступать Елизавета.

— Она очень злая и упрямая, — счел нужным вставить великий князь.

— Если бы я действительно так считала, — ответила наша лисица, — то принуждена была бы в этом разувериться хотя бы потому, что как тогда не понимала, так и теперь не понимаю, в чем меня обвиняют.

И вдруг императрица спросила об Апраксине и о письмах. Можно легко представить себе: Екатерине показалось, что все пропало и на подносе те самые письма, но потом поняла — речь идет о ее письмах Апраксину. Тут она была готова к ответу: в одном она просила его наступать, два были поздравительные.

— А почему вам вообще пришло в голову писать Апраксину?

Боже мой, как близко!

Тут слово, по счастью, взял великий князь Петр Федорович и принялся так чернить жену, что присутствующим стало ясно, он хочет освободить место для Елизаветы Воронцовой (что никому не могло понравиться). "Он так постарался, — пишет Екатерина. — что

императрица подошла ко мне и сказала мне вполголоса: "Мне надо будет многое еще вам сказать, но я не могу говорить, потому что не хочу вас ссорить еще больше", а глазами и головой она мне показала, что это было из-за присутствия остальных". Екатерина ответила: "И я также не могу говорить, хотя мне чрезвычайно хочется открыть вам свое сердце и душу". У императрицы были в глазах слезы. Пронесло?

Однако, памятуя о переменчивом характере Елизаветы (да еще и то обстоятельство, что императрица при разговоре была, конечно, под влиянием своего духовника), Екатерина не могла быть спокойной, ожидая ее окончательного решения.

А императрица все не звала, и то был дурной знак. Потом к ней был послан граф Михаил Воронцов с просьбой от Елизаветы не говорить больше об отъезде в Германию. На это Екатерина повторила с твердостью, что прежний образ жизни продолжать не в состоянии, что хочет освободить императрицу и окружающих от своего тягостного всем присутствия; а что живет она в ста шагах от своих детей, так это все равно, что в ста верстах. В день ее рождения императрица послала ей сказать, что пьет ее здоровье. Екатерина и тут не вышла из своих покоев.

Наконец Александр Шувалов пришел ей сказать, что ей разрешена встреча с детьми, после чего императрица примет ее для второго разговора. На этот раз ширм в комнате не было — они разговаривали наедине. Елизавета спросила, действительно ли писем к Апраксину было только три. Екатерина в том поклялась. Победа была за ней.

Елизавета умерла на рождество 1760 года. Петр Федорович откровенно ликовал. А Екатерина? Она явилась в слезах, в глубоком трауре, с распущенными волосами.

Императором стал Петр III. Для начала взглянем на него — каким он был в те дни своего торжества. Мы обратимся к свидетелю — замечательному, знаменитому мемуаристу XVIII века Андрею Тимофеевичу Болотову (к его мемуарам мы будем обращаться еще не раз, и каждая встреча принесет нам немало радости). В то время он, адъютант генерала Корфа, одного из самых близких людей Петра III, бывал при дворе едва ли не каждый день и сильно всему происходящему дивился.

"Редко стали мы заставать государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок аглинского пива, до которого он превеликий охотник, уже опорожнив, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами (послами. — О.Ч.), видящими и слышащими, а то и бессменно смеющимися внутренне".

А сам молодой офицер, глядя на то, как проводят время первые лица России, не знал, плакать ему или смеяться. "Не успеют, бывало, сесть за стол, как и загремят рюмки и покалы и столь прилежно, что, ставши из-за стола, сделаются иногда все как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладницы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну

все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать:

— Ну! Ну, братцы, кто удалее, кто сшибет с ног кого первый? — и так далее.

А посему судите, каково же нам было тогда видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих?

Вот именно эту самую "нескладницу", этот "вздор" и изобразил А. Антропов на своем эскизе — "вздор и нескладницу" среди царских регалий; художник, разумеется, не собирался писать карикатуру, он думал представить модель в наилучшем виде, а неподкупная кисть его разоблачала.

И вот эта "нескладница", этот не всегда трезвый молодой офицер, издал три указа (сразу, в течение трех дней), обнаружив сильный государственный ум, удивив тем современников и приведя в изумление историков — настолько, что они принялись пересматривать репутацию Петра Федоровича, а романисты и вовсе поспешили вообразить себе жестоко оболганного молодого царя, игравшего на скрипке и романтически влюбленного во фрейлину своей жены, издающего мудрые указы.

Екатерина однажды во дворце повстречала молодого князя Дашкова, он шел и плакал от счастья: император подписал указ о вольности дворянства, согласно которому дворяне больше не были обязаны, как раньше, нести государственную службу.

Она была крайне раздражена этим указом: страна в тяжелейшем состоянии, дел невпроворот, а тут дворяне добились привилегии сидеть по своим поместьям и ничего не делать.

Второй указ уничтожил ужасную сыскную Тайную канцелярию, третий — предписывал секуляризацию монастырских земель.

На самом деле все эти указы были подготовлены задолго до вступления на престол Петра III, а все, что он делал или был намерен сделать по собственному разумению, удивляет своей нелепостью. Он собирался: обрить бороды православных священников, бросить российские гвардейские полки в войну с Данией, чтобы отнять у нее Шлезвиг и присоединить его к родной ему Голштинии. А сделал он только одно: окончив Семилетнюю войну, вернул Фридриху Прусскому все территории, завоеванные русской армией, и тем свел на нет все ее победы.

Петр Федорович всегда был влюблен в Фридриха II, а сейчас эта влюбленность дошла до фанатического поклонения. Он знал до мельчайших подробностей порядки прусской армии, ходил в прусской форме, украшенный прусским орденом Черного Орла; носил на пальце перстень с портретом прусского короля и на пиру гнил его здоровье. Он был заморожен Фридрихом точно так же, как когда-то всеми теми генералами, к которым, мальчишкой, не смел подойти до тех пор, пока его не позовут. И тут его позвали: Фридрих дал ему чин генерал-майора прусской армии (и насмешливый Кирилл Разумовский предложил ему в ответ возвести Фридриха в русские фельдмаршалы). Словом, Петр Федорович доказал, что Екатерина была стократ права, говоря, что нет у него более опасного врага, чем он сам.

В манифесте о своем восхождении на престол Петр III (неслыханное дело!) не упомянул ни жены своей, императрицы, ни сына своего, наследника престола, — словно бы хотел всенародно подтвердить те слухи, что уже шли по стране: он собирается отстранить Екатерину, постричь ее в монастырь — этому никто бы не удивился и никто бы не воспротивился, заточил же Петр свою законную и ни в чем не виноватую жену в Суздальский монастырь, постриг ее в монахини, почему бы внуку не повторить опыт великого деда? — жениться на Воронцовой, Павла тоже нетрудно будет ему устранить. Все шло к этому уже явно, без всякого стеснения.

Петр вел себя все более нагло, 9 июня во время обеда публично оскорбил жену, крикнув ей через стол, что она "дура" (самое удачное определение Екатерины!). И в тот же вечер отдал приказ об ее аресте — только вмешательство принца Георга, дяди Екатерины, жившего тогда в Петербурге, заставило Петра отменить приказ.

Конечно, она готовила переворот. Уже в середине 50-х годов (мы видели это по ее переписке с Уильямсом) она усердно работала над созданием лагеря своих сторонников, теперь к этому прибавилась работа в гвардейских полках, где были чрезвычайно популярны братья Орловы. Сама Екатерина позднее свидетельствовала, что в заговоре было от тридцати до сорока офицеров и около десяти тысяч нижних чинов. Но тем самым опасность, что заговор будет раскрыт и заговорщики погибнут вместе с ней, тоже возрастала. А супруг ее явно торопился.

Она сама рассказала о том, как произошел переворот, — в письме в Польшу к Понятовскому. Их тайная переписка по этому поводу психологически весьма любопытна. Весть о том, что его недавняя возлюбленная стала российской императрицей, по-видимому, сильно взволновала молодого польского графа, он рвался в Петербург — она его удерживала. "Убедительно прошу Вас, — писала она, — не спешить приездом сюда, потому что ваше пребывание в настоящих обстоятельствах было бы опасно для вас и очень вредно для меня. Переворот, который только что совершился в мою пользу, похож на чудо", но теперь "все здесь полно опасности и чревато последствиями. Я не спала три ночи и ела только два раза в течение четырех дней".

У нее были все основания не допускать приезда Понятовского в Петербург, об одном из них она отчетливо намекает в своем письме: Орлов! Старший из троих братьев, принимавших участие в перевороте, неотлучно при ней и готов ради нее на тысячу безумств (о том, что два месяца назад она родила ему сына, императрица не упоминает). "Потребовалась бы целая книга, чтобы описать поведение каждого из начальствующих лиц". Она клянется не забывать графа и его семью, обещает сделать его польским королем, как только умрет ныне царствующий. Подобная переписка сама по себе была опасна (тем более что на курьера, везшего письма, уже напали грабители, почта тогда разлетелась по снегу, письмо Понятовского было найдено лишь по счастливой случайности).

Но молодой граф не принимал никаких резонных и не желал понимать намеков относительно Григория Орлова, обвинял Екатерину в черной неблагодарности, осыпал упреками и настаивал на сво-

ем приезде. Ее письма становились все жестче, и наконец последовало окончательное: раз он решил не понимать того, что она твердит ему уже полгода, она запрещает ему не только приезжать к ней, но и писать ей. Этой переписке мы обязаны подробным рассказом о том, как происходил переворот 1762 года.

(О том, как совершался сам переворот, читайте в № 8, 1997 г. очерк "Таковых сынов Россия имеет..." - Ред.)

Отрекшемуся императору, который должен был поселиться в своем небольшом загородном дворце в Ропше, Екатерина назначила охрану - Алексея Орлова, князя Федора Барятинского, еще троих офицеров, а также сто человек гвардейцев, набранных из разных полков. Предполагали заключить его в Шлиссельбург, для чего нужно было "выселить" несчастного Ивана Антоновича. 29 июня майор Силин получил из Петергофа распоряжение: "Вскоре после сего имеете, если можно, того же дня, а по крайней мере на другой день, безыменного колодника, содержащегося в Шлиссельбургской крепости под вашим смотрением, вывезти сами из оной в Кексгольм; а в Шлиссельбурге, в самой оной крепости, очистить внутренние покои и прибрать по крайней мере по лучшей опрятности, оные, которые изготовив, содержать по указу". 4 июля из деревни Мордя (30 верст от крепости) Силин доносил, что их разбило на озере бурей и они с арестантом в этой деревне ждут судна плыть в Кексгольм. Но арестант вернулся в свою тюрьму. Она не понадобилась - Петр Федорович умер в Ропше.

Что же там случилось?

Многие историки убеждены, что Петр III был убит гвардейцами по тайному приказу Екатерины, а в общественном сознании укрепилось как несомненное: царица, конечно, убила мужа, и если этому нет точных доказательств, то все-таки есть в том полная уверенность. Но в том-то и дело, что если нет точных доказательств ее виновности, то доказательства невинности есть.

Когда Екатерина умерла, в ее заветной шкатулке наряду с другими бумагами было найдено письмо. Само оно до нас не дошло, но мы знаем его текст. Это письмо из Ропши Екатерине от Алексея Орлова, которому было поручено сторожить низложенного императора. Вот оно:

"Матушка, милосердная государыня. Как мне изъяснить, описать, что случилось? Не веришь верному рабу своему, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал. И как нам задумать поднять руки на Государя. Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневали тебя и погубили души навек".

Получив письмо, Екатерина показала его княгине Дашковой, свидетельству которой важно. "Если бы кто-нибудь заподозрил, что императрица повелела убить Петра III или каким бы то ни было образом участвовала в этом преступлении, я могла бы предста-

вить доказательства ее полной непричастности к этому делу: письмо Алексея Орлова, тщательно сохраненное ею в шкатулке, вскрытой Павлом после ее смерти. Он приказал князю Безбородко прочесть бумаги, содержащиеся в шкатулке, и когда он прочел вышеупомянутое письмо, Павел перекрестился и сказал: "Слава Богу! Это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы еще сохраниться у меня". Оно было написано, — продолжает Дашкова, — собственноручно Алексеем Орловым; он писал, как лавочник, и тривиальность (тут лучше было бы перевести — "пошлость". — О.Ч.) выражений, бестолковость, объясняемая тем, что он был совершенно пьян, его мольбы о прощении и какое-то удивление, вызванное в нем этой катастрофой, придают особый интерес этому документу для тех людей, кто пожелал бы рассеять отвратительные клеветы, в изобилии возводимые на Екатерину II, которая хотя и была подвержена многим слабостям, но не была способна на преступление. Пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей отправил это ужасное письмо Ее Величеству тогда же, после смерти Петра. Когда уж, после кончины Павла, я узнала, что это письмо не было уничтожено и что Павел велел прочесть его в присутствии императрицы (Марии Федоровны. — О.Ч.) и послать Нелидовой (фрейлине двора) и показал его великим князьям и графу Ростопчину, я была так довольна и счастлива, как редко в моей жизни".

На самом деле письмо было уничтожено: когда Павел его прочел, он пришел в бешенство — можно представить себе, что сделалось в его душе, когда он узнал, в какой компании и при каких обстоятельствах умирал его отец, память которого он глубоко чтит, — бросил его в огонь и потом жалел, что уничтожил такое сильное доказательство невиновности своей матери.

Но если письмо это погибло в огне, каким же образом мы знаем его текст? Когда после смерти графа Ростопчина (знаменитого генерал-губернатора Москвы в 1812 году) разбирали его бумаги, нашли следующую записку:

"После смерти Екатерины в первый день найдено письмо графа Алексея Орлова и принесено императору Павлу: по прочтении им возвращено графу Безбородко; я имел его четверть часа в руках; почерк известный мне графа Орлова; бумаги лист серый и нечистый, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева государыни, и сем изобличает клевету, падшую на жизнь и память сей великой царицы. На другой день граф Безбородко сказал мне, что император Павел потребовал от него вторично письмо графа Орлова и, прочитав, в присутствии его, бросил в камин и сим истребил памятник невинности великой Екатерины, о чем и сам чрезмерно после соболезнавал".

Как видим, и Ростопчин (которому пятнадцати минут вполне хватило на то, чтобы снять копию), и сам Павел не сомневались в подлинности письма и считали, что оно снимает с Екатерины всякую тень подозрения (и даже Павел, не любивший мать, и тот в конечном счете не верил, что она виновна в смерти его отца, и был рад свидетельству ее невиновности).

Но предубеждению, являющему собой некую историко-психологическую загадку (кому и зачем нужно, чтобы Екатерина убивала своего мужа?), письмо А. Орлова доказательством не является: тут

полагают опять же некую хитрую игру самой Екатерины – мол, убей его, а потом напиши мне, что все это получилось неожиданно и случайно. А может быть, говорят комментаторы, Екатерина, отправляя Орлова в Ропшу, не сказала ни единого слова, Орлов сам догадался, как надо поступать, на лету схватил!

Никаких оснований для подобных подозрений не существует, просто все обвиняющие Екатерину в убийстве мужа уверены, что оно было ей полезно и выгодно, хотя на самом деле это было ей не только вредно, но и очень опасно.

Свидетельство Дашковой: приехав к Екатерине после того, как узнала о смерти Петра III, Дашкова "нашла ее грустной и растерянной"; Екатерина сказала: "Как меня взволновала и даже ошеломила эта смерть". Еще бы! Эта смерть могла стать катастрофой.

Петр, сидящий в Шлиссельбурге, был мало ей опасен, его ненавидела гвардия, его ненавидело духовенство и все, кто был искренне привержен православию; у него была дурная слава в народе. Мертвый да еще и убитый, он был безмерно опасен: Екатерина хорошо знала русскую историю и помнила царевича Дмитрия и череду самозванцев, выстроившихся за ним.

Народные симпатии были на стороне Екатерины, она представлялась трогательной жертвой, покинутой женой, которую хочет извести злодейка разлучница (так называли Елизавету Воронцову в одной народной песне). А теперь Екатерина и Петр в глазах народа менялись местами, злодейкой становилась она (образ злодейки жены тоже традиционен для русского фольклора). Невинной жертвой становился он.

К тому же нужна была немалая отвага, если не сказать – безрасудство, чтобы пролить царскую кровь, ведь Петр III все-таки был родным внуком Петра Великого, культ которого с годами все более возрастал (а она, Екатерина, никому не родня).

Конечно, она была ошеловлена этой смертью.

Тогда, в 1762 году, послы иностранных государств сообщали своим дворам известие о смерти Петра III с собственными комментариями. Французский посол Беранже заканчивает свое сообщение такой сентенцией: "Что за зрелище для народа, когда он увидит: во-первых, внук Петра свергнут с престола и затем убит; во-вторых, внук царя Иоанна увядает в оковах, в то время как Ангальтская принцесса завладела их наследственной короной – начав собственное царствование с цареубийства".

Екатерина была не глупее французского посла Беранже и опасность ситуации понимала куда лучше. Никогда бы не позволила она загнать себя в подобную ловушку.

Так что же все-таки случилось в Ропше?

Официально было объявлено, что Петр Федорович умер от апоплексического удара, – это сообщение всегда вызывало одни лишь иронические улыбки, но может случиться, что оно-то как раз и близко к истине. Петр был щедрым, слабым и болезненным человеком. Орлов, как и его братья, был огромным (его называли атлетом), остальные гвардейцы, надо думать, были ему под стать. Когда возникла застольная ссора, а поводов к ней в тех обстоятельствах могло быть сколько угодно, от страха перед возможными оскорблениями, перед возможным насилием могли быть и ин-

фаркт, и инсульт (апоплексический удар), вот откуда это "а его уже и не стало", как неожиданность подобная версия куда правдоподобней, чем заранее спланированное кровопролитие.

Подозревать Екатерину в тайных злодеяниях стало традицией, которая пошла еще от ее современников. Поразительна в этом отношении история Василия Мировича, нищего и едва ли не полубезумного поручика, который вознамерился в одиночку освободить из Шлиссельбурга Ивана Антоновича, потерпел неудачу и был казнен. Тогда же и возникло подозрение – по-видимому, не в России, а за рубежом: сам ли Мирович пошел на столь безумное предприятие, не был ли он подговорен на это Екатериной, которая таким образом решила избавиться от претендента на престол. Версия эта продолжает существовать и поныне, и когда в споре с одним историком я спросила, чем же она доказана, он прищурился с самым победоносным видом и спросил: "А почему как раз в это время Екатерина уехала из Петербурга?" Любопытно работала тут его мысль (еще раз доказывая, насколько вредна подозрительность), ему не пришло в голову задаться вопросом, куда и зачем уехала Екатерина, ему при его подозрительности хватило того, что она отбыла из Петербурга, уехала – значит неспроста, в то время как поездка в Прибалтику имеет, как мы увидим, особое значение и смысл.

Екатерина, находясь в Прибалтике, встретила известие о "шлиссельбургской истории" с тревогой, которую нетрудно понять: опять пролилась царская кровь! – сперва внука Петра I и вот теперь внука Ивана V. Как в деле Петра III ей был опасен не сам Петр, а именно его смерть, так и в деле Ивана Антоновича, который вообще вряд ли был ей опасен: она встречалась с несчастным молодым человеком, нашла его слабоумным, только имя могло стать предлогом для политических выкриков, но вряд ли кто-нибудь решился действительно возвести на престол психически больного человека, а смерть, да еще такая...

"Хотя зло пресечено в корню, – писала она Панину, – однако я боюсь, что в таком большом городе, как Петербург, глухие слухи не наделали бы много несчастных, ибо двое негодяев, которых Бог наказал за гнусную ложь, написанную ими в их самозванном манифесте на мой счет, не преминули (по крайней мере можно так предположить) посеять свой яд. Наконец, надобно положиться на Господа Бога, который благоволит открыть, я не смею в этом сомневаться, все это ужасное покушение. Я не останусь здесь ни одного часу более, чем сколько нужно, не показывая, однако, что я спешу, и возвращусь в Петербург, и здесь, надеюсь, мое возвращение немало будет содействовать уничтожению всяких клевет на мой счет".

Она боялась и очень. Дело Ивана Антоновича было преступлением трех государей – Елизаветы, которая бросила ребенка в вечную тюрьму; Петра III, который не только не освободил узника, но и отдал тайный приказ убить его, если его станут освобождать; Екатерины, которая этот приказ подтвердила. О шлиссельбургском узнике знали в Европе. Кто поверит, что Екатерина будто бы решила завершить цепь этих преступлений самым страшным из них?

(И вновь не устаешь удивляться, почему наши исторические беллетристы, и даже писатели-документалисты, и даже сами историки, как осы на варенье, летят на что-нибудь, что отдает таинственным, желательно злодеянием и желательно кровавым. Зачем это им? Говорят, они удовлетворяют жажду таинственного и кровавого, которая существует в самой природе человека, в его биологии — будто бы даже есть тому доказательства; но мне кажется, что интеллигентный человек, тем более профессиональный литератор и профессиональный историк, должен был бы подавлять в себе подобные темные влечения.)

Автор одной популярной книги, собрав воедино все "злодеяния" Екатерины — "убийство" мужа, "участие" в деле Мировича и "дело Брауншвейгского семейства" (история семьи Анны Леопольдовны), восклицает: "Где же "философ в 15 лет", умная дельная девушка, набрасывавшая портрет своей души?"

Да тут она, никуда не делась, только стала несравненно более умной и дельной. Годы неволи не сломили ее, она не утасла, не дала себя втянуть в трясины ничтожной придворной жизни, напротив, она накапливала силы.

И, главное, теперь, придя к власти, явилась обществу — великодушной. Нужно знать, что значила в России XVIII века смена власти, — мемуары эпохи, рассказывая нам об этом, весьма красноречивы.

Пятнадцатилетняя Наталья Шереметева, самая богатая невеста России, уже была обручена с князем Иваном Долгоруковым, юным фаворитом мальчика-царя Петра II, когда узнала, что царь внезапно умер. "Как скоро эта весть дошла до ушей моих, что уже тогда со мной было, не помню, — пишет она в своих воспоминаниях, — а как опомнилась, только и твердила: ах! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего от меня, что пропала! Как кто ни старался меня утешить, только не можно было мой плач пресечь или уговорить. Я довольно знала обыкновение моего государства, что все фавориты после своих государей пропадают: что было и мне ожидать? Правда, что я не так дурно думала, как со мной сделалось." А сделалось — конфискация владений, ссылка и впоследствии казнь Долгоруковых, в том числе и ее мужа Ивана. Эта зверская казнь под Новгородом была всего лет за 20 до Екатерины.

Милосердная Елизавета, хотя и помиловала своего врага Миниха, но сделала это тоже весьма зверским образом — только после того, как тот положил голову на плаху, то есть внутренне пережил собственную смерть, ему объявили, что он будет жить, а ссылка и конфискация ждали его впереди.

При всяком дворцовом перевороте начиналось гигантское перераспределение владений, рушились одни фамилии, возвышались другие, а главное, раболепие русского общества каждый раз получало новую пищу, всякие попытки независимости (пусть даже некоего узкого аристократического круга) снова были задуманы.

Екатерина никого не казнила, ни у кого не отняла имений, никого не отправила в ссылку. Сторонники Петра, надо думать, не без удовольствия, присягали ей один за другим (были редкие ис-

включения, каким оказался Лев Александрович Пушкин, его великий внук с гордостью напишет в "Моей родословной", что дед его "как Миних, верен оставался паденью третьего Петра" – заметьте, не Петру, а его "паденью", иначе говоря, не оставил императора в беде и попал за это в крепость, где пробыл два года). Даже яростных врагов своих, Шуваловых и Воронцовых, Екатерина никак не притеснила – даже Елизавету Романовну, принесшую ей столько тревог и унижений. "Перфильич, – писала Екатерина своему статс-секретарю Елагину, – сказывал ли ты кому, что из Лизаветиных родственников, чтобы она во дворец не размахнулась, а то боюсь к общему соблазну завтра прилетит", – вот и все. Александр Воронцов (человек большого мужества и благородства) писал из Лондона Екатерине, выражая тревогу о судьбе семьи и сестры, Екатерина ему ответила: "Вы не ошиблись, что я не изменилась относительно вас. Я с удовольствием читаю ваши донесения и надеюсь, что вы будете вести себя так же похвально. Вы должны успокоиться насчет судьбы вашего семейства, о котором я видела все ваше беспокойство. Я улучшу положение вашей сестры как можно скорее" (и сдержала слово: Елизавета Воронцова некоторое время жила в Москве, а потом вернулась в Петербург, Екатерина не только ее не третировала, но помогла ей деньгами, сделала впоследствии фрейлиной ее дочь и т.д.).

Сведение счетов, месть, – все это было ей вовсе не интересно, ее ждали другие дела, ей не терпелось – начать!

Век Просвещения вливался в премудрую голову великой княгини, наводя тут большой порядок. Да и немудрено: наука доказала, что и само мироздание в большом порядке – планеты и звезды движутся по неизменным орбитам – и не падают; следовала ли она за Декартом, который считал, что небесные светила прикреплены к хрустальным сферам, или ей ведом был Ньютонов закон всемирного тяготения, а может быть, она об этом вовсе не думала, неважно, главным была уверенность, что все в мироздании совершается по неизменным законам. И в мире живых организмов все было в порядке, это показал великий Линней: все животные и растения по неизменным законам систематики покорно делились на роды, виды и подвиды.

Только в человеческом обществе царил непорядок, зато было известно, как его устранить. Государство – создание человека, следовательно, человек в состоянии его менять. Орудием преобразования должен стать закон. Это ясно показал Монтескье. Россия, во главе которой она теперь стала, пребывает в совершенном беспорядке и оттого глубоко несчастна. Не беда. Русские сообразительны, обучаемы, в них живо чувство любви к отечеству, просто они еще не знают, что надо делать, вот и все. Зато она знает это очень хорошо: поскольку государство устраивается хорошими законами, первое, что она сделает, установит именно такие очень хорошие законы – крепкие, умные и благородные.

О, как хотелось ей поскорее начать! Между тем, встретила она не с беспорядком, ее встретил хаос, который удивительным образом покоился на железно-мощной, веками кованной общественной основе...

МАЙЯ ОРЛОВА

ПАУК - Стра- далец

Вездесущая статистика утверждает, что в последние три года на каждую российскую душеньку ежегодно приходится тридцать литров чистого алкоголя. То есть водки.

Если учесть, что попадают еще абсолютные трезвенники, а также малопьющие люди, то получается, что примерно каждый третий мужчина на Руси - беспробудный пьяница, кончающий свои дни в состоянии острого алкогольного психоза. Чтобы было не так обидно мужикам, добавлю, что и каждая десятая женщина - тоже. Догоняют, по мере слабых сил. Но это уже отдельная тема.

Алкоголином может стать практически любой: почтенный отец семейства и бесшабашный перенати-поле, гениальный поэт и совершенный дебил, способный только мешки с одного места на другое перетаскивать. Алкоголики появляются в любых семьях: неблагополучных и сверхблагополучных, полных и неполных, многодетных или с единственным любимым чадом. Алкоголики могут быть муньями прекрасных, добрых, любящих женщин, а могут иметь подругой жизни амбициозную стерву, для которой доброго слова жалко. Словом, алкоголик - это не следствие стечения каких-то там обстоятельств. Это - диагноз, а по-русски выражаясь: неутолимое горение души.

Алкоголики многолики. Традиционный образ синеносого мужика, валяющегося в луже, разумеется, бессмертен. Это - классика, с этим уже ничего не поделаешь. Но есть такие экземпляры "друзей зеленого змия", что просто дух от восхищения захватывает. Как произошло, например, со мной, когда мне рассказали историю Николая Николаевича, человека, который собственными руками, прекрасно в общем-то сознавая, что делает, в течение долгих

лет рыл себе могилу. И преуспел в этом настолько, что до заветного рубежа осталось – рукой подать. Или – ноги протянуть, кому как больше нравится. Впрочем, обо всем по порядку.

Родился Николай Николаевич аякурат после войны, когда страна оплакивала павших, заживляла раны и одновременно радовалась наступившим мирным дням. Отец у него был генералом, мать – довольно известной художницей. Сами понимаете, что детство Коленки не было омрачено необходимостью бегать в школу в драном пальтишке и с пустым желудком, а при возвращении домой – дожидаться матери, чтобы нанормила, и отца – чтобы воспитал. Воспитал в том плане, в каком было принято воспитывать мальчишек испокон веков в так называемых "нормальных семьях". Прелестный, смысленный и одаренный мальчик радовался жизни: сам и радовал родных и близких. И потихонечку рос, набирался ума и кое-какого жизненного опыта.

Правда, родители его развелись, когда Коле исполнилось десять лет, но ощутимого влияния это на него не оказало. Выходные дни можно было проводить с отцом и мачехой все на той же роскошной даче в заповедной зоне Подмосковья, в той же компании детей и внуков "непобедимых и легендарных", будни – в комфортабельной квартире, которая досталась матери после развода, с домработницей, вкусной едой, отличной библиотекой и друзьями – детьми и внуками известных в литературно-художественных кругах людей. Но даже если бы что-то оказалось утраченным вследствие развода родителей – то это еще ровно ничего не значило. У нас распадается каждая третья семья, половина сохранившихся живет в состоянии "вооруженного нейтралитета" – и большинство детей из таких семей переносят все это более или менее спокойно.

И все же Ноля достаточно деликатно давал понять обоим своим родителям, что их развод нанес ему непоправимую душевную травму, что он закурил свою первую сигарету в двенадцатилетнем возрасте, а первую рюмку пригубил – в тринадцать лет именно потому, что никак не мог справиться со стрессом, обрушившимся на его нежную, неподготовленную и житейским трудностям душу. Один раз демонстративно сбегал из дома (к родной бабушке, на другой конец Москвы) и заставил долго уговаривать себя вернуться к маме и не огорчать отца. Решающим аргументом оказался новехонький велосипед, который онидал "блудное чадо" в коридоре маминной квартиры, и твердое обещание отца к лету непременно купить байдарку и палатку для того, чтобы мальчик мог совершать с товарищами туристические походы и тем самым укреплять свою нервную систему.

Из первого же похода Ноля вернулся переполненный впечатлениями и долго рассказывал о прелестях и трудностях путешествия по озерам Карелии, о коварных подводных течениях, ледяных волнах и диких зверях. Но впоследствии один из его спутников проговорился, что на воду они спускали байдарку один-единственный раз, им стало холодно, сыро и неудобно, и последующие десять дней они с комфортом провели в палатке, периодически отряная "гонца" в ближайший населенный пункт (нилометров эдак за пять) за пополнением еды и питья. В последнем, кстати, себе не слишком отнызывали, хотя наную-то меру все-таки соблюдали.

– Для чего же ты все это насочинял? – оторопело спросила его мама, узнав правду. – Ну, не захотели плавать, отдыхали на берегу... Зачем было врать?

Ответа на этот вопрос Ноля не знал. Но чувствовал, что правда в данном случае ни капельки не возвысит его в глазах окружающих, что употребление горячительных напитков в больших количествах более или менее оправдано трудностями сражения с водной стихией, а в ином варианте представляется банальной пьянкой. Посему промямлил что-то невнятное, основной упор делая опять-таки на расшатанную психику и перенесенную моральную травму. Прием сработал: мама вновь почувствовала себя виноватой в том, что в какой-то степени испортила жизнь сыну, и больше наверхных вопросов не задавала.

Спустя два года умерла бабушка, любившая единственного внука без памяти. Ноля на похороны не пошел, а вместо этого отправился к своему ближайшему другу и напился там в первый раз в жизни, что называется, "до положения риз". Впоследствии он частенько повторял, что какое-то шестое чувство удержало его от того, чтобы присутствовать при погребении любимого человека, иначе путевка в "Нащенно" была бы ему гарантирована. И столь же часто ссыался – опять же впоследствии – на невыносимую тоску по покойной бабне в тех случаях, когда количество выпитого превышало допустимую норму. Похоне, в конце концов он убедил сам себя, что пристрастие к алкоголю родилось в нем по двум причинам: из-за развода родителей и из-за смерти бабушки. Психика оназалась слишком тонкой и не выдержала этих ударов. Лично я от комментариев воздерживаюсь.

Тем не менее, жизнь была прекрасна. Несмотря на некоторые свои чудачества, чтобы не сказать – странности, Ноля был и оставался первым учеником в классе, безусловным кандидатом на золотую медаль. До последнего момента колебался в выборе между Институтом международных отношений и Физико-техническим институтом, прона, наконец, не решил, что дипломатов и без него – пруд пруди, и без очень солидных связей на этом поприще ничего путного добиться невозможно, а вот талантливые физики везде и всегда

в цене и в почете, на дороге не валяются, а наоборот, ездят на всякие заграничные симпозиумы и конференции. Н тому же быть физином в то время было так же престижно, как сейчас – банкиром. И Ноля, без проблем поступив в соответствующий институт, стал закладывать фундамент будущей блистательной научной карьеры.

Надо сказать, что природа вообще одарила его щедро, сверх всякой меры, явно обездолив при этом добрый десяток других юношей. Выше среднего роста, атлетически сложенный, с ярко-голубыми глазами и выходящей белокурой шевелюрой, Ноля был не просто красив, а невероятно хорош собой. Круто изогнутые, полные губы – “Лук Амура” или “Смерть девам” (это уж кому как понравится), ровные белоснежные зубы, хорошо поставленный низкий голос. Плюс то неуловимое, что лишь в последнее время начали называть “сенсапильностью”, а в те времена данные понятия не имели, что подобное вообще существует. Из поклонниц Ноли можно было создать вполне приличный батальон, но сам он до поры до времени лишь снисходил к той или иной претендентке на его сердце, но делать серьезные авансы отнюдь не спешил. При таком-то выборе! Из-за него травились, пытались повеситься, совершали всякие иные подобные глупости – Нолю это мало трогало.

– Ного заботит чужое горе? – любил он говорить в таких случаях, употребляя, однако, куда менее благопристойный глагол.

И вдруг, как гром среди ясного неба (простите за банальность), грянула весть о том, что Ноля... женился. Правда, потом оказалось, что произошло некоторое преувеличение: фантической регистрации брака, как тановой, не было. Но то, что любовь все-таки настигла нашего героя, заставила его забросить все дела и развлечения, страдать, добиваться взаимности и наконец ее получить – фант. Удивляло только то, что объектом всех этих африканских страстей стала женщина, красотой отнюдь не прельщавшая, старше его лет на десять да и тому же – жена двоюродного брата. Скандал в семье был колоссальный. Елена ушла от мужа и любимому человеку, но жить в его доме не могла, поскольку там же жила родная тетка ее оставленного супруга, которая видеть не желала “эту гадюку” в качестве собственной невестки. Пришлось снимать комнату, искать дополнительные заработки, выносить, мягко говоря, прохладное отношение со стороны родных и близких. Да и далеко не все друзья одобрили и приняли эту романтическую любовь.

– Старик, ты спятил, – сказал Ноле один из них в минуту откровения. – Ну, втреснался, ну, встречались бы, дело нитейное. Зачем же табуретки-то ломать?

– Я ее люблю! И хочу, чтобы она была моей женой. А тайные свидания – эта гадость не для меня. Да и тому же знать, что моя женщина принадлежит другому...

Когда первые восторги утихли и официальный развод состоялся, Елена поняла, что любовь действительно зла. Николай как был творческой личностью, так ею и остался, помимо занятий на последнем курсе института посещал многочисленные семинары и коллоквиумы по самым разным предметам: от структурной лингвистики до немецкой классической философии и обратно, домой приходил только ночевать, да и то не всегда, а при самом благоприятном раскладе после мимолетных любовных ласк часами рассказывал о том, какую идею подал ему последний услышанный доклад или прочитанная в газете статья. Елена и сама была не чужда творчеству – работала редактором в молодежном журнале, – но в таком количестве воспринимала его уже с некоторым трудом.

– Ты же собирался поступать в аспирантуру, – робко наметнула она нечто любимому, прослушав очередной гениальный проект очередной книги. – Наверное, пора выбирать тему и руководителя.

– Успеется! – небрежно отмахнулся тот. – И вообще, я, наверное, буду писать диссертацию не по квантовой механике, а по структурной лингвистике. Кстати, после выпускных экзаменов я, скорее всего, на пару месяцев уеду. Мне нужно отдохнуть и поразмышлять в одиночестве.

Стремление к размышлению в одиночестве – это было что-то новое. Уж кто-кто, а Елена прекрасно знала, что размышляет Николай чаще всего вслух и при благодарной аудитории. И, естественно, предположила, что речь идет только об отдыхе, причем отнюдь не в одиночестве. Предположила вслух, чем вызвала совершенно несопоставимую по масштабам волну возмущения:

– Я не бегаю по бабам! – орал спутник ее жизни. – Если я говорю – поразмышлять, это значит именно поразмышлять, а не задирать девкам юбки. Твоя ревность, мать, становится патологической, я тебе повода, нанесешь, не давал.

– Когда нанесешь, нужно креститься! – не слишком оригинально огрызнулась Елена. – Тебя по несколько дней не бывает дома, ты даже не соизволишь сообщить о том, когда придешь и когда уйдешь, и это, по-твоему, должно давать мне абсолютную гарантию твоей верности?

– Человеку нужно верить! – с пафосом изрек Николай. – Я же не подозреваю, что ты в мое отсутствие водишь сюда мунинов.

Переспорить Николая вообще было практически невозможно, поскольку он виртуозно владел приемами обращения доводов оппонента против него же самого. Так что Елена и на сей раз не одержала победы. Просто несколько дней подряд Николай приходил домой достаточно вовремя, но, мягко говоря, "под мухой", и настойчиво развивал идею о том, насколько трудно бывает творческой личности существовать в мире обывателей, и что единственное спасение в этом случае – глоток благородного фалернского. Роль благородного фалернского исполнял обычно крымский портвейн, но это были уже детали, мелочи, общий фон.

В общем-то, Елена и сама была не прочь выпить рюмку-другую в хорошей компании и под хорошую закуску. Но чем дальше, тем чаще стала прибегать к бутылке просто для поддержания тонуса. Тем более что Николай, естественно, свое обещание выполнил и уехал отдыхать в Нонтебель. Один Елена убедилась, что если вечером выпить полбутылки, то начинаешь верить: действительно один. И за два месяца более чем преуспела в укреплении своей веры: нормой стала бутылка.

Скандал, который устроил по возвращении Николай, описанию не поддается. Обнаружив, что подруга жизни стала стремительно спиваться, он пальцем не шевельнул для того, чтобы хоть как-то остановить этот процесс или хотя бы его замедлить. Он просто собрал вещи и ушел. Обратил к маме. Ноторая была просто потрясена тем, что ее сын мог связать свою судьбу с алкоголичкой. И кто бы мог подумать! Нанов счастье, что они официально не расписаны. Даже то, что Николай сам стал выпивать практически каждый день, маму не удивило – лишь огорчило. Довели!

Николай тем временем поступил в аспирантуру, но процесс написания диссертации каким-то таинственным образом не шел. То есть материалы собирались и их было как бы даже больше чем достаточно, но вот оформить все это в единый, монолитный текст со списком использованной литературы – ну никак не получалось. Вечно возникали какие-то фатальные препятствия:

то нужно было все бросать и помогать близкому другу налаживать разваливающиеся семейные отношения, то другой друг остро нуждался в помощи при строительстве дачи, то очередная девушка или женщина, без памяти влюбившаяся в по-прежнему неотразимого Николая, начинала делать какие-то невероятные глупости и никому не нужные тепловыделения, и приходилось приводить ее в норму. Время же неумолимо шло, три года аспирантуры улетели, как в песок вода, и нужно было думать о дальнейших способах делания блистательной научной карьеры.

Николай избрал способ более чем оригинальный: устроился фотографом в археологическую экспедицию и чуть ли не два года провел в знойных лесах Средней Азии. Зачем ему это было нужно – так никто и не понял, зато рассказы об этой экспедиции впоследствии оназались неиссякаемыми и каждый раз обрастали все новыми и новыми подробностями. Все десять последующих лет, которые Николай проработал младшим научным сотрудником не слишком престижного НИИ, стены этого заведения сотрясались легендами о подвигах в пустыне, схватках с коварными змеями, тайных контактах с контрабандистами и поставщиками наркотиков. Кто-то верил, кто-то не очень. Ждали книгу, которая вот-вот должна была выйти – с оригинальными фотографиями автора. Увы! Книга так и не была написана: какие-то фатальные обстоятельства все время мешали Николаю основательно усесться за письменный стол.

Правда, появилось несколько небольших, но очень интересных статей по некоторым проблемам структурной лингвистики, так что Николай приобрел некоторую известность, но лишь среди достаточно узкого круга специалистов. Эти специалисты прочили ему блестящее будущее, уговаривали не останавливаться на полдороге, поступить на сей раз в заочную аспирантуру и довести дело до победной защиты диссертации. Он вроде бы и не возражал, но... в один далеко не прекрасный день в дирекцию НИИ пришла бумага из медпункта, куда накануне был доставлен Николай Николаевич. С того времени прошло уже лет пятнадцать, и тем, кто забыл, напоминаю: ни о какой карьере после такой бумаги и речи быть не могло. В том числе и о поступлении в аспирантуру, пусть хоть десять раз заочную.

Вины Николая Николаевича в том, что произошло, не было абсолютно никакой. До этого присорбного эпизода он какое-то время ухаживал за милой, одинокой женщиной, причем с самыми серьезными намерениями. И вдруг обнаружил, что любимая ему неверна. Просто застал с поличным. Естественно, пошел и напился – а что он еще мог сделать? Не руки же в ход пускать по отношению к женщине!

Правда, версия самой изменницы была несколько иной. Она утверждала, что со второй недели знакомства и чуть ли не в течение года трезвым своего ненаглядного ни разу не видела. В стельку пьяным, правда, тонне, но, сканьем так, в променуточном состоянии. В тот же злосчастный вечер к ней неожиданно приехал двоюродный брат: она давно просила его починить барахлящий телевизор. В разгар починки появился Николай, устроил безобразную сцену ревности с битьем посуды и прочей утвари, обозвал бывшую любимую женщину шлюхой и хлопнул дверью. Но женщины, как известно, большие фантазерки и выдумщицы, и, чтобы выставить себя заданными непорочными агентами, способны сочинить любую душераздирающую историю. Разумеется, общественное мнение, особенно дамское, было всецело на стороне Николая Николаевича: любой нормальный мужчина в такой ситуации напьется.

Из НИИ Николай Николаевич, тем не менее, ушел. На вопрос матери, почему, ответил достаточно кратко:

– Меня там стены давят. И вообще, наука – это не мое призвание. Я лучше буду фотографом. Тряхну стариной, освоюсь, а там, глядишь – фотохудожник, персональные выставки, признание, деньги...

Мама задействовала свои немалые связи и устроила Николая Николаевича фотокорреспондентом в достаточно престижную газету. Там он продержался целых пять лет без особых эксцессов. Частые командировки давали возможность не мелькать перед глазами у начальства тогда, когда в этом нет особой необходимости, а наличие "темной комнаты" позволяло оперативно ликвидировать последствия слишком бурно проведенного вечера. Или вечеров.

Среди редакционных дам Николай Николаевич пользовался большим успехом, не сравнимым, однако, с его триумфальными победами прежних лет. Правда, вышел небольшой скандалчик с одной редакторшей, дамой вполне замунней, которая настолько потеряла голову, что вознамерилась расторгнуть узы своего брана и всецело посвятить себя возлюбленному, который до этого как бы отвечал ей взаимностью. Но порыв должного понимания не встретил, а вызвал достаточно резкую отповедь:

– Я еще не сошел с ума, чтобы жениться на женщине, которая способна изменять муну. Сейчас ты настаиваешь рога ему, потом будешь настаивать мне? Спасибо, не надо.

Отповедь эта дошла до чужих ушей, скандалчик получил огласку, даме пришлось уволиться по собственному желанию, а Николай Николаевич при случае скорбно наминал на то, что все его неприятности вечно происходят из-за влюбчивых и истеричных баб и что трудно на этом фоне воздержаться от искушения найти забвение в стопке водки. Почему он при этом употреблял единственное число – неизвестно, цена забвения определялась уже, скорее, стананами, причем несколькими, но это не суть важно. Главное, в вырезатель больше не попадал – и то слава Богу. А поскольку память человеческая довольно коротка, то все забыли, что инициатором романа с замунней дамой был сам Николай Николаевич, что он обхаживал женщину в течение нескольких месяцев и чуть ли не грозился самоубиться, если она не ответит ему взаимностью.

Когда страну начали потряхивать первые толчки так называемой перестройки, Николай Николаевич решил, что пробил его заветный час: с постылой слонбой пора завязывать, начинать какое-то свое дело, зарабатывать нормальные, а не смешные деньги и, наконец, занять по-человечески. И тут в очередной раз в его жизнь вмешался Его Величество Случай.

Тамару Николай Николаевич встретил в метро. Да-да, всего-навсего в переполненном вагоне общественного транспорта. В давне и духоте рядом с ним оказалась очаровательная юная девушка, с огромными серыми глазами и пухлыми чувственными губами, с пышными наштановыми волосами, аромат которых перебивал все остальные не слишком приятные транспортные запахи. Взгляд, который красавица бросила на своего нечаянного соседа, решил все: Николай Николаевич, как привязанный, вышел вслед за Тамарой на совершенно не нужной ему остановке, как шнурок, поволонся за девушкой в неведомом направлении и, мобилизовав все свое обаяние и прежние доджуанские навыки, выпросил-таки не только заветный телефончик, но и твердое обещание свидания. Новое на следующий вечер и состоялось, причем явился на него Николай Николаевич трезвый, ани стелло, свежесвыбритый и благоухающий дорогим парфюмом, с букетом роз и надеждой на неммыслимое счастье и блаженство.

Тамара оказалась еще красивее, чем нанануне, но больше никакими достоинствами не обладала. Училась в педагогическом техникуме, жила с ма-

мой и бабушкой где-то под Москвой, не то в Балашихе, не то в Ногинске, за всю свою короткую жизнь прочла помимо учебников от силы полторы книги и больше всего на свете любила есть мороженое и ходить на дискотеки. Замечу, что самому Николаю Николаевичу уже исполнилось сорок пять лет, позади была не только первая, но и вторая молодость, и все его женщины были как минимум неглупы, а иногда даже и вполне интеллектуальны. А тут...

Еще раз вынуждена просить прощения за банальность, но народная примета "седина в бороду — бес в ребро" оказалась в этом случае совершенно безошибочной. Николай Николаевич потерял голову, влюбился так, как даже в восемнадцать лет не влюбляются, и ради своей красавицы готов был на что угодно, включая немедленную регистрацию брака. Двадцятипятилетняя разница в возрасте могла смутить кого угодно, кроме него самого, невысокие заработки абсолютно не волновали (завтра же все переменится, деньги потекут рекой, молодая жена будет "установлена" в соболя и парчу, бриллиантами можно будет денюжировать стену в кухне, а уж о такой мелочевке, как французская косметика и регулярные поездки на заграничные курорты, даже и говорить смешно), а главное, Тамара обязательно родит ему ребенка. Разумеется, сына. И все будет прекрасно и удивительно.

Если против обаяния Николая Николаевича, даже когда о влюбленности с его стороны и речи не было, не могли устоять опытные, искушенные, здравомыслящие и вполне зрелые дамы, то чего было ожидать от глупенькой подмосковной девчонки, которая от рождения слаще морковки ничего не видела? Разумеется, она согласилась выйти замуж за своего обонятеля, которого, правда, называла не по имени, а "палочкой". Разумеется, она с восторгом поехала знакомиться со своей будущей свенровью, надев самое свое нарядное платье и тщательно нанрашившись. В глазах влюбленного Николая Николаевича его невеста выглядела просто сногшибательно, но посторонний трезвый взгляд отмечал лишь чрезмерно яркий, почти вульгарный макияж и совершенно безвкусный наряд, по совонугности уродовавшие Тамару до невозможного.

Мама сумела "сохранить лицо" и принять будущую невестку почти приветливо, но когда Николай Николаевич, проведя нареченную в подмосковный городок, вернулся домой, его ждал не слишком-то приятный разговор:

— Ты с ума сошел? — спросила его мама, успевшая напиться валерьянки и прочих успокоительных средств чуть ли не до одури. — Она же тебе в дочери годится, не позорься перед людьми. И потом она же совершенно неразвитый и невоспитанный ребенок. О чем ты с ней будешь говорить? Как она будет воспитывать своих собственных детей, если, конечно, после регистрации не передумает рожать?

— Какие глупости! — отмахнулся Николай Николаевич. — Мы любим друг друга — это самое главное. Воспитаю, постараюсь дать образование...

— Кому — ей или вашим будущим детям? — не без ехидства спросила мама. — Впрочем, это не столь важно. На какие средства ты собираешься ее содержать, позволь тебя спросить? Твоих нынешних заработков еле-еле хватает тебе на выпивку и кое-какую зануску. А я, как тебе известно, уже почти не могу работать. Живу в основном на свою пенсию. Тебе еще могу как-то помочь, но двоих, а тем более троих, Боливар, извини, не вынесет.

— Кто говорит о том, что ты будешь нас содержать?! — возмутился Николай Николаевич. — Заработки я найду, не волнуйся. А о выпивке вообще разговор больше быть не может — все, конечно. С сегодняшнего дня — ни капли.

Мама мысленно перекрестилась. Если сын действительно намерен вести сугубо трезвый образ жизни, то ради этого можно стерпеть не только подмо-

сновную свиристелю, но и наную-нибудь малайну или эснимоску, ни слова не говорящую по-русски. Надежда, как известно, умирает последней, и мама надеялась, что любовь, юная жена и, возможно, дети, действительно изменят жизнь ее обожаемого сыночка. Тогда и умереть можно будет спокойно.

Состоялась свадьба, и Тамара переселилась в Москву, в двухкомнатную квартиру супруга. Но мирного сосуществования со свенровью никак не получалось. Маму Николая Николаевича безмерно раздражала манера невестки до полудня ходить по дому нечесаной и неумытой, часами "висеть" на телефоне, болтая с подружками на специфическом "молодежном" жаргоне, нежелание хотя бы чайник на плиту поставить и приходу муня домой. Тамара, в свою очередь, злилась и огрызалась на попытки свенрови привить ей хоть какие-то манеры, отучить от привычных вульгарных словечек да просто правильно произносить некоторые слова. В ее доме все говорили "ланичь", а не "власть", так с наной стати она должна говорить иначе. И буква "й" в слове "троллейбус" казалась Тамаре явно лишней – прекрасно можно без нее обойтись. А умыться, причесываться, нарядно одеваться, если не собираешься выходить из дома, – да кому вообще это нужно? Старая ведьма просто и ней придирается.

Отношения накалились до того, что Николай Николаевич вынужден был перебраться с молодой женой и ней, в Подмоскowie, где нравы были более свободными. Да и с тещей найти общий язык оказалось легче, нежели с родной матерью. Та была чуть моложе своего зятя, обожала веселые застолья, дочурку свою откровенно называла "чучелом недоразвитым", а богоданного зятя могла в случае чего и по матушке облонить. Тот, правда, в долгу не оставался и за словом в карман тонне не лез. Хуже всего было то, что большие деньги не спешили появляться, перебиваться приходилось случайными заработками, и если Тамара по молодости и наивности обращала на это мало внимания, то от острого взгляда тещи мало что могло скрыться. Добрела она только тогда, когда зять приносил домой бутылку и приглашал разделить с ним веселящий напиток. До того добрела, что деньги на вторую, а потом и третью бутылку выдавала, а то и сама за этими бутылками бегала.

Тамара, наконец, забеременела. На какое-то время Николай Николаевич взял себя в руки, почти перестал пить и отправился к матери решать квартирный вопрос. Жить с женой и ребенком у тещи в проходной комнате – невозможно. Жить с его женой мать категорически не хочет. Значит, нужно разменивать квартиру на две однокомнатные. В конце концов, много ли нужно матери в ее-то возрасте?

Матери, действительно, уже ничего не было нужно. После разговора с любимым и единственным сыночком ее в тот же вечер доставили в больницу с диагнозом "обширный инфаркт". От которого она несолько дней спустя и скончалась, так и не увидев больше "виновника" этого "торжества". Ни в больницу, ни на похороны Николай Николаевич не явился, поскольку пребывал в состоянии очередного глубокого запоя. Вызванного, естественно, тяжелейшим нервным срывом: родная мать умерла! Перенести такую душевную травму без мощной алкогольной поддержки было невысмыслимо. Масла в огонь подлил родной отец Николая Николаевича, который давно уже практически не общался с сыном, но, узнав об очередном "подавиге" Николая Николаевича, официально заявил, что такого сына знать не желает, никогда руни ему не подаст и вообще вычеркивает и из жизни, и из завещания. Сказать, что такое решение легко далось бывшему боевому генералу, конечно, нельзя: он резко состарился и стал жаловаться на многочисленные болезни. Но решения все-таки не изменил, так как не привык бросать слова на ветер.

Николаю Николаевичу бессердечное поведение отца нанесло очередную глубокую моральную травму. На сей раз запой продолжался вплоть до ранения такого долгожданного сына. После этого каним-то чудом удалось прервать употребление горячительных напитков и заняться материальными делами. Как то: обменять оставшуюся от матери двухкомнатную квартиру на однокомнатную с солидной доплатой. И... на эту доплату не столько жить, сколько пить, потому что Тамара наотрез отказалась продолжать совместную жизнь и подала на развод. Трех лет жизни с Николаем Николаевичем хватило ей за глаза. Не хотелось уже ни московской прописки, ни мехов, ни красивой жизни. Хотелось одного – покоя. Потому что все три года Николай Николаевич – как в пьяном, так и в трезвом виде – пытался извратить свою Галатею. Заставлял ее читать труды немецких философов, от чего у беднячки начинались дикие головные боли. Часами рассказывал о каких-то далеких исторических событиях и парадоксах, причем сыпал именами и датами, подчас не известными даже специалистам. Среди ночи включал, например, Вагнера или Бетховена, чтобы его любимая прониклась прекрасным и почувствовала наконец разницу между этими титанами гармонии и шлягерами Ирины Аллегровой или Андрея Губина. Беднячка хронически не высыпалась, постоянно чувствовала себя абсолютной идиоткой и вообще кляла тот день и час, когда спустилась в московское метро и встретила там своего сумасшедшего.

Рождение сына не внесло гармонии в их отношения. Малыш был копией отца – и тем не менее Николай Николаевич постоянно, с маниакальной настойчивостью пьяного, говорил о необходимости проведения генетической экспертизы, о том, что ребенок, скорее всего, зачат путем искусственного оплодотворения, что он видит ее насмехом и понимает, что замуж за него она вышла только ради московской прописки и квартиры.

– Дура ты, дура, – кричал он, – ты не понимаешь, что со мной делаешь! Я тебя люблю так, как никого в жизни никогда не любил, я ради тебя всем пожертвовал, даже с родной матерью расстался, а ты со мной так поступаешь. Неужели ты не понимаешь, что без меня ты – ничто, пустышка, лимитка подмосковная? Но я тебя и такую люблю...

Нет, такой любви Тамара решительно не понимала. Муну она не изменяла, об искусственном оплодотворении впервые услышала именно от него, что такое генетическая экспертиза – не знала, но нутно боялась самого словосочетания. И в то же время ее тянуло и муну, как и наркотику, от которого возникает мгновенная эйфория, хотя потом приходится переживать малоприятные ощущения. На развод она подала, но, в общем-то, не настаивала, только вяло отбивалась от предложений муну забрать назад заявление и постараться все наладить. Дело о разводе тянулось два года, четыре судебных заседания слились для Тамары в один непрерывный кошмар, потому что она не понимала логики того, что говорят адвокаты, судьи, свидетели, ее собственный муж, наконец. Последнее же заседание, после которого решение о разводе все-таки было принято, стало для нее нестерпимым унижением. Николай Николаевич издевательским тоном осведомился у судьи:

– А почему вы не спрашиваете, когда у нас с ней последний раз были супружеские отношения?

– А действительно, когда? – заинтересованно вскинулась судья.

– Три дня назад, – торжествующе ответил Николай Николаевич.

– Истица, это правда? – обратилась судья к Тамаре.

– Правда, – пролепетала она, сгорая от стыда.

– Так зачем же вы живете с мужчиной, с которым хотите развестись? С отцом вашего ребенка?

Тамара просто разрыдалась. Не могла она объяснить, что сама ничего не решает, не знает, чего от нее добивается этот непонятный человек, что ей страшно и хочется одного – покоя. Тем не менее это позорище наконец закончилось, и у нее на руках оказалось официальное постановление суда о расторжении брака. Но и это уже не радовало.

– Имей в виду, – сказал ей на прощание Николай Николаевич, – я сегодня развелся не только с тобой, но и с сыном тоже. Алименты получать будешь, не волнуйся. Но ни ты, ни он меня больше не увидите и не услышите.

И почти год действительно так и было. То есть она его не видела, а на обсервационку раз в месяц переводились какие-то крохи, должностующие, по-видимому, означать алименты. Зато по телефону бывший муж звонил достаточно регулярно, говорил ей, какая она дура, что растоптала и предала такую любовь, что из-за нее и по ее милости он спивается, не может найти постоянную работу, вынужден чуть ли не записными книжками в подземных переходах торговать. А он так ее любил... он так ее до сих пор любит, дуру стеровую...

Действительно, Николай Николаевич много пил и не мог найти постоянную работу. Зато иногда удавалось получить или достать какие-то деньги, немедленно покупал не только водку, но и закуски, обзванивал своих немногочисленных оставшихся друзей и некоторых новых приятелей, приглашал посидеть, "поговорить о возвышенном". Друзья, как правило, отказывались. Больно было видеть когда-то блистательного Николая в таком виде. Новые приятели приходили, пили и ели, внимали бесконечным монологам Николая Николаевича. И сочувственно качали головами, когда дело доходило до причины такого состояния их хлебосольного хозяина: огромная, неразделенная любовь, женские глупость и новарство, предательство близких. Понятное дело, от такого крыша у него хочешь поедет.

Время от времени в этой компании появлялись женщины. Но уже совсем не те, которым когда-то разбивал сердца Николай Николаевич. Медсестра из районной поликлиники, продащица из соседнего магазина, случайная знакомая кого-то из приятелей. Своего презрительного отношения к интеллекту этих дам Николай Николаевич давал и не скрывал, добавляя с каким-то садистским удовольствием:

– Дуры – они и есть дуры. Сколько я в свою бывшую жену вложил, в малолетку эту. Нет, не поняла. Будь она проклята, эта любовь, до чего нормального мушкетера довести может!

Женщины даже не обинались, застывая в благоговении перед картиной таких неземных чувств. Действительно, дура каная, не оценила любви такого человека. А он из-за нее теперь пропадает. Жалость-то каная!

И пытались нанормить, прибрать, утешить. Заботы эти снисходительно принимались – но не более того. Примерно один раз в месяц Николай Николаевич отправлялся навестить бывшую жену и сына, причем иногда брал с собой кого-нибудь из приятелей и устраивал там сцены любви и ревности, глядя на которые обзавидовался бы сам Станиславский и зашелся бы в истерическом крике: "Верю!" Последствием таких визитов становился очередной длительный запой. А потом все начиналось по новому кругу.

В какой-то момент круг этот, казалось, наконец-то разорвался. В один из все более редких трезвых дней Николай Николаевич столкнулся на улице с женой одного из своих пренных друзей, связь с которым давным-давно была потеряна. Друг этот много лет провел за границей, будучи советником посла по вопросам внешней торговли. Жена его, еще достаточно миловидная жен-

щина, когда-то весело флиртовавшая с Николаем Николаевичем на вечеринках, не сразу его узнала, а узнав – ахнула:

– Ноля! Да что же с вами случилось?

– Долго рассказывать, Ниночка, – печально отозвался Николай Николаевич, случайно вспомнив имя давней знакомой. – Жизнь случилась, наверное. А как вы? Как Андрей? Повидаться бы...

– Андрюшу я похоронила в прошлом году, – вздохнула Нина. – Инфаркт. Теперь вот привыкаю одна, детей-то так и не завели, все откладывали. А мама ваша как? Папа?

– Мама умерла. У отца давно другая семья и своя жизнь, я в ней лишняя. Да и вообще...

– Да что же мы на улице-то разговариваем? – возмутилась Нина. – Я тут живу в двух шагах. Зайдем ко мне, попьем чаю, нанормлю вас, чем Бог послал. Мне смотреть на вас больно...

Через полчаса Николай Николаевич сидел в уютной кухне крохотной Ниной квартиры, с аппетитом поглощал выставленные на стол холодные и горячие блюда и вдохновенно рассказывал хозяйке горестную историю своей жизни. О первой жене-алкоголичке, об интригах бывших коллег по работе, о незадавшейся научной карьере, об эгоизме родителей, ну и, конечно, о злодейке жене, которая, собственно, и сделала его, убежденного трезвенника, без пяти минут пьяницей. А он ее до сих пор так любит, так любит...

Нина слушала со слезами на глазах и только нивала. Она помнила Николая Николаевича таким, каким он был лет двадцать тому назад, причем в самые светлые минуты его жизни. Помнила блестящим красавцем, остроумным собеседником, подающим большие надежды молодым ученым. И достаточно было появиться в его жизни молоденькой эгоистичной дурочке, как все полетело под откос. Как же несправедлива порой бывает судьба...

– Два дня назад у меня умер еще один близкий друг, – завершил свой рассказ Николай Николаевич. – Сегодня похороны, я как раз на них ехал. Но, верите ли, Ниночка, ноги не несли. Чувствую, что меня там же на кладбище инфаркт хватит. И вот – вас встретил. Наверное, это эгоистично с моей стороны, но мертвого не воскресить, а мне вдруг жить захотелось.

Близкий друг действительно умер, но – две недели тому назад. На похороны Николай Николаевич действительно не поехал, но не потому, что боялся, а потому, что не смог. Весть о смерти подействовала на него обычным образом, и возникший стресс он снимал привычными средствами, так что только накануне встречи с Ниной более или менее пришел в себя. Но в том, что ему вдруг захотелось жить, он не лукавил. Перед ним сидела милая, сравнительно молодая, одинокая женщина, которая могла не только слушать, но и понимать собеседника, да и тому же еще прекрасно готовила. Почему бы не попытаться использовать этот шанс?

– Ниночка, а у вас нет чего-нибудь типа домашней наливки? Помянули бы моего друга по-христиански да и нашу встречу отметили бы. По чуть-чуть. Вы не поверите, я так рад, что вас встретил. Похоже на перст судьбы.

Уж что-что, а заговаривать женщиной зубы Николай Николаевич умел мастерски. Дело было даже не в словах – хотя и с ними наблюдался полный порядок, – а в интонациях, каких-то неуловимых обертонах. Да и Нина была вполне нормальной женщиной, а не ясновидящей, и тому же истосновавшейся по мужскому вниманию. Конечно, нашлась наливка, конечно, выпили по чуть-чуть, помянули мужа Нины, друга Николая Николаевича, выпили за встречу. Три рюмки слабой домашней наливки...

Нина дане не поняла толком, что произошло. Николай Николаевич измился, встал и пошел к выходу из кухни. Мгновение спустя раздался звон разбиваемого дверного стекла, грохот падения – и вот уже в маленьком коридорчике в луже крови лежит Николай Николаевич, и лицо его заливают и заливают та же кровь. Н чести Нины, она сориентировалась почти мгновенно, вызвала "Скорую", проводила своего несчастного гостя до больницы, убедилась, что жизнь его находится вне опасности: только пришлось наложить несколько швов на лицо да вправить вывихнутое при падении плечо. Потом неделю она исправно посещала его в травматологическом отделении, носила фрукты и соки, утешала, развлекала, жалела. А после выписки, как само собой разумеющееся, привезла к себе домой: не может же человек, у которого одна рука в гипсе, сам за собой ухаживать. Тем более что несчастие произошло в ее, Нины, доме, то есть как бы по ее вине.

Блаженные две недели промелькнули, как один день. Николай Николаевич расцветал на глазах, бесконечно благодарил Нину за ее доброту и самоотверженность, хвалил ее готовку, ее вкус, ее танц, ум. Рассказывал ей интересные истории о своей экспедиции в Среднюю Азию, делился впечатлениями от недавно прочитанных книг и статей, обсуждал нашумевшие телевизионные передачи. А через две недели сказал:

– Ниночка, выходи за меня замуж. Одной тебе будет трудно, а со мной ты не пропадешь. У меня своя квартира, обузой тебе я не стану, приличные заработки. Это я последнее время расклеился, болел все время, а теперь благодаря тебе, чувствую себя человеком. Согласна?

Нина не видела причин для отказа. Оба одиноки, обоим – под пятьдесят, оба – люди одного круга. Почему бы и не попытаться совместно преодолевать все трудности, поддерживая и утешая друг друга? А любовь... тут все сполно и непредсказуемо. Словом, она согласилась.

Через два дня Николай Николаевич повез ее к себе на квартиру. Переступив порог, Нина тихо ахнула и дане попятилась было. Но быстро себя одернула: человек несколько лет прожил фантически холостяком да еще в состоянии почти непрерывного стресса. Оттуда взяться чистоте и порядку? Николай Николаевич оставил ее хозяйничать, а сам отправился, как он сказал, "по делам и за деньгами". Нина же с воодушевлением взялась за уборку и готовку, благо продукты предусмотрительно захватила с собой.

Через несколько часов квартира приобрела относительно жилой вид, обед был готов, а Николай Николаевич все не шел и не шел. Нина начала тревожиться – за окном уже темно, все закрыто, какие дела, какие деньги? Просто выйти из квартиры и уехать она боялась: квартира останется незапертой, Бог знает, что может произойти. Наконец, в снежнике повернулся ключ, дверь распахнулась, и вместе с внушительной фигурой Николая Николаевича в квартиру проник резкий запах водки. На ногах Николай Николаевич явно держался с большим трудом.

– Коля, что с тобой? – ахнула Нина. – Тебе же нельзя пить, у тебя сотрясение мозга было!

Николай Николаевич бессмысленно посмотрел на нее, рухнул в стоявшее посреди комнаты продавленное кресло и произнес только одну фразу:

– Убирайся отсюда, б...!

Вместо "убирайся", кстати, тоже было использовано значительно более крепкое словечко.

Как Нина добралась до дома, как легла спать, каким образом все-таки заснула – она не помнила. На следующее утро, судорожно пытаясь осмыслить происшедшее, она позвонила Николаю Николаевичу. И услышала, что

он ее раскусил, что она заманивала его с целью завладеть квартирой, в по-том от него избавиться, и что это открытие заставило его просто пойти и на-питься, потому что такой подлости он от нее не ожидал.

Отрыдавшись, Нина позвонила кое-каким своим пренным друзьям и при-ятелям. И тут ей все стало ясно. Три недели трезвого образа жизни оназа-лись непосильной нагрузкой для организма ее несостоявшегося жениха, он, организм, настоятельно требовал привычной дозы, а поводом для принятия оной могло стать все что угодно. В данном случае – ее приезд к нему на квар-тиру. Но с таким же успехом поводом мог стать и ее отказ это сделать. Оста-валось махнуть рукой – и забыть. Благо привязаться по-настоящему к Ни-колаю Николаевичу она не успела, так что особой боли не испытывала – про-сто горький осадок. Но этой мелочью можно было пренебречь.

– Дорогая моя, – сказала ей мать одного из знакомых Николая Николае-вича, – перестаньте себя мучить. Это не человек, это – паун. Он затягивает других в свои сети, выпивает из них все соки и их же заставляет чувствовать себя виноватыми за то, что он сам вытворяет. Сняните слава Богу, что у вас далеко не зашло. Он бы и вас выжал досуха, как лимон, или, еще того хуже, пристрастил бы к водочке, а потом на всех углах трубил бы, что связался с алкоголичкой, которая его сплавает. Я своего сына с трудом отбила, он уже и его начал затягивать. Мой-то любит умные речи послушать, а перед выпив-ной – слаб. Так я этого самого Николая Николаевича собственными руками чуть ли не с лестницы спустила, хотя мы с его понойной матерью всю жизнь приятельствовали. Паун он, самый настоящий. А притворяется страдальцем.

Опять снану банальность: не мир тесен, прослойка тонкая. Шапочко и я когда-то была знакома с Николаем Николаевичем: встречались на каких-то семинарах. Посему решила удовлетворить собственное любопытство и услы-шать версию событий из уст их непосредственного участника. Раздобыла те-лефон, позвонила, представилась, выразив, правда, сомнение, что меня по-мянут.

– Боже мой, как я мог вас забыть! – возмутился обворонительный хрип-ловатый баритон на другом конце трубки, – Как только вы назвали фамилию, я вас сразу вспомнил. Но вы тогда были такая неприступная, строгая – к вам приблизиться было страшно.

Возможно. Правда, тогда у меня была другая фамилия, но это уже мело-чи. Все равно приятно, что тебя помянут дане после мимолетней встречи два-дцать лет спустя.

Предлог для звонка у меня был нехитрый: я якобы разыскивала нашего общего знакомого, который, как мне пренрасно было известно, десять лет тому назад благополучно эмигрировал. Но, по-видимому, я позвонила в нуж-ное время, потому что через несколько фраз получила крайне заманчивое предложение:

– А почему бы нам не встретиться, Майечка? Я так истосковался по ум-ной, интеллигентной женщине. В последнее время мне фатально везет на всяких авантюристок с сомнительным прошлым. Или алкоголичек.

Снану честно, пополнять собой ряды тех или других мне нан-то не захоте-лось. Своей репутацией, наной бы скромной она ни была, я пока еще доро-жу. Но... Но все еще, по-видимому, красивый мун-чина, с хорошими манера-ми, обаятельным голосом и не до конца разрушенным интеллектом жандет общения, через которое только и может получить столь необходимое для не-го страдание.

Алкоголик – это не всегда обворанное и воюющее существо с интеллектом на точно замерзания. Так что – не расслабляйтесь.

З Р И Ф

В среду днем, между уроком географии по древнеегипетским ручным ирригационным системам и уроком технического творчества, на котором нужно было начертить макет города рядом с горой, на учителя нашей четвертой ступени, мистера Хилбера, нашел кашель. Началось это с приглушенных горловых откашливаний, с шумом выталкивающих в закрытый рот мистера Хилбера.

— Смотри, смотри, — шепнула мне Кэрол Петерсон, — сейчас он лопнет.

Занимаясь своими макетами, мы поглядывали на мистера Хилбера, наблюдая за его краснеющим лицом, надувающимися щеками и думая, что он смеется над какой-то шуткой. Но это был не смех. Он заходился в кашле, прикрываясь бумажным носовым платком, затем извинялся и снова продолжал кашлять.

— Ставлю десять центов, — зашептала Кэрол Петерсон, — завтра у нас будет замена.

Кэрол сидела за партой впереди меня и зачастую вела себя неприлично: думая, что на нее никто не смотрит, она, бывало, вытирала нос листом бумаги из тетради, которые затем комкала и швыряла в мусорную корзину. Тем не менее в критические моменты она чаще всего оказывалась права, и я знал, что проиграл бы свои десять центов. Поэтому ответил:

— Не пойдет.

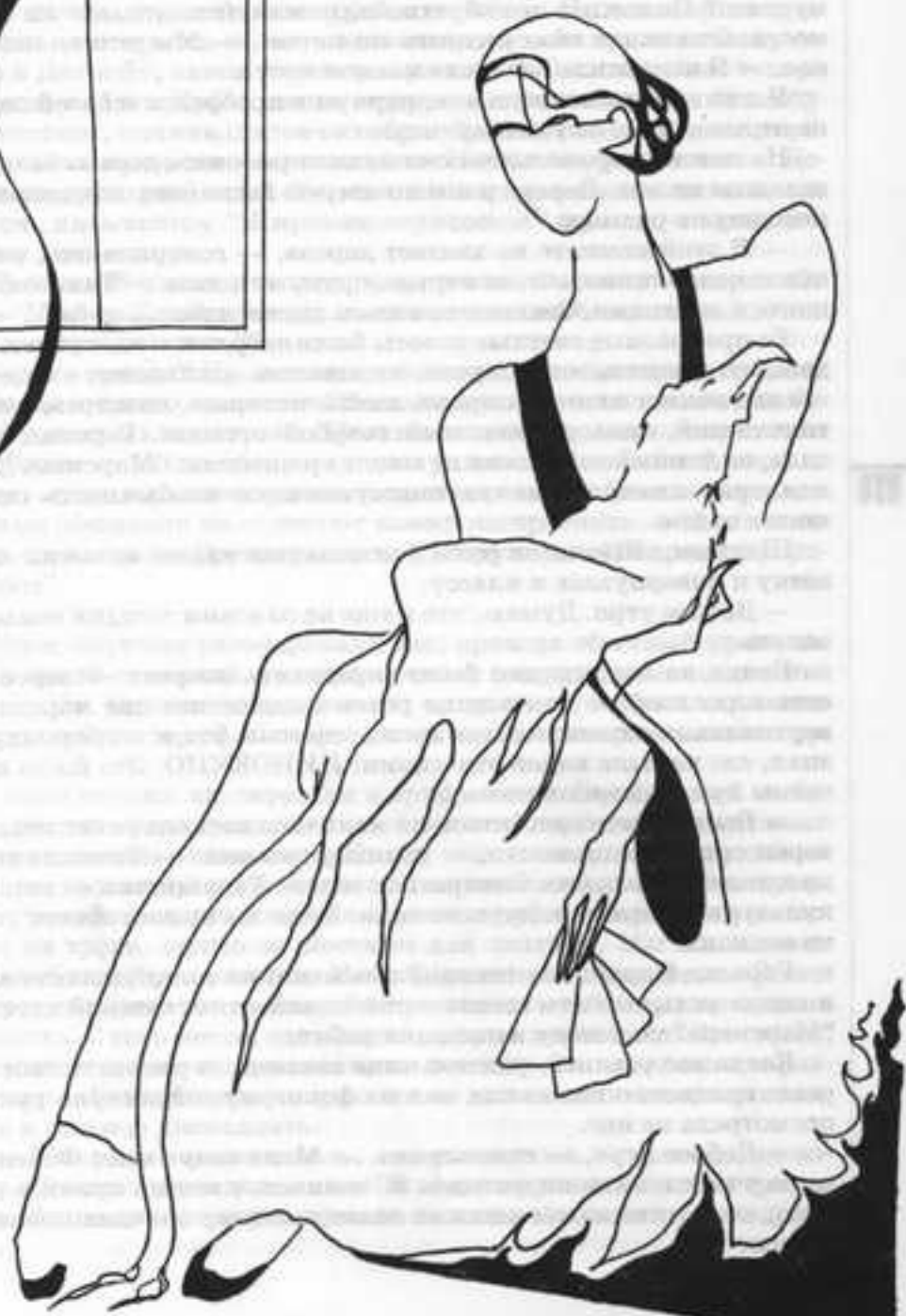
Когда мистер Хилбер строил нас у двери незадолго до последнего звонка, он был почти не в состоянии разговаривать.

— Прошу прощения, мальчики и девочки, — прошептал он, — кажется, я заболеваю.

— Надеюсь, завтра вам будет лучше, мистер Хилбер, — участливо проговорил Бобби Крыжанович, законченный стукач и подхалим, и я услышал, как Кэрол злобно хихикнула.

Тут мистер Хилбер открыл дверь, мы пошли к автобусам, шумно обсуждая последние сплетни.

Поскольку Пять Дубов — это сельская местность, да к тому же в Мичигане, направление сюда учителей на подмену ограничивалось безработными выпускниками городского колледжа, что-то вроде картеля из четырех мамаш. В ужасном волнении эти дамы впустую тратили учебное время, с нервной дрожью давая материал, которым мы овладели неделями раньше.

Поэтому мы порядком удивились, когда на следующий день в класс вошла незнакомая женщина, неся с собой пурпурную сумочку, коробку с ланчем и несколько учебников. Она положила книги на один край стола мистера Хилбера, коробку с ланчем на другой, рядом с фонографом. Когда она вошла, мы втроем играли в дальней части класса с Хивером — хамелеоном, живущем в террариуме.

Заметив нас, она хлопнула в ладоши.

— Мальчики, что это вы там согнулись в три погибели? — спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Животное мучаете? Положите его обратно и, пожалуйста, сядьте на свои места. Отложите свои интриги на потом. — Мы устали сидеть на ней. — Я попросила вас сесть на свои места.

Я положил хамелеона в террариум и пробрался к своей парте, не отрывая глаз от учительницы.

На левой стороне доски она начала рисовать дерево белым и зеленым мелом. Дерево у нее почему-то было непропорционального вида и размера.

— В этой комнате не хватает дерева, — говорила она, рисуя некое подобие листьев, не отрывая руку от доски. — Такого большого, с листьями, тенистого, такого лиственного... дуба.

Ее прекрасные светлые волосы были собраны в то, что как мне доведется узнать годы спустя, называлось шиньоном, а еще она носила очки в золотой оправе, линзы которых, казалось, имели тончайший, едва различимый голубой оттенок. Гарольд Нардаль, сидевший наискосок от меня, прошептал: "Марсиане", и я медленно кивнул, смакуя подступающую необычность сегодняшнего дня.

Щедрым движением руки учительница нарисовала еще одну ветку и повернулась к классу.

— Доброе утро. Думаю, что я еще не со всеми сегодня поздоровалась.

Глядя на нее, трудно было определить возраст — взрослые есть взрослые, — но на лице резко выделялись две морщины, вертикально спускающиеся по обе стороны рта к подбородку. Я знал, где раньше видел эти линии: ПИНОККИО. Это были морщины куклы-марионетки.

— Вы можете таращиться на меня еще несколько секунд, которые остались до звонка, — усмехнулась она. — Но после звонка я этого не позволю. Смотреть позволю. Таращиться — нет. Некультурно и признак дурного тона. Этим вы не достигнете успеха в жизни.

Гарольд Нардаль не взглянул на меня, не толкнул локтем, но я снова услышал его шепот с той самой единственной шуткой "Марсиане" по поводу вошедших ребят.

Когда все уселись, учительница закончила рисовать свое дерево, грациозно положила мел на фонограф, отряхнула руки и посмотрела на нас.

— Доброе утро, — сказала она. — Меня зовут мисс Ференчи, ваша учительница на сегодня. Я новичок в ваших краях и уверена, что никто из вас меня не знает, поэтому сначала познакомимся.

Пока мы устраивались поудобнее, она принялась рассказывать о себе: ее дедушка был венгерским принцем; ее мама родилась в каком-то местечке под названием Фландерс, была пианисткой и исполняла концерты для людей, которых мисс Ференчи называла "коронованными головами". Учительница прервалась и проищательно посмотрела на нас:

— Григ, норвежский маэстро, написал концерт для пианино, который стал... — она выдержала паузу, — триумфом для моей матери на ее дебютном концерте в Лондоне. — Ее глаза пошарили по потолку. Мы глазами последовали за ней — там не было ничего, кроме потолочной плитки. — По некоторым причинам, в которые я не хочу вдаваться, судьба привела нашу семью в Детройт, затем на север в ужасный Сагино, и вот теперь я здесь, в Пяти Дубах, ваша подменная учительница на сегодня, четверг, одиннадцатое октября. Думаю, сегодня будет хороший день: все прогнозы совпадают. Начнем с урока чтения. Достаньте свои учебники. То, что мы сегодня будем читать, кажется, называется "Широкие горизонты" или где-то рядом с этими далями.

Джинни Вермиш подняла руку, и мисс Ференчи кивнула ей.

— Мистер Хилбер всегда начинает день с Обещания послушания, — прохныкала Джинни.

— Ах, правда? Ну, в таком случае вы к настоящему времени должны отлично знать это Обещание, и мы, естественно, не будем тратить на него время. Нет, я считаю, сегодня в этих стенах не нужны никакие обещания-послушания. По крайней мере не тогда, когда в классе столько солнечного света. Всякие торжественные обещания не отвечают моему настроению. — Она взглянула на часы: — Время уходит. Приступим к "Широким горизонтам".

Мисс Ференчи разочаровала нас, проведя обычный урок, наполненный лексикой, упражнениями, вопросами на понимание и опросом. Однако она, казалось, не уделяла особого внимания материалу, который, как фокусник, вытаскивала из левого рукава.

После чтения мы перешли к арифметике. Это был мой любимый час того утра, когда ленивый осенний солнечный свет своим ослепительным сиянием пробился через ленту облаков, сквозь окна на восточной стороне класса, а затем пополз по линолеуму. На игровой площадке первая группа детей-детсадовцев уже играла на траве, прямо за шестью для лазания. Мы же занимались таблицей умножения. Мисс Ференчи подняла Джона Уозни с переднего ряда: он должен был рассказать таблицу умножения на шесть. С того места, где я сидел, я чувствовал запах бриолина, впитавшегося в его прилизанные волосы. Он прекрасно справлялся с таблицей до тех пор, пока не дошел до шестью одиннадцать и шестью двенадцать.

— Шестью— одиннадцать, — произнес он, — шестьдесят восемь. Шестью двенадцать... — Он поднес руки ко лбу, быстро укордкой провел носом у кончиков пальцев и сказал: — Семьдесят два.

— Отлично, — сказала мисс Ференчи. — Так... Очень хорошо.

— Мисс Ференчи! — отчаянно замахал рукой в воздухе один из близнецов Эдди. — Мисс Ференчи! Мисс Ференчи!

— Да?

— Джон сказал, что шестью одиннадцать — шестьдесят восемь, а вы сказали, что правильно!

— Неужели? — Она обвела класс веселым взглядом, пробившимся сквозь ее марионеточное лицо. — Я так сказала? Ну и сколько же будет шестью одиннадцать?

— Шестьдесят шесть!

Она кивнула.

— Да. Правильно. Но и, я думаю, не все будут со мной полностью согласны, временами может быть и шестьдесят восемь.

— Когда? Когда может быть шестьдесят восемь?

— В высшей математике, которую вы, дети, еще не понимаете, шестью одиннадцать может считаться и шестьдесят восемь. — Она прыснула. — В высшей математике числа более... подвижны. Единственное, что делает число — это содержит определенное количество чего-либо. Возьмем воду. Чашка ведь не единственный способ измерения количества воды? — Мы мотнули головами, не сводя с нее глаз. — Для этого можно использовать и соусницы, и наперстки, и в каждом случае вода останется такой же. Но, наверное, будет все-таки лучше для вас думать, что шестью одиннадцать — шестьдесят восемь, только когда я нахожусь в классе.

— Почему только когда вы в классе? — спросил Марк Пуд.

— Потому что так интересней, — ответила она, быстро улынувшись глазами за своими очками с голубым оттенком. — Кроме того, я же ваша подменная учительница, разве не так? — Мы дружно кивнули. — Значит, считайте, что то, что шестью одиннадцать равно шестьдесят восемь, — это подменный факт.

— Подменный факт?

— Да. — Она внимательно посмотрела на нас. — А вы что думаете, кому-то будет больно от подменного факта? — В ответ мы только посмотрели на нее. — Растениям на подоконнике будет больно? — Мы посмотрели на подоконник. Там было несколько нежных растений, буйно разросшихся в зеленом пластмассовом поддоне, и несколько захиревших папоротников в небольших глиняных горшках. — Вашим кошкам-собакам или вашим мамам-папам? — Она помедлила. — Так в чем же дело?

— Но ведь это же неверно, разве нет? — утверждающе проговорила Дженис Вебер.

— Как вас зовут, леди?

— Дженис Вебер.

— И вы думаете, что это неверно, Дженис.

— Да я просто спрашиваю.

— Ну ладно, пусть будет так. Думаю, мы уже достаточно потратили времени на это дело, правда, дети? Можете думать как вам угодно. Когда вернется ваш учитель, мистер Хилбер, ше-

стью одиннадцать снова станет шестьдесят шесть, уж будьте уверены. И так оно и останется до конца нашей жизни в Пяти Дубах. Какой ужас, да? — Она вскинула брови и подалась к нам. — Но пока это не так. Ну ладно, покончим с этим. Давайте займемся вашими заданиями на сегодня, которые, как я вижу здесь, трудолюбиво обозначены в поурочном плане мистера Хилбера. Приготовьте листы бумаги и напишите свои фамилии в левом верхнем углу.

Следующие полчаса мы трудились над оставшейся частью арифметических задач. Потом мы сдали работы и перешли к правописанию, моему самому нелюбимому предмету. Правописание всегда было перед большой переменной. Мы писали диктант на правописание и поглядывали на настенные часы.

— “Тщательный”, — диктовала мисс Ференчи. — “Граница”. — Она ходила в проходах между рядами, держа в руках учебник по правописанию и поглядывая в наши работы. — “Балкон”.

Я вцепился в карандаш. Каким-то образом она произносила эти слова так, что они казались мне иностранными — в них не хватало гласных, не хватало согласных. Я тупо смотрел на то, что только что написал: “Болкон”. Перевернул карандаш и стер ошибку: “Балкони”. Теперь уже смотрелось лучше, но все равно неправильно. Я проклял все правописание в мире и начал было стирать снова, как увидел, что сама бумага начала истираться. “Болкони”. Тут я почувствовал чью-то руку на своем плече.

— И в такой версии мне это слово тоже не нравится, — наклонившись, прошептала мисс Ференчи прямо мне в ухо. — Оно уродливо. По-моему, если слово не нравится, то и пользоваться им не нужно. — Она выпрямилась, оставив после себя легкий аромат “Clorets”.

На большой перемене мы пошли получать свои порции жидкой кашицы, персиков в густом сиропе, кокосового печенья и молока, после чего вернулись со всем этим обратно в класс. Там мы обнаружили мисс Ференчи сидевшей за столом и поглощавшей какую-то липкую коричневую штуку, обернутую в наспех схваченную резинкой вощеную бумагу.

— Мисс Ференчи, — сказал я, подняв руку, — вы не должны есть вместе с нами. Вы же можете есть с другими учителями. Там есть учительская, рядом с кабинетом директора.

— Нет, спасибо, — ответила она. — Я предпочитаю здесь.

— Но у нас же есть дежурная няня, — продолжал я. — Миссис Эдди. — Я указал на дальнюю часть класса, где, занимаясь вязанием, молчаливо сидела миссис Эдди, мать Джойса и Джу-ди.

— Замечательно, — сказала мисс Ференчи, — но я все-таки буду есть с вами, дети. Я предпочитаю здесь, — повторила она.

— А что это вы вдруг? — спросил Уэйн Рэмер, не поднимая руки.

— Сегодня утром я разговаривала с учителями перед началом занятий, — ответила мисс Ференчи, откусывая от своей коричневой еды. — Много пустой болтовни, мало смысла. Мне не по ну-

тру соль их пустопорожнего веселья, да и не нравится мне автоматически поддакивать их шуткам.

— А что это вы такое едите? — спросила Максин Сильвестер, поведя носом. — Это съедобно?

— Еще как съедобно. Это фаршированный инжир. Мне пришлось доехать почти до Детройта, чтобы раздобыть его. Заодно и привезла немного копченого судака. А это, — она достала из коробки какие-то зеленые листья, — сырой шпинат, почищенный сегодня утром.

— А зачем вы едите сырой шпинат? — спросила Максин.

— Это полезно, — ответила мисс Ференчи. — Стимулирует больше, чем содовая шипучка или нюхательная соль.

Я поглощал свою порцию и рассеянно смотрел в окно. Почти невидимая луна едва заметно серебрилась на дневном осеннем небе.

— А что касается еды, — опять заговорила мисс Ференчи, — то вам нужно перемешать всю еду. Возьмите и смешайте все вместе. Слишком много людей ест... да ладно, неважно.

— Мисс Ференчи, — обратилась к учительнице Кэрол Петерсон. — А чем мы будем заниматься сегодня днем?

— Так, — ответила мисс Ференчи, глядя в поурочный план мистера Хилбера, — насколько я понимаю, ваш учитель, мистер Хилбер, запланировал провести с вами тему по египтянам. — Кэрол тяжело вздохнула. — Да-да-да, — продолжила мисс Ференчи, — именно этим мы и займемся: египтяне. Замечательные люди. Почти такие же сильные, как американцы. Но не совсем. — Она опустила голову, бросила свою мимолетную улыбку и снова принялась за свой шпинат.

После большой перемены мы снова расселись в классе и увидели, что рядом с дубом мисс Ференчи нарисовала на доске пирамиду. Те из нас, кто занимался бейсболом, толкались в задней части класса, бросая биты и перчатки в корзину для спортивного инвентаря, и в тот момент, когда Рэй Шонтцелер здорово огрел меня, я услышал высокий, вибрирующий от эмоций голос мисс Ференчи:

— Мальчики, немедленно успокойтесь и займите свои места. Я не желаю тратить впустую ни минуты учебного времени.

Мы побрели к своим партам и вытащили "Дальние страны и их народы".

— Откройте страницу сорок два. — Она подождала секунд тридцать, а затем посмотрела на Келли Мангера. — Молодой человек, почему вы до сих пор шарите в парте?

Келли выглядел так, как будто ему наступили на ногу.

— Почему я что делаю?

— Почему вы столько... роетесь в парте?

— Я ищу учебник, мисс Ференчи.

Бобби Крыжанович, законченный подхалим, по собственному желанию сидевший впереди, вкрадчиво произнес:

— Его имя Келли Мангер. Он вечно не может найти свои вещи. Он всегда такой.

— Меня не интересует, как его имя, особенно после большой перемены, — ответила мисс Ференчи. — Где твой учебник?

— А вот, нашел. — Келли сосредоточенно глядел в парту и обеими руками вытаскивал учебник, переворошив по дороге несколько карандашей и цветных мелков, которые упали ему на колени, а затем на пол.

— Терпеть не могу беспорядка, — сказала мисс Ференчи. — Терпеть не могу беспорядок ни на парте, ни в голове. Это... антисанитарно. Ты ведь не хотел бы, чтоб у тебя дома было так же, как сейчас в твоей школьной парте, правда? — Она не ждала ответа. — Уверена, что нет. Дома все должно быть настолько опрятно, насколько это в силах для рук человеческих. Так о чем мы говорили? Египет. Страница сорок два. Из поурочного плана мистера Хилбера я поняла, что вы изучаете египетские способы ирригации. Интересно с моей точки зрения, но не так интересно, как то, к чему мы сейчас приступим. Пирамиды и рабский труд в Египте. С одной стороны — плюс, с другой — минус. — Наши учебники были открыты на странице сорок два, на которой была картинка с пирамидой, но мисс Ференчи не смотрела в учебник. Вместо этого она пристально смотрела на какой-то предмет прямо за окном. — Пирамиды, — повторила мисс Ференчи, все так же невидяще глядя сквозь окно. — Я хочу, чтобы вы подумали о пирамидах. И об их содержимом. Тела фараонов и их прижизненные сокровища. Манускрипты. Может быть, эти свитки были романами для фараонов, которые помогали им коротать время в их долгом путешествии сквозь века. А вообще-то я шучу. — Я рассматривал морщины на коже мисс Ференчи. — Пирамиды были хранилищем особых космических сил. Природа пирамид такова, что они собирают силу космической энергии в одну концентрированную точку. Египтяне это знали; мы же это полностью забыли. А вы знаете, — спросила она, дойдя до стены класса и остановившись у шкафа для одежды, — что у Джорджа Вашингтона была египетская кровь, по его матери? И определенные моменты Конституции Соединенных Штатов также примечательны своими египетскими корнями.

Не заглядывая в учебник, она начала рассказывать о переселении душ в египетской религии. Она сказала, что когда люди умирают, их души возвращаются на землю в виде муравьев-древоточцев или ореховых деревьев, в зависимости от того, как люди вели себя в жизни — "хорошо или дурно". Она рассказала, что люди ведут себя так или иначе в результате магнетизма, вырабатываемого приливно-отливными силами в Солнечной системе, силами, исходящими от солнца и его планетарного союзника Юпитера. Юпитер — это планета. Она сказала, что египтяне были великими исследователями и завоевателями, что на могиле самого великого из всех завоевателей Чингисхана было убито сорок лошадей и сорок молодых женщин. Мы слушали. Никто не пытался прервать ее.

— Я сама была в Египте и была свидетельницей множества пыли и множества жестокостей.

Она рассказала, что один старик, который работал в цирке, лично показал ей животное в клетке, монстра: полуптицу, полулва, что этот монстр называется грифон, и что она слышала о

них, но никогда не видела до тех пор, пока не посетила окраины Каира. Она выписала это слово на доске крупными заглавными буквами: ГРИФОН. Потом рассказала, как египетские астрономы открыли планету Сатурн, но не увидели ее кольца, как египтяне первыми сделали открытие, что собаки, когда они больны, не пьют воду из реки, а дожидаются дождя и держат пасти открытыми, чтобы поймать влагу.

— Она врет.

Мы ехали домой в школьном автобусе. Я сидел рядом с Карлом Уайтсайдом, у которого был дурной запах изо рта и огромная коллекция мраморных статуэток. Мы спорили. Карл считал, что она врет. Я же говорил, что, вероятнее всего, нет.

— Я не поверил этой ерунде насчет птицы, — сказал Карл, — и что там она еще говорила про пирамиды? Этому я тоже не поверил. Она сама не понимала, что говорит.

— Да что ты говоришь? — Мне она нравилась. Она отличалась от других. Я был готов разорвать его. — Если она врала, — продолжил я, — то что именно было враньем из того, что она говорила?

— Шестью одиннадцать не шестьдесят шесть. Ни за что. Я знаю это наверняка.

— Она сказала, что это так. Она допускает это. Что еще?

— Не знаю, — ответил он. — Ерунда какая-то.

— Какая ерунда?

— Ну-у. — Он поболтал ногой взад-вперед. — Ты когда-нибудь видел животное, которое наполовину лев, а наполовину птица? — Он скрестил руки на груди. — По мне, так это был сплошной блеф.

— Это может оказаться правдой, — настаивал я. Мне необходимо было импровизировать, нажать на него. — Я читал в газете, которую моя мама купила в газетном агентстве, про одного ученого, того самого сумасшедшего ученого в Швейцарских Альпах, так вот он помещает гены и хромосомы и всю остальную начинку в одну лабораторную пробирку, и он скрестил человека и хомяка. — Для эффективности я выдержал паузу. — То, что получилось, назвали челомяк.

— Да ну! — Карл уставился на меня с открытым ртом, и ужасный запах его дыхания устремился ко мне. — Какая это была газета?

— “Нэшивал Инкуайрер”, — солидно ответил я, — которая продается рядом с кассовыми журналами. — Увидев его уважительный взгляд, я понял, что он мой. — А этот сумасшедший ученый, — продолжил я, — его звали... э-э-э... доктор Франкенбуш. — Тут я запоздало осознал, что называть такое имя было ошибкой, и приготовился, что Карл заметит сходство этого имени с именем другого известного сумасшедшего мастера пермутаций, но он ничего не заметил.

— Человек и хомяк? — Таращился Карл, искоса глядя на меня с брезгливо открытым ртом. — Боже! Как же он выглядит, интересно?

Когда автобус доехал до моей остановки, я вышел и пошел по нашей грязной дороге, затем пробежал через задний двор, по дороге пнув на счастье автопокрышку. Бросил учебники на ступеньки заднего крыльца, чтобы обнять и поцеловать нашу собаку Селби, затем поспешил внутрь. Там я почувствовал запах готовящейся брюссельской капусты, которую терпеть не мог. Мама мыла остальные овощи в кухонной раковине, а мой маленький братишка выводил на кухонной двери каракули своим желтым фломастером.

— Привет, мам, — сказал я, перепрыгивая через фломастер, чтобы поцеловать ее. — Угадай!

— Понятия не имею.

— К нам сегодня пришла эта подменная учительница, я ее раньше никогда не видел, и она рассказывала нам всякие истории, мысли и все такое.

— Ну что ж, хорошо. — Мама глядела в окно перед раковиной, устремив взгляд на сосновый лес к западу от нашего дома. В это время дня ее кожа всегда казалась мне такой белой. Посторонние люди часто говорили, что моя мама похожа на Бетти Крокер, ту, которая на фоне гигантской ложки на боку коробок "Бисквик".

— Послушай, Томми, — сказала она. — Поднимись, пожалуйста, наверх и подбери свою одежду с пола в ванной, затем сходи в сарай и убери лопату и топор, которые твой отец оставил на улице сегодня утром.

— Она сказала, что шестью одиннадцать иногда бывает шестьдесят восемь! А еще сказала, что однажды видела монстра, который был полульвом-полуптицей. — Я сделал паузу. — В Египте.

— Ты слышал меня? — спросила мама, поднимая руку и вытирая лоб тыльной стороной ладони. — У тебя есть работа по дому.

— Хорошо, мама. — Я взял печенье из вазы на кухонном столе и уже собирался пойти на двор, как в голову пришла мысль. Бросившись в гостиную, я вытащил словарь, лежавший рядом с тумбочкой под телевизором, и открыл его на букве "Г". Через пять минут я нашел это слово: "Грифон: мифическое животное с головой и крыльями орла и телом льва". Что мифическое, это было верно. Я издал крик триумфа и побежал во двор убирать папины инструменты на свои места.

На следующий день снова была мисс Ференчи, слегка изменившаяся. Она распустила волосы и забрала их в поросычьи хвостики, закрепив в одном дюйме от кончиков красными резинками. На ней была зеленая блузка и розовый шарф, из-за чего было трудно смотреть на нее весь учебный день. В этот раз не было никаких признаков урока чтения или последующего перехода к арифметике. Как только звонок прозвенел, она просто начала говорить и говорила сорок минут без перерыва. Казалось, было мало связи между ее мыслями, но сами по себе эти мысли были, как в том словаре, мифическими. Она сказала, что слышала о громадном драгоценном камне, хранившемся, как

она выразилась, у антиподов, в противоположном полушарии. Этот камень был таким ярким, что когда свет падал на него под определенным углом, он мог ослепить любого, кто посмотрит в его центр. Что самый большой бриллиант в мире был проклят, он убивал каждого, кто им владел, и по какой-то прихоти судьбы назывался Алмазом Надежды. Алмазы обладают магической силой, говорила она, и именно поэтому женщины носят их на руках как свидетельство магической силы женской половинки. У мужчин есть сила, но нет настоящей магической силы. Именно поэтому мужчины влюбляются в женщин, а женщины в мужчин не влюбляются: им просто нравится, что их любят. Джордж Вашингтон не был первым настоящим президентом, но она не сказала, кто им был. В некоторых уголках мира мужчины и женщины до сих пор живут на деревьях и едят мартышек на завтрак. Их доктора кудесники. На дне моря живут создания, плоские, как блины, которые так и не были изучены учеными, потому что, если их вытащить на воздух, эти рыбы взрываются.

В классе не было слышно ни звука за исключением голоса мисс Ференчи и кашля Донны Дешано. Никто даже не вышел в ванную комнату.

Бетховен, говорила она, не был глухим; это был просто трюк, чтобы прославиться, и тот трюк сработал. На свете есть деревья, которые питаются мясом: их листья липкие и, когда на них садятся жуки, они быстро закрываются, как ладони. Венера, которая, как думает большинство людей, следующая ближайшая к солнцу планета, вовсе не всегда таковая, и, кроме того, это самая таинственная планета из-за ее толстого покрова облаков.

— Я знаю, что лежит под этими облаками, — сказала мисс Ференчи и, помолчав, продолжила: — ангелы. Ангелы живут за этими облаками. Они в действительности умнее, чем большинство людей. Они не носят ряссы, как это часто преподносится, вместо этого они носят вечернюю одежду на выход, как если бы шли на концерт. Зачастую ангелы-таки ходят на концерты и сидят в проходах, где большинство людей не обращает на них внимания. А самый ужасный ангел имеет форму сфинкса. От него никто не убежит.

Она рассказала и о том, что в Огайо, прямо под поверхностью земли, горит негаснущий огонь; что маленький Моцарт упал в глубокий обморок, когда впервые услышал звук трубы, а некто по имени Нарзим аль Харрардим — величайший писатель из всех, кто когда-либо жил; что планеты контролируют поведение и что любой, зачатый во время солнечного затмения, рождается с утиными перепонками на ногах.

— Я знаю, дети, вам нравится слушать такие вещи, такие вот секреты, и именно поэтому я вам все это рассказываю. — Мы звивали. Это было лучше, чем отвечать на вопросы на понимание по "Широким горизонтам". — Я расскажу вам еще одну историю, а потом нам нужно будет заняться арифметикой. — Она наклонилась вперед, и ее голос стал мягче. — Смерти нет. Вы никогда не должны бояться. Никогда. То, что есть, не может умереть.

Оно превратится в земные и неземные элементы, но я знаю так же наверняка, как и то, что стою перед вами: вам ни за что нельзя бояться. Я видела эту истину собственными глазами. Я знаю. Это потому что во сне Бог поцеловал меня. Сюда. — Она показала правым указательным пальцем на свою голову пониже рта, где вертикальные морщины врезались в ее кожу.

Мы все рассеянно решали свои арифметические задания. На большой перемене класс вышел на игровую площадку, но никто не стал играть. Все стояли маленькими группами, разговаривали о мисс Ференчи. Мы не знали, была ли она умалишенной или тут что-то другое. Я поглядел за игровую площадку, на ржавые машины, сваленные в небольшую грудку за группкой деревьев, и захотел увидеть там тени фигур, приближающиеся ко мне.

По дороге домой Карл снова сел рядом со мной. Он молчал, я тоже. Наконец, он повернулся ко мне.

— Ты помнишь, что она рассказала о листьях, которые хватают жуков?

— Чего?

— Ну, те листья, — настаивал он. — Мясоядные растения. Так вот, это правда. Я видел их по телевизору. У этих листьев есть такой липкий клей, и эти растения все в нем вымазываются, и насекомые не могут от них оторваться, потому что вязнут в нем. Я видел это. — Он казался сбитым с толку. — Она говорила правду.

— Да.

— Ты думаешь, она видела этих ангелов?

Я пожал плечами.

— Не думаю, что видела, — сообщил мне Карл. — Наверное, эту часть она придумала.

— Есть такое дерево, — вдруг перебил его я. — Есть такое дерево, которое... которое я видел...

— Даже не пытайся, — сказал Карл. — Не то будешь выглядеть как соплик.

Я поцеловал маму. Она стояла перед плитой.

— Как прошел день? — спросила она.

— Прекрасно.

— С вами снова была мисс Ференчи?

— Да.

— Ну и как?

— Замечательно. Мам, можно я пойду в свою комнату?

— Нельзя, — ответила она, — пока не сходишь на огород и не сорвешь мне несколько помидоров. — Она взглянула на небо. — Кажется, будет дождь. Беги быстрее, и немедленно. Потом вернешься и присмотришь за братом несколько минут, пока я схожу наверх. Мне нужно прибраться до ужина. — Она посмотрела на меня. — Ты выглядишь слегка бледным, Томми. — Она приложила тыльную сторону ладони к моему лбу, и я почувствовал на своей коже ее бриллиантовое кольцо. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Все в порядке, — ответил я и пошел собирать помидоры.

На следующий день, глухо кашляя, снова появился мистер Хилбер, засовывая в рот мятные таблетки, поворачиваясь к нам спиной с сорокапятиминутными интервалами и спрашивая, что из приготовленного им плана урока было пройдено с мисс Ференчи. Эдит Этуотер взяла на себя ответственность за весь класс, объяснив мистеру Хилберу, что подменная учительница не всегда делала в точности то, что он, мистер Хилбер, сделал бы на ее месте, но мы работали очень усердно, даже хотя она и много говорила. "О чем?" — спросил он. Да о многом, ответила Эдит. К нашему облегчению мистер Хилбер, кажется, не проявил никакого интереса к тому, о чем говорила мисс Ференчи, чтобы заполнить день. Он, вероятно, подумал, что это была чисто женская болтовня: несерьезная и неуместная в школе. Достаточно было, что он получил от нас на проверку кучу арифметических задач.

В течение следующего месяца деревья в поле стали неприглядно красными, солнце двигалось к южному небу так, что его лучи падали на стенд мистера Хилбера в честь кануна Дня Всех Святых на доске с расписанием в дальней части класса, заставляя выцветать пугало с головой-тыквой, которая из оранжевой превращалась в коричневатую.

Каждые три дня я ставил с помощью своего черного фломастера на северной стене отметки размером с муравья, насколько дальше сместилось солнце к южному горизонту.

И вот, в начале декабря, после первого настоящего снегопада, мисс Ференчи появилась в нашем классе. В ту минуту, когда она открыла дверь, я почувствовал, что мое сердце начало сильно биться, и опять она выглядела по-другому: в этот раз ее волосы были распущены и, кажется, вряд ли расчесаны. У нее не было с собой коробки с ланчем, но она принесла с собой что-то, что показалось мне маленькой коробочкой. поприветствовав нас, учительница заговорила о погоде. Донне Дешано пришлось напомнить ей, чтобы она сняла пальто.

Когда звонок к началу уроков наконец прозвенел, мисс Ференчи окинула нас взглядом и сказала:

— Дети, мне понравилось ваше общество в прошлый раз, и сегодня я собираюсь вас вознаградить. — Она взяла в руки маленькую коробочку. — Вы знаете, что это? — Она подождала. — Конечно же, нет. Это карты Таро.

Эдит Этуотер подняла руку:

— Что такое карты Таро, мисс Ференчи?

— Их используют для предсказания судьбы. Именно этим я и займусь сегодня утром. Я предскажу вам вашу судьбу, как меня этому научили

— Что такое судьба? — спросил Бобби Крыжанович.

— Будущее, молодой человек. Я расскажу вам, каким будет ваше будущее. Конечно, я не смогу предсказать вам все ваше будущее. Мне придется ограничить себя системой пяти карт. Ну, кто первый?

Последовала долгая тишина. Затем руку подняла Кэрол Петерсон.

— Отлично, — сказала мисс Ференчи. Она разделила колоду на пять меньших колод и вернулась к парте Кэрол, которая была впереди моей.

— Возьми по одной карте из каждой колоды. — Мне были видны две карты Кэрол, но остальные увидеть не удалось. С минуту мисс Ференчи изучала карты на парте Кэрол. — Не плохо. Не вижу здесь высшего образования. Вероятно, раннее замужество. Много детей. Тут есть еще что-то мрачное и печальное, но я не могу прочесть, что. Может быть, просто жизненные хлопоты домохозяйки. Думаю, в целом у тебя все сложится хорошо. — Она улыбнулась Кэрол этакой улыбкой с определенным отсутствием интереса. — Кто хочет быть следующим?

Карл Уайтсайд медленно поднял руку.

— Да, — сказала мисс Ференчи. — Давайте займемся мальчиком. — Она прошла к тому месту, где сидел Карл. После того, как он вытянул свои пять карт, она долгое время внимательно на них смотрела. — Путешествия. Много далеких путешествий. Возможно, ты уйдешь в армию. Найдешь там не особо много романтики. Поздний брак, если вообще будет. Но солнце в твоей главной аркане говорит о том, что это очень хорошая карта. — Она хихикнула. — У тебя будет счастливая жизнь.

Следующим руку поднял я. Она рассказала мне мою судьбу. То же самое было проделано с Бобби Крыжановичем, Келли Мангером, Эдит Этуотер и Ким Фо. Затем она перешла к Уэйну Рэмру. Он взял свои пять карт, и я увидел, что одна из них была карта Смерти.

— Как тебя зовут? — спросила мисс Ференчи.

— Уэйн.

— Что ж, Уэйн, — произнесла она, — ты подвергнешься большой метаморфозе, перемене, прежде чем станешь взрослым. Твой земной элемент, без всякого сомнения, подскочит вверх, потому что ты кажешься мне примерным мальчиком. Вот эта карта говорит мне о страданиях и одиночестве. А эта — ну, это тяжелое испытание.

— А это что за карта? — Уэйн указал на карту Смерти.

— А это, мой милый, означает, что ты скоро умрешь. — Она собрала карты. Мы все смотрели на Уэйна. — Но ты не бойся. Это не настоящая смерть. Просто перемена. Выход из твоей земной оболочки. — Она положила карты на стол мистера Хилбера. — А сейчас давайте немного позанимаемся арифметикой.

Во время ланча Уэйн пошел к директору, мистеру Фэгру, и обо всем ему рассказал. В полдень, во время большой перемены, мы увидели, как мисс Ференчи выезжала с парковки на своем проржавленном "Рэмблере Американ". Я стоял под горкой, слушая, как ребята скатывались по ней, приземляясь внизу. Я пинал камешки и теребил волосы вплоть до того момента, когда увидел Уэйна, идущего к игровой площадке. Он улыбался, придурок такой, и, жестикулируя пальцами правой руки, рассказывал, как он говорил про мисс Ференчи.

Я стал пробираться к Уэйну, протиснувшись мимо двух девочек из другого класса. Он наблюдал за мной своими маленькими булавочными глазами.

— Ты все рассказал! — закричал я на него. — Она же просто шутила!

— А не надо было! — крикнул он в ответ. — Мы должны были заниматься арифметикой.

— Да она просто попугала тебя. Ты трус. Ты трус, Уэйн. Так и есть. Испугался какой-то маленькой карты.

Уэйн бросился на меня, оба его кулака замолотили мне по носу. Я хорошенько двинул ему в живот, а потом попытался достать его голову. Занеся кулак, я увидел, что он плачет. Я ему врезал.

— Она была права! — вопил я. — Она всегда была права! Она сказала правду! — Ребята вокруг гомонили. — Ты просто испугался, вот и все!

Тут нас растащили чьи-то большие руки, и теперь наступила моя очередь разговаривать с мистером Фэгром.

Днем мисс Ференчи уже не было, а мой нос был заткнут салфеткой, набухшей от крови, губа раздулась, а наш класс объединили с шестым классом миссис Мантей для проведения в переполненной классной комнате урока естествознания с темой о жизни насекомых, обитающих в канавах и болотах. Я знал, где жила миссис Мантей: у нее был новый дом-трейлер, прямо по дороге от нас, в Клеаруотер Парк. В ней не было никакой загадки. Так или иначе, ей и мистеру Бодину, другому учителю четвертого класса, удалось втиснуть сорок пять парт в классную комнату. Келли Мангер спросил, арестовали ли мисс Ференчи, и миссис Мантей ответила, что нет, конечно же, нет. Весь день, до тех пор, пока не подошли школьные автобусы, чтобы развезти нас по домам, мы изучали полевых сверчков и полосатых кузнечиков, водяных жуков, цикад, москитов, мух и мотыльков. Мы узнали о твердом верхнем покрове насекомых, об экзоскелете и из каких частей состоит их рот, включая жвала, верхние челюсти и глоссы — псевдоязыки. Мы узнали об их сложных глазах, о превращении в четыре стадии из яйца в личинку, из личинки в куколку, из куколки во взрослую особь. Мы узнали кое-что, хотя и немного, о спаривании. Миссис Мантей очень искусно нарисовала на доске внутреннее строение кузнечика. Мы узнали о танце пчеломатки, собирающей других пчел в рой для опыления. Мы выяснили, какие насекомые вредны для человека, а какие нет. На разлинованных белых листках бумаги мы составили перечень насекомых, которых можно увидеть невооруженным взглядом, и тех, которые слишком малы, чтобы их можно было увидеть. Миссис Мантей сказала, что нашим домашним заданием на следующий день будет выучить все названия этих насекомых, а мистер Хилбер, который в этот день, несомненно придет, проверит наши знания.

ВОСКРЕШЕНИЕ

ШАДЗЕРОМ

СЕРГЕЙ БЕЛОУСОВ

– Вставай, Василий, на процедуры!

Василий, молодой человек лет двадцати пяти, поднимается из-за компьютера. Пока подключают прибор, он охотно рассказывает о своем случае. (Наконец, Лев Толстой писал, что тот, кто был болен и исцелился, обычно повествует о своей болезни с удовольствием...)

На даче начался пожар. Еще не вызвав пожарных, Вася взялся тушить его и сильно обжег стопу. Врачи констатировали: ожог третьей степени – стопа превратилась в открытую гноящуюся рану. Мучением было немедленно менять повязки. Парень перепробовал все возможные мази. Нога не проходила, ботинки набухали кровью... Так продолжалось два с половиной месяца. Врачи разводили руками.

Затем Вася прослышал об аппарате "МИЛТА", созданном в Мо-

Другие истории

сновском энергетическом институте... И вот уже принимает пятую процедуру.

Я осторожно, боясь увидеть страшное, взглядываю на его стопу. Ничего ужасного... То есть, конечно, черные следы от ожога есть. И маленькие язвочки остались. Но стопа не кровоточит и не болит. Через десять минут после сеанса рана выглядит, мне кажется, еще более зажившей.

— Знаете, — говорю я, — у меня что-то зуб ноет. Вы не могли бы его вылечить?

— Боль "МИЛТА" снимет, а вот нового зуба — увы! — не вырастит.

Снова включают прибор. Его растрюб я подношу к щече...

Нонна Николаевна Нисанова, директор предприятия "Тонг", занятого продажей приборов, рассказала мне, что родился он в стенах ОНБ Московского энергетического института, где долгое время занимались оборонными разработками: лонаторами, антеннами... Радиотехники все время работали бок о бок с врачами. Потому что любой лонатор или антенну надо обслуживать. Стало быть, нужно знать, как влияет их излучение на организм.

...В конце восьмидесятых годов, когда началась конверсия, радиофизики из МЭИ и врачи из Склифосовского создали прибор, который мог бы с помощью излучения лечить. Назвали его «МИЛТА», что означает: магнитный инфракрасный лазерный терапевтический аппарат.

Прибор этот одновременно воздействует на организм и магнитным полем, и инфракрасным излучением, и лазерным лучом. В этом его уникальность. Не секрет, что на Западе (да и у нас) есть медицинские аппараты, которые влияют на человека чем-нибудь одним: или магнитом, или инфракрасным светом, или лазером (они

широко применяются в физиотерапии).

Здесь же задействованы все виды излучения разом. Плюс к этому разработана методика, восходящая к древнекитайской медицине, позволяющая влиять не только на то, что болит, но и на точки и меридианы, благодаря чему в организме восстанавливаются нарушенные информационные связи.

В 1990 году прибор, созданный в МЭИ, прошел клинические испытания. Получил все необходимые разрешения и сертификаты. Со следующего года пошел в серию.

Я пытаюсь понять: как инфракрасно-магнитно-лазерное излучение может помогать людям? За счет чего?

В общих чертах выясняется: прибор слабым магнитным полем оказывает влияние на клетки жидких фракций, содержащихся в организме (кровь, лимфа). Клетки эти под действием магнитного поля ориентируются. Инфракрасное же излучение, идущее от аппарата, в это время как бы активизирует клетку. И тут она (клетка) получает лазерный импульс — ничтожный квант энергии. Но он, этот квант, с новой силой запускает жизненные процессы в ослабевшей клетке.

— Мы открыли оптимальную частоту, с которой нужно посылать лазерные импульсы, случайно. Помню, отправили десять приборов на апробацию в разные клиники. Изучаем результаты: у девяти аппаратов показатели хорошие, но не самые блестящие. А у десятого — ну просто великолепные, в несколько раз лучше, чем у других!.. Разобрали этот прибор и видим: произошло короткое замыкание в генераторе импульсов, и поэтому он стал посылать лазерный луч с частотой в десять раз больше, чем мы хотели!.. Так, слу-

чайно, наткнулись на нужную частоту импульсов...

Какие болезни лечит аппарат?

Проще сказать, какие не лечит.

А не лечит заболевания на генетическом уровне (например болезнь Дауна), рак в стадии метастазов...

Все остальные заболевания в той или иной степени ему поддаются. "МИЛТА" помогает при язвах, ожогах, ранах, переломах, ишемической болезни сердца и инфаркте миокарда, язве желудка и

двенадцатиперстной кишки; геморрое и даже бронхиальной астме, и детском церебральном параличе...

"МИЛТА", конечно, не панацея от всех болезней. Но возможности этого лечебного прибора удивительны.

Я выхожу из лаборатории.

Что это — наука, научная фантастика, просто фантастика?

...А зуб, между прочим, перестал болеть.

✓
Наука должна быть самым возвышенным воплощением отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, который опередит другие в области мысли и чинственной деятельности.

Необычна судьба автора публикуемых воспоминаний. Один журналист дал точную характеристику этому человеку: "Русский по рождению, иностранец по паспорту, "из духовных лиц" по происхождению, российский писатель по духу, американский ученый по профессии, бродяга по натуре".

К этому следует добавить, что Виктор Петров – иностранный член Центра по изучению Русской Америки и русско-американских отношений при Институте всеобщей истории Российской Академии наук, введен в Палату славы Конгресса русских американцев, которая чествует самых выдающихся деятелей русской национальности, внесших большой вклад в литературу, искусство, науку и общественную жизнь США.

Виктор Порфирьевич Петров родился в 1907 году в семье священника в Харбине, где окончил реальное училище и юридический факультет русского университета. В Шанхае вышли его первые книги: сборник рассказов "Под американским флагом" (1933); роман "Лола" (1934), повестуэций о жизни молодых русских эмигрантов в Китае, "В Маньчжурии". Рассказы" (1937). В 1940 году Петров переехал в Америку, где и продолжил свое образование, получив дипломы: бакалавра экономики, магистра истории и доктора географических наук. В.П. Петров – автор восьми научных книг на английском и одной книги на японском языках, а также около ста статей в научных журналах США, Англии, Германии, Греции и Японии, двадцати шести книг на русском языке, более 300 статей в периодической печати русского зарубежья: об истории Русской Америки, о Китае и о своих путешествиях по земному шару.

В тридцатые годы ныне здравствующий В. Петров встречался с А. Вертинским, который, по словам писателя, "заставил" его своими песнями поехать на Огненную Землю. "Прихожу как-то, – вспоминал В.П. Петров, – Вертинский сидит в мигорном настроении и напевает:

В тихом и далеком океане,
Где-то возле Огненной Земли
Плавают в сиреновом тумане
Мрачные седые корабли.

Я-таки поехал на Огненную Землю через пятьдесят лет".
О своих встречах с прославленным певцом В.П. Петров рассказал в воспоминаниях, опубликованных в США в 1993 году.

Предлагаем вашему вниманию очерк о первой и последней встречах этих двух незаурядных людей.

ВЕРТИНСКИЙ

Нет никакого сомнения в том, что Вертинский был обладателем большого таланта. Годы ухода первой послереволюционной эмиграции в зарубежье были годами расцвета таланта и славы Александра Николаевича. Выступления Вертинского привлекали сотни, а может быть, и тысячи слушателей. Его песни-настроения – это особый, своеобразный жанр, созданный Вертинским, имитировать который пытались многие, но неудачно. Хочу в этом небольшом очерке поделиться личными впе-

В ШАНХАЕ ВИКТОР ПЕТРОВ

чатлениями о Вертинском. Особенно памятной для меня была первая встреча с певцом, вскоре после его приезда в Шанхай из Парижа, откуда он выехал на Дальний Восток через Америку.

Прибыл Александр Николаевич в Шанхай 19 ноября 1935 года. Приезд создателя "песенок Пьеро" оказался сенсацией для русской колонии Шанхая. В то время едва ли за рубежом был русский человек, который не слышал хотя бы одной или двух граммофонных пластинок Вертинского.

Встретить певца, прибывавшего на гигантском японском пароходе "Чичибу-Мару", явилось много журналистов, среди них сотрудницы обеих крупных русских газет в Шанхае - "Шанхайской Зари" и "Слова".

Первые впечатления, когда Вертинский сошел с парохода на пристань, были самые отрадные. Он сразу же очаровал всех встречавших его своей простотой, обаятельностью, легкостью и непринужденностью разговора и своим остроумием. Высокий, статный, широкоплечий, со здоровым румянцем, блондин - А.Н. Вертинский оказался внешне не таким, каким представляли себе многие автора грустных мелодий.

- Приходите, господа, ко мне в пять часов, поговорим, - любезно пригласил он журналистов.

Остановился Вертинский в одном из лучших в те времена отелей Шанхая - 14-этажном "Катэй Мэншюнс". Прием для представителей прессы был устроен в парадной гостиной отеля на 12-м этаже, куда к пяти часам дня прибыла довольно большая группа - человек пятнадцать - представителей русской прессы города.

При появлении каждого новоприбывшего Вертинский стремительно поднимался с кресла, крепко пожимал руку, приглашал к столу, радушно угощал кофе или коктейлями.

Теперь, через 58 лет, трудно вспомнить имена всех присутствовавших. Помню, что особенно многочисленно была представлена редакция большой шанхайской газеты "Шанхайская Заря", в которой я также был сотрудником. Мне, тогда еще очень молодому сотруднику, было поручено описать приезд Вертинского и его пресс-конференцию для моей газеты и также для харбинского журнала "Рубеж", шанхайским корреспондентом которого я числился в те годы.

На встрече с Вертинским быстро завязалась оживленная, дружеская беседа, возможная только среди членов настоящей богемы, типичным представителем которой являлся сам Вертинский. Он задал тон разговору, незаметно и легко переводя его с одной темы на другую. С ним не чувствовалось той неприятной принужденности, неловкости, которую испытываешь иногда со знаменитостями, которые часто облачаются в тогу загадочности и неприступности. Вертинский - сама простота.

Незаметно разговор перешел на путешествия, впечатления от его поездок, его творчество.

Вертинский смеялся:

- Я тоже, в некотором роде, жертва режима Гитлера... Жил в Германии, имел в Берлине свое кабаре "Черная роза" на Вильгельмштрассе... В этом кабаре я, кстати, потерял все свои деньги... Подписал с одной крупной компанией граммофонных пластинок выгодный контракт на три года, но... пришел к власти Гитлер... Все директора компании ока-

зались лицами неарийского происхождения, уехали за границу... и я остался на бобах...

Давно ли я из Европы?.. Да, порядочно... год уже. Большую часть этого времени провел в Америке. Вот отсюда, из Китая, вновь вернусь в Америку и поселюсь там в солнечной Калифорнии. Лично мне очень понравилось в Америке то, что там себя не чувствуешь иностранцем; и я, и вы там такой же полноправный гражданин, как и любой американец, и это действует на вас самым благотворным образом... Забываешь все те проклятые ограничения и рогатки, которые испытывает каждый русский эмигрант в Европе...

Мои любимые вещи? Их нет. Это те, что еще не написаны. Конечно, каждая песенка для меня — частица моего собственного "я"; она навеяна тем или иным местом, событием, происшествием, которое меня особенно поразило и залегло глубоко в душе, чтобы позже вылиться в слова и музыку.

Одна из моих любимых вещей, однако, "Степь молдаванская", навеяна мне в Бендерах, в Румынии, видом русских берегов на противоположной русской стороне реки, звоном колоколов русских церквей, не тронутых большевиками на границе.

Думаю, что скоро вы услышите мою новую, вероятно, лучшую вещь... Во время моего отсутствия я получил из дома сообщение о смерти моей любимой собаки, бульдога Любочки. Все свое горе, всю любовь к ней, насколько это возможно, я излил в этой новой вещи, слова которой уже написаны, но музыка не готова... Называется она "Песнь о любимой собаке"... Да-да, не смейтесь, именно "Песнь о любимой собаке". Хотите, прочту?

Это не важно, что вы — собака,

Важно, что вы — не человек... —

начал он и сразу захватил всех какой-то невольной грустью по умершей, никому не ведомой собаке, грустью, которая чувствовалась в его словах, произносимых полураспевом.

Посмотрел на всех, понял, что создал настроение, улыбнулся и потом спросил сам себя:

— Что я буду петь в Шанхае?.. Конечно, не старое, буду петь только свои новые вещи. У меня их так много, еще не слышанных вами. Спою: "Чужие города", "Над розовым морем"...

Кто-то из присутствующих сделал замечание, что артист Моложатов хорошо исполняет в Шанхае песенки Вертинского. А.Н. поморщился:

— Не говорите мне об исполнителях-подражателях! Некоторые говорят, что у меня нет голоса... Смешно говорить! Когда нужен голос, когда это нужно показать — я его показываю! Нельзя петь мои песни для того, чтобы *только петь*, их нужно чувствовать. Когда я пою, я чувствую каждое слово... каждую букву... Для того чтобы достигнуть максимума впечатлений, нужно любить и понимать русский язык...

Вот, давайте возьмем для примера пушкинскую строку: "Жили-были старик со старухой у самого синего моря". Послушайте, как я изображу вам своими словами эту картину.

И Вертинский вполголоса спел: "У са-амо-го си-и-него мо-о-ря"...

И чудо, он произнес свои слова с такой выразительностью, что все присутствовавшие как-то сразу почувствовали синеву моря, им послышалась музыка морского прибоя. Что-то удивительное!

На прощание А.Н. заметил мне:

— Вы ведь корреспондент “Рубежа”. Напишите туда, что вот дам несколько концертов в Шанхае, а потом навещу Харбин; оттуда, вероятно, отправлюсь опять в Америку, возможно, на постоянное жительство там.

Переселиться в Америку Вертинскому не удалось. Не знаю, какие были причины, подозреваю, что объяснение было самое простое. Америка в то время отгородилась так называемыми “квотными” рогатками. Попасть русскому эмигранту в Америку в тридцатые годы было очень трудно. Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем эмигранту перебраться в Америку. Нужно было записываться на очередь и годами ждать визы. Ждать приходилось до десяти лет!

Тридцатые годы были годами бурного развития культурной жизни русского Шанхая. Русская колония этого субтропического “Желтого Вавилона” значительно пополнилась волнами русских, покидавших Харбин в поисках лучшей жизни после захвата Маньчжурии японцами. Пополнились ряды артистического мира, а кроме того, туда стали наезжать и гастролеры из Европы, самым знаменитым из которых был Федор Шалипин, давший несколько концертов в Шанхае, а затем отправившийся в дальнейшее турне по Дальнему Востоку. Помнится, в те же годы посетил Шанхай шахматный чемпион мира — Алехин.

У меня лично произошли большие перемены. Я покинул газетную работу и перешел на службу в иностранную фирму. В 1936 году меня перевели на юг Китая, где я провел четыре года — сначала в столице Южного Китая — Кантоне, а затем — в Гонконге. В 1940 году — новая ломка жизни. Мне посчастливилось, получил визу в США и в июле 1940 года покинул Китай. По дороге в Америку наш пароход остановился на полдня в Шанхае. Конечно, забежал к своим друзьям, которых не видел четыре года, вечером пригласил группу друзей пойти со мной куда-нибудь в ночной клуб. Кто-то предложил пойти в клуб Вертинского. Меня это страшно поразило. Я даже не знал, что Вертинский открыл свой собственный клуб в Шанхае. Как видно, его слава стала закатываться, концерты стали редкими, и Вертинский решил открыть клуб, где все же можно было зарабатывать деньги.

А.Н. подсел к нашему столу, побеседовали немного, но ему часто нужно было вставать, уходить куда-то по делу, кого-то встречать. За четыре года, что я его не видел, он заметно постарел, осунулся... Это была моя последняя встреча с ним.

Нужно сказать, что в эту последнюю встречу у него чувствовалась какая-то подавленность, разочарование. Это не был тот Вертинский, которого я видел в нашу первую встречу в 1935 году, когда он только что приехал в Шанхай из Европы, полный идей и творческих планов, жизнерадостный, веселый. Подавленность была попятна. Его слава в Шанхае стала закатываться. Очевидно, надо было ехать куда-то в новое место, но куда — после Европы и Шанхая? В Америку — двери закрыты. В Шанхае — полное разочарование, осталось горькое чувство и даже неприязнь. Лето 1940 года Вертинский провел в приморском городе-курорте Циндао, где он написал, мне кажется, свое последнее стихотворение в Китае. Это стихотворение, написанное в Циндао, он назвал просто: “Шанхай”. В нем он выразил свою неприязнь к этому городу, “Колоссу Родосскому”, как он назвал его. Вот этот прощальный жест городу, который он вскоре покинул, направляясь обратно в Россию после более чем двадцати лет жизни в зарубежье:

Вознесенный над желтой рекой полусонною,
Город-улей, москитов, термитов и пчел, —
Я судьбу его знаю... Сквозь маску бетонную,
Я ее, как открытую книгу, прочел.

Это — Колосс Родосский на глиняном цоколе.
Это — в зыбком балоте увявший кабан.
И Великие Ламы торжественно прокляли
Чужеземных богов его гордый обман.

Победителей будут судить побежденные,
И замкнется возмездия круг роковой.
И об этом давно вопиют прокаженные,
Догнивая у ног его смрадной толпой.

Вот хохочут трамваи, топочут автобусы,
Голосят амбулансы, боясь умереть...
А в ночи — фонарей раскаленные глобусы
Да назойливо хнычет китайская медь...

И бегут, и бегут сумасшедшие роботы,
И рабы волокут в колесницах рабое.
Воют мамонты, взвив разъяренные хоботы,
Пожирая лебедками чрева судов.

Непорочные девы, лачающие в Дьяволе,
Прижимают к мужчинам усохшую грудь,
Извиваясь, свиваясь, сливаясь и плавая,
Истекают блаженством последних минут.

А усталые тросы надорванных мускулов
Все влекут и влекут непомерную кладь,
И как будто все это знакомое, русское,
Что забыто давно и вернулось опять.

То ли это колодников гонят конвойные,
То ли это идут бечевой бузлаки...
А над ними и солнце такое же знойное,
На чужом языке — та же песня тоски.

Знаю: будет сметен этот город неоновый
С золотых плоскогорий идущей ордой,
Ибо Божеский, праведный, суд Соломоновыи
Нависает, как меч, над его головой.

Вертинский принял решение — вернулся в новую Россию, покинутую им в годы великой российской разрухи. Там он обрел новую вспышку славы — давал концерты, стал киноартистом, но подробностей всего этого не знаю. Об этой, последней стадии его жизненного пути могут написать те, кто жил там в это время.

Венок лавровый- знак страда- ния

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

Младенец, покраснев от натуги, орал во всю силу своих крошечных легких. Что только не делала с ним несчастная Порция, чтобы унять детский визг, но все напрасно. Ребенок не унимался. Она вновь уложила его на пухлую перинку, и вдруг ее взгляд упал на красивое ожерелье, подаренное ей мужем по случаю рождения сына. В отчаянии, сорвав с шеи подарок, она бросила его в колыбель. Легкая жемчужная нитка обвилась вокруг шейки младенца, словно блестящая змейка, и сынок вдруг умолк. Она вслушивалась во внезапно оборвавшуюся крик тишину, и неожиданно ее осенило. Ведь у мальчика еще нет имени. Не назвать ли его Торквато — украшенный ожерельем, как знаменитого храбреца рода Манлиев, спасшего Капитолий во время ночного нападения на Рим галлов в 300 году до н.э. Тогда воин снял с повер-

женного им галльского вождя золотое ожерелье. Может, и ее сын станет спасителем отечества и прославит род Тассо?

Сын на самом деле прославил и их род, и отечество, но не на поле брани, а на мирном поприще. Он стал знаменитым, третьим по силе таланта — после великого Данте и божественного Петрарки — поэтом, национальным достоянием Италии.

Его звали Торквато Тассо.

Многие страны претендовали на его посмертную славу, во многих землях воздвигали памятники в его честь. Подобно Гомеру, он странствовал по своей родине, из одного города в другой, вымаливая милостыню за свои прекрасные песни. И, гонимый недоброжелательной молвой, воспевал любовь, это свободное прекрасное чувство, надежно защищающее поэта от неблагодарности окружающего мира и незаслуженных обид.

Страдание и опасности стерегли его на суше и на море... И хотя его прежде ясный рассудок в конце жизни помутился, он сумел добиться такой славы, о которой другие поэты не осмеливались даже мечтать. "Искусство — это сердце", — сказал знаменитый французский поэт Ламартин, и с этим нельзя не согласиться. Иначе чем объяснить, что итальянцы, избалованные изысканной поэзией, предпочитают Тассо любому другому поэту? Почему деревенская простушка и обычный гондольер до сих пор распевают его песни о Танкреде и Эрминии?

Знаменитость сына родилась в славе его отца.

Поэт, отец поэта

Торквато Тассо происходил из дворянской семьи, жившей в Бергамо, члены которой занимали важные государственные посты в Италии, Германии, Испании и Франции. Его отец Бернардо Тассо был не только выдающимся политическим деятелем, но и одним из лучших поэтов Италии классической эпохи Возрождения.

Бернардо служил при дворе графа Гуидо Ранчоне, потом принцессы Франции, дочери французского короля Людовика XII, Ренаты. В 1532 году, распрощавшись с Ренатой, поступил на службу в качестве личного секретаря к князю Салернскому Ферранте Сансеверино.

В 1536 году он женился на Порции де Росси, дочери главы знатной дворянской семьи из Неаполя. Она отличалась строгой нравственностью, что уже само по себе казалось диковинкой при всеобщем катастрофическом падении нравов. Была склонна к мечтательности, меланхолии и мистике, эти черты передались и ее сыну.

Хозяин Бернардо понимал, что от скучных чиновничьих обязанностей поэтический талант его секретаря может заглухнуть, и предоставил ему двухгодичный оплачиваемый отпуск для свободного литературного творчества. Поэт приобрел небольшой домик в Сорренто с прекрасным видом на лазурный Неаполитанский залив и мирно и спокойно зажил с молодой красивой женой, работая над эпической поэмой "Амадиджи".

Там 11 марта 1544 года и родился Торквато, его сестре Корнели исполнилось ровно семь. Жизнь семьи протекала счастливо и безмятежно. Но длинная вереница горьких бед, выпавших на долю Бернарда, началась в 1547 году, когда вице-король Неаполя дон Педро де Толедо издал императорский указ об установлении в королевстве инквизиции. Возмущенные свободолюбивые неаполитанцы выразили свой протест. Они решили послать к императору в Аугсбург двух "ходоков", чтобы те передали ему их оскорбленные чувства. Одним из них оказался граф Сансеверино, который отправился в дальний путь в сопровождении своего верного секретаря, отца Торквато. Им удалось добиться отмены драконовского указа, за что неаполитанцам пришлось выложить 100 000 дукатов, но злопамятный вице-король не простил заступничества. Он назвал графа Сансеверино "мятежником" и, лишив всего состояния, приговорил его к смертной казни. Заодно "перепало" и секретарю. Бернардо пришлось расстаться с домами в Салерно и Сорренто и с 900 золотыми дукатами ежегодного дохода в придачу.

Но самой страшной карой для Бернардо оказалась разлука с женой и детьми. Вслед за своим господином он уехал в Париж, куда их пригласил французский двор. Бернардо постоянно беспокоился о своей семье — ведь Порция с Корнелией серьезно болели, а финансовое положение семьи было просто угрожающим. Напрасно он ездил в Рим, чтобы просить у папы разрешения на приезд к нему жены и детей, напрасно хлопотал о сохранении в неприкосновенности имущества жены, — все его усилия разбивались о тупое упрямство вице-короля. В Рим разрешили приехать одному Торквато, остальных превратили в заложников. Их семья так никогда и не воссоединилась, а разлука с матерью оказалась фатальной для сына. Больше он ее никогда не видел.

Бедная Порция вместе с дочерью поступили в монастырь, где нашли свое скромное пристанище. Вскоре Бернардо с сыном получили печальное известие о внезапной смерти Порции, произошедшей при весьма загадочных обстоятельствах. Одни утверждали, что она в приступе безумия покончила с собой, другие уверяли, что ее отравили, скорее всего, разлюбившие братцы, не желавшие поделиться полученным наследством.

В Риме Тассо поселился в роскошном дворце кардинала Ипполито д'Эсте, брата правившего в Ферраре герцога Эрколе. Разве мог в то время девятилетний мальчик предположить, что первая его встреча с представителем этого знатного рода станет и первым шагом к той трагедии, которая равнодушно поджидала его впереди?

Годы учебы

До восьми лет Торквато воспитывался дома в приятной, доброжелательной обстановке. Теперь все резко изменилось. В иезуитской школе, куда его определил отец, воспитание совсем не походило на домашнее. Там из-за суровой, на грани истязания, дисциплины, определяемой строгими канонами Ордена, свободное развитие детей не поощрялось, особенно даровитых учеников. Мона-

хи тормозили, как могли, самобытное мышление любознательных воспитанников, убивали формирующуюся индивидуальность. Очень скоро Торквато, живой и деятельный мальчик, совершенно изменился, превратившись в болезненно скучного и постоянно печального мальчика. Не здесь ли проявились первые, еще не ясные признаки будущего помешательства? Его уже тогда посещали безотчетные страхи, он плакал по ночам, вскакивал с кровати.

Вскоре притеснения в школе стали невыносимыми, и Бернардо сделал весьма разумный шаг — забрал оттуда сына, решив сам заняться его дальнейшим образованием. Знаменитый, уважаемый всеми поэт открывал перед пытливым детским умом тайны поэтического искусства, и отцовская интеллектуальная муштра не сковывала свободы мышления и самовыражения, не снижала парения его рано проявившегося гения. Уже через четыре года о его поэтическом таланте заговорила вся Италия!

Но и тут их с отцом поджидала новая беда, грозившая нарушить идиллию. Неожиданно разразилась война между папой Павлом IV и испанским королем Филиппом II. Испанские войска угрожали Риму. Отправив сына в безопасное место, к родственникам в Бергамо, Бернардо, по его словам, бежал из Рима, "прихватив с собой две рубашки и рукопись поэмы "Амадиджи".

Он отправился сначала в Равенну, а затем в Пезаро к герцогу Гидобальдо д'Урбино, своему давнишнему другу, который взял его к себе на службу. Вскоре туда приехал и Торквато. Так в 13-летнем возрасте он впервые оказался при дворе. Не имея за душой ни гроша, не занимая никакой должности, он ужасно страдал от мысли, что ему, дабы и дальше жить в среде придворных вельмож, придется овладеть и другим, куда более низменным искусством, искусством тонкой лести и витиеватых восхвалений.

В 1559 году Бернардо принял предложение занять пост ученого секретаря Венецианской академии наук и искусства. Здесь, в Венеции, Торквато набросал черновой вариант эпической поэмы об освобождении от неверных Иерусалима. Может, его вдохновила поэма отца, которую он во многих местах подправил, или же вполне очевидная угроза со стороны турок, от которых не было спасения даже здесь, в республиканской Венеции.

Он написал 116 стансов. И хотя в них уже явственно проявлялся его поэтический талант, он понимал, что еще не готов для такой сложной по замыслу поэмы. И решил удовлетворить свое поэтическое самолюбие произведением попроще — приступил к написанию рыцарской поэмы "Ринальдо".

Хотя отец-поэт гордился творческими успехами сына, он был человеком трезвомыслящим, отчетливо представлял, что пора подыскать шестнадцатилетнему отроку надежную профессию. Осенью 1560 года он послал сына в Падую изучать юриспруденцию, а сам поступил на службу к другому представителю дома д'Эсте кардиналу Луиджи д'Эсте, которому, увы, предстояло сыграть трагическую роль в жизни Торквато.

Но в Падуе юный Торквато и не думал заниматься юридической наукой. Слушая лекции по итальянской литературе, он продолжал писать своего "Ринальдо". Поэма была опубликована в 1562 году, и юный поэт, которому еще не исполнилось и семнад-

цати, "проснулся знаменитым". Раздался первый гулкий удар поэтического набата, разнесший его славу, как великого поэта, по всей Италии.

Там, в Падуе, он познал свою первую юношескую любовь, но и она прошла под незримым знаком витавшего над поэтом рока. Он словно тянулся не к первой любви, а к первому акту той драмы, которую уготовила ему Судьба.

С Лукрецией Бендидио, фрейлиной Элеоноры д'Эсте, впоследствии ставшей для него роковой женщиной, они встретились в сентябре 1561 года. Это случайное знакомство будет продолжено через несколько лет и лишь подольет масла в огонь с трагическими всполохами. Он написал для нее целую серию прекрасных любовных стихов в духе Петрарки, в которых прославлял ее красоту, лучезарную умиротворенность, доброту, мудрость, отзывчивость.

Он любил ее, и она отвечала взаимностью.

Увы, через год Лукреция вышла замуж. Поэт поехал к ней на свадьбу в Феррару, не подозревая, что впервые увидел место своего будущего физического и нравственного заклания.

Несчастный, я бегу, чтобы увидеть вновь

Лицо, как изморозь, и белизну груди,

И руки ласковые, где закипает кровь...

Роковой шаг

В ноябре 1561 года Торквато со своими кузенами Эрколе и Христофором приехал в Болонью. В этом городе, по свидетельству его друзей, он вел разгульный образ жизни, слонялся по тавернам, вступал в чужие споры и даже принимал участие в уличных потасовках. В общем, ничем не отличался от своих современников, переживавших "заблуждения молодости".

Но ему все сходило с рук, пока он не сочинил сатирические вирши на одного из местных грандов, что привело к неприятностям с властями. Пришлось поспешно уехать из Болоньи. Он бежал в Кастельветро, откуда прислал в управление длинное письмо в свое оправдание. Честь поэта — превыше всего.

Размышляя о том, куда же теперь направиться, он неожиданно получил приглашение от своего ученого приятеля Сципиона Гонзаги вернуться в Падую, чтобы принять участие в работе только что открывшейся Академии словесности и искусства. Здесь дважды в неделю проходили оживленные философские и литературные диспуты. Чем глубже познавал Торквато философию, особенно религиозную, тем сильнее сомневался в крепости своей веры. У него начались странные зрительные и слуховые галлюцинации, ему казалось, что иногда он слышит звук трубы, зовущей грешников на Страшный суд. Иногда "видел" парящего над облаками Бога, который говорил ему: "Ступай и ты, окаянный, в ад, в вечный огонь!"

Напуганный своим состоянием, он искал успокоения и утешения у друзей. Ходил исповедоваться к священнику, но тот сказал: "Твои скептические мысли суть плод размышлений, которые тоже от Бога, ведь Бог озарил человека разумом". Его слова несколько успокоили впавшего в отчаяние поэта.

Завершив “учебный процесс” в Падуе весной 1565 года, Торквато Тассо принял приглашение от уже знакомого ему кардинала Луиджи д’Эсте поступить к нему на службу в Феррарском герцогстве.

Он приехал “на место службы” в октябре того же года. Нельзя понять до конца печальные события трагической жизни поэта, не зная той среды, в которой ему пришлось долго жить.

Великолепная Феррара

Что же представлял собой герцогский двор, чем отличался от подобных карликовых княжеств, рассыпанных по территории всей Италии?

XVI век – век расцвета Феррары, наравне с Мантуей считавшейся культурным центром северной Италии. В истории итальянских княжеских фамилий, богатых семейных традициями и страшными примерами социального произвола, род д’Эсте отличался особой жестокостью и разнузданностью. Вместе с тем Феррарское герцогство являлось щедрым покровителем искусства и науки.

Кто же был новый хозяин Торквато Тассо?

Кардинал Луиджи д’Эсте, младший брат герцога Альфонса II, получил высокий пост (в двадцатитрехлетнем возрасте) только благодаря протекции своих именитых родителей. Взбалмошный, отчаянный мот и бонвиван, большой любитель женщин, он не имел никакого призвания к ревностному служению Богу. Ему нравились роскошь, праздность и беззаботная жизнь. Всей Италии стала известна его скандальная любовная интрижка с Лукрецией Бендидио – да, той самой, которой четыре года назад пылкий поэт сочинял нежные любовные стихи.

Хотя братья на людях старались создать видимость добрых взаимоотношений, между их домами царил скрытая, глухая, постоянно тлеющая вражда. Что тоже сыграло свою роль в судьбе поэта.

Кардинал Луиджи д’Эсте привез Торквато во дворец, причем в тот день, когда герцог Феррарский праздновал второе по счету бракосочетание с Варварой Австрийской. При дворе один роскошный пир сменял другой, одно празднование по пышности затмевало другое. Никогда прежде поэту не доводилось видеть такого великолепия. “Мне казалось, – признавался он впоследствии, – что весь город превратился в богато убранный театр, в котором полно света, тысячи и тысячи странных, неясных, расплывающихся форм, путающих явлений, и все, что происходило передо мной, казалось драмой плаща и кинжала. Мне недостаточно было находиться там простым зрителем, я хотел играть свою роль в этой яркой комедии...”

Торквато безудержно, с головой окунулся в веселую, праздную атмосферу придворной жизни.

Он был уже известен по всей Италии, как автор поэмы “Ринальдо”, и очень скоро при дворе стал всеобщим любимцем. Сам герцог оказывал ему особое внимание и лично представил своим красавицам-сестрам, Лукреции и Элеоноре, давно искавшим знакомства с молодым, приятным человеком, к тому же знаменитым поэтом.

Свою первую встречу с Элеонорой он описал в прекрасной канцоне: "В то время, как почтение движет людьми..."

Обе сестры отличались красотой, благоразумием и высокой образованностью, которую им обеспечила целая толпа лучших учителей, ученых и литераторов, — их привезла в Феррару со своей родины мать, французская принцесса.

Они были старше Торквато — Лукреция на 11 лет, а Элеонора на 7. Но это не остановило впечатлительного юношу. С первого взгляда он страстно влюбился в младшую, и мучительная любовь не покидала его долгие годы. Правда, не прошел безучастно и мимо красот старшей, но кто же упрекнет поэта в любвеобилии?

Как бы там ни было, Элеоноре предстояло сыграть в отношениях с поэтом роль ублажающей, вполне доступной женщины. Но пока еще до этого не дошло...

Поездка за границу

Он виделся с Элеонорой, проводил с ней наедине в ее покоях восхитительное, полное блаженства время. Их идиллию неожиданно прервал каприз кардинала — в 1570 году ему вздумалось посетить Париж. Но разве можно ехать туда без такого слуги, как Тассо? Присутствие рядом знаменитого поэта могло еще сильнее раздуть пламя славы рода д'Эсте. Это была первая и последняя заграничная поездка Торквато Тассо. И перед тем, как пуститься в долгий путь, суеверный поэт даже составил завещание, касавшееся его литературного наследства.

Он пробыл в Париже шесть месяцев. О его жизни во французской столице дошло множество легенд. Одни говорили, что его обласкал и осыпал подарками сам король Карл IX; приняла мать-королева, землячка Екатерина Медичи, и даже подарила свой портрет, а он посвятил ей канцону. Другие утверждали — он все время прозябал в такой нищете, что однажды был вынужден попросить у придворной дамы пару скудо на пропитание; за все время пребывания в столице ходил в одном затрапезном платье; своим остроумием помог избежать какому-то поэту петли; читал свою великолепную поэму "принцу французских поэтов" Пьеру Ронсару и т.д.

Он вернулся в Феррару в апреле 1571-го. В январе следующего года сменил хозяина, поступив на службу к герцогу Альфонсу. В результате получил гораздо большую пенсию, отдельные апартаменты во дворце, титул дворянина княжества и привилегию обедать за столом герцога (чего уже добился прежде, благодаря стараниям принцесс). Никаких формальных обязанностей за ним не числилось, кроме сочинения стихов. "Я единственный слуга во дворце, который никому не служит", бахвалился он перед друзьями.

Соблазны двора

Торквато появляется при дворе, где царит культ самых разнообразных талантов, облагораживающих жизнь, делающих ее ку-

да более прекрасной. Его принимают повсюду, он всеми обласкан, им восхищаются. Придворные горячо обсуждают любую строчку, оставленную на бумаге его бойким пером, все жадно стремятся удостоиться чести увидеть свое имя в его стихах.

Поэт начинает резко меняться к худшему. Любовь обеих принцесс, бесконечные придворные почести, оказываемые ему при феррарском дворе, слава, разносимая, словно ветром, по Апеннинам, — вскружили незрелую голову. Высокомерие обуяло его. Он не замечал своих дурных поступков, рассыпал направо и налево злобные оскорбления, не выносил ни одного лестного слова, сказанного в адрес другого поэта, расценивая это как личное оскорбление.

Больше всего ему досаждал Джанбаттиста Николучче, получивший прозвище Пинья (еловая шишка), одаренный поэт, придворный историограф, личный секретарь герцога Альфонса. Властолюбивый, мстительный по природе, дерзкий и заносчивый человек, он не терпел дерзости и заносчивости других, тем более Торквато Тассо, которому проиграл поединок красноречия. Пинья приходил в ярость, что Тассо, а не он, удостоился особой премии двора и громких рукоплесканий придворных за пятьдесят любовных канцон. Однако причина взаимной ненависти заключалась не только в поэтическом и риторском соперничестве. Торквато стало известно, что Пинья, этот олух, пользуется расположением прекрасной Лукреции Бендидио Маккиавелли и частенько навещает ее в личные покои.

Тассо, впав в отчаяние, решил отомстить своему сопернику за то, что тот осмелился попать его первую, столь дорогую для любого поэта любовь. Но какое орудие мщения может быть у поэта? Только стихи. Настроившись на нужную душевную волну, Торквато выплеснул с дюжину превосходных любовных стихов, посвятив их очаровательной Лукреции. Но, как ни странно, это ни в коей мере не повлияло на ее взаимоотношения с ненавистным Пиньей. Тот по-прежнему навещал ее в покои. Поэт был ужасно озадачен и раздосадован. Бедняга! Новичок в придворных интригах, он не понимал, что его разящие стрелы летят не в ту мишень. Недавно обнаруженные письма Лукреции Бендидио к кардиналу Луиджи д'Эсте свидетельствуют, что именно он был любовником, а Пинья лишь выполнял поручения своего патрона герцога Альфонса, который вознамерился отбить любовницу у своего младшего брата.

Кардинал, несомненно, читал стихи Торквато Тассо к Лукреции и, придя в ярость от наглости более молодого и талантливого соперника, как утверждают, стал главным инициатором его ранней гибели.

Элеонора д'Эсте, заметив, в какую передригу угодил ее обожатель, пригласила Торквато к себе и мудро предостерегла: "Вам нужно заниматься не интригами, а серьезным делом. Вы созданы не для них".

Тайна принцессы

Возвратившись в Феррару, Торквато поразил всех придворных странным отношением к возлюбленной, принцессе Элеоноре. От

его бывших пылких чувств к ней не осталось и следа. Он был подчеркнуто холодным, демонстрировал полнейшее равнодушие, разыгрывал неблагоприятную роль обиженного обожателя.

Он возомнил, что теперь она отдает предпочтение не ему, а выскочке Гварино, и ставит этого жалкого, бездарного, на его взгляд, литератора выше его, признанного по всей Италии поэта. Такая шальная мысль постоянно терзала и мучила, отравляя ему жизнь. Говорят, что именно в этот мрачный период у него появилась мысль о самоубийстве, которую он осторожно высказал в трагедии "Торрисмондо, король готтов". В ней удалось описать самоубийство норвежской принцессы с такой поэтической силой и достоверностью, что, казалось, он сам до последней детали познал мглистую процедуру отчаявшихся.

Но от внимания пронизательных придворных не ускользнула причина смерти героини. Она полюбила своего брата греховной любовью. Что это? Намек на отношения между кардиналом Луиджи д'Эсте и его сестрой Элеонорой? И поэт, в отместку за воображаемое пренебрежение, косвенным образом обвинял пару в преступном инцесте? В таком предположении есть доля истины, и существуют, правда, тоже косвенные, но тревожные свидетельства.

В одном из своих писем к сестре кардинал, как это ни прискорбно, призывает ее "сохранить в неприкосновенности как свою честь, так и честь своего потомства"(!)

Выходит, целомудренная Элеонора, из которой людская молва сделала святую, ухитрилась иметь детей, будучи незамужней женщиной? Такие подозрения подтвердились и впоследствии, через несколько лет, когда она перед смертью запретила делать вскрытие своего тела, так как, вероятно, не хотела развеять и без того худосочную легенду о ее девственности.

И второе. Почему герцог Альфонс велел уничтожить все первые издания этой трагедии? Не для того ли, чтобы спасти репутацию сестры?

Тассо почти все свободное время проводил в будуаре принцессы, у которой от него, как самого близкого друга, обожателя и любовника, не существовало никаких тайн. Наверняка и эта, самая сокровенная, была ему известна. Все вполне в духе мятежного поэта. Не раз в приступе дикого гнева он поносил последними словами своих благодетелей. По мнению многих литературоведов, когда на него нашло очередное затмение и охватил сильнейший приступ ревности к принцессе, он и "выболтал страшную тайну". Ни принцесса, ни ее всемогущие братья не простили поэту невоздержанность языка. За это он и поплатился. Конечно, они назвали все его откровения бредом приближавшегося к безумию поэта, но червь сомнения уже зашевелился у многих.

В их отношениях с принцессой началось охлаждение – верный признак близкого окончательного разрыва.

Поэт, трезво оценивая грозную ситуацию при дворе, отлично понимал, что его жизнь находится под угрозой. У всех еще была на памяти жестокая расправа, учиненная лично герцогом Альфонсо со своими подручными – Пиньей и Строцци – над любовником Лукреции графом Контрари; набросив графу на голову кашпшон, они задушили его. Потому сейчас лучше всего покинуть

Феррару. Но как свыкнуться с мыслью навсегда оставить принцессу? Ведь он все еще безумно любил ее, и от этой ускользающей теперь любви разрывалось на части его сердце.

Жалобы возлюбленных

Пытаясь защитить Торквато Тассо от вредного воздействия двора, помочь преодолеть глубочайший приступ меланхолии, Лукреция и Элеонора отвезли его в родовой замок Консолдант, где все время не отходили от страдальца.

В этом очаровательном уголке Италии поэт на самом деле немного пришел в себя и успокоился. Здесь, под радушным присмотром принцесс, он написал одно из лучших своих стихотворений "Эрминия среди пастухов". (Его потом он включил в "Освобожденный Иерусалим".)

Он пытается восстановить прежние отношения с Элеонорой, но обида, нанесенная им, все еще жжет, и трещинки на ее сердце теперь не скоро затянутся. Она не позволяет ему прежних вольностей, старается напустить на себя холодность, и расстроенный поэт осыпает принцессу горькими упреками. Он пишет для нее канцону, полную неизбывной печали. Поэт сравнивает опасные, завлекательные любовные игры с соблазнами безмятежного, улыбочивого моря, которое зовет легковерного путешественника пуститься в плавание, но делает это только для того, чтобы напустить на него злую бурю и погубить в своей кипучей, холодной пучине.

206

Вот и он, простодушный, тоже попался на эту удочку, ибо верил в искренность ее чувств, и теперь, горемычный, беспощадно наказан за доверчивость, когда на смену любви пришло презрение.

Этот стишок, без особых изысков, без бьющей в глаза оригинальности, может, не заслуживал бы особого внимания, если бы принцесса собственной рукой не сделала на нем своих пометок. Комментарий Элеоноры проясняет суть взаимоотношений между мужчиной и женщиной, демонстрируя, как они мучительно меняются с течением безжалостного времени.

Принцесса не скрывает своей любви к поэту, признает, что тот, кого она так любила, был достоин ее любви. Чему же, мол, удивляться? Если он изменился сам, то зачем пенять за перемену другого? Он говорит о своем жарком пламени любви. Да, он на самом деле воспламеняется, но только как сухая солома, которая, загоревшись, тут же сгорает дотла. Он еще осмеливается утверждать, что ему неведома причина разрыва. Полноте, какая банальная ложь! Он все отлично знает и с горечью сетует на опасность плавания по бурным волнам любви. Но можно ли пускаться в столь опасное плавание, не владея собой, не умея сдерживать ни своего языка, ни язвительного пера? Стоит ли винить других в своих несчастьях, не пора ли оборотиться на самого себя? Он, только один он, во всем виноват — таков приговор принцессы.

Вот в чем кроется горькая обида на него дома д'Эсте, кстати, в этом неоднократно признавался и сам поэт. Сколько раз он позволял себе оскорблять в своих стихах принцев и принцесс Феррары. Впадая в ярость, он изрыгал на них поносящую хулу, не слишком

озадачиваясь выбором выражений, достойных их высокого звания. Он сам, возмущенный и оскорбленный охлаждением к нему Элеоноры, сгоряча открыл кое-какие тайны их взаимоотношений, а этого только и ждал охочий до сплетен двор. Искусство злословия не должно умирать!

Что оставалось делать несчастному поэту, которому отказали в прежней любви? Какой смысл и дальше оставаться в имении принцессы, чтобы изо дня в день видеть холодные, без любовного блеска, глаза? Он все чаще стал подумывать о том, не оставить ли ему службу у герцога Альфонса? Но тот продолжал играть с ним в кошки-мышки. Предложил стать личным историографом, но потом забыл об этом. Поток подарков и подношений, когда-то такой обильный, постепенно скудеет — придворные чутко следили за показаниями барометра при дворе. Он уже почувствовал за спиной злое дыхание нищеты. "Денег, ради Бога, денег!" — постоянно слышится в его письмах мольба. Но где их взять?

В минуты тяжкого озлобления он обращает свой взор к соперничавшему во всем с Феррарой великолепному двору Медичи во Флоренции. Может, там ему гарантировано надежное и безбедное существование? Но переметнуться к заклятым врагам Феррары равносильно в глазах герцога "государственной измене". Но в это же время его сердце заливают гордость за свой несравненный, великий труд. Поэт и не осознает, как у него начинается мания величия. Тщеславится тем, что никогда первым никого, кроме герцога, не приветствует, принимает приглашение только в такой дом, где, как он уверен, за столом ему будет выделено самое почетное место. Без малейших угрызений совести считает себя выдающейся личностью и требует к себе соответствующего почтительного отношения.

Он прогуливался по залам дворца, как король по театру, не подозревая, что его поджидают расставленные придворными карьеристами хитроумные ловушки. Он вообще ничего и никого вокруг не замечал. Любил пространно разглагольствовать по поводу метафизической идеи вечного противостояния принца и поэта, стараясь выяснить, кто же из них главнее в этом мире, вполне естественно склоняясь к выбору в пользу собственной персоны. Он, как и его предшественник, весельчак Ариосто, утверждал, что принцы созданы для того, чтобы кормить, ублажать и делять поэтов, так как только те могли обеспечить им бессмертие:

*И кто не внимлет голосу поэтов,
Тот только варвар, кем бы ни был он!*

Утрата контроля над собой грозила большими бедами. И впереди его поджидала не одна...

Развязка близится

Как на грех, именно в этот момент при дворе настоящий фурор произвел приезд Элеоноры Санвитале (снова Элеонора!), графини Скандиано.

Опытная в амурных делах графиня не устояла перед напором Торквато, сердце ее растаяло самым предательским образом. Тасо на глазах всего двора открыто завел с ней любовную интрижку.

Вот и вторая Элеонора попала в поставленный умелой рукой капкан, наслаждаясь обманчивой любовью поэта.

Придворные прекрасно знали о его любовной связи с обеими принцессами и, выведав о новой страсти поэта, принялись с таким остервенением чернить его перед принцессами, выставлять в таком позорном свете, что ошарашенные сестры пришли в ужас. Какое наглое предательство! Эта его выходка переполнила чашу терпения Элеоноры. Теперь она навсегда захлопнула перед ним дверь.

Чувствуя, что одержана еще одна победа, тайные завистники и открытые враги распустили по дворцу порочащий великого поэта слух: "Освобожденный Иерусалим" не принадлежит его перу, он нахально, без зазрения совести, все списал у Строни. Старались всех убедить, что поэту место не при дворе, а в лечебнице для душевнобольных. Ненавистная фраза передавалась из уст в уста.

Они подкупили слуг, чтобы завладеть всеми его бумагами, перехватывали его письма, которые тут же относили герцогу. Поэт, конечно, догадывался, что происходит вокруг, и действия придворных нагоняли на него безотчетный страх. Такое вряд ли возможно при дворе без высочайшего на то соизволения. Он понимал, что лучше ему на время покинуть дворец, и отправился в скитания по городам Италии в поисках другого, богатого и щедрого покровителя. Его приезд во Флоренцию и встреча с Лоренцо Медичи не могли пройти незамеченными герцогом Альфонсо. Опрометчивый шаг со стороны Тассо, естественно, не рассеял сгущавшихся над головой поэта грозных облаков.

Когда он вернулся в Феррару, герцог внешне сохранял перед ним спокойствие, хотя внутри весь кипел от подозрения. Что этот вертопрах делал во Флоренции? Не появится ли на титульном листе "Освобожденного Иерусалима" ненавистное ему имя Медичи? Какие тайны его двора мог он в очередном припадке выболтать? Герцог приказал обыскать покои поэта. В перехваченной переписке обнаружили неопровержимые доказательства переговоров Тассо о предстоящем его переходе на службу к Медичи. Можно ли простить подобное двуличие?

Узнав о наглом вторжении в свое жилище, Тассо закатил грандиозный скандал, но ничего не добился, лишь ухудшил собственное положение. Чувствуя, что герцог на их стороне, противники Тассо умножили свои старания. Разгневанный поэт влепил одному придворному пощечину. В ответ получил от кого-то в темном коридоре сильнейший удар палкой по голове. Виновного, разумеется, не нашли. У него начались ужасные головные боли, которые, несомненно, способствовали помешательству. Состояние здоровья резко ухудшилось. Мания преследования развивалась. Тассо стал бояться, как бы герцог жестоко не расправился с ним (как с несчастным Контрари), не отдал приказ отравить его. На такие подозрения герцог во всеуслышание заявил: "Если бы мне пришла в голову мысль навсегда избавиться от Тассо, то что может быть для меня легче?" Пока жизни поэта ничего не угрожало, но присланные герцогом медики так старались излечить больного с помощью постоянных промываний желудка и обильных кровопусканий, что могли запросто отправить на тот свет любого здоровяка.

Тассо в полузабытьи бродил по коридорам и залам дворца. Повсюду ему мерещились изменники, враги, недоброжелатели, в любой момент готовые посягнуть на его жизнь. Но, увы, это не было лишь игрой воображения поэта. Из засады на него напали братья Фуччи, но Тассо не дрогнул. Обнажив шпагу, он обратил их в бегство. На следующий день вся Феррара распевала куплет:

*Ни в шпаге, ни в пере,
Нет равного тебе!*

17 июня, когда герцог Урбино беседовал с Тассо, тот с ножом набросился на вошедшего слугу. Силой оттащив поэта от невинной жертвы, его заперли в нижних покоях дворца на замок, приставив к нему стражу.

Оттуда Тассо перевели в отдельную комнату с зарешеченными окнами, приказав двум стражникам строго следить за любой его выходкой и при первой же попытке к бегству либо связать, либо заковать в цепи.

Несчастливая судьба брошенного в темницу поэта все же тронула сердца сестер-принцесс. Они постоянно спрашивались о его здоровье, а однажды даже навестили его, чтобы успокоить и отвлечь от дурных мыслей. В последний раз Тассо видел свою возлюбленную. Она умрет через пять лет, в 1581 году, когда он будет снова сидеть за решеткой, только на этот раз в сумасшедшем доме.

Герцог воспользовался этой безумной выходкой, чтобы наконец надолго, если не навсегда, избавиться от докучливого поэта. Вначале он отправил его на свою виллу в Беригуардо. Но в голову отчаявшегося поэта пришла новая блажь. Вспомнил, что когда-то его отец хотел стать монахом, и попросил у своего "благодетеля" разрешения удалиться в монастырь, где он хотел принять малый постриг. Герцог, чувствуя, как гора падает с плеч, лично в своей карете отвез будущего послушника в феррарский монастырь.

Через несколько дней поэт передумал, за толстыми стенами монастыря ему тоже не удалось найти желанного покоя. Он написал герцогу письмо с просьбой позволить вернуться во дворец. "Сперва нужно лечиться", — последовал резкий ответ герцога, впоследствии ставший суровым приговором. Взбешенный отказом, Торквато Тассо написал герцогу грубое, оскорбительное письмо, в котором предавал анафеме его самого, его обеих сестер, брата-кардинала, а заодно и весь двор.

Скитания по Италии

В нервном припадке Тассо, обманув бдительность приставленных к нему братьев-монахов, бежал из монастыря, а потом и из города. Подальше от скопища подлецов и наемных убийц!

Он уезжает в Рим. Через феррарского посла засыпает герцога слезными письмами, униженно просит у него извинения, кается во всех своих грехах и умоляет позволить вернуться в Феррару. Но тот не отвечает, а бывшая пассия принцесса Элеонора сухо уведомляет поэта, что ничего не может для него сделать. Ее равно-

душный ответ лишь усиливает тоску, доводя до последней, роковой черты отчаяния.

Тассо продолжал бомбардировать герцога цветистыми посланиями. Наконец Альфонс откликнулся, потребовав в качестве главного условия возвращения в Феррару письменное обязательство вести себя, как подобает истинному и воспитанному сеньору и не впадать впредь в приступы безумной ярости. Он предупредил опального поэта, что при первой же взбалмошной выходке он будет немедленно выслан за пределы герцогства.

Упрямое стремление Торквато Тассо в Феррару — не каприз, нет, это упрямая погоня за утраченными иллюзиями. Его все еще, словно магнитом, притягивала Элеонора, а кроме того, поэт был уверен, что двор не оказал ему тех почестей, на которые он имеет полное право. Пусть возвращает долг!

Тассо вернулся в апреле. Герцог, продолжая свою коварную игру, принял его достаточно дружелюбно, вероятно, опасаясь взрыва "общественного мнения". Ведь его двор мог предстать в невыгодном свете. Еще бы, феррарский герцог — гонитель знаменитого поэта!

Но Торквато чувствовал, что все во дворце изменилось, что прежнего не вернуть, что придворные, враги его, торжествуют. По его собственным словам, в то время он не жалел резких критических высказываний в свой адрес, намеренно разрушал свое здоровье продолжительными запоями (к которым всегда имел склонность), но это были только уловки, чтобы вызвать к себе симпатии герцога. Все тщетно.

Альфонсо всячески стремился отдалить от себя поэта. Запретил появляться на половине принцесс, отказывался вернуть рукописи, в том числе манускрипт "Освобожденного Иерусалима".

Поэт утратил даже те привилегии, которыми пользовался до побега. Больше не жил во дворце, его имя вычеркнули из списка знатных лиц, он уже не входил в блистательный круг аристократов, имеющих непосредственный доступ к герцогу и принцессам. От своего хозяина он получал только лекарства. Ему не давали денег на жизнь, лишая одновременно права публиковать свои произведения и тем самым зарабатывать на пропитание. Дело дошло до того, что Тассо пришлось продать всего за 20 экю рубиновое кольцо, подарок герцога Урбино, стоившее никак не меньше золотого дублона.

Его отовсюду гнали, как безумца, но он был в здравом рассудке. По словам великого герцога Тосканского Маффео Вентури, с которым Торквато Тассо встречался во время первого побега из Феррары, творческие способности несчастного поэта ни в чем не повредились; он с прежней легкостью переходил от стихов к прозе и обратно, а его беседы всегда отличались литературной утонченностью и завидной логичностью. Просто поэт постоянно пребывал в глубокой печали, подавленном состоянии и подвергался частым приступам меланхолии.

Теперь Торквато открыто угрожал перейти на службу к Медичи, если ему не будут выделять средства на скромное существование и не вернут поэму, которую удерживал у себя герцог, — ведь у него не осталось ни одного чернового экземпляра. Он брал на себя обязательство за три года написать новую поэму, гораздо лучшую, чем

“Освобожденный Иерусалим”, если ему назначат пенсию, гарантирующую приличную жизнь. Увы, ничего не вышло. Герцог хранил молчание, а поэт влачил жалкое существование, выпрашивая милостыню на хлеб насущный. Никто не спешил ему на помощь.

Второй побег

В письме своему университетскому товарищу и другу юности графу Урбино Тассо горько жаловался на свои страдания. Лучшие друзья и даже родственники изменили ему, покровители с презрением оставили в беде, его лишили отечества, честного имени, состояния, ему негде преклонить голову.

Холодность двора и герцога, невозможность продолжать работу над поэмой еще сильнее подтачивали больной мозг, порождая все более глубокие приступы меланхолии. Он снова решается на побег.

Вот что писал по этому поводу один из его приятелей Чекки: “С впалыми глазами, утомленным взглядом, бледный и мрачный, искал он повсюду уединения; тайные агенты могли запросто, приняв за бродягу, его арестовать. На вопрос, куда он стремится, отвечал: бегу, куда глаза глядят, преследуемый Судьбой и злым герцогом”.

Тассо долго блуждал в поисках благодетеля по горам и долинам итальянского севера, посетил Мантую, Венецию, Падую, но повсюду встречал отказ. Никто не желал иметь дело с “безумцем”.

Наконец он приблел к городским воротам Турина, где свирепствовала чума. Стража не хотела пускать в город бродягу в грязных лохмотьях. Но его узнал один знакомый из Венеции, знатный человек, и по его просьбе перед поэтом отворились тяжелые кованые ворота.

Сопровождающий привел его в роскошный дом маркиза д’Эсте, где хозяин предложил Тассо жить, сколько душе угодно. Но поэт не захотел оставаться в Турине. За время странствий его обиды поблекли, не так давили на сердце, и вновь знакомая, непреодолимая роковая сила потащила назад в Феррару.

Кардинал Турина Альбано добился от Альфонса II разрешения на возвращение Тассо. Само собой, там его никто не ждал. Герцог давно забыл о вздорном поэте, у него теперь других хлопот полон рот, ведь грядет его новое, третье по счету, бракосочетание с Маргаритой Гонзага. Теперь все во дворце было подчинено одной цели — подготовке к важному для государства торжеству.

За веселой предпраздничной суматохой, всеобщим возбуждением придворных разве услышишь отчаянные вопли несчастного поэта? Торквато Тассо рассчитывал, что созданная им слава княжескому дому именно сейчас заставит герцога лично принять его, но, увы, такие почести поэту герцог не предусматривал. Тассо прибыл в Феррару в самый разгар праздничных торжеств, но к нему вышел не герцог, а камер-юнкер, молча проводивший в отведенную для него комнату в доме для слуг.

Герцог отказал поэту в аудиенции. Он не только захлопнул перед ним двери своего кабинета, но и не прислал, как прежде, при-

глашений на театральные постановки, не позвал, как встарь, на рыцарские турниры, пиры, на которых чествовали его новую невесту. Принцессы, бывшие покровительницами, не пустили к себе на порог. Стоит ли удивляться, что уже слегка помутневший рассудок Торквато Тассо озлобился еще сильнее из-за такого оскорбительного отношения к нему.

А он-то по своей наивности полагал, что предстоящий, столь желанный для герцога брак размягчит свирепую душу тирана, сделает его хотя бы на время благожелательным и отзывчивым, хотя бы ради того, чтобы еще больше понравиться своей избраннице. Торквато даже составил торжественную эпиталию в честь счастливых брачующихся.

Напрасный труд. Никто, словно все сговорились, не обращал на него внимания. А ведь совсем недавно он был признанным фаворитом. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. От отца он унаследовал взрывной характер, который теперь еще сильнее отягощался душевной болезнью. Невероятный по силе приступ безумного гнева овладел им во время свадебных торжеств, 11 марта 1579 года, в последний день праздничного карнавала. Туда он тайком проник, напялив на себя маску.

Обругав на ходу придворных дам, Торквато, приблизившись к герцогу, принялся бранить его отборными площадными словами, называя жестоким тираном, властолюбцем, главным придворным интриганом. Он горько упрекал его в обмане и вероломстве. Негодяй! — гремело под сводами дворца. Его ярость продолжала проливаться руладой злобных инвектив. В бешенстве Тассо проклинал весь род д'Эсте, всех принцев и всех принцесс, которых когда-то восхвалял в своих стихах; призывал на всех придворных, этих развращенных до мозга костей, бессердечных людей, месть неба, проклятье муз... Ошарашенные придворные, оцепенев, молча наблюдали за душераздирающей сценой. Сам герцог, казалось, лишился дара речи. Еще никто никогда в его присутствии не осмеливался произносить вслух подобные оскорбительные слова. Стоявшие неподалеку принцессы побледнели. Но Тассо так разошелся, что уже не помнил себя. Может, в эту минуту в его воспаленном мозгу быстрой чередой промелькнули нежные сцены их прошлой с Элеонорой любви. В полной тишине, приблизившись к ней вплотную, он крепко ее обнял и поцеловал в губы. Звук поцелуя вывел наконец всех из оцепенения. Побагровев от ярости, но пытаясь перед гостями сохранить самообладание, герцог, усмехнувшись, указал рукой на внезапно сникшего поэта: "Как жаль, что такой великий человек сошел с ума! Отведите его в сумасшедший дом!"

Стража, схватив Тассо, надела на него цепи и бросила в темное, грязное подземелье под тем самым залом, где беззаботно отплясывали и веселились гости. На следующее утро его отправили в лечебницу для душевнобольных при монастыре Святой Анны. Там его, как буйно помешанного, цепями приковали к кровати.

Наступил последний этап осуществления жестокого плана герцога. Вот — венец задуманного им отмщения, чтобы расправиться с поэтом за все. За его любовь к принцессе, за проникновение в тайну постыдных отношений сестры с братом-кардиналом, за не-

вольное, неумелое участие в дворцовых интригах, за свободный, нестигаемый дух, вольнодумство, непокорство, за невоздержанный язык, "двуличие", за простодушие и искренность, которым не место при дворе. Но прежде всего за его гений, единственный, уникальный в своем роде, за то, что громкая слава поэта надолго его переживет, а о нем, герцоге карликового княжества, которых в Италии не счесть, навсегда забудут через несколько дней после помпезных похорон. Разве этого мало для мести жестокого и вероломного правителя, такого, каким был герцог Феррарский Альфонс II? Он добился своего, добился самым коварным способом. Он не умертвил поэта, чтобы не навлечь на свой род холодного презрения потомков, нет, он упрятал его в сумасшедший дом, где без всяких причин Тассо продержали взаперти целых семь лет!

Для чего герцог так долго терзал своего врага? По этому поводу история хранит молчание. Через два года опасения герцога в отношении посвящения его роду знаменитой эпической поэмы Торквато Тассо "Освобожденный Иерусалим" окончательно рассеялись. Она вышла в Венеции со столь желанным для него посвящением. Казалось, его мечта осуществилась. Однако он продержал поэта в "психушке" еще целых пять лет, несмотря на все мольбы о снисхождении и помиловании.

В полной беспомощности, будучи под замком, Торквато Тассо обратился за утешением к религии. Он просил своих тюремщиков предоставить ему право исповедоваться, но и в этом ему отказали. Немыслимая, ничем не оправдываемая жестокость – лишить жаждущего поддержки Бога!

После выхода из семилетнего заключения на волю, чего, наконец, сумел добиться от Альфонса герцог Мантуанский Винченцо II Гонзага, Торквато Тассо почти ничего не писал. Он увлекся изучением сочинений отцов Церкви, особенно произведениями Святого Августина.

Несколько лет он скитался по монастырям, где работал над большой религиозной поэмой "Семь дней сотворения мира". Папа Иннокентий IX за церковные труды назначил поэту пожизненную пенсию в 200 скудо в год, а за светскую поэзию ему присудили высшую награду для поэтов – лавровый венок. Однако разные обстоятельства задерживали торжества на Капитолии, том самом, где когда-то храбрый воин из рода Маиллиев отобрал ожерелье у поверженного вождя галлов.

Силы покидали измученного жизненными невзгодами поэта. Он попросил папу позволить ему поселиться в монастыре Святого Онуфрия. Наконец назначили день получения заслуженного отличия – 25 апреля 1595 года. И вот, когда Судьба улыбнулась ему, день венчания лавровым венком совпал по трагической случайности с днем его смерти. Или то была еще одна, последняя беспощадная издевка Провидения? В тот день умер великий поэт, в котором в течение последних двадцати лет вели непримиримую борьбу гений и безумие. Он ушел в мир иной некоронованным. Но это отнюдь не умаляет его всемирной славы. "Лавровый венок скорее знак страдания, чем счастья", – сказал его не менее великий предшественник Петрарка.

А страданий в его жизни было достаточно...

ДОМ НА КЛАДБИЩЕ

НИКОЛАЙ
КОНЯЕВ

215

Начинал я служить в сельской церкви и был тогда совсем молодым человеком — ни в колдунов, ни в нечистую силу не верил, думал, что все это — бабушкины сказки. Тут странно получалось. Я не сомневался, что бесы существуют, но знал об этом из книг, сам никогда с подобным не сталкивался, поэтому и считал, что в реальной жизни их нет.

И вот, закончив семинарию, получил приход и поселился в небольшом селе в Новгородской области. Дом священника находился рядом с храмом, и кладбище к нему уже вплотную подошло.

Удивительное это дело, скажу я вам... Пока живет человек, его, бывает, и в церковь не дозовешься, а придет час помирать, и обязательно попросит, чтобы поближе к церкви положили. А поближе места не хватает, вот и приходилось смотреть, как бы совсем усадьбу не превратили в кладбище. Однажды ночью проснулся, слышу — копают во дворе. Зажег свет, вышел с фонариком на крыльцо. Смотрю — в углу двора могилу начали копать. Лопаты побросаны, а копальчиков не видно, притаились в темноте.

— Православные! — говорю, — От ума ли будете? Мыслимое ли дело по ночам могилу копать? Все равно ведь к себе во двор вашего покойника не пущу, да и хорошо ли ему будет рядом с отхожим местом лежать?

Сказал так в темноту и вернулся в дом, свет погасил, сел у окошка. Смотрю, вылезли из кустов, повозились еще маленько и ушли. Утром вижу — зарыта могила, которую начали копать.

Рассказ

Но это я так, к слову вспомнил. Нет-нет! Кладбища мы не боимся. Не страшно было на кладбище, как некоторые считают, жить. О бренности земной напоминало...

Да... Так вот, о нечистой силе. Верить в нее или нет, это ничего не значит. Главное, есть она в твоём приходе или нет. Начал я внимание обращать, что некоторые мои прихожанки свечки на каноне переворачивают... Зачем они это делают – не понимаю. Но внимание стал обращать, кто так поступает. Ну и перед причастием на исповеди спрашиваю. Некоторые отпираются, а одна старушка, Ольгой ее звали, призналась.

– Я, – говорит, – бабушка, не знала, что нельзя такого делать.

– А может, – спрашиваю у нее, – ты и еще чего не знаешь, можно ли делать, а делаешь?

– Не знаю, – говорит, – бабушка. Вот просят сейчас у меня одну корову исправить. Жвачка у нее, понимаешь ли, пропала. К ветеринару ходили, а только он ничего не может. Дак пришли ко мне, просят сглаз снять... Я согласилась, а теперь после нашего разговора и не знаю – уж не грех ли это будет, людям-то помочь. Такая семья ведь бедная...

Вот говорит она мне так, а сама такая рыбушчатая старушечка, в своих одежках на луковицу похожая. Посмотришь на нее, и заплакать хочется. А вопрос хитро поставила. И главное, смотрит на меня и ждет, чего ей отвечу.

– А сумеешь? – спрашиваю.

– Дак ведь раньше делала. И с коров снимала порчу, и с другой животины приходилось. Дело это несложное, если знаешь как. Только вот теперь насчет греха и сомневаюсь. Помогаешь так людям, а оказывается, что грех это – помогать...

– Значит, знаешь... А знаешь, как сделать, чтобы заболела корова? Можешь так сделать?

– Дак это еще проще, чем исправить... Могу, конечно дело.

– Ну так вот, бабуся... – говорю. – Если испортить умеешь, то и не исправляй тогда.

– Почему?

– Да потому, что один источник этой силы в тебе, темный. И свечки на каноне тоже не переворачивай. Не бросишь этого занятия, к причастию не пущу.

Очень старушенция тогда огорчилась.

– Как же так? – говорит. – Ведь всегда делали такое.

– А теперь больше не делай.

Такой вот у меня разговор состоялся. Вроде и на исповеди, а все в курсе, что мы говорили. Свечки в церкви перестали переворачивать, а все равно, смотрю – что-то не то вокруг происходит. Как-то черные кошки вокруг бегают. Идешь, вроде впереди человек какой, а приглядишься – нет никого там, только черная кошка лежит... Не по себе, конечно, в такую минуту становится, но я специально на это внимания не обращал. Живу спокойно, службы веду в церкви. А слухи, тени какие-то все приближались, приближались ко мне. То дочка что-нибудь странное на кладбище увидит, то матушка напугается. Старушечку, всю в черном, заметила, ходит вокруг могилки кругами и остановиться не может. Матушка удивилась, смотрит на нее, пытается понять, что она такое делает, а

старушечья, видно, почувствовала ее взгляд, обернулась, и выражение лица у нее, жена рассказывает, какое-то странное было: и злое, и одновременно растерянное. Вот посмотрела так, а потом вдруг исчезла.

И прихожане тоже часто жаловаться стали, неладное происходит что-то. Одна фельдшерница, серьезная такая женщина, квартиру освятить попросила. Что-то, говорит, непонятное завелось. После двенадцати часов ночи существо какое-то материализуется. Чуть больше метра высоты. Белое. Бегает по квартире, гремит... А то так рука откуда-то высунется и душить начинает...

Ну что делать? Фельдшерницу я хорошо знал, на службы в церковь регулярно ходила. Пошел к ней, молитвы прочитал положенные, всю квартиру водой святой побрызгал... Вернулся домой, лег, просыпаюсь от стука. Что такое? — думаю. Форточка закрыта, сквозняка нет. Посмотрел на аналойный столик, а это он стучит, аж ходуном ходит. Я столик — во имя Отца и Сына и Святого духа — перекрестил и снова заснул. А утром просыпаюсь, смотрю — вся краска на полу под аналоем изгрызена.

“Ну, — думаю, — недобрая душа это делала. Так дальше дело не пойдет”.

И вот после обедни говорю я отпуст и, между прочим, добавляю: — Дорогие мои карги! Кто это так делает, я вас знаю. Кого в спину видел, кого сбоку. Так вот, имейте в виду, что я тут собираюсь служить долго. Я многих из вас переживу. И учтите поэтому, если не прекратите своими делами заниматься, как умрет кто из вас, так его мимо храма и пронесут — я отпевать не буду...

В общем, в таком духе я свое обличение произнес и к вечеру, смотрю, попадает к моему дому старушечка, одна из тех, что свечки в церкви переворачивала. В одной руке у нее рыба сушеная, а в другой — баночка с уже заправленными грибами.

— Батюшка, — говорит, — уж простите меня. Я не знала, что это делать Богу противно, вот и делала. И порчу наводила, и то делала, и это... Больше не буду грешить. Только уж и вы отпойте меня. Христом Богом прошу...

— Ну что ж... Раз покаялась, то у меня на тебя зла нет. А перед Богом покаяться приходи в церковь, на исповедь...

— Спасибочки, — говорит, — батюшка. Обязательно приду. А это возьмите, это от всего сердца я... Откушайте, пожалуйста.

Взял я сушеную рыбу, баночку с грибами, и вот с грибами эти ми какая история приключилась. Матушка как раз вечерять собирала. Картошечка молодая отварена у нее была. Лучку в огороде нарвала. А тут грибки. Обрадовалась она, когда их увидела. Как раз к постной трапезе...

Ну, накрыли мы на стол. Помолились как положено. А матушка, я еще тогда внимание на это обратил, как-то невнимательно к молитве отнеслась. Пока я молился, что-то на столе поправляла. Благословил я трапезу, сели мы вечерять...

В общем, через два часа увезли мою матушку с сильнейшим отравлением. Слава Богу, в больнице откачали ее, отпустили бедную. Я только к утру и вернулся домой. И вот ведь удивительно что. Как же так, думаю, вместе с нею эти грибочки ели, а я совсем ничего и не почувствовал, даже расстройства желудка не случилось...

Помолился я Богу, попросил жену за невнимание в молитве простить. Потом думал отдохнуть прилечь, а тут сушеная рыба на глаза попала. Только уже и не рыба, а какие-то черви копошащиеся. Перекрестил я подарок этот, снес в отхожее место, выкинул... Ну и домой уже не стал заходить. Пошел, церковь открыл, молюсь там.

— Прости, — говорю, — Господи, меня грешного. Что же я удумал-то такое? Своим умом да хитростью с силою этой черной бороться... Сам себя, дурак этакий, и перехитрил. Прости меня, окаянного, что в силе Твоей, в теплом Твоем заступничестве вроде как усомнился...

Ну, и после этого как рукой сняло. И черные кошки куда-то пропали. И блазниться перестало. Чуть что только почувствую — сразу в церковь. Помолюсь — и снова покой на душе, тишь...

А матушка долго в больнице лежала. Уже совсем осень была, когда ее выписали. И хотя не напоминал я ей про то невнимание к молитве, но она, бедная, сама все поняла. Только радовалась, что Господь вразумил ее. Я, видя это, тоже рассказал про Божье вразумление. И про хитрость свою, и про молитву. Она меня поняла. В общем, зажили мы во всяком благочестии и чистоте, как в молитве говорится.

И вот однажды, только поужинал я, из церкви вернувшись, матушка и говорит мне:

— Пойди, отец, посмотри. Там у крылечка женщина стоит какая-то. Вроде как насчет отпевания тебя спросить хочет. Очень просила тебя выйти.

Ну, я думаю, приехала издалека. К службе не пошла в церковь, надо идти. Одежда, выхожу на крылечко, а никакой женщины нет. Только дохлая кошка на крылечке лежит. Перекрестился я и, чтобы жену не пугать, отнес кошку в угол двора к отхожему месту, где ночные гости могилу-то копать начали, ну и зарыл там.

Возвращаюсь домой, матушка спрашивает:

— Договорился?

— Да... — отвечаю. — Все в порядке.

— Ну и хорошо... Очень женщина жалкая была. Уж так просила меня, так просила, чтобы ты вышел. Слава Богу, что договорился добром.

Не стал я ничего матушке, чтобы не расстраивать ее, говорить, а на следующий день, уже ближе к вечеру, "Нива" к моему дому подъезжает. Выходит из нее мужчина такой представительный и говорит, что мать у него помирает. Очень просила, чтобы исповедать приехал, соборовать перед смертью-то.

Ну, чего же... Раз такое дело — надо ехать. Взял, что потребуется, и поехал.

И вот вводят меня к умирающей, и я ее сразу признал.

— Ну-ну... — говорю. — Про грибочки небось свои перед смертью вспомнила?

— Чего про них вспоминать? — отвечает она. — Не потому я, батюшка, так долго мучаюсь, что грибов тебе отнесла. Страшнее я дело совершила. Невестку свою убила.

— Зачем же ты, карга старая, такое сделала? — спрашиваю у нее.

— А не любила ее... Легко было, вот и сделала. Только потом тяжесть почувствовала. Теперь уже и не отпускает — так тяжело. В

общем, чего говорить пустое? Для себя ничего не прошу, потому что знаю — нет для меня ничего. А невестку ты, батюшка, отпой, как положено. Настасьей звать.

— Крещена была?

— Здесь у нас все крещеные. А Настасью отпеть ты и жене своей вчера обещал. Не забыл еще?

— Помню. А чего сама-то не зашла в дом вчера?

— Да как зайдешь к тебе, как же... Все двери и окна заминены. Значит, отпоешь?

— Отпою, — говорю. — Где она у вас похоронена?

— Да как во дворе у тебя! — отвечает старуха. — Сам и схоронил вчера у отхожего места. Позабыл разве?

Ничего я не сказал, перекрестился, потом старуху перекрестил, завывала она ужасно, закорчилась. Тут вбежал в комнату сын, который на машине меня привез, ничего не говоря, вытолкал из дома, посадил в "Ниву" свою, отвез назад. Денег мне хотел сунуть, да я только руку для крестного знаменья поднял, он и уехал сразу...

Священник вздохнул, завершая свой рассказ, и перекрестился.

— А Настасью эту... — спросил я. — Вы отпели?

— Отпел... — ответил священник. — Тут ведь какое дело получилось. Утром пошел я к председателю сельсовета нашего и рассказал ему, что старуха про могилу сказала. Не знаю, говорю, может, и наврала ведьма старая, а только нехорошо получится, если человек у отхожего места похоронен. Председатель сельсовета затылок почесал, а потом и говорит, что всякое может быть. А только если мы и пустую землю раскопаем, так никакого нарушения закона не произойдет. Чего же и не выкопать яму... В общем, раскопали мы. Действительно, женщина там оказалась. И главное — вроде как только сейчас и положенная. Ну, тут пришлось в милицию сообщать. Они тело увезли на экспертизу. С меня допрос сняли... Потом уж и не знаю, какое расследование вели. Только через несколько дней вызвал меня — это еще в прежние времена было — уполномоченный и попросил не распространяться насчет вскрытого захоронения.

— А отпеть-то ее можно будет? — спрашиваю. — Слово у меня дано, что отпою.

— Да отпевайте, — говорит уполномоченный, — сколько хотите. Все равно ее у нас на кладбище и решено похоронить.

В общем, привезли ее в гробу к нам в церковь, отпел я рабу Божью Анастасию. Потом похоронили ее...

И вот что интересно. Когда отпеваешь, всегда чувствуешь или тяжесть, или легкость. Это, видно, зависит от того, в чьих руках душа человека находится. Да... Еще, бывает, тяжело отпевать тех, которых сжигают. Иногда и восемь человек отпоешь, а не устанешь так, как одного...

— А ее, Анастасию эту, легко отпевать было?

— Легко... — ответил священник. — Даже удивительно легко. Слово праведницу отпевал...

И он перекрестился.

Перекрестился и я, уже не решаясь дальше продолжать расспросы.

Издательство "Независимая газета"

Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. (Культурологические эссе.) — 1997. — 280 с., (в пер.), суперобл. — 16000 р.
Новая книга А. Гениса написана в экспериментальном жанре пирической культурологии. Готовит читателя к тайнам и парадоксам XXI века, вступлением к которому она и задумана.

Издательство "Современник"

Мифы в искусстве: Историко-художественная монография. (По Рене Менау). — 1996. — 271 с.: ил. — 16000 р.

Известный французский художник Рене Менау (1827—1887) рассказывает о мифах, послуживших источником вдохновения для художников старого и нового искусства. В книге воспроизведено 283 иллюстрации, содержится алфавитный указатель мифов.

Серия: Иллюстрированная энциклопедическая библиотека — Наследие Знаменитых Энциклопедий

Включает все "неустаревающие" статьи изданий XIX—XX веков. Тексты статей старых энциклопедий переведены на современный русский язык, но не подвергнуты стилистической правке и адаптации. Каждый том дополнен на одну треть иллюстративным материалом.

Искусство России. — 1997. — 400 с., ил., (в пер.) — 34000 р.

Том посвящен искусству России X—XIX вв. В нем собраны статьи из словарей Бронгауза и Ефрона, Павленкова, Южанова и др. по живописи, скульптуре и архитектуре, а также биографии русских деятелей изобразительного искусства.

Искусство Западной Европы.

Статьи по искусству стран Западной Европы X—XIX вв. Каждый том является самостоятельной книгой, снабжен библиографией 1900—1990 годов.

Т. 1 Англия, Франция. — 1996. — 384 с., ил., (в пер.) — 32000 р.

Т. 2 Германия, Нидерланды — 1996. — 384 с., ил., (в пер.) — 32000 р.

Т. 3 Италия, Испания. — 1996. — 384 с., — ил., (в пер.) — 32000 р.

Древний Рим / Под ред. Бутромеева. — 1997. — 544 с.: ил. — Принимаются предварительные заявки.

Собраны статьи по искусству, философии, общественному и политическому устройству из "Энциклопедического словаря" Бронгауза и Ефрона, "Большой энциклопедии" С. Южанова, "Энциклопедического словаря" Ф. Павленкова. Обилие редких фактов, которые отсутствуют даже в специальных изданиях, прекрасный язык, богатая библиография привлекут читателя.

Серия: Словари школьника

Изобразительное искусство. Музыка. — 1997. — 237 с., ил., (в пер.) — 11000 р.

Это справочное и одновременно познавательное издание поможет школьнику увереннее чувствовать себя в художественном музее, картинной галерее, на концерте классической музыки. Статьи раздела "Изобразительное искусство" в доступной форме раскрывают значение основных терминов и понятий теории и практики художественного творчества, сообщают сведения по истории искусства. В разделе "Музыка" можно узнать

Книжный базар

об основных музыкальных жанрах, об оркестре и инструментах, которые его составляют, и еще о многом другом. Словарь включает краткие биографии выдающихся художников и композиторов-классиков.

Издательство "Эллис Лак"

Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. — 1996. — 640 с., ил., (в пер.) — 42000 р.

Фундаментальное справочное издание включает более 2000 терминов по культуре, живописи, графике, декоративно-прикладному искусству, архитектуре. Рассказывает о стилях и направлениях в искусстве от древнейших времен до наших дней, о различных техниках, материалах, инструментах. Словарь подготовлен сотрудниками Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств.

Традиционное искусство Востока: Терминологический словарь. Сост.: П.А. Виноградова, Т.П. Наптерева, Т.Х. Стародуб. — 1996. — 464 с., ил., (в пер.) — 32000 р.

Словарь содержит термины архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства народов Азии и Северной Африки, а также статьи о религиозных деятелях, мифологических персонажах, религиозно-философских учениях, объектах и предметах культа.

Доставку заказов по всем регионам России обеспечивает ТОО "Аллес".

109548, Москва, а/я 1, ТОО "Аллес". Тел. (095) 353-76-11 E-mail: mishax @ redline. ru

В заявке укажите название книги, количество экземпляров, форму оплаты,

а также ваш адрес и телефон.

Напоминаем, что в ТОО "Аллес" Вы можете заказать книги, перечень которых опубликован в номерах 6 и 7 журнала "Смена" (темы: "Учебная, развивающая и информационная литература", "История Отечества", "Межмультикультурная и биографическая литература, воспоминания"), а также следующие Каталоги книг—почтой:

— Каталог Российской книготорговой палаты (общий периодический каталог)

— Каталог изданий Российского Библейского Общества

— Каталог литературных аудионассет Государственного литературного музея "Голоса, зазвучавшие вновь"

— Каталог учебной и развивающей литературы

— Каталог изданий Московского государственного университета (наличие и план выпуска 1997 года)

— Каталог изданий Российского государственного гуманитарного университета (наличие и план выпуска 1997 года)

— Каталог музыкальной литературы и нот (учебный и исполнительский репертуар)

— Каталог видео- и аудионассет и компакт-дисков (только классика, искусство)

— Каталог литературы по устройству и эксплуатации автомобилей отечественного и зарубежного производства

Более полную информацию о заказе книг и каталогов см. в № 6 журнала "Смена".

К британской группе "Продиджи" ("Чудо") испытывают симпатии и спесивые интеллигалы, и люди попроче, с рабочих окраин. У нас в этой роли любимчиков ранее перебивали последовательно "Депеш Мод", "Нин" и "Нирвана", но сегодня это определено "Продиджи".

Еще в начале 90-х мрачным завываниям американского гранжа с его героиним и суицидальными замашками Британия противопоставила совсем другую культуру, сейчас широко известную под собирательным понятием "рэйв". Да, жизнь нелегка, соплашались любители поплясать, но что вы так и ней прицепились? Не легче ли переселиться в свою собственную Вселенную хотя бы только на время действия волшебной таблеточки? Одной из центральных фигур техно-взрыва 1992 года и стала "Продиджи". Ее первый, довольно самопальный сингл "What Evil Lurks" не принес ни славы, ни денег, хотя впоследствии и был признан классикой

хард-юра (стиль техно, отличающийся жестким и агрессивным звучанием).

Создатель и инициатор группы "Продиджи" — симпатичный блондин Лайам Хоуллетт, вонруг музыки которого в свое время объединилось несколько молодых ребят. Сам Лайам увлекся музыкой с детства и даже в отличие от остальных участников "Продиджи" — зазвончил по настоянию отца классическую школу фортепиано. В 14 лет Лайам пробует самостоятельно делать минксы: он переписывает без пауз радиопесни на собственный магнитофон и получает огромное удовольствие от такого нехитрого занятия. Однако спустя некоторое время это милое хобби перерастает у Лайама в серьезное увлечение: как-то раз у одного из приятелей он записал свой первый настоящий минкс на четырехдорожечном аппарате и не успокоился до тех пор, пока не заработал деньги на две собственные "вертушки" (проигрыватели). С этого времени для Лай-

в по ночам одновременно работал диджеем. Как-то раз главный редактор журнала, прослышав о ночной деятельности Лайама и сходяв на его выступления, решил помочь ему, выделив 4000 фунтов стерлингов на запись альбома. Увы, тогда из затеи ничего не получилось: Лайам успешно записал альбом на одной из студий, но денег на выпуск его не хватило.

Но вот однажды Лайам посетил популярный ночной клуб Эссенса под названием "Барн" ("Сарай"), где собирались любители послушать музыку в стиле "эсид хаус" ("кислота"). К тому времени он уже порядком устал от хип-хоп клубов, и ему хотелось переменить обстановку. Атмосфера в новом клубе его потрясла. "До этого я никогда так много не танцевал, как в ту ночь, — рассказывал позже Лайам. — Можно было просто радоваться и прыгать вокруг, получая от этого удовольствие". С тех пор Лайам стал завсегдатаем "Барна". Весь последующий год он зарабатывал деньги на фабрике, печатавшей термопереводные картинки на футболках, а в свободное время тратил все деньги на запись собственных композиций и посещал ночные тусовки в клубах.

В одном из таких клубов он и познакомился с длинноволосым парнем, которому безумно понравился его последний сет. Это был Кейт Флинт — самый эксцентричный и су-

ама начинается новая жизнь, все интересы сосредотачиваются исключительно на музыке. Потратив достаточно времени и усилий (он тренировался ночью, дома), чтобы научиться отлично танцевать и чувствовать себя уверенно перед большой аудиторией, Лайам предлагает услуги диджея школьной хип-хоп тусовке под названием "Нат ту кил". Позже, закончив обучение графическому дизайну, Лайам устроился работать в лондонский журнал "Метрополитен".

масшедший участник "Продиджи". В отличие от Лайама Нейт никогда не занимался музыкой и уж тем более не собирался стать профессиональным музыкантом. Беспечный парень, никогда всерьез не задумывающийся о будущем и живущий исключительно настоящим. Когда-то его любимыми группами были "Лед Зеппелин" и "Пинк Флойд". Однажды, решив бросить все, Нейт отправился в одиночку в путешествие и объехал автостопом Европу и Среднюю Азию. Когда вернулся домой, в маленький городишко Брейнтри, он застал рэйверское движение в самом разгаре. Вскоре он тоже появился в клубе "Барн", и на него, так же, как и на Лайама, это первое посещение произвело неизгладимое впечатление. А некоторое время спустя в одном из аналогичных клубов, где исполнялся рэйв, он познакомился еще с одним будущим участником "Продиджи" – Лероем Торнхиллом. Длинноногий Лерой, работавший элентрином, потряс Нейта своими сногсшибательными танцами. Он был самым классным танцором из всех находившихся в это время в клубе, вспоминал потом Нейт. С тех пор Нейт, Лерой, их подружка Шарни и применивший к ним Лайам стали неразлучными друзьями. Однажды Лайам записал специально для своих новых друзей кассету с собственной музыкой, и оба – и Нейт и Лерой – пришли от нее в восторг. На кассете была надпись "Продиджи", обозначающая модель синтезатора, на котором она записана. Случайная надпись и дала название будущей группе.

Вскоре Нейт и Лерой увлекли Лайама идеей создать свой собственный танцевальный проент вместе с Шарни. Лайам согласился, но нужно было найти менеджера, который бы стал представлять группу. И эту проблему вскоре решили. Друг Нейта порекомендовал своего приятеля Мансима Равли-

ти, увлекавшегося музыкой в стиле регги.

Первое выступление едва сформированной группы состоялось в лондонском клубе "Лабиринт". Приятели – Лайам, Лерой, Нейт и Шарни – так страшно волновались, что приехали в клуб за 10 часов до представления. Они хотели прийти здесь в себя, немного подсобраться, одеться в специально пошитые к этому случаю костюмы и морально подготовиться. Неожиданно для них самих выступление в клубе перед аудиторией в 250 человек произвело не плохое впечатление, их пригласили выступить и в следующий раз, обещав собрать аудиторию по крайней мере в 4 раза больше...

В течение всего последующего года Лайам работал нан бешеный: после сумасшедших ночных выступлений в клубах он сочинял десятки новых композиций и записывал их на кассеты. И вот однажды его титанические усилия увенчались успехом: нан-то раз он послал две из своих кассет в две звукозаписывающие фирмы, и одна из них – "XL" – откликнулась немедленно. Лайам срочно выехал в Лондон и заключил контракт на запись своих песен. Это радостное известие повергло участников проента в шок: их честолюбивые амбиции никогда не простирались дальше того, чтобы выступить в ночном клубе – и вот теперь им выпало неслыханное счастье – записать настоящий альбом и начать карьеру профессиональных музыкантов...

Время между тем работало на них, и после новых песен "Charly" и "Everybody In The Place" о лидере группы Лайаме Хоулетте заговорили как о единственном гении, работающем в элентронной музыке. Собственно, группа держалась тогда на нем. В этом еще одно отличие техномузыки от рона: группа, по сути, состоит из одного человека, вокал (в данном случае сэмплы – обрывки

фраз, отрывки мелодий) заимствован у третьих исполнителей, а Лерой и по сей день не имеет контракта, то есть формально в "Продиджи" не числится.

Сегодня их дебютный альбом "Extrégence", вышедший осенью 1992-го, не особо впечатляет (особенно на фоне их же поздних работ), но содержащийся в нем заряд позитивной энергии точно передает эйфорию многосуточных рэйвов. Стоит упомянуть, что альбом создавался на чистом энтузиазме: контракта с крупной фирмой, а, следовательно, и денег они не имели – достаточно посмотреть их первые клипы, пусть снятые с юмором и фантазией, но совершенно любительские.

После вышедших в 93–94-м годах синглов "One Love" и "No Good" "Продиджи" наконец стала известна в рэйв-клубах. Музыка усложнилась, стали интереснее видеоклипы, зазвучали не свойственные группе ранее нотки клаустрофобии и депрессии. Но и времена изменились: психоделическое веселье, как обычно, обернулось смертями и психозами, и английское правительство запретило рэйвы.

И в этот момент "Продиджи" взяла на себя роль идеолога "обманутого поколения": новый альбом так и назывался "Music For The Jilted Generation". Это был уже натуральный шедевр, цельный, законченный и слушавшийся на едином дыхании. Диск занял первое место в Британии, да и у нас группу полюбили именно после этого альбома. Ей удалось небывалое – записать бунтарский и анархический альбом без текста, оставшись при этом в рамках танцевальной культуры. Под яростную "Their Law", например, плясало очень даже неплохо.

Кстати, всех участников группы объединяет, помимо музыки, любовь к острым ощущениям, к большим скоростям. Их любимые виды спорта: сноубординг и парашютизм,

они обожают танце гоночные машины и мотоциклы.

Музыканты "Продиджи" стали поп-звездами, они уже не были безликими фигурами за синтезаторами. Определенно пришла пора создавать то, что называется модным словом "имидж". Замкнутый интеллигент Лайам не очень-то вязался со своей же собственной агрессивной и заводной музыкой, да и в звезды не очень рвался. Не беда – лицом группы становится Нейт. Хипповые волосы до пояса безжалостно состригаются, оставшиеся клочки красятся во все цвета радуги. На концертах Нейт закатывает умопомрачительные представления: кроет трехэтажным матом английское законодательство, набирает в рот воды, которую впоследствии выплевывает в восторженную публику, и, конечно, прыгает со сцены в толпу. Причем, ловят его всегда, а не расступаются, как перед Эдди Веддером из "Пирл Джем", который периодически разбивает лоб при сходных обстоятельствах.

Но в данном случае не все так просто, как с паннами: за пределами сцены и вдали от теленамер Нейт ведет себя вполне прилично, да и большинство фанатов понимает, что это просто игра – видимо, искренность действительно вышла из моды. То же касается и заигрываний с наркотической темой: конечно, они не трезвенники, но ведь "Продиджи" – это не "Нирвана", на саморазрушении тут никто не помешан.

Несмотря на бешеную популярность "в народе", "Продиджи" пользуется успехом и у критики – ее студийные творения и особенно живые выступления удостаиваются высочайших оценок. "Продиджи" заинтересовались и в Америке – раскруткой в стране гамбургеров занялась фирма самой Мадонны, а уж там-то всегда держат нос по ветру. Тем временем, под новый 1997 год, релиз уже записанного альбома был отме-

нен в последний момент – Лайам решил, что в нем перебор панка и недостаток техно.

Тан или иначе, прямо на глазах рождалась новая музыка: славя всего лучшего, что было в техно и рэпе. "Продидни" стоило только начать, нан в похожем стиле уже работали все вокруг, а некоторые команды стали просто подражать "Продидни" во всем, вплоть до прически.

После интенсивной рекламы и нервотрепки новый альбом "Fat Of The Land" наконец-то выходит. Фанаты и критики единодушны – настоящий динамит, один из лучших дисков года. Первое место не только в Британии, но и в Америке, где танго с электронными группами (тем более из Европы) не случалось. Позабыв о своих корнях, "Продидни" с головой бросилась в омут лютого (пусть и несколько туповатого) панка. Но не стоит бояться страшных ран, которые морчит Кейт, и угроз, которые он выкрикивает: все это пранаушка, все это знают, и все довольны. Поп-Европа выкрасило себе головы "под Кейта" в зеленый (розовый, синий, желтый) цвет. Хотя во вспышке моды на "пирсинг" (прокалывания) они сыграли не последнюю роль. Кейт вообще скоро станет похоним на сито: у него проколот даже язык. А после концерта "Продидни" неистовые зрители не ломаются громить все вокруг, а организованно садятся в автобусы и едут домой, чтобы с утра приступить к своим обязанностям в офисе.

На новом диске лишь немногие композиции напоминают, что "Продидни" начинала с танцевальной музыки, но вряд ли стоит упрекать музыкантов в погоне за модой – в конце концов они сами эту моду и создали. Теперь они определенно готовы сменить "Оазис" на посту лучшей британской группы – газеты полны сообщениями об учиняемых Кейтом скандалах, Лайам отказался от сотрудничества, предложенного Дэвидом Боуи, так что все повадки боль-

ших звезд они освоили. Этим летом безумный лик Кейта украсил обложки всех музыкальных журналов без исключения. В последнее же время группа нашла себе новое развлечение: их, мол, утомила собственная популярность, и они решили чуток ее порушить. Для начала на обложке нового сингла "Smack My Bitch Up" планировалось начертать цитаты Геринга: теперь выпуск сингла отложен на неопределенное время. Пока еще что-нибудь в голову не взбредет. До уничтожения собственной популярности до них никто еще не додумался – раньше ее все больше приумножали.

В сентябре этого года "Продидни" второй раз выступила в Москве на Маненной площади без всякой предварительной рекламы. А группа, в рекламе не нуждающаяся, – это, знаете ли, уже титул.

**ДМИТРИЙ ВЕБЕР,
ИВАН ПРОХОРОВ**

УТРО

Еще почти темно,
Но солнечная шить
Большичное окно
Пытается открыть.
Возьму бумагу я,
И сложится строка,
И вся судьба моя,
Как этот луч, тонка.

Хорошо бы проснуться и знать,
Что никто не подложит подлянки,
Хорошо с антресолей достать
Свои старые детские санки.
И катаясь, глядеть в небеса,
Поискать там местечко для духа...
Что-то вдруг обожгло, как оса,
Это пуля царпанула уха.

Обрывки разговоров,
Морозный воздух чист,
В подземном переходе
Играет гармонист.

Спят все на работу,
И зябко на заре,
Летят бумажки в шанку,
Как листья в октябре.

А днем — уже теплее,
Почти комфортно тут,
По кнопкам его пальцы,
Привычные, бегут.

Но вот приходит вечер.
Гармонь свою берет,
В загаженном подъезде
В объмку с ней заснет.

Во сне увидит солнце,
И давнюю весну,
И поезд, уносящий
Его на целину.

КАВКАЗ

Когда я разотру в ладони
тонюсенькую ветку кипариса,
услышу запах Севера. Откуда?
И что за странный шум доносит ветер?
Быть может, это взрывы? Или море?
Похоже, приближается ледник.

Лишь только вечер осторожно
На землю хочет спуститься,
Мне отчего-то невозможно
Молитву вслух произнести.
Скудны слова; услышу дальний
Звон колокольный в тишине,
Звук, и приветный, и печальный
Вольется прямо в душу мне...

ЮЛИЯ ГНАТЫШАН

На черепках в густой траве,
Где змеи ползают в глазницах,
Родился цвет души моей,
Но знаю, он не повторится.
Не повторится этот взгляд.
Любовь моя не повторится.
И только мутный, теплый яд
Во мне, как кровь, живет, сифунится.
Стекаая, капли со стеблей,
Иную смерть вокруг рождают,
И холодность лукавых змей
Окрест меня свой круг сужает.
Как сладко думать, что они,
Мой аромат и страсть почуя,
Спешат утешить мои дни,
Шипят, и вьются, и ликут.
Тот, кто рожден на древе зла,
Иного счастья не мыслит.
Так знай, что жизнь моя была
Случайным отраженьем Жизни.

А. П.

Когда весь мир одно лишь зло,
Он болен им неизлечимо,
И руки, спутанные тinou,
Свое свершают ремесло.
Танцует лод под нервный смех
И месит глину сапогами.
Гниют меж сонными домами
Кострища прожитых утех.
Когда хохочет Сатана,
Свою победу торжествуя,
И в рыхлом облаке тоскует
Всю ночь багровая луна,
Она - стоит на каблучках
В коротком платьице из ситца
И держит крохотную птицу
В дрожащих маленьких руках.
И так невинна красота,
Добро и нежность излучая.
Она стоит, не замечая,
Что в мире зло и пустота.

ЧАСКОТЕЖ

Рисунки
ВИКТОРА ФЕДОРОВА

ПОЛИКЛИНИКА

ВРЕМЯ
ЛЕЧИТ

— По гороскопу
у меня сегодня
крупный финансо-
вый успех!..

ИРИНА
САВЕЛЪЕВА

OH#

С Игорем Р. я познакомилась в доме у одного нашего общего друга. Мне сразу понравился этот симпатичный 23-летний юноша, безупречно одетый и на первый взгляд производящий впечатление человека холодного и замкнутого. Но это впечатление оказалось обманчивым, и в тот же вечер между нами завязался долгий и откровенный разговор, который стал началом дружбы.

Игорь – гомосексуалист, или, как их еще называют, – гей. Мы с ним часто беседуем о музыке, о фильмах, о компьютерах, но главным образом – “о странностях любви”. Игорь показал мне свой дневник и позволил опубликовать некоторые фрагменты из него...

...Вчера произошло то, чего я давно боялся. Человек, который значил для меня так много, навсегда уехал из нашего города. С ним я впервые узнал, что такое любовь. Меня всегда, сколько себя помню, тянуло к мужчинам, но только с этим человеком я понял, что это моя судьба, и так будет всегда. Теперь я остался один, и впереди беспросветный мрак. Я не знаю, как и зачем мне жить дальше...

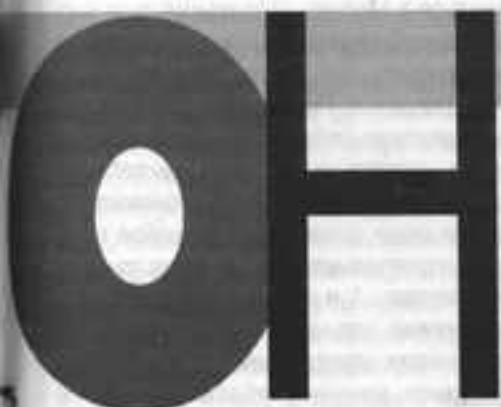
...Было так плохо, что я несколько дней не мог ни есть, ни двигаться – лежал на диване и смотрел в одну точку. Мама испугалась, спрашивает, что со мной происходит, а как ей объяснить? Я не смог бы даже произнести перед ней

это слово. Раньше, когда мне где-то встречалось слово “гомосексуалист”, я, хотя и понимал его значение, никогда не предполагал, что это как раз я и есть. Я не то чтобы отрицал, боялся, стыдился – нет, просто в голову не приходило так себя называть.

С мамой я все не смог объяснить, хотя и странным способом. Я достал с полки толковый словарь русского языка, открыл на слове “гомосексуализм”, показал ей и говорю: “Видишь? Вот у тебя сын такой”. Она смотрит – не на меня, в книгу – а я боюсь, что она сейчас начнет кричать, что “растила меня, растила, все силы отдавала...” или еще хуже – плакать будет. Просто у меня нервы были на взводе, я не знаю, что со мной могло бы произойти. А мама, наверное, это почувствовала и так спокойно-ненько мне говорит: “Ну и ладно, сынок, ты, главное, не перенимай, и не с таким людьми живут. Я попробую узнать, может быть, это лечится”. Она, наверное, подумала, что для меня это проблема, что я хочу быть как все, и от этого страдаю. Я даже не стал ее разубеждать.

После того, как я открылся матери, стало почему-то легче. Правда, у нее все время меняется настроение и отношение к этому. То говорит: “Ты мой сын, я всегда с тобой, лишь бы тебе было хорошо”, то куда-то звонит, о чем-то договаривается тайком от меня. Нанонеч, сегодня за обедом сказала мне как бы между прочим: “Я нашла тебе психиатра, доктора наук, послезавтра с утра мы к нему пойдем и поговорим”. Я говорю: никуда я не пойду. Я от этого не страдаю, а если ты страдаешь, то это твои проблемы. Конечно, был скандал, слезы, уговоры, валонордин, и, нанонеч, я согласился с ней туда пойти – только чтобы она успокоилась.

Пришли мы к этому психиатру, он мне ну уж каких-то вопросов задал, а потом говорит: “Смотри мне в глаза”. А я ему – не буду. Он опять все: “Даю установку, что тебе перестанут нравиться мужчины”. Я такого даже ради мамы не мог выдерживать. Вы, говорю, себе да-

вайте какие хотите установки, а в мою жизнь не вмешивайтесь. Мама со мной с того момента, как вышли из его кабинета, вообще не разговаривает.

... Давно ничего не писал, как-то не до того было. Произошла со мной смертельная история. Наверное, я слишком долго был один, стало уже просто невыносимо – а тут подвернулся человек, знакомый знакомых, который меня вычислил и дал понять, что не прочь. Ни о какой любви, разумеется, речи не шло. У него была девчонка, но ему захотелось для разнообразия развлечься гомосексуальными отношениями. Или просто не с кем было выпить. Стал он приходить ко мне, когда мама денурит по вечерам, пил, мне наливал, хотя я не пью. Потом мы занимались сексом. У него была привычка, которая меня убивала: выходя из постели, он мне юдал фразу: "Нашел бы ты себе бабу, что ли". Как-то он приехал ко мне со своей девчонкой и привел с собой ее подружку – для меня. Я их всех выставил и решил, что никогда больше с ним не буду общаться. Но он вскоре пришел, чтобы занять у меня денег: его девчонка залетела, нужно было заплатить за аборт. Не знаю, почему, но я ему достал денег, занял у родственников. Он должен был их отдать через неделю и, естественно, не отдал, просто пропал, и все. Я наконец решил сам пойти к нему. Вошел в его грязный, обшарпанный подъезд, позвонил в дверь. Он открыл, стоит на пороге, я ему: когда долг отдашь? Он на меня матом, денег я никаких, говорит, у тебя не брал, а если еще оно моего дома появишься, весь город будет знать, что ты пидар. Вот такая история.

Я нашел себе друга – девушку, с которой мы учились в школе. Специально ее разыскал, потому что от кого-то услышал, что она, живя в Москве, тусовалась с голубыми. В школе я с ней, кажется, ни разу даже не разговаривал – она была совершенно бесцветная, незаметная – словом, инаная. Как-то на уроке географии она вышла к доске и что-то стала, как всегда, неслышно мыслить, а учительница разозлилась и го-

ворит: "Вот занончишь ты, Валя, школу, тебя трахнут по голове чем-нибудь тяжелым, и после этого ты научишься говорить громко". И ведь как в воду глядела. Эта Валя после школы влюбилась в человека, который, погуляв с ней, стал любовником ее матери. В семье у нее начались диние скандалы. Она не выдержала и ушла из дома куда глаза глядят. Глаза ее глядели в Москву, куда она и приехала на последней элентричке. Отправилась прямо в центр города, на Тверскую, встала на тротуаре и начала думать, куда пойти – ни родных, ни знакомых, ни денег. Вдруг оноло нее остановилась машина, вышли какие-то парни, спросили: "Работать хочешь?" Она полезла в сумку за газовым баллончиком, но тут ее ударили по голове, затолкали в машину и увезли. Полгода они заставляли ее работать проституткой, денег не давали, только слегка кормили и иногда били, чтобы знала свое место. Потом она как-то излоечилась и от них сбегала. А пойти ей опять было некуда, и тут она случайно познакомилась с какими-то геями, вместе с ними тусовалась, жила где придется, торговала. Через некоторое время она вдруг помирилась с родителями и приехала их навеситить. Я позвонил ей, вчера мы встретились и почти сутки без перерыва говорили – я ей о своем, она мне о своем. Она говорит, что мне обязательно надо ехать в Москву, что здесь мне жизни не будет. Объяснила, где в Москве находится "пleshна" – место тусовки геес...

У меня созрел план – я объявил матери, что летом собираюсь поступать учиться в Москве. Отправился туда якобы за учебниками; на самом деле решил посмотреть, что такое "пleshна" и что там делается. Приехал, сел на скамейку, чувствую себя полным идиотом: не знаю, нормально ли я одет, как себя надо вести, что делать, как знакомиться. Ходят люди, о чем-то между собой говорят, переглядываются, на меня то и дело смотрят. А я не могу разобрать, кто из них гей, кто нет. Мне было страшно: вдруг спросят, зачем я здесь сижу. Подошел мужчина, обратился ко мне

венливо: молодой человек, вам не скучно? А я почему-то растерялся, мне показалось, что я как проститутка на панели... "Я, — говорю, — жене иду, она сейчас из ЦУМа выйдет". Он отошел, и я понял, что он подходил знакомиться — значит, еще кто-нибудь подойдет. Стал осматриваться, мысленно выбираю, кто мне здесь нравится. Подошел один, который мне не нравился, я и ему сказал про жену. Следующему тоне соврал. Язын у меня не поворачивался сказать, что мушкетер иду. И больше ко мне уже никто не подходил, пока совсем не стемнело. Сижу я, злюсь сам на себя. Замечаю, что на другом конце снамейки сидит мальчик, тоне чего-то идет. Там и сидим, как две королевы. Вдруг на снамейку между нами плюхается полупьяный вертлявый мушкетер с "дипломатом": "Ой, мальчики, у меня сегодня праздник, давайте вместе за меня выпьем". А я: что вы, что вы, я не пью. Он меня не слушает, достает из "дипломата" бутылку коньяка (я коньяк ненавижу), станокчик, наливает. "Мальчики, а вы знакомы? Нет? Сейчас познакомимся". Вдруг его кто-то позвал, он схватил "дипломат" и побегал. А разговор с тем мальчишкой у нас уже завязался, слово за слово, познакомимся, поехали куда-то и нему на работу, в каную-то раздевалку. Ничего особенного между нами и не было, но мне все это понравилось.

... Почему-то я стал очень бояться старости. Можно, конечно, быть молодым душой — мне кажется, если я дане до ста лет проживу, все равно останусь таким же, как сейчас, не "остепенюсь", как говорит моя мама. Но вот то, что постареет, изнаосится тело, произойдут все эти физические изменения, появятся морщины — меня пугает до такой степени, что я скорее готов умереть молодым... Я понимаю, как важно все то, что у тебя внутри, каная у тебя душа, интеллект, талант. Но в гевеской тусовке все равно сначала смотрят на лицо, и если у тебя морщины, то кому ты нулен?

Учиться я поступил, живу в общении. Сегодня опять выбрался на "плешку". Но мне почему-то подходили только

такие, которые мне не нравятся, а я не мог сказать: "Уйди, ты старый и толстый", и врал опять, что жене иду. Сидел так час, два, злился на себя и наконец дал себе слово: кто первый ко мне подойдет, с тем и пойду — без лишних разговоров. Вскоре подошел мушкетер какой-то. В темноте не особо было его видно, и почти не страшно. Поехал я с ним как бы добровольно. Он не спрашивал, чего я хочу, чего не хочу, вообще не разговаривал — ему надо было трахаться, и все. Было очень больно — фактически он меня изнасилвал, все мне порвал. Он собирался еще продлнить, но я понял, что мне здесь делать нечего, оделся и направился к двери. Он кричал мне вслед: "Я не понимаю, в чем дело?" — но я послал его подальше и ушел.

Мне вдруг стало неинтересно среди людей. Хотя тосливо одному, и общаться с кем-то все равно надо, я стал, похожему, молчаливым и сдержанным. Потому что у людей свои проблемы, у меня свои, и мои проблемы на самом деле никого не интересуют, а большинству людей о них лучше вообще не знать.

Иногда мне кажется, что я узнаю гев среди уличной толпы. Естественно, среди них есть явные, которых узнать легко. Очень видно по глазам, когда человек смотрит на тебя оценивающе. Конечно, "натуралы" тоне иногда смотрят оценивающе, но в том плане, сколько стоит то шмотье, что на тебе надето, и соответственно сколько стоишь ты сам.

Ездил к маме, она дала денег. Веле-ла хорошо питаться, беречь себя. Мне вдруг безумно захотелось пойти в каную-нибудь крутой бар, посидеть там, почувствовать себя человеком. А то живу в Москве уже три месяца, а ничего не вижу, кроме своей общаги и учебы. Дане знакомиться ни с кем не хотелось а вышло так, что познакомился. Пришел я в бар: полумрак, музыка... Половина — иностранцы. Взял джинс с тоном, сижу. Заметил за соседним столиком обычную вроде бы пару — молодой человек и девушка. Мне вдруг показалось, что он знался, хотя за девушкой ухажив-

вует, подливает вино, сигарету ей зажигает. А она смотрит не на него, а все время по сторонам – глазами стреляет, словно ищет кого-то. На меня посмотрела, мой взгляд перехватила, и – как гром среди ясного неба – это же Валя, моя однокурсница. Я ее сразу не узнал – шикарно одета, причесана, макияж. Она мне обрадовалась, улыбнулась, поманила к их столику. Подсел. Она: знакомься, это Дима, мой друг. Дима мне: очень приятно, и я чувствую – точно наш. Валя меня под столом ногой толкает и шепчет: ты что тут делаешь – ищешь кого-то? Я говорю, да нет, так зашел, посидеть, тоскливо стало, а ты? Она на меня странно посмотрела, как на дурака, и ничего не ответила. И вдруг до меня дошло. Тут она стала откровенно строить глаза какому-то мужчине, кажется, иностранцу. Видимо, он ее глазами позвал, потому что она встала и пошла, но как бы не к нему, а вальяжно направилась к винтовой лестнице, которая ведет на второй этаж. Иностранец встал из-за своего столика, к ней подошел, они о чем-то заговорили. Потом Валя вернулась к нашему столику и говорит Диме: это тебя хотят, поведем к нам – он в гостинице боится. Поспешно нашарила в сумочке помаду, нацарапала на салфетке телефон, протянула мне – звони, говорит, только не очень рано. И они ушли, иностранец – за ними. Я еще некоторое время сидел за столиком, у меня было странное чувство. Я знал, что Валя раньше была проституткой, ее заставили, но почему сейчас? И этот мальчик, Дима, – он тоже проститутка?

Однако светская жизнь – дорогое удовольствие. За два дня-тонника я оставил в баре почти половину данных мамой денег.

Собираясь отдать ностром в химчистку, полез в карман и нашел там испачканную губной помадой салфетку. С трудом разобрал цифры телефона, и – сам не знаю, почему – позвонил. Был уже вечер. Трубку снял Дима, я напомнил ему, что мы познакомились в баре. Он, ка-

жется, был рад меня слышать, но сказал: "Валя подойти не может и вообще, и нам сейчас нельзя, давай лучше встретимся на Китай-городе, пойдем куда-нибудь". Я согласился – почему нет, все равно делать нечего, сосчитал оставшиеся рубли и решил, что еще на один заход в бар мне должно хватить.

Дима оказался интересным собеседником. Мы зашли в некое кафе, он немного выпил и разоткровенничался. Оказалось, что начал он заниматься проституцией по необходимости: вдруг остался без нилья, без работы, без денег. Раньше у него была работа, но начальник, догадавшись, что Дима гей, стал сначала наменять, а потом открытым текстом предлагать Диме спать с ним. У начальника, разумеется, была семья, жена... Дима сначала делал вид, что его это не трогает, потом не выдержал, взорвался, нагрубил – и вылетел с работы, а затем и из квартиры, которую он снимал уже несколько лет, с тех пор, как приехал в Москву из... какая разница, откуда. Квартирная хозяйка долго охала, ахала, такой хороший милец тихий, девон не водит... но, не получив оплаты за очередной месяц, выкинула Димины вещи на лестницу.

Валю он знал еще с тех времен, когда она, сбегав от своих бандитов, скиталась по знакомым и приторговывала водкой и, как водится, собой. Теперь она имела приличную клиентуру и снимала квартиру. Еще до того, как хозяйка выгнала Диму, он просил Валю: найди мне хотя бы одного клиента, чтобы оплатить квартиру. Она ответила: что-нибудь придумаем. Пока думали, он остался на улице и под вечер с вещами явился к Вале, выпил с ней, поплакался на судьбу, да так и остался. К ней часто приезжали клиенты, она стала его рекомендовать: у меня есть мальчик хороший, не хотите попробовать? В первый раз, когда Дима "обслужил" клиента, получилось так: к Вале приехали двое, она занялась с одним в комнате, а второго оставила с Димой на кухне, многозначительно подмигнув. Дима даже не осознавал, что "работает", и тогда мужчина

уходя, оставил ему деньги, долго смотрел на них и думал, что, может, все не так уж страшно.

«Неужели действительно не страшно?» – спросил я. Он помолчал. «Страшно. Приходится пить – не в ноль, но до такой кондиции, чтобы не бояться. Мысль-то материальна, чего боишься, то и получится. А когда выпьешь – да наплевать, нужны деньги. Хуже не будет, без денег тонна очень плохо. Ному какая разница, что я так умру, что по-другому?»

«А завязать с этим тебе не хочется?» – почему-то спросил я. «Понимаешь, – ответил он, – я почувствовал вкус денег. Это затягивает. Я ничего другого не умею делать, что умел – разучился. Правда, один раз был случай – чуть и вправду не завязал... Садист мне попался. Иностранец, снял меня у «звезд» – в туалете на Красной площади. У меня было нехорошее предчувствие с самого начала, когда мы шли к нему в «Рашку» – гостиницу «Россия». Вошли в номер, он дверь изнутри запер и такое началось... Он открыл кейс, а там – нарчунки, цепи, кожаная плетка с узелками, канье-то черные резиновые штуки, шипованные ошейники... Полный набор. Один раз такое увидишь – на всю жизнь хватит. Меня холодный пот прошиб, я ему – нет, не надо, а он на своем ломаном русском: «Почему? Ты сам со мной пошел». Спасло только то, что я стал орать как резаный, мол, в «ноль – два» позволю. Он сразу испугался, пальцем меня не тронул, отпустил и даже денег заплатил, как договорились. Мне повезло, что иностранцы у нас милиции пока боятся».

Дима сильно выпил, ему стало нехорошо. Я вывел его из прокуренного бара на свежий морозный воздух. «Знаешь, чего я больше всего хочу? – сказал он мне прежде чем расстаться. – Найти человека, которому я был бы нужен: ведь на меня всем всегда было наплевать, даже родителям. Я бы все отдал, чтобы такого найти». Я тоже, подумал я про себя.

Впервые после того случая в ноябре меня опять потянуло на «пleshну». А куда еще? Где еще я могу с кем-то познакомиться?

День был солнечный, но не то, чтобы теплый, и, походив полчаса, я решил идти назад, в общагу.

Вдруг подходит ко мне молодой человек – одет невзрачно, ботинки облезлые нанив-то. Все-таки для меня внешний вид очень много значит. Он показывает, как человек относится к самому себе. А если он себя не уважает, разве он может хорошо относиться к другому? Но мой новый знакомый говорил приятные слова, и рядом с ним было как-то очень спокойно, хорошо. Ехать нам с «пleshни» было абсолютно некуда: я жил в общаге, он с мамой. Он пошел звонить, чтобы попроситься переночевать к его друзьям. Ушел, а у меня было время подумать. То, что я видел, мне не очень нравилось. Но то, что он говорил, было приятно – я раньше ни от кого не слышал таких слов. У меня был выбор – остаться или сбегать, пока он будет звонить. Я подумал и решил все же остаться. Мы с ним – его зовут Сергей – поехали в гости к его знакомому, у которого была свободная комната. Шли по улице, через каждые сто метров останавливались и долго, жадно целовались, пользовались сумерками и безлюдностью.

...К другу Сергея вернулись родители, и оставаться там мы больше не можем. У меня в общаге тонна посторонним нельзя. Сергей предложил поехать к его маме, хотя предупредил, что она у него «не ангел». Не успели мы переступить порог, как его мама подняла крик на весь подъезд. Почему-то она сразу ополчилась на меня: «Ты, – кричит, – отнял у меня сына, убирайся вон из моей квартиры!» Сергей ей: «Раз ты его выгоняешь, я тоже уйду и никогда к тебе не вернусь!» И мы с ним вместе ушли. Я шел и думал: как мне все-таки повезло с мамой.

Весь день обзванивали всех его знакомых, пока, наконец, не нашлась квартира, где мы сможем какое-то время продержаться, пока не подыщем себе жилье.

Мне пришлось взять академический отпуск и устроиться на работу – надо платить за квартиру. Мама пока не знает об этом, как и о том, что я живу с

Сергеем, и убедила, что я учусь и живу в общепитии. Я езжу к ней два раза в месяц, на выходные, и вдохновенно сочиняю байки про учебу, преподавателей. О личной жизни она меня никогда не спрашивает, словно боится затронуть что-то запретное. Очень противно врать, но пока я не знаю, как выпутаться из этой ситуации.

На работе я любыми путями ухаживаю от гееской темы, но, по-моему, вычислить меня очень легко, особенно из-за Сергея, который часто заезжает за мной. Конечно, одно дело – знать наверняка, а другое – догадываться. Среди наших сотрудников есть два человека, которых я очень уважаю. Умные, интересные люди, они не задают мне вопросов, потому что – я уверен – и так все понимают. С другой стороны, у нас работает девушка, которая то и дело спрашивает: "Сергей тебе кто? Друг или как?" "Брат двоюродный", – отвечаю.

Я боюсь сплести, но я счастлив, что рядом есть человек, который меня любит и обо мне заботится. Мне это почему-то оказалось очень важно и нужно. А самое главное – я впервые встретил гея, который уважает свою гомосексуальность, и не только не стыдится ее, а скорее гордится. Благодаря Сергею, я попал в компанию своих, где чувствую себя как рыба в воде. Это мой мир, и его у меня уже никто не отнимет.

Зато с гетеросексуальными мужчинами – за редким исключением – мне стало сложно общаться. Я не знаю, о чем с ними говорить, – о спорте, о рыбалке, о бабах? С женщинами проще. Мне кажется, геи к ним ближе.

Я понял, что мужчина, который спит с мужчинами – еще не обязательно гей. Есть множество людей, которые подавляют и скрывают свою гомосексуальность, женятся, заводят детей и ведут себя полностью как "натуралы". И при этом раз в месяц – а, может быть, раз в полгода – этот человек втайне от всех ищет себе мужчину, потому что иначе не может. Потом он долго мучается сознанием своей ненормальности и страхом

разоблачения. Это не гей. Гей – это тот, кто принял себя таким, как есть, честен с самим собой и не страдает оттого, что он «не как все». Если меня не влечет и женщине, если я не хочу жить с женщиной, то разве я имею право себя насиловать? Жизнь не настолько долгая, чтобы ставить над собой эксперименты.

Раньше у меня не возникало желания иметь детей, а в последнее время все чаще повсюду себя на том, что подруги смотрю на них и хочу, чтобы у меня был такой же – маленький, хороший, родной. Но пока я ни морально, ни материально к этому не готов. Ребенку нужно очень много – в том числе время, любовь, внимание. И я не понимаю, когда кто-то заводит детей, "чтобы после меня что-то осталось". Я сам постараюсь оставить после себя след, чтобы помнили меня как меня, а не как отца моего сына.

Сейчас все чаще пишут о геях, по телевизору говорят, показывают, как эзотерику, западные гееские демонстрации и карнавалы. Великих упоминают и месту и не к месту – Чайковского, Оскара Уайльда, Нуриева и многих-многих других. При этом об их гомосексуальности говорят так, словно это был их крест, словно все их проблемы и страдания происходили оттого, что они геи. А кто задумался, сколько они еще могли бы создать, если бы окружение не заставляло их скрывать правду о себе, как грязный секрет, лечить, как болезнь, замаливать, как грех? Сколько обманов, разочарований, травм, сколько подлости и шантана происходит оттого, что людям не позволяют открыто быть такими, какими их создала природа.

Впервые ездил в гости к маме вместе с Сергеем. Она сначала казалась напряженной, почти враждебной. Разговаривала только со мной, на него даже не смотрела. Я чувствовал, что она его молча оценивает. К вечеру, когда мы уезжали, она как бы растаяла, потеплела к нему. На прощание сказала, обращаясь к нам обоим: "Вы, ребята, признали бы почаще". В элктронике я сказал Сергею: "Мама тебя призна-

ла". Я понял, что с этого момента нам уже непросто будет расстаться.

У мамы был день рождения, собиралась вся родня. Нам было страшно вато появляться там вместе с Сергеем – все-таки маленький город, как воспримут, что подумают? Мне-то все равно, а маме там жить. Но мы решили – будь что будет, поедим. Купили подарки, цветы, все прекрасно прошло. Никто даже вопросов не задавал, с кем это я приехал – друг и друг. Ближе к вечеру зашла тетя Надя, соседка, маму поздравить. У нее сын – мой ровесник, вместе в школе учились, в прошлом году женился. Теперь любимая тема у тети Нади – понаблюдаться, что нигузде молодые плохо, все время ругаются, детей-то известна не хочет – и что только он в ней нашел? Меня увидела и начала другую песню: "А что же ты у нас все не женишься? А девушка есть у тебя? Парень уже взрослый, пора семью, детишек заводить, маме-то, небось, уже охота внуков понычнить..." Мама, откуда ни возьмись, неожиданно встала на мою защиту: "Да ты, Наденда, на своего сына посмотри, как они живут. Ну да ты моего торопишь – пусть погуляет". Тетя Надя моментально переключилась на Сергея: "А это кто, друг твой? А почему у него волосы длинные и серьга в ухе? Это что, мода такая?..." Но мама, не дав ей договорить, решительно перевела разговор на другую тему...

Большая часть наших друзей-геев одиноки. Они спят то с тем, то с другим, и их эта свобода вроде бы устраивает. Но в глубине души многие из них хотели бы быть с кем-то одним, быть кому-то нужными. Секс – это хорошо, но если им все и ограничивается, то начинает недоставать той защищенности, постоянства, которые дает семья. В семье может быть не все гладко, но тебя там принимают и любят таким, какой ты есть.

Почему "натураль" могут жениться, создавать семью, а геи нет? Конечно, если люди любят друг друга, они все равно будут жить вместе. Но мучина и

женщина, вступая в брак, знают, что им необходимо сохранить этот союз, как-то притереться друг к другу, и в идеале рассчитывают прожить вместе всю жизнь. Геи, напротив, изначально считают, что их союз обречен. Когда придется скрываться, притворяться, придумывать «двояродного брата», когда всем – и обществу, и родственникам – каплевать, будете вы вместе или нет, когда отношения между вами считают не любовью, а извращением и позором, очень трудно не сломаться при первой же ссоре и не разбегаться в разные стороны, навсегда потеряв друг друга.

...Я сейчас счастлив, как, наверное, никогда. Я понимаю, насколько хрупко это счастье. И все же мне хочется верить, что у нашей любви будет долгая жизнь.

От редакции: ...Такая вот необычная исповедь.

Честно говоря, мы сомневались – печатать ли эти дневниковые заметки. И не потому, что тема – "жареная-пережаренная"; просто не привычны для российской души такие откровения.

Не будем лукавить: наша так называемая "сексуальная революция" больше похожа на сладостное подслащивание в замочную скважину – в ней хватает и пошлости, и глупости, и элементарного бесстыдства... И в этом – вина наша и беда.

Но гомосексуализм – мужской ли, женский – стал реальностью нашей жизни не сегодня и не вчера. Геи и лесбиянки – наши сограждане; их проблемы так или иначе смыкаются с проблемами всего общества. Они не изгой, не "инопланетяне". Вполне возможно, их откровенность поможет в чем-то важном и нам.

Если кого-то душевно задело рассказанное Игорем Р., напишите нам в "Смену". Мы готовы опубликовать подобные исповеди – геи, лесбиянок, – гарантируя, по желанию авторов, анонимность.

Старого

Глава 1

Первая пуля попала егерю заповедника в верхнюю часть спины, прошла насквозь, раздробив ключицу, а вторая пронзила шею, перебив позвоночник.

Он конвульсивно дернулся, согнулся пополам и тяжело рухнул в грязь. Бинокль выпал у него из рук и повис на кожаном ремешке. Егерь был мертв.

Двое мужчин, выследивших и подстреливших его из высоких зарослей осоки, подтащили свою пирогу к тому месту, где на воде покачивалось тело убитого.

— Ну вот, еще одна правительственная ищейка не будет больше мешать свободным людям спокойно зарабатывать себе на жизнь, — хрипло произнес старший из них и сплюнул на труп. — Может, это научит остальных держаться подальше от наших бо-
лот.

Он подтянул мертвеца поближе к пироге и начал методично обшаривать его карманы, откладывая в сторону все, что могло иметь хоть какую-то ценность, и обратив особое внимание на бинокль, револьвер в кобуре и бумажник.

— Дядя Эрл, а ведь он еще очень молод, — сказал второй. — Самую малость постарше меня будет. Может, нам не стоило его убивать? Ведь он ничего не видел, даже не знал, что мы здесь.

— Сам, ты ведешь себя как старуха, — презрительно бросил здоровяк и еще раз плюнул на убитого. — Да он же из полиции, шпионил тут на правительство. А хороший полицейский — это мертвый полицейский. К тому же из-за них становится все труднее добывать монету. Надо сделать так, чтобы эти проходимцы держались отсюда подальше.

— Не знаю, дядя Эрл. — Молодой человек задумчиво покачал головой. — Времена меняются, я четко понял за тот год, что ходил в школу в Окичоби. Они этого просто так не оставят.

— Вот-вот, пусть зарубят себе на носу, что не надо соваться, куда не просят. А ну-ка, парень, помоги стянуть с него сапоги. — Эрл посмотрел на мертвого егеря. — Если бы на его шкуре можно было заработать, я бы и ее содрал.

Нещадно палило солнце, в голубом флоридском небе уже начали кружить стервятники. Бесконечная равнина, заросшая камышом и осокой, над которой то тут, то там возвышались островки деревьев, увитых лианами, казалось, застыла под тяжестью невыносимого зноя.

Бокса

Привязав лодку егеря к своей пироге, убийцы неслышно растворились в зарослях.

– Мистер Майкл Шейн, бар в вашем полном распоряжении, – с улыбкой произнес седой узколицый человек, расположившийся за письменным столом. – Там вы найдете прекрасный бренди, а, насколько я понимаю, вы его предпочитаете всему остальному.

– Все верно, – согласился рыжий детектив. Щедро плеснув себе коньяк в высокий бокал, он повернулся к окну и посмотрел на сверкающую на солнце поверхность бухты Бискейн.

Кабинет размещался на третьем этаже многоэтажного дома со скромной табличкой у входа, гласившей: “Правительственное учреждение”. Неизвестный большинству жителей Майами, дом находился в непосредственной близости от местного филиала Федерального бюро расследований.

Однако эта организация не имела никакого отношения к ФБР, а входила в систему какого-то другого, гораздо менее известного, но тоже секретного правительственного ведомства. Майклу Шейну никогда не доводилось бывать здесь раньше, и, сидя в удобном кожаном кресле, он не особенно ясно представлял, для чего его пригласили.

– Обычно мы не нанимаем частных детективов, – продолжал хозяин кабинета. – С другой стороны, мистер Шейн, мы не считаем вас обыкновенным частным детективом.

– Весьма польщен, – произнес Шейн, по-прежнему озадаченный. – Хотел бы я знать, во что вы предлагаете мне ввязаться.

На большом столе стояла бронзовая табличка с надписью “Мистер Смит”. Шейн был уверен, что это не настоящее имя хозяина, но для детектива это не имело большого значения. Третьего человека, находившегося в кабинете, по ряду признаков можно было принять за офицера полиции или разведки высокого ранга. Выражение его загорелого лица и холодных серых глаз говорило о том, что он привык отдавать приказы.

– Мистер Смит хочет сказать, что вы здесь потому, что нужны нам для выполнения одного задания, – сказал он.

– Подождите, Патрик, – перебил его Смит. – Позвольте я сам все объясню. Мистер Шейн, мы считаем, что вы идеально подходите для этой работы. Вы не государственный служащий, и мы

THE
THE
THE
THE

A 1911

не можем вам приказывать, но искренне надеемся на ваше сотрудничество.

— Вы правильно подметили, я не государственный служащий, — кивнул Шейн. — Я бизнесмен. Если выполняю для вас эту работу, сколько мне заплатят?

— Мы уполномочены предложить ваш обычный гонорар за профессиональные услуги, — сухо произнес Смит.

— Этого мало.

— Я говорил вам, — вмешался Патрик, — что у этого человека достаточно здравого смысла понять, что с обычным делом мы можем справиться без посторонней помощи.

— Это максимальные расходы, на которые может пойти правительство, — нахмурился Смит. — С другой стороны, дело касается национальных интересов...

— Вот нация и платит за эту работу, — ухмыльнулся Шейн. — А если вам понадобится дополнительная помощь, то и гонорар должен быть соответствующим.

— Хорошо, — вздохнул Смит. — Мы предполагали, что вы можете выдвинуть подобные доводы. В рамках нашей организации существует независимая группа, которая настолько заинтересована в раскрытии этого дела, что готова заплатить вам двадцать тысяч долларов после успешного его завершения. Мы заключим с вами контракт на эту сумму сверх обычного гонорара и расходов в процессе ведения дела.

— Сначала я хотел бы узнать, в чем заключается задание.

— Неделю назад, — начал Смит, — был убит егерь, работавший во Флоридском национальном заповеднике. Его застрелили, раздели и в таком виде бросили на болотах. Нам просто повезло, что группе рыболовов удалось на него наткнуться. Вернее, на то, что от него осталось.

— Но ведь это находится вне компетенции федеральных властей! — удивился Шейн. — Или это произошло на территории Эверглейдского национального парка?

— Нет, мистер Шейн, в данном случае дело находится в ведении федеральных властей, — возразил Патрик, — поскольку губернатор Флориды запросил у них помощи. Мы тоже считаем, что они не должны оставаться в стороне. Егерь Беннет пытался выследить браконьеров, охотящихся на аллигаторов, что запрещено постановлением Конгресса. Кстати, меня зовут Билл Патрик, и если вы не против, мы будем работать над этим делом вместе.

— Посмотрим, — пожал плечами Шейн. — Сперва скажите, кто ваш непосредственный начальник?

— Я — лицо неофициальное, если это вас беспокоит. Я частный инспектор по охране животных, состоящий на службе у Национальной ассоциации заповедников. Ассоциация в течение долгих лет пытается сохранить уникальную экологию Эверглейде. Именно она и выкладывает двадцать тысяч.

— Ну что ж, тем самым вы покупаете себе билет на это шоу, — согласился Шейн. — Хорошо, мистер Смит. Посмотрим, что мне удастся сделать. Но одно условие — мне нужны свободные руки, чтобы работать так, как я считаю нужным. Я могу добиться ре-

зультатов, но только в том случае, если мне через плечо не будет заглядывать какой-нибудь чиновник, то и дело цитирующий законы. В Глейде живут очень крутые ребята, и боюсь, что пока дело не будет закончено, мне придется действовать еще круче. Вы меня понимаете?

— Прекрасно понимаю. — Смит встал и с улыбкой протянул руку Шейну. — Собственно, это и есть одна из причин, по которым мы обратились к частному лицу вроде вас. В отличие от нас, вы не будете связаны по рукам и ногам разными правилами и ограничениями. Разумеется, неофициально вы имеете право действовать, как сочтете нужным, но учтите, Шейн, я откажусь от этих слов, если вы на меня сошлетесь. Застрелили Беннета подло, в спину. Он был отличным парнем. Его жена осталась одна с годовалой дочкой. Короче говоря, нужен убийца, и нам наплевать, как вы этого добьетесь.

Майкл Шейн молча пожал протянутую руку и вышел из кабинета.

Вернувшись в контору на Флеглер-стрит, Шейн представил Патрика своей секретарше Люси Гамильтон.

— Я хочу, чтобы ты была в курсе. Работать мы теперь будем вместе с Биллом. Если понадобится, связь будем держать через тебя. Билл, объясните ей, пожалуйста, суть дела и, если можно, покороче. — Заметив неуверенность Билла Патрика, он добавил: — Мы с Люси работаем вместе уже много лет. Можете доверять ей на все сто.

Патрик сел в кресло.

— На самом деле не так все просто, как представил мистер Смит. Конечно, в первую очередь нам нужен убийца Беннета, но помимо этого мы хотим знать, на кого он работает, и как у них поставлено дело. Охота на аллигаторов давным-давно перестала быть занятием для одного-двух местных браконьеров, которые бьют их с лодки, а потом продают шкуры местным скупщикам.

Подобная практика привела к тому, что буквально за последние несколько лет были уничтожены тысячи крокодилов. Это встревожило и федеральные власти, и администрацию штата. Были приняты меры, но отстрел по-прежнему продолжается. В итоге нарушен весь экологический баланс Эверглейдс. Например, во время засухи аллигаторы, спасаясь от жары, выкапывают ямы. Там скапливается вода, и до начала сезона дождей они служат колодцами для большинства обитателей заповедника.

— Да, я знаю, — кивнула Люси Гамильтон. — Читала в журнале.

— О'кей, в таком случае вы должны знать, что численность аллигаторов сократилась настолько, что колодцев, которые они выкапывают, не хватает на всех. В результате животные, птицы и рыбы умирают. То же самое касается и растительности. Со временем район, который индейцы называют Травяной рекой, превратится в пустыню. А когда это произойдет, изменится весь климат на Золотом побережье Майами. Потеря одного из элементов может легко разрушить всю систему, как карточный домик, понимаете?

— По-видимому, кое-кому на это абсолютно наплевать, — вставил Шейн.

Патрик кивнул.

— Единственное, на что им не наплевать, так это на возможность быстро и легко заработать. Когда браконьерство стало слишком трудным делом для одиночек, кто-то сколотил их в организацию и теперь гребет деньги лопатой. До тех пор, пока местные жители помогают браконьерам, охоту остановить практически невозможно. Самое слабое место во всей схеме — это доставка шкур на рынки крупных городов на севере Штатов. В настоящее время принят федеральный закон, запрещающий перевозку, продажу и покупку шкур аллигаторов. Но если учесть, что женские сумочки из крокодиловой кожи идут по триста долларов и выше, мужские ботинки — по восемьдесят пять-сто, а брючные ремни по семьдесят пять, то прибыль должна быть колоссальной. За необработанную шкуру браконьеру платят от пятнадцати до двадцати долларов за фунт, но обработанная и доставленная на рынок шкура стоит гораздо дороже.

— С другой стороны, пока шкуры остаются на болотах, они не стоят и десяти центов за кипу, — добавил Шейн.

— Совершенно верно. Поэтому нам необходимо выяснить, как организована их доставка, и кто именно их покупает на севере. наших людей и сотрудников мистера Смита именно это и интересует. Мы с вами, Майкл, должны найти, по каким каналам шкуры вывозят из болот.

— Никогда не любил болота и змей, — признался Шейн, — но за двадцать тысяч можно постараться. — Он повернулся к Патрику. — Сначала надо будет достать специальное снаряжение и восстановить кое-какие старые связи.

— Отлично, — улыбнулся Патрик. — Почему бы нам не пообедать сегодня в моем номере в отеле "Коламбус"? Там и обсудим, с чего лучше начать.

— Ни в коем случае, — резко перебил его Шейн, — если вы считаете, что дело настолько серьезное, то, скорее всего, ваш номер прослушивается с той самой минуты, как вы въехали в отель. Давайте лучше встретимся в вестибюле в восемь и пообедаем где-нибудь в другом месте. Я приведу с собой друга. Он журналист со связями, которые нам могут очень пригодиться. Мы с ним раскрутили не одно дело.

Глава 2

Майкл Шейн, Люси Гамильтон, Билл Патрик и Тим Рурк, репортер "Дэйли ньюс", сидели в небольшом, но хорошо известном в Майами плавучем рыбном ресторане. Превосходная еда, новизна обстановки, мягкое покачивание палубы под ногами — короче говоря, Патрик был доволен. К тому же установить на столах подслушивающую аппаратуру казалось практически невозможным из-за необычного расположения ресторана и постоянного рева моторок, то и дело проносившихся мимо.

Разговор шел о предстоящем путешествии Шейна и Патрика в дикие неизведанные дебри Травяной реки и о том, на что Рурку в первую очередь следует обратить внимание во время их отсутствия.

— Расследование состоит из двух этапов, — говорил Шейн. — Когда мы поймем убийцу егеря Беннета, это будет только начало.

— Ясное дело, — отозвался Рурк, подливая в свой бокал с виски темного ямайского рома из плоской фляжки, которую он достал из портфеля. — Но как ты собираешься проникнуть в Глейде? Без проводника никак не обойтись.

— Главный смотритель Эверглейдского парка должен обеспечить нас проводником, — уверенно заявил Билл Патрик, с подозрением глядя на коктейль Рурка.

— Ни в коем случае. — Шейн покачал головой. — Наше расследование не нуждается в лишней рекламе. Завтра, не привлекая к себе внимания, мы отправимся туда по Старой Извилистой дороге. Надеюсь, в тех местах кто-нибудь выведет нас на Старого Костяного Бонса. А уж он-то сумеет сделать все остальное.

— Кто-кто? — удивился Патрик. — Что еще за старые кости?

— Не что, а кто, — поправил Шейн. — Л. Дрейз Бонс. "Л" означает Лонгстрит. Лонгстрит Дрейз Бонс, но всю жизнь он был известен как Старый Костяной Бонс. Симпатичный старикан, старше самого греха и порочнее ада, но за ним числится должок. В общем, сами увидите.

Через два дня Шейн и Билл Патрик ехали в западном направлении по Тамайами-трэвел на старой машине, деньги на покупку которой Патрик провел по графе "особые расходы". Оба выглядели так, словно приготовились ко всевозможным неприятным неожиданностям. На заднем сиденье было свалено в кучу походное снаряжение. Патрик взял с собой старую "арканзасскую зубочистку" — зловещего вида нож с футовым лезвием, пристегнутый к поясу под полами спортивной рубашки кричащей расцветки. Шейн был одет в выцветшую рубашку и брюки цвета хаки, высокие шнурованные ботинки, полосатую льняную куртку и широкополую шляпу — типичную униформу плантатора-южанина. Вряд ли кто-то заметил бы под курткой кобуру с автоматическим "кольтом" 45-го калибра. Оба не брились с тех самых пор, как покинули плавучий ресторан.

Они молча наблюдали за потоком легковушек и грузовиков, направлявшихся по шоссе в сторону побережья. Сразу же за пределами Майами ландшафт представлял собой монотонное море осоки, ровная поверхность которой время от времени нарушалась невысокими холмиками и рощами, заросшими тропическими лианами и диким вьюном и оттого похожими на плавучие по траве парусники со спутанной освадкой. Ответвлений у дороги не было — шоссе тянулось прямо сквозь первобытные болота, на первый взгляд казавшиеся бесконечными.

— Какая красота! — восхитился Патрик, выйдя на время из роли "крутого парня". — Все сохранилось в первозданном виде, каким его создал Господь.

— С таким же успехом можно сказать, что к созданию этого места приложил руку и дьявол, — усмехнулся Шейн. — А между тем вы любуетесь красотами одного из самых опасных мест на Земле. Здесь есть и аллигаторы, и пантеры, и медведи, и другие твари, и все они могут наблюдать за вами, но вы этого никогда не заметите. Здесь и осока, и зыбучие пески, способные засосать вас в считанные минуты, пиявки и клещи-кровососы, дикая жара, лихорадка, от которой людей трясет так, что кости гремят, вода, которую нельзя пить, и еда, которую нельзя есть. Если хотите знать, в этих местах на один акр приходится больше ядовитых змей, чем в любом другом месте, где только ступала нога человека.

— Ах, бросьте вы, Майкл, — поморщился Патрик. — Не может быть, чтобы все было так плохо. Это в наше-то время...

— Современный прогресс и так далее, да? — Рыжий детектив смачно сплюнул в открытое окно машины на дорогу. — Все это хорошо, когда вы путешествуете на моторной лодке с проводником и бочонком хлорированной воды. Едете с ветерком так, что даже не успеваете разглядеть всех опасностей. Но, поверьте, бывали случаи, когда люди отправлялись на прогулку по болотам — кстати, по этой же самой дороге, в погожий ясный день, веселые, здоровые, — и больше никто их не видел.

— И эти люди...

— Вспомните, в каком виде нашли вашего егеря. Есть змеи, которые не ползают, а ходят на двух ногах, и вместо ядовитых зубов у них "внчестеры".

— Индейцы?

— Вряд ли индейцы. Конечно, мерзавцы попадаются среди любого народа, но сейчас семинолы стараются избегать неприятностей с властями. Разумеется, если вы будете шататься вокруг рожи, где они хранят свои святые реликвии, вы действительно подвергнетесь опасности, но такое случается крайне редко. На болотах вы можете встретить людей, которые так давно находятся в бегах, что им просто некуда больше деться, отшельников, разных психов и так далее. Кроме того, там такие типы, семьи которых всю жизнь кочуют по заповеднику и его окрестностям еще со времен войны с Оцеолой.* У них всегда найдется несколько способов по-быстрому заработать доллар-другой. Они-то и составляют основную процент браконьеров.

— Похоже, это еще та публика!

— Что верно, то верно. Но вы не волнуйтесь. Их не так много, чтобы мы постоянно натыкались друг на друга.

Разговор прекратился, и некоторое время они ехали молча.

Через несколько миль им начали встречаться грубо сколоченные хижины, чаще всего расположенные прямо на обочине, снятые с колес древние трейлерные фургоны на бревенчатых подпорках, длинные бараки из подгнивших от сырости досок. Некоторые домики представляли собой незатейливые строения из ли-

* Оцеола - (1804-1838 гг.) - индейский вождь, возглавивший в 1835 г. 2-ю Семинольскую войну при попытке американского правительства выселить племя семинолов из Флориды в резервацию.

стового железа или жести, покрытые камышовыми крышами. К удивлению Патрика, все дома имели жилой вид, хотя их обитатели попадались на глаза довольно редко.

— Что это? — недоумевающе спросил он. — Город?

— Скорее лагерь, — невозмутимо ответил Шейн. — Старые поселения на границе оживают вновь. Здесь существует только один закон — не задавать лишних вопросов. Пока мы не уедем отсюда, все переговоры буду вести я, иначе неизвестно, чем все закончится...

Шейн ехал аккуратно, подчеркнуто не обращая внимания на хижины и их обитателей. Через некоторое время количество домов увеличилось, и у Патрика начало складываться впечатление, что они едут по главной улице какой-то на редкость обветшалой деревни. Ближе к центру поселка кустарник по обеим сторонам дороги был расчищен футов на сорок-пятьдесят, образуя некое подобие площади.

С левой стороны стояло двухэтажное здание. Первый этаж был построен из цементных панельных блоков, второй, окаймленный широким балконом или галереей, — из аккуратно выкрашенных досок. Фасад второго этажа украшали окна, и даже с целыми стеклами.

Шейн свернул на обочину, не обращая внимания на троих неопишуемого вида оборванцев, расположившихся на длинной деревянной скамье под навесом. Пошарив на заднем сиденье, он достал две укороченные двенадцатизарядные двустволки, тщательно проверил, заряжены ли они, и протянул одну из них Патрику.

— Учтите, это вам не Флеглер-стрит, — громко сказал он. — Цельтесь в живот любому, кто подойдет ближе, чем на десять футов.

Билл Патрик постарался сделать вид, что не удивлен. Оборванцы с показным безразличием уставились в сторону. Второе ружье Шейн повесил на левое плечо и вошел в дом.

Они оказались в длинном сумрачном баре. Сама стойка, сделанная из красного дерева, отполированного за годы многочисленными прикосновениями рук, вытянулась футов на сорок. Подставкой для ног служили тонкие сосновые рейки. Несколько грубо сколоченных столов и скамеек, расставленных вдоль стены. Стена за стойкой увешана зеркалами, так что любой посетитель мог спокойно пить, видя, что происходит у него за спиной.

За стойкой находились двое мужчин. Один из них — тощий и сутулый, с иссиня-бледным лицом закоренелого наркомана, — судя по всему, ведал двумя пивными кранами. Он угрюмо покосился на ружья вошедших. Второй был великаном — футов семи роста, с черными, как смоль, глазами и волосами и мускулистыми плечами, которые, казалось, по ширине вполне могли соперничать с ножом бульдозера. На нем были такие же потертые хаки, что и у Шейна, однако на пальце сверкало кольцо с бриллиантом.

— Привет, Майкл, — бесстрастно обратился он к Шейну. — Ходили слухи, что ты собираешься в наши края.

— Привет, Эд, — улынулся Шейн, в буквальном смысле слова глядя на него снизу вверх.

— С чем пожаловал? Кто это с тобой? Ты ведь знаешь, что здесь я сам устанавливаю законы.

— На этот счет я никогда с тобой не спорил, — спокойно отозвался Шейн, жестом заказывая бармену-наркоману два пива. — Мое дело не имеет к тебе никакого отношения. Что бы там ни творили твои ребята, я как одна из тех трех китайских обезьян, которая ничего не видит. Ты что, забыл, я же дал тебе слово.

Великан успокоился.

— Это точно, Майкл, пока что ты всегда держал слово. Ребята сразу почувствуют себя полегче. Не то чтобы они очень волновались, но все-таки...

Его рука мелькнула в воздухе так быстро, что детектив не успел различить отдельные фазы движений, и через секунду Эд держал в руках ружье Шейна. Повертев его, он одобрительно кивнул.

— Симпатичная игрушка.

Его мускулистые лапы сжали оба ствола и развели их в разные стороны с такой легкостью, словно они были сделаны из пластилина. Едва заметным движением запястий он согнул две стальные трубки, и теперь оба ствола смотрели в сторону приклада.

— Как по-твоему, что будет, если ты нажмешь на курок? — захохотал Эд.

— Я и без него запросто могу расколоть твою черепушку, если понадобится, — пожал плечами Шейн. Точно таким же стремительным движением он выхватил из-под куртки своей "кольт" и прицелился в Эда.

Тот с уважением посмотрел на него и швырнул в угол изувеченные остатки ружья.

— Да, Майкл, я должен был помнить, что ты все такая же старая гремучка, — пробурчал он и потянулся к бутылке виски. — Вообще, конечно, надо с этим поаккуратнее, а то когда-нибудь моя любовь к показухе не доведет до добра. Большинство мужиков просто обалдевают, когда я это проделываю. Начисто перестают соображать.

— Кто угодно, но только не я, — ответил Шейн, засовывая "кольт" в кобуру. — Кстати, Эд, эта пушка обошлась мне в семьдесят пять зелененьких.

Сначала Эд непонимающе уставился на него, потом усмехнулся.

— Извини, старик, я как-то не подумал. Могу отдать наличными или натурой, как скажешь.

Откупорив бутылку, он присосался к горлышку, словно это было не виски, а вода.

— Лучше натурой, — сказал Шейн. — Арендную у тебя хижину на пару недель, если найдется свободная. Плюс керосин, еда и прочее. О'кей?

— Номер четырнадцать свободен, — кивнул Эд. — Надо думать, дорогу сам знаешь. Никто не тронет ни тебя, ни твоего друга, если, конечно, не будете соваться, куда не надо. Я предупрежу ребят.

— Видишь ли, я бы не сказал, что он мой друг. Это клиент, который платит, чтобы я провел его сюда, а потом назад в Майами. Ему зачем-то понадобился Старый Бонс. Между прочим, ты не мог бы передать эту просьбу?

Эд задумался.

— Бонс? Послушай, Майкл, но ведь это совсем другое дело. Правда, старик очень не любит, когда его беспокоят по пустякам. А что твоему дураку от него понадобилось?

— Не знаю, — покачал головой Шейн, — да и, честно говоря, знать не хочу. Мне платят, чтобы я помог найти Бонса. От тебя и нужно-то всего ничего — сказать, где Бонса сейчас легче всего найти, или пустить слух, что я его разыскиваю.

— Старый черт, — проворчал Эд и сплюнул на пол. — Понятия не имею, где он, да и вообще, какая мне разница? Я, конечно, дам знать ребятам, но сам понимаешь, ничего не обещаю. Если что-нибудь услышу, сразу дам знать. А уж если полезешь к нему на болота без спросу, то только на свой страх и риск. Это все, что я могу тебе сказать.

Глава 3

Хижина № 14 представляла собой крепкий бревенчатый дом, крытый на индейский манер связками сухого камыша. Обстановка хижины была скудной — две железные койки с тонюсенькими матрасами, пара стульев, дешевый кухонный стол, двухконфорочная керосиновая плита и разрозненный набор кастрюль и тарелок.

Постояльцы должны были обеспечить себя всем необходимым сами, включая постельное белье и висячий замок на входной двери. Вода подавалась по трубе, проложенной от дома Эда, а единственными санитарными удобствами служили густые заросли переплетенных лианами кустов за хижинкой.

Шейну и Патрику понадобилось всего несколько минут, чтобы расстелить на койках одеяла и включить захваченный с собой радиоприемник, придав комнате более домашний вид.

— Что теперь? — спросил Патрик, убедившись, что приемник работает достаточно громко, чтобы избежать опасности быть подслушанными снаружи.

— Все очень просто, — пожал плечами Шейн. — Будем ждать. Кто-нибудь передаст нашу просьбу кому-нибудь еще, кто знает людей из окружения Бонса. Если Бонс захочет встретиться, то пошлет за нами своего человека. Если же нет, то у нас вообще ничего не выйдет.

— А если он все-таки согласится?

— В этом случае нас к нему приведут. Не спрашивайте — куда и как. Я и сам не знаю. Мистера Бонса так же трудно отыскать, как тень от листка дуба в дождливую ночь. Такое положение ему очень по душе. Если мы сумеем с ним встретиться, то придется убедить его помочь нам. Стоит ему захотеть, он запросто выдаст нам убийцу и расскажет, как крокодилы шкуры вы-

возьятся из заповедника. Хотя, как мне кажется, рано или поздно я и сам смогу это разузнать.

— Что вы имеете в виду? — удивился Патрик. — Если можете это узнать, почему не поставили в известность мистера Смита? Это ниточка, за которую можно ухватиться.

— Да потому, что нам не нужно, чтобы за нее сейчас дергали, — отрезал Шейн. — Мы должны проследить путь этих шкур до конечной точки. Это единственный способ раскрыть дело. Вы думаете, что здесь, в вонючем болоте, нам ничего не стоит найти какого-нибудь полоумного шамана, который знает, кто сидит в Нью-Йорке или в Париже и кладет все прибыли в банк? Я уже говорил, что эта операция состоит из двух этапов. Сейчас мы только на первой стадии расследования. Отдыхайте пока, если сможете.

Шейн вытянулся на койке и проспал целый час, пока Патрик сражался с москитами, мучаясь от жары и игры своего воображения.

Едва стемнело, они отправились поужинать в бар с громким названием "Отель Эверглейдс", принадлежавший Эду. Шейн хотел, чтобы местные жители хорошенько рассмотрели их обоих. Тот, кто будет передавать его сообщение для Бонса, должен иметь возможность увидеть и описать их.

В отличие от примитивных условий жизни в хижинах, в баре Эда было электрическое освещение и водопровод с чистой водой, газовая плита на кухне и даже большой холодильник для пива.

Тем не менее, несмотря на эти атрибуты современной цивилизации, во всем остальном бар напоминал салун времен освоения Запада. Здесь собирались люди, которые, каждый по своим причинам, выбрали жизнь вдали от больших городов.

Билл Патрик почувствовал это сразу.

— Совсем как на Диком Западе. Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Не пойму — от какой эпохи здесь больше...

Шейн рассмеялся.

— Считайте, Билл, что вы на какое-то время перенеслись в прошлое. Здесь нет закона сильнее, чем револьвер за поясом. Вы можете заполучить любую женщину, если проявите себя крепким парнем. Короче говоря, слова и музыка знакомые, но это не телевизор. На этот раз на экране вы сами.

Босоногая официантка в длинной индейской юбке и белой кубинской блузе с глубоким вырезом и орхидеей в черных волосах принесла написанное от руки меню. Кладя его на стол, она низко наклонилась, давая им возможность полюбоваться ее роскошным бюстом.

— А, Мануэла! Привет! — улыбнулся Шейн и заказал жаркое с картофелем, "болотную капусту" — сердцевину пальмы — и манговый пирог для обоих.

— Уверю вас, Билл, в некоторых из самых дорогих ресторанов Майами готовят куда хуже, чем здесь, — заверил он Патрика.

— А она идет в качестве десерта? — хмыкнул тот, глядя вслед Мануэле, которая шла к кухне, соблазнительно покачивая бедрами.

— Эта нет. Пара других девушек за хорошие чаевые пойдут на все, но Мануэле вы должны еще и понравиться.

Девушка принесла здоровенный кувшин холодного пива, и они с аппетитом принялись за еду, которая оказалась превосходной. Шейн с Патриком быстро очистили тарелки. После этого они занялись кувшином с пивом, и Шейн с удовлетворением отметил, что все, кто хотел их рассмотреть, получили отличную возможность это сделать. Допив пиво, они расплатились и медленно пошли к своей хижине.

— Майкл, — сказал наконец Патрик. — Все-таки, что это за дьявольское место?

Шейн усмехнулся.

— Однажды мой друг Тим Рурк, пребывая в поэтическом настроении, назвал его "Воротами". По мнению одних, это ворота в интересный мир, полный приключений. Для других — это последняя остановка перед тем, как переступить порог забвения. Рурк говорит, что когда вы оказываетесь здесь, все зависит от того, приходите вы или уходите.

А на самом деле все началось много лет назад с крошечной деревеньки скваттеров*. Человек, которому больше некуда было деваться, мог построить здесь хижину и жить, питаясь одной рыбой и болотной капустой. Такой человек оказывался очень полезным, когда было необходимо установить контакт с остальным миром. Всегда находился кто-то, кто мог съездить в Майами, чтобы купить соль, патроны и табак для человека, скрывающегося от закона. А потом кто-то превратил это в настоящий магазин на перекрестке дорог.

Большой Эд разглядел такую возможность еще лет пятнадцать назад. Старик, который держал здесь магазин, в один прекрасный вечер закрыл его, а наутро торговлю вел уже Эд. Старика больше никто не видел. Эд оказался человеком, способным разглядеть возможности, предоставляемые этим местом. Он продает и покупает все, что может принести хоть какую-то прибыль. И, сами видите, это окупается.

Поскольку не оставалось ничего другого, как слушать писк москитов за зашторенными окнами, они легли спать рано. С непривычки Патрик ворочался с боку на бок, но Шейн спал сном праведника.

Вскоре после полуночи Шейн проснулся от тихого стука в дверь, закрытую на щеколду. Детектив мгновенно насторожился. Он знал, что грабитель не стал бы стучать, поэтому тихо соскользнул с койки, натянул брюки и на цыпочках подкрался к двери. Тем не менее человек за дверью услышал его шаги, и стук сразу прекратился. Шейн отодвинул щеколду и чуть-чуть приоткрыл дверь.

— Мистер Майкл, это я, Мануэла, — тихо прошептал женский голос. — Нам надо поговорить. Откройте, но свет не зажигайте.

* Скуаттеры — в XVIII-XIX вв. переселенцы, самостоятельно завалявшие пустующие земли на Западе США.

Шейн широко распахнул дверь, и Мануэла неслышно вошла в комнату. Пока Шейн будил Патрика, она молча села за стол. Увидев Мануэлу, Патрик удивленно вскинул брови, но у него хватило здравого смысла промолчать.

— Одевайтесь по-походному, — сказала она. — Берите с собой только то, что вам понадобится на два дня, не больше.

Ее одежда разительно отличалась от той, в которой ее видели в баре — длинная юбка и блуза с глубоким вырезом исчезли, и теперь на ней были рубашка цвета хаки, мужские брюки и высокие ботинки из мягкой кожи. Блестящие черные волосы были перевязаны платком, на стройной талии висела кобура с крупнокалиберным "кольтом", а в левой руке она держала небольшой рюкзак.

— О'кей, — кивнул Шейн. — Теперь я вижу, что ты и впрямь по делу. Выкладывай, что случилось.

— Вы хотели видеть Старого Бонса. Я могу провести вас к нему. А теперь поторопитесь, все вопросы потом.

Патрик потянулся к ружью. Легким стремительным движением Мануэла повернулась к нему, и, казалось, револьвер сам собой прыгнул ей в ладонь.

— Больше никогда так не делайте, — холодно предупредила она. — Не вздумайте даже дотрагиваться до оружия за моей спиной. Ни-ког-да, потому что в следующий раз я вас просто прикончу, если повторите эту ошибку, это будет очень легко сделать.

— Билл, она серьезно, — кивнул Шейн. — Я думаю, у нее за просто получится. Оденьтесь попроще и возьмите легкий рюкзак. Большую часть еды мы раздобудем в пути. Захватите только кофе, сахар, соль и бутылку виски для старика.

— Ни в коем случае! — тут же отреагировала Мануэла. — Если возьмете бутылку, я вас никуда не поведу. Старик просто звереет от виски. Он перестреляет всех нас и будет убежден, что это всего-навсего веселая шутка. Если уж вам так хочется порадовать его, лучше возьмите соус для чили, но только не виски.

— Без виски, так без виски, — пожал плечами Шейн. — Ну а ты что скажешь? Не хочешь пропустить стопочку перед дорогой?

Он протянул Мануэле бутылку. Она без лишних слов взяла ее и, запрокинув голову, сделала несколько глотков прямо из горлышка. Когда исчезло добрых полпинты, вернула бутылку Шейну.

— Пожалуй, хватит, — выдохнула Мануэла. — Еще чуть-чуть, и я тоже озверею.

Перед выходом она заставила их смазать лицо и руки какой-то густой вонючей мазью.

— Иначе вас живьем сожрут москиты.

Выйдя из хижины, они сразу оказались на узкой тропинке, петлявшей среди густых зарослей. Ни Шейн, ни Патрик не смогли бы найти ее даже днем, не то что ночью. Мануэла шла, повинаясь какому-то инстинкту, так, словно это было отлично заасфальтированное шестиполосное шоссе. Несколько раз ей приходилось останавливаться и дожидаться, пока мужчины не проде-

рутся сквозь густые ветви. Через полчаса быстрой ходьбы они подошли к высокому откосу Тамайами-трэвел.

— Слава Богу! — простонал Патрик. — Наконец-то нормальная дорога.

В ответ Мануэла только звонко рассмеялась. Повернув на запад, где в канал, протянувшийся вдоль шоссе, впадал небольшой ручеек, они перешли узкий металлический мостик, пересекавший канал у самой плотины, и вдоль нее направились на север, углубившись в заросли камыша. Под ногами зачавкала грязь и мутная вода. В такой темноте было невозможно что-либо тщательно разглядеть, но Шейну показалось, что они идут вдоль одной из известных жил, которые в некоторых местах пересекали территорию заповедника.

Но даже здесь продвигаться вперед было нелегко — осока рвала одежду и кожу, под ногами шипели в грязи змеи, а один раз всего ярдах в ста послышался рык кугуара, от которого кровь застыла в жилах.

Шейн, более привычный к подобным трудностям, еще как-то поспевал за Мануэлой, но Патрик, привыкший к асфальту под ногами, совершенно выбился из сил и к тому моменту, когда они наконец вышли из бесконечных зарослей на поляну, взмок от напряжения и тяжело дышал.

— Здесь жила кончается, — сказала Мануэла. — Где-то в кустах должно быть каное. Помогите найти.

После непродолжительных поисков они вытащили из кустов каное — небольшой искусно выдолбленный из целого дерева челнок с маленьким подвесным мотором в одну лошадиную силу, на дне которого лежала пара весел и длинный шест, предназначенный на тот случай, если лодка застрянет в грязи и ее придется выталкивать. Они сели в нее, оттолкнулись от берега и на рассвете были уже в нескольких милях от устья реки.

Мануэла заставляла их грести до полудня, и лишь после этого они остановились отдохнуть в тени огромного дерева, увитого лианами. Пока Патрик доставал из рюкзака продукты, чтобы наскоро перекусить, Шейн и Мануэла сошли на берег.

— А теперь самое время поговорить, — произнес Шейн, когда они отошли на порядочное расстояние от лодки.

— Как скажешь, — согласилась Мануэла. — Я постараюсь ответить на любые вопросы, если смогу.

Выглядела она усталой, под глазами залегли темные круги, и разбитная деревенская девица, какой она предстала перед ними в баре, бесследно исчезла. Перед Шейном стояла взрослая и изящная женщина.

— Не знаю, кто ты такая на самом деле, — начал детектив, — но спрашивать не буду.

— Я признательна тебе за это.

— Что ж, отлично. Тогда скажи — к чему все эти хитрости? Теперь я абсолютно уверен, что мы направляемся к Большому Кипарисовому Болоту — это вполне подходящее место для логова Старого Бонса. Только за каким чертом тебе понадобилось тащить нас в обход? Ведь совсем недалеко отсюда есть отличная дорога. На машине мы бы добрались сюда самое большее за час.

— Если бы мы поехали на машине, нас давно бы выследили, — холодно ответила Мануэла. — Майкл, есть люди, которые уже разыскивают тебя и твоего друга. Потому-то я и ждала вас в баре Эда. А к логову Бонса мы добираемся так, как он обычно делает это сам — через черный ход, понятно? Бонсу любопытно узнать, зачем ты пожаловал, и отчасти, мне кажется, он чем-то напуган.

Шейн ущипнул себя за мочку уха.

— Ну что ж, если ты так говоришь... — медленно произнес он. — Ладно, мы воспользуемся любой дверью, которую ты предложишь. Но все-таки остается много неясного. Например, кто меня ищет и почему?

— Кто-то пустил слух, что ты разыскиваешь убийцу егеря. За твою голову назначена приличная сумма. А эти болотные крысы пойдут на все, чтобы заработать такие деньги. Ты еще только ехал к Большому Эду, а тут уже каждая собака знала, что вот-вот появится Майкл Шейн.

— Значит, этот "кто-то" слишком много знает. Кроме того, браконьеры никогда не назначают цену за чью-то голову. Чья это работа?

— Не знаю. Кто-то нездешний. Может быть, как раз тот, кто пустил слух о твоём приезде.

— Откуда тебе все это известно? И откуда ты знаешь Бонса?

Она исподлобья посмотрела на него.

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Хорошо... Но ведь ты знаешь, кто убил егеря?

— Конечно, — с обезоруживающей откровенностью призналась Мануэла. — Его застрелил Эрл Карвер. С ним был его племянник Сэм, но он не принимал участия в убийстве. Эрл — отъявленный негодяй и убийца.

— Где мне найти этого Карвера?

— А как ты найдешь мелкую рыбешку в реке? — засмеялась девушка. — Как поймаешь мой вздох на ветру? Нет, Майкл, у тебя ничего не выйдет, пока Бонс сам тебе его не отдаст. Ты можешь охотиться за Карвером хоть десять лет, а он все это время будет наблюдать за тобой, имея возможность в любую минуту тебя пристрелить. Эрл чувствует себя на болотах так же, как мокасиновая змея, а ты городской...

— Бонс выдаст его мне?

— Кто знает, Майкл? Старый Бонс непредсказуем. Разумеется, ему ничего не стоит выполнить твою просьбу. Все зависит от тебя самого и от того, какое у него будет настроение.

На этом разговор закончился, и они вернулись к лодке, чтобы попить и выпить горячего кофе из объемистого термоса, оказавшегося в рюкзаке Мануэлы. Даже Патрик знал, что воду из реки нельзя пить ни при каких обстоятельствах.

Поев, они без промедления продолжили путешествие, и во второй половине дня каноэ было подхвачено медленным течением. Всего в паре миль впереди показались верхушки деревьев, окружавших Большое Кипарисовое Болото, а еще через полчаса каноэ скользнуло в тень гигантских деревьев. Обернувшись, Шейн увидел последние заросли осоки.

Уже стемнело, когда Мануэла — то ли по памяти, то ли по винуясь какому-то инстинкту — вывела лодку к лагерю Старого Бонса, некоронованного короля Эверглейдского заповедника.

Сначала во влажной духоте ночи замерцал крошечный огонек, который вскоре превратился в костер. Несколько взмахов весел, и лодка, скользя в жаркий туннель из веток и лиан, оказалась у берега. В ярком колеблющемся свете костра фигуры стоявших на берегу людей отбрасывали на воду длинные изломанные тени.

Большой костер был окружен кострами поменьше, и люди Бонса, отделенные от джунглей почти сплошной стеной огня, могли не опасаться ядовитых змей и прочей болотной нечисти. Казалось, никто из сидевших у огня не заметил приближавшейся лодки.

Их было немного. Пожилая индианка и две девушки — негритянка и красноглазая альбиночка, которые поддерживали огонь и что-то варили в котелке. Старик-индеец, тощий и морщинистый, как мумия, в длиннополой семинольской рубахе, курил немецкую мельхиоровую трубку с длинным изящно выгнутом чубуком. Вокруг костра бродили трое молодых людей в длинных индейских рубахах, брюках цвета хаки и босиком. В руках они сжимали "винчестеры", с поясов свисали мачете.

Майкл Шейн сидел на носу лодки, стараясь не шевелиться и сохранять бесстрастное выражение лица. Он вышел первым и придержал лодку, пока остальные выбирались на берег. Затем они с Патриком вытащили лодку из воды и, повинаясь знаку Мануэлы, оставили рюкзаки в лодке. Однако, к немалому удивлению обоих, она позволила им взять пистолеты.

Вслед за Мануэлой они прошли в круг огня и сели на землю у центрального костра. Из темноты вышел хозяин Большого Кипарисового Болота и направился к костру.

Бонс оказался высоким стариком в щегольских белых ботинках и безупречном костюме, в котором не стыдно было показаться в самом шикарном ресторане на Палм-Бич. Его золотые запонки выглядели немного старомодными, но яркий шелковый галстук, судя по всему, был куплен совсем недавно. Несмотря на возраст и худобу, делавшую его похожим на скелет, обтянутый дряблыми мышцами и кожей, он держался и двигался с легкостью двадцатилетнего юноши, черные глаза сверкали, как два осколка обсидиана.

— Добрый вечер, Майкл, — негромко проговорил Бонс, — мое почтение твоему другу. Тебя же, дорогая Мануэла, я всегда приветствую с искренним восхищением.

Никто не произнес ни слова. Шейн заметил, что молодые люди с "винчестерами" неслышно придвинулись поближе. Относительно того, что они здесь делают, у Шейна не было никаких сомнений.

— Я привела их, как вы просили, — сказала Мануэла.

— Надеюсь, вы уже успели поесть и отдохнуть?

– Да, Бонс, поели и отдохнули, – ответил Шейн. – Ну что, поговорим о деле прямо сейчас, или ты хочешь сначала потрепать-ся о добрых старых временах?

Рыжий детектив прекрасно сознавал, что ведет себя нахально. В то же время он чувствовал, что это будет лучшим способом завязать разговор на интересующую его тему.

Бонс уселся на землю у костра напротив Шейна, достал из кармана золотой портсигар и вытащил длинную черную сигару.

– Для цивилизованных людей сигара вполне может заменить трубку мира, – обратился он к Шейну. – Так что давайте вести себя как джентльмены и будем откровенными друг с другом. Ты явился сюда, потому что тебе нужно узнать имя одного человека, тебе и мистеру Патрику, который живет в Вашингтоне и при этом обожает диких животных. Я могу назвать вам это имя, если, конечно, сочту нужным.

– Старина, ты не совсем нас понял, – улыбнулся Шейн. – Одно имя для нас ничего не значит, нам нужен сам человек. Он должен пойти вместе с нами и предстать перед судом.

– Какая глупость, – буркнул старик. – Мы оба знаем, что он виновен в бессмысленном убийстве. Мне ничего не стоит убить его, просто указав на него заостренной костью. А ведь суды стоят больших денег. И вообще мне не нравится эта односторонняя сделка. Твой приятель выполнит свою работу, тебе заплатят, а что получу я? Между прочим, Эрл Карвер в какой-то степени один из моих людей. Если я отдам его вам, то остальные начнут задумываться, а мне это совершенно ни к чему. Зачем рисковать?

Подобрав маленькую палочку, Шейн задумчиво повертел ее в руках и бросил в костер.

– Да, Бонс, у тебя есть свои причины, – медленно произнес он. – Совсем как у этой палочки – чтобы не попасть в огонь, нужно заплатить.

– Это угроза? – голос старика прозвучал так тихо, что был похож на змеиное шипение.

– Конечно, угроза, – прищурился Шейн. – Но только не думай, что это я тебе угрожаю. Ни я, ни мистер Патрик, ни люди, которые нас сюда послали.

– Тогда кто же?

– Бонс, ты сам все прекрасно знаешь. Мог бы и не спрашивать. Угроза исходит от Эрла Карвера и его друзей, убивающих как бешеные собаки – без всяких причин. Угроза и от того человека, который платит им за шкуры аллигаторов и за то, чтобы они уничтожили тебя.

– Уничтожили меня? Ты шутишь!

– Я и впрямь люблю шутки, но только когда дело не касается бизнеса. Сейчас я не шучу, и ты это отлично понимаешь. Все очень просто, мистер Бонс. Мы с тобой – люди трезвые, знаем, когда остановиться, чего не скажешь о человеке, который стоит за браконьерами. Тебя раздражает, что Карвер убивает без причины, но тот человек думает по-другому. А когда жизнь на болотах исчезнет, куда ты денешься? Ты подумал, что будет с тобой?

Возникла долгая пауза, казавшаяся бесконечной. Ее нарушил старый индеец.

— Друг мой, а ведь здесь он тебя крепко прижал.

Бонс хмуро посмотрел на Шейна.

— У меня уже были такие мысли — на болотах есть время подумать. Когда-то браконьеры представляли для меня ценность... Что ж, может быть, ты и прав, они не знают, когда надо остановиться. Ты правильно сказал, они перебьют всех аллигаторов, и мои болота умрут. Я отдам тебе Карвера. В течение трех дней его доставят в любое место, которые ты назовешь. Детали можешь обсудить с Мануэлой.

— Как зовут человека...

— Ты слишком жадный, мистер Шейн, — с усмешкой покачал головой Бонс, — даже не поблагодарил меня за один подарок, а уже просишь следующий. Его имя? Не знаю. И никто другой его здесь не знает. Да, у меня есть власть, но она не беспредельна. Если б кто-нибудь знал его имя, я бы выжал это имя, как сок из апельсина. Но никто не знает.

— Может быть, этого ты и не знаешь, — сказал Шейн, — но зато знаешь массу других интересных вещей. Шкуры вывозят отсюда, конечно же, на лодках?

— Конечно. Более надежного пути просто не существует. Шкуры вывозят в район Десяти Тысяч Островов на пирогах, скифах и моторках, а там перегружают на шхуны. Местоположение базы время от времени меняется. Сам ты ее не найдешь. Но, впрочем, это неважно. Шхуны встречаются с кораблями в бухте Бискейн; время и место встречи обговариваются по радию. Это все, что мне известно. Вы устали, друзья мои. Надо поспать, а утром Мануэла выведет вас отсюда. Иди с миром и спаси мои болота, мистер Шейн, хотя бы до конца моих дней. Приходи, когда вадумается, но в следующий раз постарайся обойтись без угроз.

Незадолго до рассвета Мануэла разбудила мужчин, они сели в каноэ, и вскоре остров скрылся в предрассветном тумане.

Мануэла достала из рюкзака еще один термос с кофе — уже остывшим, но щедро разбавленным коньяком. Все трое с удовольствием выпили.

— Вчера ночью я чувствовал себя полным идиотом, — признался Патрик, — ни слова не сказал. Но вы, Майкл, проделали отличную работу. Здорово обхитрили старика.

Шейн заметил, что Мануэла пристально посмотрела на Патрика поверх края колпачка термоса, из которого пила.

— В том-то и беда, Билл, что на самом деле я его не обхитрил, — признался Шейн. — Все оказалось слишком легко. Этот старик далеко не глуп. Глупый человек никогда не сможет стать колдуном или шаманом в глазах окружающих. Он уже давным-давно продумал все варианты того, что я мог сказать.

— Но тогда на кой черт был затеян весь этот спектакль? — возмутился Патрик.

— Да, на кой черт был затеян весь этот спектакль, — задумчиво повторил Шейн. — Как раз это меня и беспокоит. Скорее всего,

он хотел, чтобы я выложил перед ним свои карты. Ему нужно было выяснить, что мы собираемся делать дальше.

На краю болота они спрятали лодку в том месте, где кончалась старая, вымощенная бревнами дорога, и пересели в спрятанную в кустах "багги" с огромными резиновыми шинами, отлично подходящими для передвижения по болотистой местности. Мануэла достала ключи и повела машину с легкостью, свидетельствующей о солидной практике. Проехав всего несколько миль, они вышли из машины, снова спрятали ее и двинулись пешком.

Через полмили дорога вывела к отличному асфальтовому шоссе. В небольшой рощце в нескольких десятках футов от него кто-то оставил недорогую спортивную машину, ключи от которой каким-то образом снова оказались у Мануэлы. Перед выездом она вытащила из багажника рюкзак и ненадолго скрылась в кустах, а когда появилась вновь, на ней было чистое полосатое платье, лицо и руки вымыты, волосы аккуратно причесаны.

Рядом с ней Шейн и Патрик, грязные и заросшие двухдневной щетиной, выглядели парой настоящих болотных бродяг. Она отвезла их до Неаполя — маленького городка на западном побережье Флориды, из которого каждый час ходили автобусы до Майами.

Перед тем как расстаться, они договорились, что Эрл Карвер будет доставлен через три дня к восьми утра на шоссе ровно в шестидесяти милях от городской черты Майами. Потом Мануэла одарила их ослепительной улыбкой, помахала рукой и уехала.

Глава 5

— До сих пор не знаю, что это было, — признался Патрик Люси Гамильтон. — Временами больше похоже на сон или кошмар, чем на реальность.

Они сидели в конторе Шейна на Флеглер-стрит вместе с Тимом Рурком.

Шейн и Патрик успели принять душ и побриться. В отличие от них, Тим Рурк, всю ночь просидевший над статьей, был куда больше похож на человека, проторчавшего несколько дней на болотах. Люси, как всегда подтянутая и очаровательная, была занята приготовлением коктейля, разливая по бокалам бренди с содовой.

— Если бы я была психоаналитиком, — сказала она, — я бы, наверное, начала с кошмаров и постаралась проанализировать все события по порядку, пока они не выстроились бы в схему. А ты как считаешь, Майкл?

Шейн сидел, положив ноги на стол и упершись плечами в стену, чтобы не грохнуться на пол вместе со стулом.

— Я настолько счастлив, что снова чистый и могу дышать, не втягивая в каждую ноздрю по шесть-семь moskitov за раз, что просто не в состоянии думать.

— Что бы я сделал в первую очередь, — предложил Билл Патрик, — так это попросил бы наших друзей в Вашингтоне заняться проверкой компании "Сикс даймондс лайн".

— Нет, — покачал головой Шейн. — Как раз этим мы займемся в самую последнюю очередь. А пока даже не будем произносить вслух это название.

— Но разве тогда мы не окажемся в роли людей, утаивающих ценную информацию?

— Поработайте с Майклом подольше, и вы к этому привыкнете, — заметил Рурк, оторвавшись от своего бокала. — Если не верите, можете съездить в Майами-Бич и спросить у Пита Пэйнтера. Он поклонится на целой куче Виблий, что Майкл скрывал улики по каждому делу, над которым ему доводилось работать.

Шейн выпрямился и опустил ноги на пол.

— Иногда Тим говорит сам, а иногда это делает за него бренди. Честное слово, Билл, не все так плохо. Но порой бывает, что чем меньше людей знают тот или иной факт, тем это полезнее для дела. Предположим, что наш приятель мистер Смит начал шерстить ребят из “Сикс даймондс”, но ведь те, за кем мы охотимся, отнюдь не дураки. Они почувствуют, что запахло жареным быстрее, чем крыса учует сыр.

— Теперь понятно, — закивал Патрик.

— Но самое главное, — продолжал Шейн, — что к тому моменту, когда мы будем готовы нанести решительный удар, они упрячут все концы так глубоко, что потом и за два года не раскопашешь. Вот когда мы наденем наручники на мистера Икса, пусть эти суперищейки займутся мелкими деталями.

— Но разве Икс участвует в переправе шкур?

— Может быть, но, думаю, маловероятно. Этот тип богат, а следовательно умен. А если умен, то и осторожен. Я считаю, что “Сикс даймондс лайн” — скорее всего дочернее предприятие какой-нибудь акционерной компании, которую Икс контролирует, скажем, под именем своего шурина. Может быть, он замаскировался еще сильнее. В любом случае это одна из двух нитей, которые у нас есть, поэтому мы с вами поедem в Нью-Йорк и постараемся проследить обе. Сейчас, Билл, вы вернетесь к себе в отель, упакуете вещи и закажете два билета до Нью-Йорка. За счет мистера Смита, разумеется.

Патрик встал, коротко попрощался и вышел.

— Бедняга, — засмеялся Рурк, — даже не допил свой бренди. Я с удовольствием сделаю это за него, — и он залпом опрокинул бокал Патрика. — А теперь, мой мальчик, учти, что твой дядюшка Тим не такой простак, как этот большой парень с севера. Если “Сикс даймондс” — только один из двух твоих ключей, то каков же второй?

— Когда ты его увидишь, то получишь сущее удовольствие, — сказал Шейн. — У него длинные ноги и розовые губы.

— Господи, ну конечно! Мануэла! — воскликнул Рурк. — Я должен был сам догадаться... Да, но как мне найти эту прекрасную лесную нимфу? Я хотел сказать — во всей той грязи, о которой ты столько рассказывал.

— Там ты ее не найдешь, — покачал головой Шейн. — Но у тебя есть все шансы выследить эту стройную и изысканную сирену в одном из лучших городских ресторанов. — Шейн сделал паузу, чтобы дать возможность Рурку оценить его красноречие. — Сом-

неважно, что она проводит на болотах больше двух дней в месяц. Вчерашние приключения – не более чем отлично сыгранный спектакль; искать ее надо в Майами. – Он вытащил из кармана клочок бумаги. – Вот номер машины, на которой она сегодня уехала. Попроси Уилла Джентри проверить его. А затем надо составить досье на нашу темноволосую красотку. Но смотри в оба, Тим, как бы тебе не прищемили пальцы. Она способна без особого труда соблазнить бронзовый бюст старины Генри Флеглера, не то что тебя. Кроме того, она чертовски умна, и от нее можно ждать чего угодно. Короче говоря, не суйся, куда не надо, и береги шею.

– Да уж, я как-нибудь постараюсь сохранить эту бесценную часть моего организма, – засмеялся Рурк. – Полагаю, ты потребуешь полной информации о ней: друзья, деловые партнеры, чем она занимается и так далее.

– Точно. Все именно так, как ты сказал, но особое внимание обрати на основной источник ее доходов. Или источники.

– Ты не веришь, что она живет на заработки у Большого Эда?

– Сдается мне, что она может купить Эда с потрохами. Ну, если не она сама, то по крайней мере тот, кто за ней стоит.

– И этот кто-то...

– Не знаю, – Шейн пожал плечами. – Я-то как раз надеюсь, что ты сумеешь раскопать что-нибудь в этом роде.

– Майкл, я сделаю все, что смогу.

Когда Рурк ушел, Шейн и Люси заперли контору, отправились в закусочную “У Бенни”, работавшую круглые сутки, и заказали пару стейков – самое распространенное блюдо во Флориде.

– Я так рада, Майкл, что ты вернулся из этих ужасных болот, – с облегчением произнесла Люси. – Хотя в то, что ты рассказываешь, верится с трудом.

– Ангел мой, там еще хуже. Мне самому с трудом верится, но все-таки что-то неладно. В этом деле есть вещи, которых я не вижу, а может быть, и вижу, да глаз не улавливает.

– С чего ты собираешься начать? – спросила Люси.

– Начну с того, с чего, по мнению Старого Бонса, я должен был начать в первую очередь, – решительно заявил Шейн. – Как и планировали, мы с Биллом вылетим в Нью-Йорк. Это сразу удовлетворит всех, кто добивался нашего отъезда. Мы приземлимся в аэропорту Кеннеди и поедem в город. Только на сей раз мы там не задержимся и тут же улетим назад в Майами, но уже из Нью-Йорка. Постараюсь договориться с местными властями, чтобы мы могли приземлиться в Лаудердейле или в Уэст-Палм, а там возьмем напрокат машину и вернемся сюда.

Как только вернемся, ты позвонишь мистеру Смигу – я дам тебе его номер – и скажешь, что мы улетели в Нью-Йорк. Ни в коем случае не проболтайся, что мы в Майами. Попроси его начать проверку компании “Сикс даймондс лайн”, и так, чтобы это было замечено.

– Но ведь ты не думаешь, что пароходная компания и в самом деле втянута в эту аферу?

— Еще как втянута! Бонс не посмел бы дать мне фальшивую информацию. Ведь стоит ее проверить и выяснить, что это липа, как я перестану верить всему остальному, а ему это совершенно ни к чему. Так что ребята мистера Смита раскопают, кто управляет компанией, и этому человеку не уйти.

— Майкл, но ты больше не веришь, что он окажется самым главным в афере?

— Нет, ангел мой, не верю. Мне кажется, это один из управляющих синдикатом, но порой они становятся таким же пушечным мясом, как, например, тот же Эрл Карвер. Кем бы ни оказался этот тип из Нью-Йорка, они швырнут его нам, как кость голодной собаке, чтобы мы думали, что поймали самую крупную рыбу и у нас есть, чем похвастаться. Не уверен, однако, что настоящий глава синдиката все еще в Нью-Йорке. Если бы он был там, то какой им смысл наводить нас на Нью-Йорк? Думаю, сейчас мы можем найти его в Майами.

— Но, Майкл, как же Бонс во все это вписывается? Каковы его мотивы?

— Господи, да такие же, как у любого другого. Либо его подкупили, либо заставили, хотя я не представляю, что ему могли посулить, ведь у него и так все есть. С другой стороны, попробуй, заставь эту гремучую змею сделать что-нибудь против воли. Чтобы поймать его на болотах, потребовалась бы пара батальонов морской пехоты. Чего ему бояться?

Когда Шейн и Люси отпирали дверь конторы, зазвонил телефон. Люси сняла трубку и тут же сделала знак Шейну, чтобы тот взял трубку в своем кабинете. Это оказался Билл Патрик.

— Майкл, я звоню из автомата в вестибюле отеля. За мной следят, я почти уверен в этом. Смуглый парень, рост примерно пять футов шесть дюймов, в ужасающе безвкусной спортивной рубашке и в ботинках на высоких каблуках. Что мне с ним делать?

— Ничего. Не стоит слишком облегчать ему работу, но постарайтесь, чтобы он не потерял вас из виду. Я хочу, чтобы его босс был уверен, что мы действительно собираемся в Нью-Йорк. Кстати, вы заказали билеты?

— Вылет в 9.50, посадка в аэропорту Кеннеди, — сказал Патрик. — Послушайте, Майкл, ведь здесь не болота. У этого типа нет пистолета, но я заметил, что под левой штаниной у него пристегнут нож. Что делать, если он попытается им воспользоваться?

— Не думаю, что до этого дойдет, — заверил его Шейн. — Постарайтесь его задержать, лучше всего живым. Смотрите в оба. Когда поедете в аэропорт, закажите лимузин отеля. В этом городе никогда не знаешь наверняка, кто сидит за рулем такси.

— О'кей, Майкл. Так и сделаю.

Едва Шейн положил трубку, телефон зазвонил снова. На этот раз голос на другом конце провода принадлежал шефу полиции Уиллу Джентри.

— Слушай, рыжий, — прорычал он, — тут ко мне ввалился твой приятель Рурк, от которого на милю разит виски, и он утверждает, что ты хочешь проверить номер одной машины. У него что, опять галлюцинации?

— На этот раз нет, Уилл. Мне очень важно получить как можно больше данных об этой машине, о ее владельце и женщине, которая вела ее сегодня утром. Буквально все.

— Это имеет какое-то отношение к недавнему разговору с неким мистером Смитом?

— Самое непосредственное. А еще мне нужны сведения о Старом Бонсе. Он...

— Минутку, Майкл, имей совесть, — запротестовал Джентри. — Об этом Бонсе ходит столько разных историй, что хватило бы на полдюжины толстенных романов. Он — живая легенда.

— Все верно. Но меня не интересуют слухи, мне нужно только то, что известно наверняка. Что ты сам о нем знаешь?

— Достаточно, чтобы держаться от него подальше, если он меня об этом попросит, — сказал Джентри. — Честное слово, у меня от этого типа мурашки по коже. Говорят, что любой, кто осмелится его надуть или ослушаться, долго не живет и остаток жизни проводит в больших хлопотах.

— Я знаю, что у него хорошая репутация в уголовной среде, — согласился Шейн. — Мне нужны факты. Кто он такой на самом деле? Бывает ли в городе? Если да, то под каким именем? Есть ли у него недвижимость в Майами? Снимал ли кто-нибудь у него отпечатки пальцев?

— Помедленнее, — перебил Джентри. — Я записываю.

— Правда ли, что во время учебы в Гарварде он жил в одной комнате с индейцем по имени Стоящее Дерево?

— Майкл, ты что, надрался?! — возмутился Джентри. — Если ты так шутишь, то ты просто паршивая ищайка! Я прикажу тебя арестовать и швырну на растерзание Питу Пэйнтеру.

— О'кей, — рассмеялся Шейн. — Так и быть, последний вопрос можешь не записывать. Все, что меня интересует, это полезная информация. Есть ли у него недвижимость в Майами? Банковский счет? Какие-нибудь связи с синдикатом? Что о нем знает Совет старейшин семинолов?

— Ну уж это я никак не разужаю, если только они сами не согласятся рассказать, — запротестовал Джентри. — Семинолы — это не те люди, которые обращают внимание на законы белых. По-моему, в их языке даже есть свое слово для обозначения "легалых".

— Но основную идею ты все-таки уловил? Постарайся узнать как можно больше.

— И сколько же времени ты мне даешь на составление этой энциклопедии?

— Уилл, старина, можешь особенно не торопиться. По крайней мере, до завтра мне эти сведения не понадобятся.

Джентри что-то прорычал и швырнул трубку. Шейн улыбнулся и аккуратно положил трубку на рычаг.

— Если позвонит Джентри и начнет рыдать у тебя на плече, — сказал он Люси, — постарайся изобразить заботливую мамашу. Пусть он думает, что ты его ужасно жалеешь, но не вздумай говорить, где мы с Биллом.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, — рассмеялась Люси.

Билл Патрик и Майкл Шейн провели скучную и утомительную ночь, занятую путешествием на самолете, в автобусах, такси и на метро. По дороге из аэропорта Кеннеди в Манхэттен за ними следил человек, который вел себя чуть менее осторожно, чем это было необходимо для тайного соглядатая.

— Кому-то очень хочется убедить нас, что мы на верном пути, — сказал Билл Патрик.

Поскольку он знал центр Нью-Йорка как свои пять пальцев, им легко удалось отделаться от "хвоста" у въезда в Линкольн-туннель по дороге в аэропорт Ньюарка.

Пересев в Атланте на другой самолет, они утром прибыли в Форт-Лаудердейл. Лимузин аэропорта доставил их на Мотел-стрит — огромный комплекс гостиниц и мотелей в северной части Майами-Бич. Шейн заранее заказал номер в одном из шумных, забитых туристами мотелей. Приняв душ и побрившись, они легли, чтобы передохнуть хотя бы несколько часов.

Когда Шейн проснулся, ярко светило солнце. Патрик уже встал и оделся.

— У болот есть одно замечательное преимущество, — заявил он, заметив, что Шейн не спит. — Там тихо.

Они заказали ленч и с аппетитом позавтракали. Шейн разбил кофе коньяком.

— Сегодня решающий день, — сказал он. — По крайней мере, мне так кажется. Но сначала надо узнать, что смогли выяснить мои помощники.

Шейн вышел из номера и позвонил Люси из автомата в вестибюле.

— О, Майкл, наконец-то! — обрадовалась она. — Я все ждала, когда же ты дашь о себе знать. Звонил Уилл Джентри и сказал, что из интересующих тебя сведений почти ничего не удалось выяснить. Кроме легенд, в это досье почти ничего нельзя внести. Хотя он раскопал один факт, который может тебя заинтересовать. Он узнал, чьим именем адвокаты Лангстрита Дрейза Бонса пользуются для сокрытия всякого рода финансовых операций.

— Отлично! И чьим же?

— Именем доктора Магнуса Граймса.

— О, Боже, только не это! — перебил Шейн.

— Что ты имеешь в виду?

— То и имею в виду — "только не это". Помнишь, я говорил, что Бонс согласился встретиться со мной лишь потому, что однажды я оказал ему некую любезность?

— Да, но...

— По-моему, я не рассказывал, в чем данная любезность заключалась. Было это еще до войны, когда я только начинал, задолго до того, как мы с тобой познакомились. Я тогда привез в Майами одну из женщин Бонса — она вот-вот должна была родить. При родах она умерла, и, насколько мне известно, ребенок тоже, но моей вины здесь нет. Так вот, я отвез ее в частную лечебницу, которую назвал мне Бонс, когда у него уже не оставалось другого выхода.

— Это было очень великодушно с твоей стороны, — сказала Люси. — Я ничуть не удивлена, что он вспоминал о тебе с благодарностью. Но как это может быть связано с твоим нынешним делом?

— Частная лечебница, куда я ее привез, принадлежала доктору Магнусу Граймсу, у него не самая лучшая репутация в городе. Ходили слухи, что в его заведении можно было быстро и без лишних вопросов сделать аборт; что он не особенно щепетилен, когда речь заходила о рецептах на препараты, содержащие наркотики. С другой стороны, я всего лишь выполнял роль посыльного Бонса.

— Майкл, и ты еще пытаешься острить? Поверь, это не самая удачная твоя шутка.

— Никаких шуток. Вскоре после этого в газете появилась маленькая заметка, в которой сообщалось, что при родах умерла неизвестная индианка. Причина смерти заключалась в том, что наблюдавший ее врач — доктор Магнус Граймс — перед самыми родами скончался от острой сердечной недостаточности. Теперь ты понимаешь? Доктор Граймс умер больше двадцати пяти лет назад. Естественно, он сейчас просто не в состоянии пользоваться услугами своего адвоката.

— Ну что ж, — практично сказала Люси, — значит, это делает кто-то другой. Кстати, в телефонном справочнике есть имя доктора Магнуса Граймса, который значится там, как владелец небольшой частной клиники. Я это проверила после того, как позвонил Уилл. Разумеется, это может быть однофамилец, а может быть, ты все перепутал... Не забывай, с тех пор прошло много лет.

— Я никогда ничего не путаю, — решительно возразил Шейн. — Но никак не рассчитывал столкнуться с духом, который пользуется услугами адвокатов и руководит частной клиникой. Мне надо все как следует обдумать. Я перезвоню позже.

Он повесил трубку и поднялся в свой номер на третьем этаже мотеля. Шейн был уверен, что, выходя из номера, запер дверь на защелку, но сейчас дверь с легкостью распахнулась.

На первый взгляд, обстановка в номере казалась такой же, какой была, когда он выходил. Билл Патрик спокойно сидел на стуле, глядя в окно. Он никак не отреагировал на появление Шейна, и только подойдя ближе, детектив понял, в чем дело. В шее Патрика — прямо у основания черепа — торчал длинный узкий нож. Удар был нанесен со страшной силой, и нож, скорее всего, перебив позвоночник, вызвал мгновенную смерть. Крови вытекло немного, но воротник пиджака и рубашка были залиты уже начавшими подсыхать бурыми потеками.

Шейн не стал терять времени даром. Быстро собрав документы и деньги Патрика, он проверил револьвер, сунул в портфель чистую рубашку, бритвенный прибор и покинул мотель через боковой выход.

Пройдя несколько кварталов, Шейн сел в автобус и через полчаса добрался до Майами, а затем пересел на другой автобус, идущий в центр города. Главным для него было как можно скорее попасть в кабинет Тима Рурка в редакции "Ньюс".

Он был уверен, что как только тело Патрика будет обнаружено, полиция начнет поиски человека, жившего с ним в одном номере. Разумеется, оба они зарегистрировались под чужими именами, однако проверка отпечатков пальцев быстро позволит опознать Патрика. А потом — если местная полиция уже не располагает описанием его внешности — кто-нибудь обязательно вспомнит, что убитого видели в городе в компании Майкла Шейна. Даже если его не начнут разыскивать по подозрению в убийстве, он все равно понадобится полиции в качестве свидетеля и будет “выключен” из расследования как раз тогда, когда свобода действий имеет для него решающее значение.

Неплохо задумано! Шейн не сомневался, что именно на это и рассчитывал убийца, хотя у него не было никаких иллюзий относительно того, что произошло бы, встретясь они лицом к лицу.

Тим оказался на месте. Когда Шейн вошел в его маленький кабинет, тот, сидя за пишущей машинкой, тянул виски прямо из горлышка, но увидев рыжего детектива, поставил бутылку и радостно ухмыльнулся.

— Привет, убийца!

— Что значит “убийца”?

— Преступление всегда выплывает наружу, — нравоучительно произнес Рурк, протягивая ему бутылку. — Тайное становится явным. Впрочем, дорогой мой, не мне тебя учить, сам знаешь. Кроме того, у тебя появился анонимный рекламный агент, и он работает не покладая рук. Смерть твоего приятеля стала достоянием полиции еще до того, как успело остыть тело. Им позвонил неизвестный и сказал, что это твоя работа.

— Да? А им такое рвение не показалось подозрительным?

— Когда Уилл Джентри услышал об этом, то так и подумал, — согласился Рурк. — Но Пит Пэйнтер купил эту историю не глядя. Сам понимаешь, дареному коню в зубы не смотрят. Ты же знаешь Пэйнтера, он бы поверил, что ты виновен в убийстве Юлия Цезаря, если бы кто-нибудь сказал, что видел тебя поблизости.

— И что дальше?

— А то, что как раз в эту самую минуту на тебя заводят дело в прокуратуре. Ну ладно, чудо в перьях, рассказывай, что там на самом деле произошло.

— Пока я звонил Люси из вестибюля, кто-то вошел в номер и всадил Биллу нож в спину, прежде чем он понял, в чем дело. Вот и все. Надеюсь, когда-нибудь я смогу рассчитаться с этим гадом, но сейчас главное не это. Лучше скажи, ты нашел девушку?

— Нашел ли я девушку? — Рурк, прикрыв глаза, послал воздушный поцелуй в сторону Бискейн-бульвар. — Естественно, нашел. Она отвечает твоему описанию, но в городе живет под именем Камиллы Мадрид.

— Мне доводилось слышать это имя.

— Разумеется, и мне тоже, — кивнул Рурк. — Я сам частенько видел ее на вечеринках в городе. Официально она занимается торговлей недвижимостью, имеет солидный офис в Майами-

Бич, а через подставных лиц владеет строительной и изыскательской компаниями и двумя ночными клубами. А может, и больше.

— Ты уверен, что это та самая женщина? — спросил Шейн. — Когда я познакомился с ней несколько лет назад, она работала в баре у Большого Эда под именем Мануэла. Само собой, она не стала бы делать ставку на чаевые от оборванцев из его клиентуры.

— Гм, по официальным данным она ни на какого Большого Эда не работает, можешь сам убедиться. — Рурк бросил Шейну плотный конверт со знакомым штампом архива "Ньюс".

Шейн отшвырнул его в сторону.

— Лучше сам расскажи, — проворчал он.

Рурк пожал плечами.

— Все довольно просто. Она вынырнула в Майами-Бич шесть лет назад с дипломом Радклифф-колледжа и мешком денег впридачу. Очень успешно начала действовать как коммивояжер, потом — как брокер по продаже недвижимости; заработала еще больше и завела массу друзей. В основном ее поддерживает и финансирует компания под названием "МГ Пропертиз". Никаких романтических интересов, за исключением нескольких любовников, но это не миллионеры, годящиеся ей в отцы. Живет одна, хорошо одевается, в общем, куколка.

— Тим, я хочу, чтобы ты как следует покопался в ее связях с "МГ Пропертиз". Интересно, буквы "МГ" в названии могут иметь отношение к имени "Магнус Граймс"? Знакома ли она с ним? По-прежнему ли доктор Граймс руководит клиникой в нашем городе?

Рурк снял телефонную трубку. Пока он звонил, Шейн молча сидел в кресле и потягивал коньяк. Наконец Рурк закончил разговор и повернулся к нему.

— Не знаю, как ты до этого додумался, но на все твои вопросы ответ — "да"!

— Что ж, это многое проясняет, — задумчиво произнес Шейн. — Если бы я знал это вчера, то бедняга Билл мог остаться в живых. Слушай, Тим, а ты можешь договориться с этой девушкой о встрече сегодня вечером?

Тим Рурк засмеялся и щелкнул пальцами.

— Уже договорился.

— Слушай, это не смешно! Мне сейчас не до шуток! — рассердился Шейн. — На болотах убили егеря, в мотеле — Билла, а если я ошибусь в своих предположениях, то за ними могут последовать еще несколько человек.

— Черт возьми, Майкл, ты что, меня не знаешь? Сегодня в девять вечера я встречаюсь с твоей Мануэлой в ее квартире в Майами-Бич. Я позвонил ей и сказал, что "Ньюс" заинтересована в интервью о будущем торговли недвижимостью в нашем городе. Она моментально попалась на этот крючок, и я...

— Это ты так думаешь, — проворчал Шейн. — Она отлично знает, что ты мой друг и чем ты занимаешься; знает, что если я еще не получил нож в спину, то буду ее разыскивать сегодня вечером и скорее всего с твоей помощью. Что ж, не будем ее разочаровывать. Я поеду вместе с тобой.

— Да? Значит, мой мальчишеский шарм тут ни при чем, когда я договорился с ней о встрече по телефону? — разочарованно вздохнул Рурк. — Кстати, тебе надо будет хорошенько подумать, как туда добраться. Она живет в “Кастайл-кэстл-тауэрс”, а это на территории нашего приятеля Пита Пэйнтера.

— Ха! Нашему блистательному шефу Пэйнтеру понадобится года четыре, чтобы связать эту леди с делом об убийстве, если только ему не взбредет в голову к ней наведаться... Знаешь что? Поеду-ка я на твоей машине, надеюсь, она еще в состоянии выдержать двоих. Войду в дом, а там посмотрим. Если неприятности и начнутся, то только после того, как мы там окажемся.

— Ты что, серьезно? — удивился Тим Рурк. — Неужели ты и в самом деле думаешь, что это хрупкое создание всадило нож в несчастного мистера Патрика?

— Сама-то вряд ли, — Шейн покачал головой, — но вполне могла приказать это сделать. Во всяком случае, я уверен, что она знает, кто его убил...

Глава 7

Тим Рурк специализировался на подержанных развалюхах десятилетней давности, с чихающими и дребезжавшими от старости моторами, получивших вторую молодость лишь благодаря самоотверженным усилиям его знакомых механиков.

— На такой машине я могу гонять с любой скоростью, — разглагольствовал Рурк. — Все эти дорогие колымаги при одном моем приближении тут же убираются с дороги. Стоит водителю взглянуть на мою тачку, и он понимает, в какие денежки ему обойдется ремонт, а мне терять нечего. Я могу себе это позволить, а они нет.

Рурк затормозил на стоянке неподалеку от “Кастайл-Кэстл”, и они вышли из машины. Никто не пытался остановить их в вестибюле или в лифте.

Слуга, открывший дверь и впустивший их в шикарно обставленную прихожую, оказался широкоплечим и мускулистым коротышкой. Его глаза были остекленевшими и удивительно невыразительными, хотя казалось, что он отдает себе отчет в происходящем. Шейну сразу бросилось в глаза, что его униформа велика ему по крайней мере на полразмера.

Едва слуга повернулся, чтобы открыть дверь в гостиную, Шейн нанес ему резкий и быстрый удар ребром ладони по шее. Коротышка рухнул на пол, не успев сообразить, что с ним произошло.

— Послушайте, мистер Рурк, — произнес звонкий голос из гостиной, — неужели у всех сотрудников “Ньюс” такие ужасные манеры?

Рурк подпрыгнул от неожиданности и покраснел.

— Привет, Мануэла, — небрежно сказал Шейн. — Мне очень не понравился взгляд этого парня.

— Девушка мелодично рассмеялась. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне мягкого освещения гостиной — копна пышных, мягко курчавившихся волос, на шее — жемчужное ожерелье, в ушах — изумрудные подвески. Она была в длинном вечернем платье с глубоким вырезом, подчеркивавшим великолепную фигуру. Темные глаза с удивлением посмотрели на детектива.

— Майкл?! — воскликнула она. — Почему ты не нашел меня раньше?

— Ну что ты! — усмехнулся Шейн. — Ты ведь на первом месте в жизни любого мужчины. Жаль только...

— Что нам пришлось встретиться именно сегодня вечером? — закончила за него девушка. — Это неважно. Для таких людей, как мы с тобой, подобные мелочи не имеют значения.

Лежавший на полу слуга пошевелился и застонал. Мануала быстро наклонилась, вытащила у него из ножен под пиджаком острый как бритва нож, очень похожий на тот, что оборвал жизнь Билла Патрика, и бросила его на маленький мраморный столик в прихожей. На блестящей разноцветной поверхности нож выглядел так же неуместно, как слизняк под кустом роз.

— Лучше связать его побыстрее, — обратилась она к Рурку и вновь повернулась к Шейну. — Нет, Майкл, он не убивал твоего друга. Тот, кто тебе нужен, скрывается на болотах.

Шейн вопросительно посмотрел на нее. В это время Рурк оторвал шнур от портьеры и начал проворно связывать лежавшего.

— Я тоже не отдавала такого приказа, — сказала девушка, глядя прямо в глаза Шейну. — Мистер Патрик был неплохим человеком. За все время, пока он пробыл на болотах, он ни разу не приставал ко мне, у него даже в мыслях этого не было... А о его смерти я узнала всего час назад.

— Я верю тебе... Камилла.

— Спасибо, Майкл. Ты прав, это мое настоящее имя. А теперь давай поговорим. Ты не ошибся. Иначе я бы не позволила мистру Рурку привезти тебя сюда. Будешь задавать вопросы, а я отвечать... почти на все. Думаю, ты сам нашел ответы на большинство из них.

— Боже мой! Что здесь происходит? — вмешался Рурк. — Вы просто забыли меня в прихожей. Почему никто не предложит мне выпить?

— В стене слева от вас есть бар, в котором вы найдете все, что захотите, — сказала Камилла. — Он полностью в вашем распоряжении.

Вместе с Шейном они направились к длинному белому дивану, расположенному напротив огромного, во всю стену, окна.

— Чем вызвана твоя откровенность?

— Просто я, как и ты, хочу, чтобы это дело было наконец закончено. Уже совершено два убийства, и они бессмысленны. Их может быть еще больше. Ничто не оправдывает убийства. Звери в джунглях убивают, чтобы добыть пищу, — это я могу понять, но когда убивают ради наживы...

— Ты знаешь, кто за этим стоит, — сказал Шейн. Это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

— И да, и нет. Я знаю всю его подноготную и могу назвать его имя. Сегодня я отвезу тебя к этому человеку, но виновен ли он на самом деле? Это судить тебе самому. Могу только догадываться, что ты решишь.

— В моей профессии всегда находится кто-то виноватый. Об этом объявляет суд. Вот такие дела.

— Но если суд скажет — «виновен», что скажешь ты, Майкл?

— Я только выполню свою работу. Нельзя требовать, чтобы я при этом был еще и философом. Но если я должен ответить, то скажу, пожалуй, только одно — преступник сам делает себя опасным для окружающих. В конце каждого расследования я определяю степень вины. И нахожу того, кто представляет опасность для общества.

— В таком случае, кто же я такая, по-твоему? — спросила Камилла.

— Точно не знаю. Когда-то давно я привез в Майами женщину, которая вот-вот должна была родить. Она умерла и...

— Довольно близко, — кивнула она. — Так считает Старый Бонс. Лонгстрит Дрейз Бонс, эсквайр. Большой Змей. Он думает, что я его дочь, рожденная от индианки.

— Это верно?

— Нет. Во всяком случае, мне так кажется. Маленький Бонс лежит в могиле рядом со своей матерью. Акушерка побоялась признаться, потому что доктор сказал ей, что с ними сделает Бонс, если ребенок умрет. Она подменила ребенка Бонса найденным. Наверное, это была я. Бонс вырастил меня как свою собственную дочь. Я могла бы остаться с ним, мне нравится жить на природе, но он не позволил и послал меня в колледж, а потом... потом я оказалась здесь.

— Почему ты не сказала ему всей правды? Боялась?

— Нет, я любила его. Да и он хорошо ко мне относился.

— А доктор еще жив?

— Сегодня вечером у тебя будет возможность судить об этом самому. Я отвезу тебя в его клинику. Если, конечно, ты поедешь.

— Поеду, — кивнул Шейн. — Но я так и не узнал самого главного. Кто втянул в это дело Бонса? Кто превратил его в силу, которая уничтожает его собственное королевство? Как это делается? Другими словами, кто главный во всей этой афере? За кем я охочусь?

Она пристально посмотрела на Шейна.

— Майкл, разве ты не знаешь? Неужели не догадываешься? Если нет, тогда я не смогу сказать тебе этого прямо сейчас. Но обещаю, у тебя будет возможность встретиться с этим человеком еще до того, как кончится ночь. Даю слово.

— Я поеду. Ты ведь знаешь, что я поеду.

— Но ты так и не задал своих вопросов, — удивилась Камилла. — Даже не спросил, можно ли мне доверять. Знаешь... я тебе признательна за это.

Поскольку потрепанная машина Рурка была отлично известна полиции Майами-Бич, они взяли спортивную машину Камиллы и, откинув верх, втроем сели на переднее сиденье — Камилла за рулем, а Шейн между ней и Рурком.

Нужный им дом представлял собой одноэтажное здание с большой автомобильной стоянкой, заросшей сорной травой, бразильским перцем и низкорослыми пальмами, обвитыми шпалестыми лианами.

Синий фонарь освещал табличку:

“Клиника доктора Граймса”.

— Сейчас мы пойдем в дом, — сказала Камилла Шейну. — Говорить буду я. Что бы ни случилось, постарайся не хвататься за револьвер, если только на нас нападут первыми. Надеюсь, этого не произойдет, но если вдруг будут неприятности, я постараюсь помочь, чем смогу. Мистер Рурк может пойти с нами или подождать в машине.

— Вы что, издеваетесь? — возмутился Рурк. — Да я ни за что на свете не пропущу такого приключения! К тому же не забывайте, что именно со мной у вас назначено свидание на сегодняшний вечер.

Девушка подошла к двери и позвонила, стоя прямо напротив глазка в верхней панели. Ждать пришлось довольно долго.

Наконец дверь распахнулась, и Камилла жестом пригласила Шейна и Рурка в тускло освещенный вестибюль. Хотя в регистратуре и за коммутатором никого не было, они были не одни в маленькой комнате — их поджидали четверо.

Трое из них были в белых халатах санитаров: высокий негр, коренастый человек с восточными чертами лица и мускулистый великан неопределенного происхождения. У всех троих были пустые, какие-то застывшие глаза, столь характерные для подчиненных Бонса. Шейн не заметил оружия у них в руках, но его наметанный глаз сразу подметил выразительные выпуклости под халатами.

Четвертый был явно городским жителем — поджарый, опасного вида тип с болезненно-желтым лицом, с сальными черными волосами и длинными бакенбардами, в узком пиджаке, штанах в обтяжку и остроносых туфлях. В руке он сжимал вороненный “логер”.

— Хелло, мисс Бонс, — обратился он к Камилле. — Значит, вы все-таки привезли их сюда...

— Если Бонс услышит, как ты меня назвал, считай себя покойником, — холодно отпарировала девушка. — Спрячь свой пистолет. С этого момента приказы отдаю я.

Брюнет заколебался.

— Не знаю, стоит ли... — начал он.

— Хелло, Шарки, — перебил его Шейн. — Лучше послушайся даму. Или ты в самом деле думаешь, что ты и эти трое зомби сможете справиться с Майклом Шейном?

Наступило напряженное молчание.

— Майерс, не будь дураком, — наконец произнесла Камилла. — Бонс хочет поговорить с Шейном и попросил меня привезти его

сюда. Сам знаешь, как он бесится, когда что-то нарушает его планы. А теперь пропусти нас.

Шарки хмуро кивнул и отступил в сторону.

Камилла провела их через вращающуюся дверь, и они оказались в длинном, тянувшемся вдоль всего здания, коридоре, пропахшем дезинфекцией. Двери в больничные палаты по обе стороны коридора были распахнуты. В дальнем конце коридора находилась тяжелая дубовая дверь с табличкой: "Д-р Граймс. Личный кабинет". Камилла постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

Шейн быстро шагнул в комнату и сразу же, отступив в сторону, прижался спиной к стене. Распахнув пиджак, он положил ладонь на рукоятку автоматического "кольта" 45-го калибра в кобуре на поясе. Справа и слева от входа были еще две двери. Интересно, подумал Шейн, за какой из них притаился Шарки Майерс?

Обстановка комнаты казалась типичной для кабинета главного врача клиники — массивный стол, кожаные кресла, высокий шкаф с медицинской литературой. Мягкий свет падал из скрытых в потолке светильников. За столом сидел человек в темном деловом костюме. Низко надвинутая на лоб широкополая панама полностью закрывала его лицо.

— Вот и все, — вполголоса сказал Шейн. — Вот он — конец поисков. Момент Истины.

Человек за столом поднял голову. Прямо на Шейна смотрело высохшее морщинистое лицо Лонгстрита Дрейза Бонса.

— Шейн, ты слишком умен, — процедил он сквозь зубы. — Почему ты не в Нью-Йорке? В этот самый момент ты должен заниматься проверкой компании "Сикс даймондс"! Я знал, что тебя нельзя было выпускать живым из болот.

— Хватит ломать комедию, — сердито сказал Шейн. — Ты уже не выпустил Билла Патрика, но это было твоей ошибкой. Теперь я пришел за тобой.

— Не за мной, а ко мне, — возразил Бонс. — Мне жаль, что так получилось с мистером Патриком, порой мои люди бывают не слишком сообразительными, этот нож предназначался тебе. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения.

— Вы обхитрили сами себя, мистер Бонс, — неожиданно заявил Тим Рурк. — Мы уже были готовы поверить, что вы служите чьим-то орудием, но теперь...

Старик вскинул голову, и его змеиные глазки, не мигая, впелись в Рурка.

— Вы меня оскорбляете! Дрейз Бонс никогда не был ничьим орудием. Я король болот и всего, что меня окружает. Я сам себе хозяин. А вы кто такой, сэр?

— Его зовут Рурк, — сказала Камилла. — Он работает в "Ньюс" и может написать твою биографию, отец, если ты ему ее расскажешь.

Бонс пристально посмотрел на Рурка.

— Это просто, — пожал он плечами. — Я уверен, что мистер Шейн ее уже знает не хуже меня.

— Что верно, то верно, — согласился Майкл Шейн. — Все кусочки головоломки встают на место. Браконьерство, подпольная торговля, убийства и колдовство принесли тебе богатство, а ты ведь не Скупой рыцарь, чтобы хранить золото в сундуках и ничего с ним не делать. Ты взял себе имя умершего доктора Граймса, нанял адвокатов и нечистых на руку дельцов, которые приумножили твое состояние, пока ты кочевал из болот в город и обратно. И здесь ты окружил себя враньем, превратив свое имя в легенду. А когда цена на крокодилий шкуры подскочила, ты сам спланировал всю операцию, решив истребить всех.

— Звучит грубовато, но смысл изложен верно, — проворчал Бонс. — Этот план отлично работал и продолжал бы работать, не вмешайся в это дело ты.

— Во всей этой истории мне непонятно только одно, — продолжал Шейн. — Уничтожая зубастых тварей, ты фактически убивал свои любимые болота, те самые болота, где ты был настоящим королем. Как ты мог решиться на такое? Это и сбilo меня с толку.

— Скажи ему, отец, — попросила Камилла.

— Зачем? — Бонс снова пожал плечами. — Это то же самое, что распинаться перед покойником.

— Тогда скажи мне. Я люблю тебя и имею право знать.

Бонс упрямо покачал головой и, полузакрыв глаза, положил руки на стол.

— Он уже мне все сказал, — зло улыбнулся Шейн. — Все это время ответ был у меня под носом, а я не мог догадаться. Он хотел жить и умереть как человек, а не как болотная гадюка. Что он мог купить на свои деньги там, в грязи? Он задумал массовое истребление, которое освободило бы его перед смертью. Болота ему были больше не нужны.

— Ты слишком умен, — прошипел Бонс. — Тебе пора умереть. — Старик нажал на кнопку, дверь справа от Шейна беззвучно распахнулась, и в кабинет вошли трое "санитаров".

— Нет, отец! — воскликнула Камилла.

Шейн действовал чисто инстинктивно. Не обращая никакого внимания на зомби, он выхватил револьвер и рванулся к двери с левой стороны кабинета. Именно поэтому его выстрел прозвучал на секунду раньше выстрела Шарки Майерса. Промаяхнись Майерс с первого раза, и Шейн был бы уже мертв.

Пуля Шейна попала Шарки в правое плечо. Майерс вскрикнул, отлетел к стене и рухнул на пол. Тим Рурк проворно подскочил к нему и подобрал с пола его "люгер". Трое зомби поспешно выскочили из комнаты.

— Тебе надо было убить их, — проскрипел старик. — Они верные люди, но наркотики делают их сонными.

— Хватит убийств! Сдавайся!

Морщинистые губы старика растянулись в хищной усмешке, обнажив почти беззубые десны.

— Чтобы колдун сдался? — усмехнулся он. — Нет, мистер Шейн, никогда.

Его рука ударила по кнопке, и комната взорвалась ослепительными вспышками света, воздух заполнили тошнотворные пары химикалиев. Когда к Шейну вернулось зрение, старик уже исчез.

— Он не мог уйти далеко! — Детектив бросился к двери, но на пороге стояла Камилла.

— Майкл, здесь остались все его документы и архивы. Без этого офиса он в своих болотах ничто и никто. Теперь ты можешь пойти к своему мистеру Смигу и потребовать у него гонорар. Операция завершена, ведь ты же нашел главного организатора...

— Она права, Майкл, — неожиданно сказал Рурк. — По-настоящему Бонс был опасен только в роли доктора Граймса. Теперь это имя потеряно для него навсегда. Злого доктора Граймса больше нет.

— Все, что от него осталось, — добавила Камилла, — это перепуганный старик, который до самой смерти будет скрываться на болотах. Отпусти его, Майкл. Сейчас ты уже можешь позволить себе быть великодушным.

— Ладно, у ядовитой змеи вырваны зубы, — устало произнес Шейн. — А теперь, если только телефон работает после всех этих игр с кнопками, я позвоню Смигу и вызову его ребят.

— Спасибо Майкл, — благодарно улыбнулась Камилла.

— Но одно я знаю наверняка. — Шейн усмехнулся. — Пока старый Бонс жив, духу моего не будет рядом с болотами.

Перевод с английского ДМИТРИЯ ПАВЛЕНКО.

"Судак в растяжку" - Под Новогоднюю рюмашку...

Приближается Новый год... Это, пожалуй, самый радостный, самый веселый семейный праздник, за исключением разве что дня рождения. В минуты, когда стрелка курантов на телевизоре начинает приближаться к полуночи, хочется порадовать своих близких чем-нибудь особенно вкусным и необычным.

Мы решили расспросить ведущего нашей рубрики заместителя шеф-повара Центрального Дома журналистов Валерия Ивановича Огнева о том, что можно приготовить для новогоднего праздничного стола.

■ Очень ярким и красивым получается САЛАТ ИЗ КРАБОВЫХ ПАЛОЧЕК.

Крабовые палочки нарезаем не очень толстыми кружочками. Вскрываем баночку с консервированной сладкой кукурузой и выливаем из нее весь сок. Смешиваем палочки, кукурузу и порезанное яйцо, добавляем чуточку лимонного сока и, по желанию, немного мелко порезанного репчатого лука и заливаем растительным маслом или майонезом.

■ Шикарно на новогоднем столе будет смотреться СУДАК В РАСТЯЖКУ.

Разделяем рыбу на чистое филе — получаются две половинки. Голову очищаем от жабр и глаз и откладываем в сторону. Хвост также не выбрасываем. Варим филе судака в соленой воде. Когда рыба готова, вынимаем и даем ей остыть. После этого нарезаем обе половинки филе на кусочки шириной 3-4 сантиметра и раскладываем их на небольшом расстоянии друг от друга по обоим краям овального блюда. Отдельно сваренные хвост и голову укладываем или ставим на противоположных концах. Нарезаем лимон дольками в форме полумесяца и зажимаем их между противоположными ломтиками судака так, чтобы они напоминали хребет. Каждый кусочек рыбы украшаем зеленью, яичком, дольками маслин и лимона. В горячем рыбном бульоне разводим желатин (30-40 граммов на литр), остужаем до комнатной температуры и заливаем нашего судака. Ставим блюдо в холодильник.

■ Прекрасной горячей закуской может стать ЖЮЛЬЕН ИЗ ГРИБОВ.

Шампиньоны или консервированные грибы очищаем от плодоножки и промываем в холодной воде. Бросаем их в кастрюлю с холодной водой и варим после закипания 5-7 минут. Бульон процеживаем в отдельную посуду.

Ты возьми горбушку хлеба,
Раздели ее на части -
На квадратные кусочки -
И клади в сковороду.
Так обжарь его на гренки,
А пока все это стывает,
Сыр на кубики порежь.
Вот теперь в большую миску
Положи фасоли белой
(перед тем ее сварив).
Сыр клади туда и гренки,
да добавь немного соли
И размолотый чеснок...
Все заправишь майонезом -
И салат совсем готов!

Анна Сергеевна Желева из Новомосковска Тульской области предлагает очень дешевый и полезный салат, который готовится за несколько минут: свежую свеклу, одну редьку — лучше всего одинаковые по размеру — натереть на терке и заправить майонезом. Вкусно!

■ **ЖАРКОЕ** (лучше готовить в казане). На дно порезать кусочками 0,5 кг свинины, посыпать ее нарезанным луком, добавить малютый черный перец, соль, перемешать. Сверху положить нарезанную соломкой картошку и снова посыпать луком. Все это залить водой (примерно 250 г), положить кусочки сливочного масла (граммов 100) и залить майонезом (250 г). Поставить в духовку на 40 минут. Приятного аппетита!

А на десерт Елена Тараканова из белорусского города Новополоцка предлагает:

■ **ПЕЧЕНЬЕ "ДВЕНАДЦАТЬ"**.

Смешать 12 столовых ложек рассола из консервированных помидоров или огурцов, 1 чайную ложку гашенной уксусом соды, 12 ложек растительного масла, 8 столовых ложек сахара, муки столько, сколько понадобится для тугого теста. Раскатать, порезать ромбиками и выпекать в духовке.

■ **ПЕЧЕНЬЕ НА ПИВЕ**.

Понадобится: 1 пачка маргарина, полстакана пива, 2 стакана муки.

Маргарин порубить, добавить муку, пиво. Замесить тесто. Поставить в холодильник на час. Затем тесто раскатать, насыпать на стол полстакана сахара. Нарезать печенье любой формы, выпекать 20-25 минут.

■ **ТОРТ "НЕГРО"**.

Понадобится 1 стакан кефира, 1 стакан варенья (черничного или смородинового), 2 стакана муки и 1 стакан сахара.

Выпечь 3 коржа (на сковороде в духовке), положить один на другой, пропитывая сметаной, в том числе и сверху. Поставить в холодильник на 2 часа.

Жюри понравилось рецепт пирожков Елены.

■ **ПИРОЖКИ КАРТОФЕЛЬНЫЕ**.

Отварить картофель "в мундире". Остудить, очистить. Затем картофель размять, добавить муку, посолить. Замесить тесто (придется вам приложить усилия: не отчаивайтесь, если тесто сначала будет рассыпаться). Раскатайте его тонким слоем, разрежьте на квадраты. Положите начинку, соедините края.

Начинка: свежую капусту и лук пожарить, добавить томатную пасту, специи, по желанию — вареное яйцо, посолить. Можно использовать квашеную капусту. Жарьте на сковороде на растительном масле. Пирожки очень вкусны со сметаной.

Конкурс продолжается. Напоминаем, что подводить итоги будем к 8 марта 1998 г. в № 3. А о призах, надеемся, вы и сами помните. Пишите.

Шахматная

эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Завершаем публикацию оригинальных композиций, присланных на VI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена». В 1997 году на страницах журнала была опубликована 141 шахматная задача. А всего на конкурс поступило около шестисот произведений «малого» жанра от 177 авторов из тринадцати стран. Заметно вырос творческий уровень конкурса. Этому способствовало участие в нем ряда международных гроссмейстеров и мастеров. Но и начинающие составители прислали в журнал

немало интересных композиций. Надеемся, что и в будущем году наш традиционный конкурс будет столь же представительным. Приглашаем принять в нем участие всех поклонников шахматной миниатюры.

Журнал «Смена» объявляет VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр на 1998 год по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: первый приз – 250 000, второй приз – 200 000, третий приз – 150 000, специальный приз – 100 000 рублей.

Оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся задачи, изобретенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным решением следует посылать по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена». Последний срок – 15 августа 1998 года. Судья конкурса – международный арбитр по шахматной композиции Виктор Чепижный.

На конверте следует делать пометку «Конкурс составления шахматных задач». Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры будут опубликованы в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Итоги конкурса будут подведены во второй половине 1999 года и опубликованы на страницах «Смены».

Приглашаем наших читателей принять участие в конкурсе решения шахматных задач, напечатанных в журнале «Смена». Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные ответы на задания, будут награждены почетными грамотами и ценными призами.

Решения задач следует посылать на открытых с пометкой «Конкурс решения шахматных задач» по редакционному адресу в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке следует указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес. В наших конкурсах могут принять участие все желающие!

130. Л. ЛЕБЕДЕВ

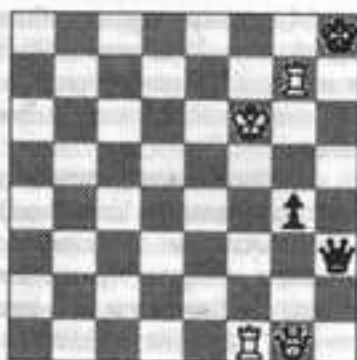
г. Бобруйск, Беларусь

Мат в 2 хода

131. Р. ФЕДОРОВИЧ

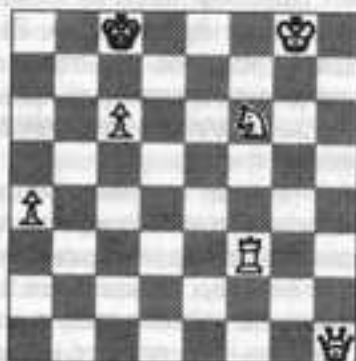
г. Сомбор, Украина

Мат в 2 хода

132. Г. МОСНАШВИЛИ

г. Рустави, Грузия

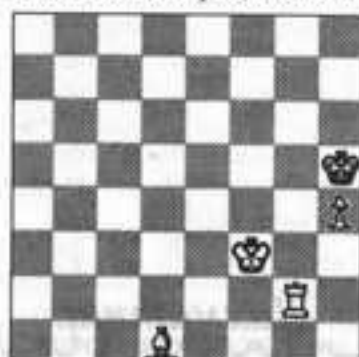

Мат в 2 хода

б) - 1) Krc8-a6-c4-e6

133. Н. ЗИНОВЬЕВ

г. Усть-Каменогорск, Казахстан

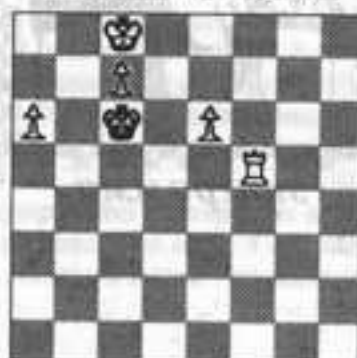
Мат в 3 хода

б) Kph5-Cd1

134. М. МАРАНДИОН

В. ПИЛИПЕНКО

г. Новоселица, Украина

Мат в 3 хода

б) c7-f6, в) e6-g4

135. Н. КОНДРАТИК

с. Плехов, Украина

Мат в 3 хода

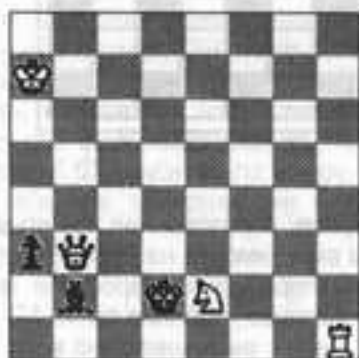
136. А. ДИКУСАРОВ
В. КОЖАНИН
Россия

Мат в 3 хода

137. Н. ГЛИНСКИХ

г. Кировоград Свердловской обл.

Мат в 3 хода

138. С. РАДЧЕННО
Ростов-на-Дону

Мат в 3 хода

139. А. КАЛИНИН
Москва

Мат в 4 хода

140. А. БОРОВНОВ

г. Шуя Ивановской обл.

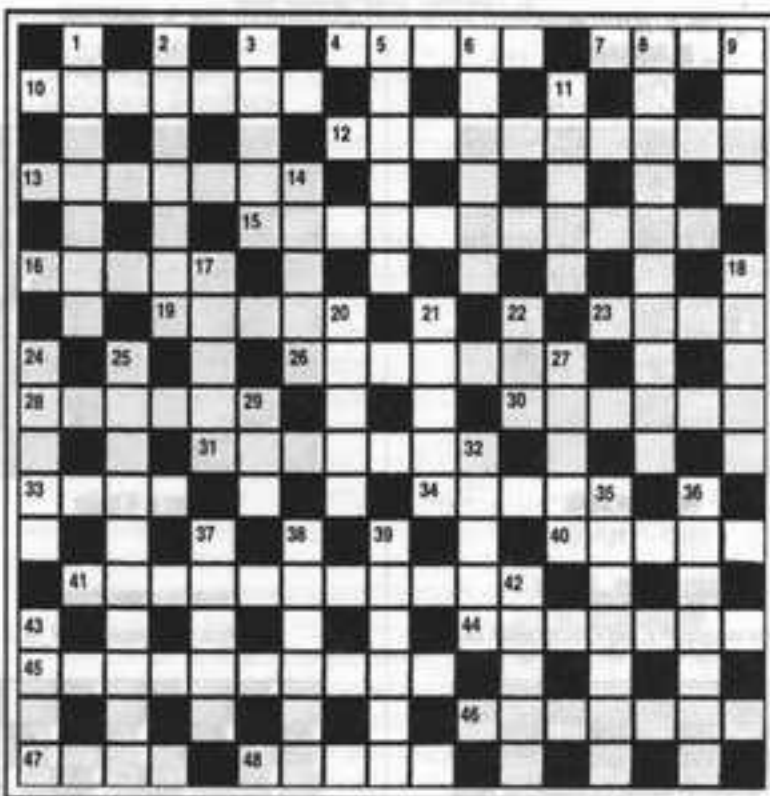

Мат в 8 ходов

141. В. МОРОЗОВ
Москва

Мат в 11 ходов

ЗРУДИТ

По горизонтали.

4. Дыалина на крице, образованная при огневой обработке. 7. Мера вместимости на Руси. В Ветхом Завете этим словом переведены еврейские меры бат, ефа и кор. 10. Научное название сыти. 12. Немецкий философ и физик, высмеивавший всех, кто считал, что на Землю падают метеориты. 13. Градостроитель, которого Анна Ивановна заставила возвести "Ледяной дом". 15. Горный чин в России, соответствовавший прапорщину. 16. Болотное растение, чьи молодые стебли съедобны. 19. "Нервы государства" (Цицерон). 23. Орган речи. 26. Один из художников, оставивших портреты В. Хлебникова. 28. Собачья профессия. 30. Разведывательный перусский корабль. 31. Самая Кронидиловая река. 33. Пернатый красавец северной тайги. 34. Единство разнородного. 40. Грузинский бубен, порой сольно сопровождающий мужские танцы. 41. Ненормативное поведение, в каком не раз укорял себя Сергей Есенин. 44. Течение, чьим "достоинным отцом" Н. Гумилев считал символизм. 45. Семейный замок Рене де Реомюра, где у него в гостях провел одну из зим будущий мистик Э. Сведенборг. 46. Изобретение Вальса в одноименной пьесе В. Набонова. 47. Зимний "художник". 48. Французский писатель, чьи рукописи хуну головоломны: он мог десятки раз возвращаться к одному и тому же.

По вертикали.

1. "Запятая", доводящая до холеры. 2. Первый на первенстве. 3. Трус показывает ... в нармване. 5. ... в обмороке - говорят об очень худом человеке, в котором еле душа держится. 6. Крупнейший немецкий географ XIX века. 8. На Руси - холопство, в Древнем Риме - ... 9. Самый "несносный" из импрессионистов. 11. "... или Панорама" - первый роман Л. Арагона. 14. Обычное на Руси название магазина, пивной в подвальном этане. 17. Рыба, накую мусульманин, отвесив глубоний понлон, всегда отпускает в море. 18. Сосна, "пересаженная" на парусник. 20. Анвариумная рыба, вся "грудь" которой в медалях. 21. Француз, автор первого фотоснимка "Вид из окна моего кабинета". 22. И лиственный, и льняной, и нервный. 24. Лошадь "паровоз". 25. В Пошехонье "был прямой расчет, чтобы девичье ... не нарушалось" (М. Салтыков-Щедрин). 27. Ночевник-скотовод. 29. Сельская административно-территориальная единица в Киргизии. 32. Исторический центр чешской Силезии. 35. Одно из любимых кушаний А. Пушкина. 36. Свой человек "В мире животных". 37. Удар, полученный Ананием Ананиевичем при ограблении. 38. Журналист, которого, как и Фантомаса, играл Ж. Марс. 39. Немецкий мыслитель, считавший, что истинная философия - сам процесс философствования. 42. "Песнь духов над водами" Ф. Шуберта по жанру. 43. Самая молодая из женщин, совершивших в одиночку кругосветку на яхте.

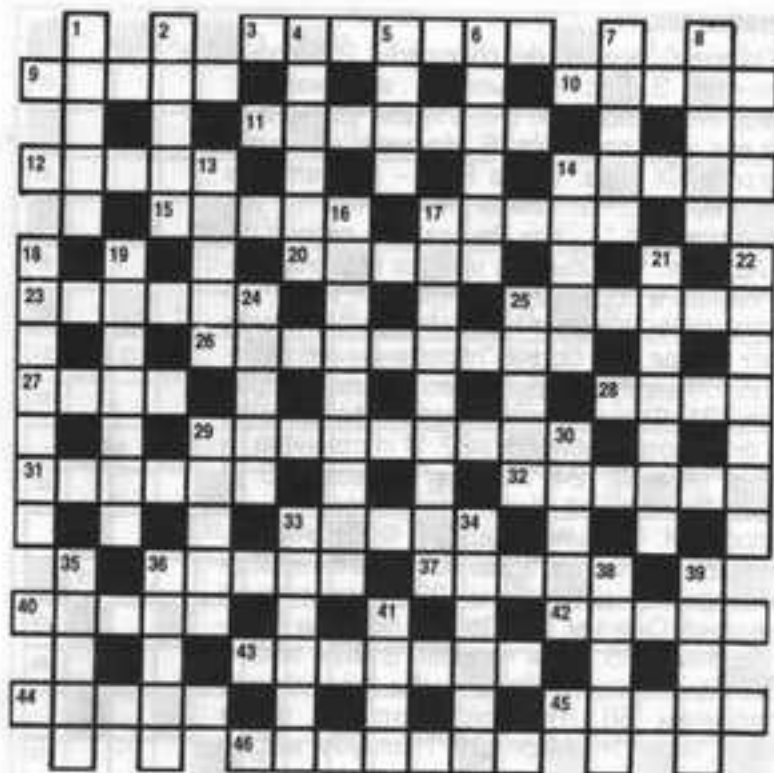
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», КАЛЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали.

1. Огунь. 4. Якобс. 11. Сыщин. 12. Реверберация. 13. Сартр. 14. Пьянчуга. 15. Овраг. 20. Мычание. 21. Параша. 22. Леший. 25. Юнак. 26. Виминал. 27. Чудь. 30. Гүрия. 31. Ненлин. 32. Агасфер. 37. Инжир. 38. Фламинго. 39. Зернь. 41. Хилленоттер. 42. Убрус. 43. Зеумь. 44. Гаман.

По вертикали.

2. Нивсян. 3. Нарочный. 5. Квас. 6. Бритва... 7. Рычаг. 8. Витте. 9. Трипс. 10. География. 13. Саган. 16. Сиринга. 17. Цахур. 18. Тафья. 19. Шен. 20. Мик. 22. Любна. 23. Шашни. 24. Барселона. 27. Чур. 28. Дир. 29. Жизнь. 30. Гермiona. 33. Физика. 34. Енотна. 35. Мойра. 36. Дерби. 37. Индус. 40. Элам.

КРОССВОРД

Составил
С. Громов,
Кашин
Тверской области

По горизонтали.

3. Украинское название нулана, ставшее синонимом сляги. 9. Крестьянин, чей сон описал В. Короленко. 10. Страна, чья столица долго была ведущей в банковском деле Ближнего Востока. 11. Свободный стих, наим написан "Петербург" А. Белого. 12. Конец дистанции. 14. "Толубая..." - одно из лучших произведений А. Гайдара. 15. Молоды ... да черви в них (поговорка). 17. Пушкинский летописец. 20. Заросли, где можно нарезать гибкой лозы. 23. Поэт, который, по свидетельству современников, чванился свойством с генералом больше, чем переводом Гомера. 25. Телесное повреждение. 26. Нандая из цилиндрических структур, лежащих в основе животной клетки. 27. Мозавитянка, сидевшая справа от Соломона во время его знаменитых судов. 28. Хватательный орган огуречной плети. 29. Сибирский город, названный в честь известного землепроходца. 31. Минеральная вода. 32. Кит, четверть длины которого - голова. 33. Кинопроизведение. 36. Поясная часть тела. 37. Советский кинорежиссер, снявший эпопею "Блонда". 40. Напыщенность, пыл, страстность. 42. Исполнитель роли Муштафы в "Путевке в жизнь". 43. Обычный, общепринятый порядок. 44. Человек, посвященный в тайны сенты, учения. 45. Нусок лавы, выброшенный вулканом в воздух. 46. Полицейский в России.

По вертикали.

1. Фундамент, построенный обществом без стройматериалов. 2. Рыбка, способная выпрыгнуть из аквариума. 4. Погребальная статуэтка у древних египтян. 5. Есть на небе, в корпусе корабля, в ностяне птицы. 6. Инструмент, позволяющий умелым рукам превратить кусок фанеры в произведение искусства. 7. Вечный металл. 8. "Кладбище гипотез" (А. Пуанкаре). 13. Медицинский дырокол. 14. Первый дегустатор спелых яблок. 16. Континент, где на белых смотрели нан на выходцев с того света. 17. Комплекс спортивных соревнований. 18. Библейское название арабов. 19. Самая пыльная пушинная героиня. 21. Словесное проявление эгоизма. 22. Простейшее устройство, задерживающее девушку перед свиданием. 24. Инструмент мастера художественных изделий из металла. 25. Роман Д. Дройса, требующий при чтении ангельского терпения. 29. Представитель "трехстадного" народа России. 30. Нурильский остров вблизи Симушира. 33. Поприще Фарадея. 34. Белое каррарское чудо. 35. Уголовный коллектив. 36. Собирище людей. 38. Невозможное для буриданова осла. 39. Подарок судьбы болельщину на хоккейном матче. 41. Отдельно написанный "эпизод" будущей картины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали.

5. Щепилло. 8. Орхидея. 11. Рота. 12. Вщизн. 13. Слесарь. 14. Боулинг. 15. Бони... 16. Схен. 17. Ирландец. 20. "Наштанка". 22. Зернальце. 23. Мотив. 26. Недотрога. 29. Фисташка. 33. Фанфарон. 37. Плов. 38. Иран. 39. Туранга. 40. Чаадаев. 41. Ий-чу. 42. Нлия. 43. Подарок. 44. Мариотт.

По вертикали.

1. Серебро. 2. Гитана. 3. Пищува. 4. Неняина. 6. Посол. 7. Ларин. 9. Хвост. 10. Дилен. 18. Дрен. 19. Циклотона. 20. Каллиграф. 21. Шацн. 24. Берш. 25. Нгун. 27. Ниприот. 28. Лонаята. 30. Слайд. 31. Тончан. 32. Авгур. 34. Фианр. 35. Аралия. 36. Радио.

ДМИТРИЙ ГРИГОРОВИЧ

Сложно ли профессиональному художнику изображать животных? С одной стороны, тема выигрышная. Потому как всевозможное зверье всегда привлекает внимание зрителей, вызывая восторг и удивление. А с другой – морды у "моделей" всегда одинаковы. Только фон да позы разные. Но оказывается, можно создавать настоящие портреты наших братьев меньших. Например, лошадей. И Дмитрий Григорович пишет их блестяще. Казалось бы, лошадь и есть лошадь: четыре копыта, хвост да грива. Но перед нами на его полотнах предстают – личности. Нендая со своим характером, нравом. А в глазах – тайна. И такая глубина чувств...

Влюбился Дмитрий в лошадей еще в детстве. Жил он тогда с родителями на окраине Красноярска, где был конный завод. И все время пропадал на конюшнях. Работники мальчишку не прогоняли, а напротив, заметив его интерес, доушкили в денники, часто натали на самой тихой и покладистой лошади. И на первых своих рисунках он изображал своих любимцев.

И все же, несмотря на то, что "портреты лошадей" занимают в творчестве Дмитрия заметное место, его нельзя назвать художником-анималистом. Слишком многое привлекает и волнует художника. Например, пейзажи. Оуровые сибирские виды: могучие рени, тайга с непроходимыми лесами, новарные болота, словно застывшие в своей первозаданной красоте. И еще – глухие русские деревеньки. Заброшенные, с завалившимися плетнями, но в этих деревеньках еще теплится жизнь – и все это на фоне неброской, скромной, до бесконечности родной природы. Вообще, как уверяет художник, природа для него – Бог. И самый лучший отдых – прогулка в лесу.

Через несколько лет после окончания Красноярского художественного училища Григорович поселился в Подмасовье. Нупил небольшой домик, переоборудовал его под мастерскую, "чтобы суетный и шумный город не отвлекал и не раздражал, чтобы спокойно работать в тишине и дышать воздухом, напоенном цветом трав и хвоей соснового бора".

В творчестве художника можно выделить еще одну тему – символические композиции. Это картины-размышления – они загадочны, созерцательны, философичны. "Троянский икониситель" – слонный образ Париса, из-за которого началась Троянская война. "Воспоминание" – утраченные иллюзии, несбывшиеся мечты, робкая надежда, слонная, даже мистическая работа. А в "Застолье", казалось бы, все ясно. Деревенские парки организовали прямо на улице посиделки. И только внимательно взглядевшись, понимаешь, что это стилизованная на современный лад библейская Тайная вечеря.

В основе творчества Григоровича – техника старых мастеров. Его работы вычлпчны, и, может быть, именно это придает им дух романтического символизма. Художник обостряет обычную ситуацию немим мистицизмом, добиваясь такого эффента мягким мерцанием света, перетекающего в почти незаметные для глаза тональные оттенки. И словно бы останавливает мгновение в ожидании чуда.

Вот уже несколько лет Дмитрий успешно сотрудничает с московскими и зарубежными галереями. В Москве это "Марс", "Сарт", "Евроарт". Три года прожил в Лос-Анджелесе, где в галерее "Мороз" прошла его персональная выставка. Знают творчество Григоровича и в Париже, куда Дмитрия приглашают частные коллекционеры. Такое внимание к его живописи объясняется не только уровнем техники, привлекает взгляд художника на мир – уравновешенный, спокойный. "Очень часто у меня появляется желание раствориться в тех образах, которые создаю. Не всегда получается, но есть надежда, что в следующий раз смогу передать на полотне все свои чувства и окружающему миру. И не будь этого ожидания, я, наверное, не смог бы работать".

ЛЮДМИЛА НАНДАЛОВА

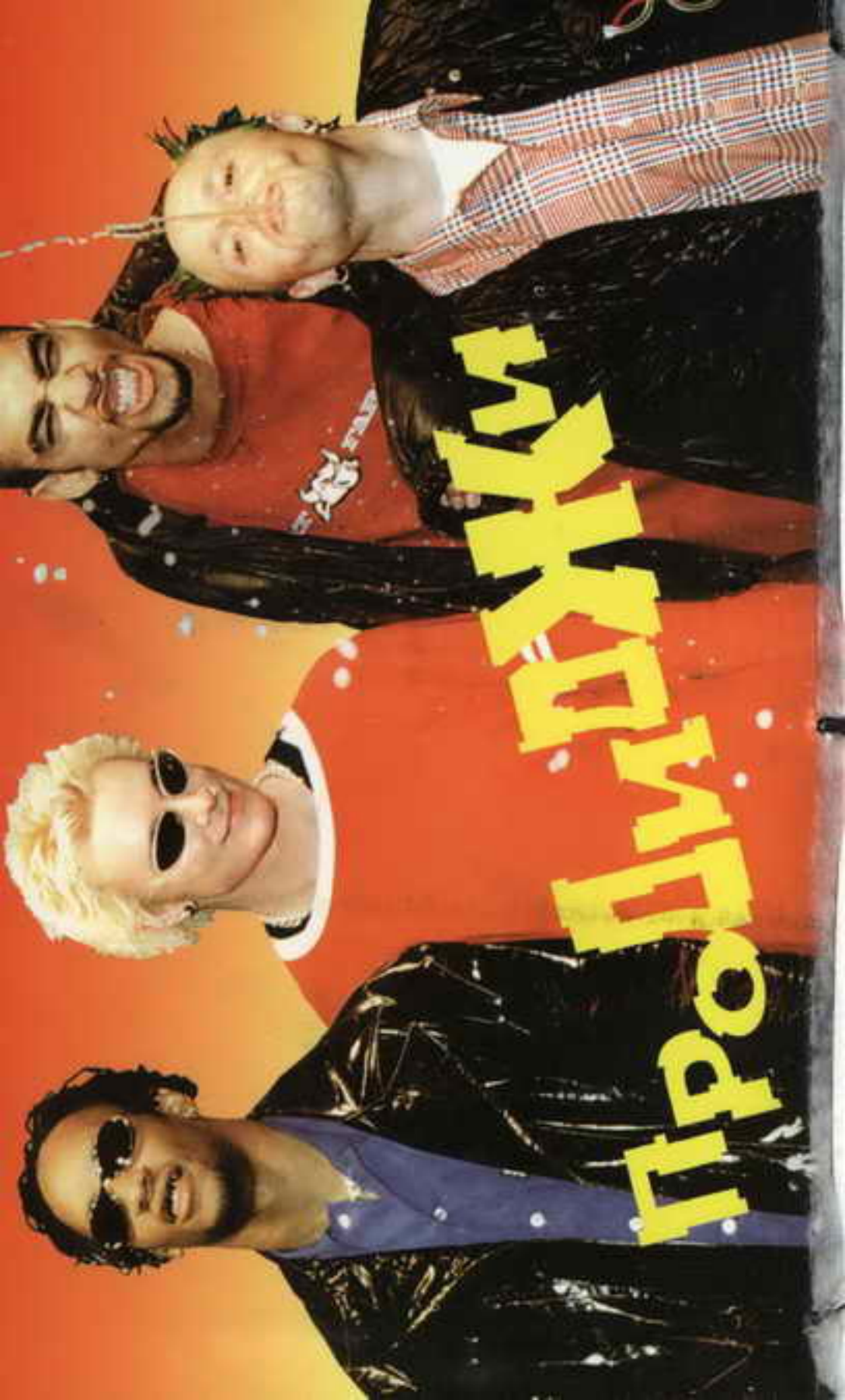

Дмитрий ГРИГОРОВИЧ, Свободный полет.

В деннике

ЖИЖИ

ПРО ДИДЖИ

